

Священника В. И. Титова.

Преосвященный
КИРИЛЛЪ НАУМОВЪ,

Епископъ Мелитопольскій,

бывшій настоятель русской духовной
мисси въ Иерусалимѣ.

Очеркъ изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ
Востокомъ.

КІЕВЪ.

Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1902.

Печатать дозволяется. 4 Августа 1902 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Платонъ*.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

Аполлинарія Николаевича

Львова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы.
1. Вступленіе	
2. Предметъ сочиненія и источники	1—5.
3. Глава 1-я.	
Преосв. Кирилль до назначенія его на должность начальника русск. миссіи въ Иерусалимъ	5—11.
4. Глава 2-я.	
Судьбы православно-христіанской церкви въ Сиріи и Палестинѣ до прибытія преосв. Кирилла въ Иерусалимъ.	11—27.
5. Глава 3-я.	
Исторія римско-католической пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ до преосв. Кирилла.	28—54.
6. Глава 4-я.	
Исторія протестантской пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ до преосв. Кирилла.	55—77.
7. Глава 5-я.	
Отношенія Россіи къ православной церкви въ Сиріи и Палестинѣ до преосв. Кирилла	77—108.
8. Глава 6-я.	
Миссія преосв. Кирилла, епископа Мелитопольскаго: ея учрежденіе, организація и составъ, и данная ей инструкція	109—138.

II.

9.	Глава 7-я.	Страницы.
	Путешествіе миссіи преосв. Кирилла на православный востокъ, пребываніе ея въ Константинополь и прибытіе въ Іерусалимъ.	139—201.
10.	Глава 8-я.	
	Первоначальные шаги дѣятельности миссіи преосв. Кирилла на православномъ востокѣ: 202—232.	
11.	Глава 9-я.	
	Первыя наблюденія преосв. Кирилла на православномъ востокѣ и предположенія его относительно дальнѣйшей дѣятельности второй русской миссіи въ Іерусалимѣ.	233—268.
12.	Глава 10-я.	
	Возсоединеніе сирійско-египетскихъ униатовъ съ православною церковью, при участіи начальника второй русской миссіи въ Іерусалимѣ 269—305.	
13.	Глава 11-я.	
	Начало присоединенія сиро-халдейскихъ несторианъ къ русской православной церкви, при участіи преосв. Кирилла	306—368.
14.	Глава 12-я.	
	Сношенія второй русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ съ Абиссинами	369—382.
15.	Глава 13-я.	
	Дѣятельность второй русской миссіи въ Іерусалимѣ по наблюденію за русскими поклонниками и улучшенію ихъ быта въ св. землѣ 383—395.	
16.	Глава 14-я.	
	Отозваніе преосв. Кирилла съ Востока, жизнь и кончина его въ г. Казани	396—440.

Авторъ настоящаго сочиненія впервые встрѣтился съ личностію епископа Кирилла Наумова во время составленія біографіи м. Макарія Булгакова. Личность эта невольно привлекла къ себѣ вниманіе автора трагическою развязкою кратковременной, но ставшей историческою, дѣятельности Кирилла Наумова на православномъ Востокѣ. Ближайшее знакомство съ исторіею миссіи Кирилла Наумова въ Іерусалимѣ открыло въ ней многія замѣчательныя стороны, что и заставило автора взяться за обстоятельную разработку любопытнаго предмета. Найденные съ теченіемъ времени новые и важные матеріалы (въ архивахъ Св. Синода и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), съ одной стороны, и вниманіе не только русской, но и заграничной (греческой) періодической литературы, привлеченное статьями о Кириллѣ Наумовѣ, съ другой стороны, дали автору достаточный поводъ расширить рамки намѣченнаго первоначально труда главнымъ образомъ со стороны внутренней полноты отдѣльныхъ частей его. Въ результатѣ всего этого и получился настоящій трудъ.

Жизнь и дѣятельность Кирилла Наумова представляетъ для исторіи интересъ не столько сама по себѣ, сколько по тѣмъ важнымъ событіямъ, въ связи съ которыми она находится. Кратковременное служеніе Кирилла Наумова въ Іерусалимѣ составило въ

полномъ смыслѣ этого слова маленькую эпоху въ исторіи нашихъ сношеній съ православнымъ Востокомъ. Появленіе русскаго епископа на православномъ Востокѣ въ первый разъ за все время 900-лѣтнихъ сношеній русской церкви съ православными восточными церквами и притомъ въ качествѣ официальнаго представителя русскаго церковнаго и гражданскаго правительства, съ одной стороны, совпало, а съ другой стороны, и само вызвало на свѣтъ многіе церковно-историческіе вопросы первостепенной важности и глубокаго смысла. Одни изъ этихъ вопросовъ (возсоединеніе сирійско-египетскихъ уніатовъ съ православною церковью) получили тогда же свое разрѣшеніе, другіе (сношенія съ сиро-халдейскими несторіанами, освобожденіе антиохійской патріархіи изъ-подъ власти греческой іерархіи) приняли тогда благопріятное направленіе и окончательно рѣшились только въ самое послѣднее время, иные же (установленіе, по возможности, тѣснѣйшаго единенія между русскою церковью и православными церквами Востока, греко-болгарская распря, сношенія съ Абиссинами и др.) и доселѣ еще ждутъ своего разрѣшенія. Во всѣхъ, сейчасъ перечисленныхъ, событіяхъ самое живое участіе принималъ Кирилль Наумовъ, дѣятельность котораго посему оставила глубокіе слѣды въ церковной жизни православнаго Востока и теперь еще замѣчательно жива въ сознаніи и преданіяхъ восточныхъ православныхъ народовъ, особенно Арабовъ. Этимъ и объясняется тотъ глубокій интересъ, какой невольно возбуждаетъ къ себѣ исторія миссіи Кирилла Наумова во всякомъ, кто съ нею ближе познакомится.

Во время написанія настоящаго сочиненія авторъ пользовался совѣтами, указаніями и нравственною поддержкою профессоровъ: А. П. Лебедева, А. А. Дми-

тріевскаго и Г. А. Муркоса, которымъ онъ нынѣ и приносить за это глубочайшую благодарность.

Печатаніе сего сочиненія неожиданно затянулось главнымъ образомъ влѣдствіе большихъ затрудненій, какія встрѣтились при розысканіи и добываніи необходимыхъ матеріаловъ. Незамѣнимую помощь въ этомъ отношеніи автору оказалъ нынѣ почившій бывшій начальникъ архива и библіотеки Св. Синода А. Н. Львовъ, который былъ истиннымъ другомъ, совѣтникомъ и руководителемъ молодыхъ начинающихъ ученыхъ и которому авторъ посвящаетъ свое сочиненіе.

Кіевъ.

1902 года 3 августа.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ КИРИЛЛЪ НАУМОВЪ,

ЕПИСКОПЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ,

БЫВШІЙ НАСТОЯТЕЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССІИ
ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

(Очеркъ изъ исторіи нашихъ сношеній съ православнымъ
Востокомъ).

Всѣ дни его—скорби, в его труды безпокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя (Еккл. II, 23).

Человѣкъ ученый знает много, и многоопытный выскажетъ знаніе. Кто не имѣлъ опыта, тотъ мало знаетъ; а кто странствовалъ, тотъ умножилъ знаніе. Много я видѣлъ въ моемъ странствованіи, и я знаю больше, нежели сколько говорю. Много разъ былъ я въ опасности смерти и спасся при помощи опыта (Прем. Ис. Сына Сирах. XXXIV, 9—12).

Рѣдкая человѣческая жизнь бываетъ исполнена столькихъ безпокойствъ, тревоженій и превратностей, сколько ихъ видѣлъ преосв. Кириллъ Наумовъ. Уже одно это дѣлаетъ интереснымъ ближайшее знакомство съ жизнью и дѣятельностію его. Но біографія преосв. Кирилла представляетъ еще болѣе интересъ въ другомъ отношеніи. Около 7 лѣтъ прожилъ этотъ архипастырь на православномъ Востоку въ качествѣ настоятеля русской православной миссіи въ Святомъ градѣ. Эти 7 лѣтъ были временемъ непрерывной, отчаянной, болѣею частью скрытной борьбы преосв. Кирилла съ самыми разнообразными препятствіями и недоброжелателями. Не говоря уже о протестантахъ и латинянахъ, прочно водворившихся во Святомъ градѣ до прибытія сюда преосв. Кирилла и старавшихся всѣми мѣрами вредить дѣлу православія, противъ пребыванія Преосв. Кирилла Наумова.

въ Иерусалимѣ русскаго епископа, имѣвшаго руководить русскихъ паломниковъ въ Св. землѣ и защищать ихъ отъ всякаго обмана и притѣсненія, были даже и нѣкоторые православыне. Такимъ образомъ, молодой русскій епископъ, кабинетный ученый и неискушенный въ практической жизни, неожиданно, безъ всякой предварительной подготовки, попалъ въ водоворотъ всякихъ интригъ, козней и дипломатической борьбы. Съ полною вѣрою въ правоту того дѣла, защищать и отстаивать которое онъ былъ присланъ, вступилъ преосв. Кириллъ въ рѣшительную борьбу съ недоброжелателями и, оставленный безъ всякой поддержки въ критическій моментъ, палъ, быть можетъ, и не безъ собственной вины, жертвою этой борьбы. Отозванный изъ Иерусалима, преосв. Кириллъ, безспорно даровитый и ученый человекъ, долженъ былъ поселиться въ одномъ изъ монастырей Казанской епархіи и тамъ окончилъ свое немноголѣтнее, но многотрудное и скорбное житіе въ полномъ забвеніи. Однакоже жертва была принесена Россіей въ лицѣ преосв. Кирилла не напрасно и не безплодно. Прежде чѣмъ пасть, преосв. Кириллъ успѣлъ твердо и прочно поставить русское знамя у самого гроба Господня.

Знакомство съ жизнію и дѣятельностію преосв. Кирилла, въ качествѣ начальника русской православной миссіи въ Иерусалимѣ, для переживаемаго нами нынѣ времени представляетъ еще и нѣкоторый особенный интересъ. Въ настоящее время взоры всего просвѣщеннаго христіанскаго міра обращены на православный Востокъ, гдѣ видимо готовятся важныя событія. По выраженію одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи нашихъ отношеній къ православному Востоку, „нынѣ судъ Божій совершается надъ Турціей. Она видимо падаетъ и не подъ внѣшнимъ какимъ-либо ударомъ, а потому что изсякъ въ ней источникъ жизни, потому что она обратилась въ бесплодную смоковницу, которой нѣтъ болѣе мѣста посреди христіанской Европы. Не въ силахъ человѣческихъ остановить теченіе исторіи, или обратить его вспять. Россія

въ особенности непригоже быть сообщницею такой попытки“. Да и въ самомъ дѣлѣ, Россіи ли раздѣливать свое собственное дѣло? Не подъ ея ли громовыми ударами распалось и разрушилось нѣкогда столь крѣпкое и обширное зданіе Оттоманской имперіи? Не явилась ли она орудіемъ Бога, постепенно расторгая цѣпи мусульманскаго ига, цѣлме четіре вѣка тяжкимъ бременемъ лежавшаго на восточныхъ православныхъ христіанахъ, воскрешая ихъ къ жизни, призывая ихъ къ свободѣ и свѣту? Россія можетъ спокойно смотрѣть на то, какъ ея начатое и на три четверти совершонное дѣло уже близится къ концу, какъ наступаетъ возделѣнная минута окончательнаго торжества христіанскаго креста надъ мусульманскимъ полумѣсяцемъ. Паденіе турецкаго владычества въ Европѣ неминуемо должно совершиться само собою въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и въ силу чисто внутреннихъ причинъ. Россія должна быть готова къ этому, чтобы не быть застигнутою въ распахъ въ самую послѣднюю минуту.

Чтоже касается того, кому имѣетъ достаться наслѣдство погибающей Турціи въ Европѣ, то въ русскомъ умѣ не можетъ быть на этотъ счетъ никакихъ ни колебаній, ни сомнѣній. Наслѣдство это не выморочное и о переходѣ его въ чужія руки не можетъ быть и рѣчи, потому что на лицо имѣются прямые и законные наслѣдники, именно христіанскіе народы Балканскаго полуострова, уже образовавшіе независимыя государства. Помочь имъ вступить во владѣніе своими законными наслѣдственными долями, съ устраненіемъ всякихъ чуждыхъ и неосновательныхъ притязаній,—это нравственный долгъ Россіи, которая также должна получить законную долю турецкаго наслѣдства, какъ справедливое возмездіе за всю пролитую кровь, за всѣ ея самотверженныя усилія и труды на пользу ея восточныхъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ¹⁾.

Правда, въ настоящее время такія рѣчи многимъ могутъ

¹⁾ См. Русск. Вѣсти. 1897. г., кн. 1, стр. 492—493.

показаться праздною мечтою. Мы привыкли видѣть, какъ на православномъ Востокѣ распоряжается соединенная Европа. Но давно ли начался такой порядокъ и такъ ли бывало прежде? Нѣтъ и нѣтъ. Русскіе люди временъ Екатерины II-й и Александра I-го не повѣрили бы, даже сочли бы безумцемъ того, кто сказалъ бы имъ, что наступитъ время, когда на православномъ Востокѣ будетъ распоряжаться Западная Европа. Дѣйствительно, исторія,—эта неподкупная свидѣтельница,—ясно и рѣшительно говоритъ, что самой естественной, прямой и единственной законной покровительницей православно-христіанскихъ народовъ должна быть именно Россія, которая самими Провидѣніемъ призвана освободить всѣ эти народы отъ мусульманскаго ига. Въ настоящемъ своемъ историческомъ очеркѣ мы и намѣрены показать это.

Задача настоящаго очерка состоитъ въ томъ, чтобы изложить собранныя нами свѣдѣнія о преосв. Кириллѣ Наумовѣ въ связи съ тѣми историческими событіями и условіями, посредѣ которыхъ прошла его жизнь и дѣятельность на православномъ Востокѣ. Мы намѣрены здѣсь показать, чѣмъ была вызвана миссія преосв. Кирилла и какими послѣдствіями она сопровождалась. Для этого мы сообщимъ сначала свѣдѣнія о жизни его до назначенія на должность начальника русской православной миссіи въ Іерусалимѣ; потомъ скажемъ о состояніи православія на Востокѣ и, въ частности, въ Палестинѣ до прибытія туда преосв. Кирилла съ членами его миссіи, при чемъ особо познакомимъ читателей съ исторіей католической и протестантской пропаганды въ Святой землѣ до того же времени, кратко изложимъ исторію отношеній Россіи къ Св. землѣ, и, наконецъ, подробно рассмотримъ дѣятельность самого преосв. Кирилла въ качествѣ настоятеля миссіи.

Главными источниками, при составленіи настоящаго историческаго очерка, служили намъ письма самого преосв. Кирилла 1) къ своимъ роднымъ и 2) къ петербургскому митрополиту Григорію Постникову. Немногія изъ этихъ писемъ, именно 14 писемъ преосв. Кирилла къ м. Макарію Булгакову

были напечатаны¹⁾; большая же часть ихъ остается въ рукописи. Письма преосв. Кирилла къ м. Григорію извлечены нами изъ рукописей петербургскаго м. Никанора (Клементьева), до послѣдняго времени находившихся въ распоряженіи Церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной Академіи; письма же преосв. Кирилла къ его роднымъ переданы намъ въ подлинникахъ племянникомъ его по матери—досточтимымъ С. А. Булгаковымъ, которому приносимъ глубокую благодарность какъ отъ себя лично, такъ и отъ всѣхъ почтателей памяти преосв. Кирилла. Наконецъ, нѣкоторыя весьма важныя свѣдѣнія по исторіи православія, католической и протестантской пропаганды въ Святой землѣ и по исторіи русской православной миссіи въ Іерусалимѣ заимствованы нами частію изъ упомянутыхъ сейчасъ рукописей м. Никанора (здѣсь находится весьма обстоятельное изслѣдованіе исторіи извѣстнаго спора о святыхъ мѣстахъ въ связи съ исторіею католическихъ владѣній въ Іерусалимѣ), частію изъ бумагъ, переданныхъ въ Церковно-археологическій музей при Кіевской духовной Академіи преосв. Петромъ (Троицкимъ), бывшимъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополь (здѣсь нами найдена обстоятельная записка, вѣроятно, самого преосв. Петра, подробно излагающая исторію христіанства въ Сиріи и Палестинѣ въ связи съ исторіею постепеннаго водворенія здѣсь католическаго и протестантскаго вліянія). Остальныя—печатныя—пособія указываются нами въ самомъ текстѣ.

I.

Преосв. Кирилль до назначенія его на должность настоятеля русской миссіи въ Іерусалимѣ.

Преосв. Кирилль въ мірѣ назывался Василиемъ Николаевичемъ Наумовымъ. Онъ родился 25 декабря 1823 года и былъ сынъ діакона Михаило-архангельской церкви г. Калуги

¹⁾ См. Русск. Стар. 1889 г., т. LXIV; 1890 г. т. LXV, LXVI и LXVIII.

Николая Наумова. Дѣтство его прошло посреди самой неприглядной обстановки въ домѣ бѣднаго отца, имѣвшаго немалочисленную семью. Первоначальное школьное образованіе В. Н. Наумовъ получилъ въ калужскихъ духовныхъ училищахъ—приходскомъ и уѣздномъ (1832—1838 г.), откуда поступилъ въ Калужскую духовную семинарію. Какъ въ училищахъ, такъ и особенно въ семинаріи (1838—1843 г.) онъ учился съ отличнымъ успѣхомъ и отличался скромностію и кроткимъ характеромъ. Къ концу семинарскаго учебнаго курса В. Н. Наумовъ сталъ особенно выдѣляться изъ среды своихъ товарищей хорошими успѣхами и потому, по окончаніи перваго года его пребыванія въ богословскомъ классѣ семинаріи, онъ былъ назначенъ къ поступленію въ С.-Петербургскую духовную Академію.

Въ этой послѣдней В. Н. Наумовъ учился также съ выдающимся успѣхомъ, имѣя своими товарищами такихъ даровитыхъ людей, какъ Евграфъ Ловягинъ и Моисей Голубевъ, бывшіе впоследствии вмѣстѣ съ Наумовымъ профессорами воспитавшей ихъ Академіи, Леоній Лебединскій, скончавшійся въ санѣ московскаго митрополита и др. Но еще болѣе, чѣмъ успѣхами, В. Н. Наумовъ выдѣлялся среди своихъ товарищей поведеніемъ. Въ окончательномъ спискѣ по поведенію за весь академическій курсъ инспекторъ Академіи, архим. Макарій (Булгаковъ), знавшій хорошо всѣхъ вообще студентовъ, поставилъ его первымъ среди всѣхъ товарищей и аттестовалъ его самымъ лестнымъ образомъ.

Въ 1847 году В. Н. Наумовъ окончилъ академическій курсъ третьимъ магистромъ и тотчасъ же принялъ монашеское постриженіе съ именемъ Кирилла. Такъ какъ іером. Кирилле былъ извѣстенъ академическому начальству за чловѣка трудолюбиваго и даровитаго, то онъ сразу же послѣ окончанія академическаго курса былъ оставленъ при Академіи бакалавромъ. Ему была поручена одна изъ важнейшихъ въ академическомъ курсѣ кафедръ—кафедра нравственнаго богословія, оставшаяся свободною послѣ іером. Теофана (Гово-

рова), который тогда, съ разрѣшеніи Св. Синода, отправился въ Іерусалимъ для поклоненія св. мѣстамъ и исполненія возложенныхъ на него особыхъ порученій. 31 октября 1847 г. іером. Кирилле былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ званіи бакалавра и началъ преподаваніе порученнаго ему предмета.

Дальнѣйшая служебная его карьера пошла успѣшно и довольно быстро. Этому содѣйствовало, безъ сомнѣнія, помимо личныхъ достоинствъ и заслугъ его, и особенное покровительство іером. Кириллу со стороны преосв. Макарія Булгакова, который въ 1850 г. былъ назначенъ ректоромъ Петербургской духовной Академіи и младшій братъ котораго былъ женатъ на родной сестрѣ іером. Кирилла. 26 сентября 1851 года послѣдній былъ возведенъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора Академіи и сталъ съ выдающимся успѣхомъ преподавать, кромѣ нравственнаго, еще и пастырское богословіе. Въ началѣ 1855 года въ Петербургской Академіи освободилась должность инспектора, за назначеніемъ бывшаго инспектора архим. Іоанна Соколова на должность ректора Петербургской духовной семинаріи. На его мѣсто, безъ сомнѣнія, по представленію и ходатайству преосв. Макарія, былъ назначенъ 16 января 1855 года іером. Кирилль, тогда же возведенный въ санъ архимандрита. Вскорѣ послѣ того, именно 12 апрѣля 1855 года архим. Кирилль былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Академіи.

Исполняя усердно инспекторскія и профессорскія обязанности, архим. Кирилль въ то же самое время весьма ревностно и неутомимо трудился и на учено-литературномъ поприщѣ. Во все время своего служенія въ Петербургской духовной Академіи архим. Кирилль была однимъ изъ самыхъ усердныхъ и плодотворныхъ сотрудниковъ академическаго журнала. Особенно это должно сказать о томъ времени, когда редакторомъ „Христіанскаго Чтенія“ былъ преосв. Макарій, который постоянно побуждалъ и располагалъ архим. Кирилла

въ писательской дѣятельности. Самъ онъ уже впоследствии писалъ преосв. Макарію въ отвѣтъ на его приглашеніе сотрудничать въ основанномъ имъ харьковскомъ журналѣ „Духовный Вѣстникъ“: „что до меня касается, такимъ ретивымъ сотрудникомъ, какъ въ старыя годы, я уже не могу быть“¹⁾...

Важнѣйшіе учено-литературныя труды архим. Кирилла находились въ непосредственной связи съ занятіями его по должности профессора. Таковы именно его сочиненія: а) Минуты уединенныхъ размышленій и б) Пастырское богословіе. Последній трудъ особенно замѣчателенъ. Онъ далъ своему автору вполне заслуженное право на званіе ученаго богослова. За это сочиненіе архим. Кириллъ былъ удостоенъ Св. Синодомъ степени доктора богословія, а отъ Академіи Наукъ—половинной Демидовской премии. Преосв. Макарій Булгаковъ, разсматривавшій это сочиненіе Кирилла, по порученію Академіи Наукъ, призвалъ его въ своемъ отзывѣ „лучшимъ изъ всѣхъ, существовавшихъ у насъ тогда сочиненій по предмету пастырскаго богословія, равнявшимся съ лучшими иностранными сочиненіями по тому же предмету“²⁾. Изъ другихъ сочиненій архим. Кирилла заслуживаютъ упоминанія: 1) Жизнь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и 2) Акакистъ сему святому³⁾.

На службѣ въ Петербургской духовной Академіи архим. Кириллъ оставался до 1857 года. 1 мая 1857 года въ Петербургской Академіи освободилась должность ректора, за назначеніемъ бывшаго ректора преосв. Макарія на тамбовскую архіерейскую кафедру. Повидимому, все клонилось къ тому, что его мѣсто долженъ былъ занять архим. Кириллъ, которому временно и было, дѣйствительно, поручено исполненіе ректорской должности. Архим. Кириллъ къ этому вре-

¹⁾ См. Русск. Стар. 1890 г., т. LXVIII, октябрь, стр. 188.

²⁾ Мы имѣли подъ руками подлинный рукописный отзывъ (автографъ) преосв. Макарія о сочиненіи архим. Кирилла.

³⁾ См. Русск. Стар. 1889 г., т. LXIV, декабрь, стр. 796.

мени прошелъ уже всѣ ступени іерархическаго служенія въ Академіи, пользовался извѣстностію, какъ ученый богословъ, имѣлъ высокое званіе доктора богословія и, такимъ образомъ, былъ, казалось, по человѣческимъ соображеніямъ, правоспособнымъ кандидатомъ на должность ректора Академіи. Тѣмъ не менѣе однакоже Промыслу Божию угодно было приготовить архим. Кириллу совсѣмъ иное мѣсто служенія. Ректоромъ Петербургской Академіи на мѣсто преосв. Макарія Булгакова былъ назначенъ товарищъ его по Киевской Академіи, настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ архим. Теофанъ (Горовъ). Архим. Кириллъ тогда оказался въ нѣсколько неловкомъ положеніи. По крайней мѣрѣ, такъ это казалось ему самому и окружавшимъ его. Въ самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ за два года предъ тѣмъ архим. Теофанъ былъ только бакалавромъ по каноническому праву въ той же самой Академіи, въ которой архим. Кириллъ тогда занималъ должность инспектора и ординарнаго профессора. Теперь же, съ назначеніемъ архим. Теофана ректоромъ Петербургской Академіи, прежній подчиненный дѣлался начальникомъ архим. Кирилла. Высшее начальство также не могло не замѣчать того неловкаго положенія, въ какомъ оказался этотъ послѣдній. Признано было необходимымъ дать архим. Кириллу какое-либо другое назначеніе. Между прочимъ, московскій митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ) рекомендовалъ его было на должность настоятеля русской посольской церкви въ Константинополѣ, которую занималъ предъ тѣмъ архим. Теофанъ. „По сочиненіямъ инспектора С.-Петербургской духовной Академіи, архимандрита Кирилла и по слухамъ о немъ“,— писалъ м. Филаретъ,—„думаю, что въ немъ найдется довольно способности, знанія людей, искусства обращаться въ разносторонней сферѣ, чтобы служить въ константинопольской миссіи“¹⁾. Однакоже архим. Кириллъ почему-то отказался

¹⁾ См. письма м. Филарета къ Высочайшимъ Особамъ и др. лицамъ, издан. архіеп. Саввою. Тверь. 1888 г., т. II, стр. 47.

отъ этого назначенія,—быть можетъ, изъ нежеланія быть преемникомъ архим. Теофана, котораго онъ считалъ ниже и моложе себя по службѣ. Къ счастью для него, скоро открылся новый выходъ изъ неловкаго его положенія. Въ это время рѣшено было возстановить русскую духовную миссію въ Іерусалимѣ, закрытую въ 1853 году, по случаю начавшихся тогда военныхъ дѣйствій. Для большей представительности и вліянія русской іерусалимской миссіи рѣшено было начальникомъ ея назначить епископа. Архим. Кириллу было предложено занять мѣсто начальника этой миссіи, подъ условіемъ возведенія его въ санъ епископа. Онъ принялъ это предложеніе, „видя въ немъ“,—какъ замѣчаетъ историкъ С.-Петербургской духовной Академіи,—„довольно благоприятный выходъ изъ своего положенія“¹⁾. Дѣйствительно, только одно желаніе во что бы то ни стало выйти изъ ложнаго положенія могло побудить архим. Кирилла принять назначеніе, къ которому онъ, по собственному его убѣжденію, былъ весьма мало подготовленъ и способенъ. „Душа мирна“, писалъ онъ преосв. Макарію 19 сентября 1857 года, черезъ недѣлю послѣ своего назначенія въ Іерусалимъ,—„но поприще слишкомъ важно и очень страшно. Радуетъ все,—и вниманіе правительства, и сочувствіе публики, и предварительныя условія помѣщенія въ Іерусалимѣ миссіи, признанной султаномъ и получившей въ лицѣ своего начальника право сношеній съ однимъ только патріархомъ іерусалимскимъ, на основаніи совершеннаго равенства, внѣ всякой зависимости отъ духовенства свято-гробскаго (т. е. синода іерусалимскаго), но отвѣтственность страшно велика, назначеніе слишкомъ многосторонне“²⁾.

¹⁾ См. у И. А. Чистовича. С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ. СПб. 1889 г., стр. 5.

²⁾ См. Русс. Стар. 1889 г., т. LXIV, декабрь, стр. 798. Уже одно понятіе, какое имѣлъ преосв. Кириллъ въ данное время о свято-гробскомъ іерусалимскомъ братствѣ, ясно показываетъ, какъ мало онъ зналъ дѣло, на которое шелъ.

13 октября 1857 года архим. Кириллъ былъ хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ въ санъ епископа съ наименованіемъ мелитопольскаго, 21 числа того же мѣсяца онъ представлялся Государю Императору, которому угодно было лично дать необходимыя указанія преосв. Кириллу относительно предстоящаго ему служенія на православномъ Востоцкѣ, и Государынѣ Императрицѣ, а 3 ноября того же года онъ уже отправился къ мѣсту своего новаго назначенія“¹⁾...

Но прежде, чѣмъ говорить о дальнѣйшей дѣятельности преосв. Кирилла, какъ настоятеля русской миссіи въ Іерусалимѣ, мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ тою обстановкою, въ какой предстояло ему дѣйствовать. Для этого мы хотя въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ изобразимъ состояніе христіанства въ Сиріи и Палестинѣ во времени прибытія туда нашей второй духовной миссіи.

II.

Судьбы православно-христіанской церкви въ Сиріи и Палестинѣ до прибытія преосв. Кирилла въ Іерусалимъ.

Судьбы православно-христіанской церкви въ Сиріи и, частію, въ Палестинѣ всегда были неразрывно связаны съ политическою исторіею ихъ. Христіанство распространилось и окончательно утвердилось въ этомъ краѣ еще тогда, когда онъ находился въ подчиненіи Римской имперіи. Послѣ взятія Іерусалима Титомъ и разсѣяніи еврейскаго народа, отъ Святаго града ничего не оставалось, кромѣ груды развалинъ, нѣсколькихъ остатковъ городской стѣны и трехъ наиболѣе высокихъ башенъ крѣпости. Здѣсь, во главѣ съ епископомъ, пріютилась небольшая христіанская община, прославившаяся во времена гоненій своими исповѣдниками вѣры. Уединенное

¹⁾ См. тамъ же стр. 798.

положеніе Эліи Капитолины,—какъ называлъ Иерусалимъ императоръ Адрианъ,—въ гористой мѣстности, безъ водныхъ общеній и торговли, жившей однимъ воспоминаніемъ о прежнемъ величій и о возникновеніи христіанства, наконецъ, бесплодность ея окрестностей,—все это содѣйствовало къ утратѣ его прежняго выдающагося значенія. Съ паденіемъ Иерусалима возрастаетъ значеніе Кесаріи, выстроенной Иродомъ на берегу Средиземнаго моря, украшенной этою тщеславною и льстивою династіею великолѣпными сооруженіями и сдѣлавшейся, какъ мѣстопребываніе проконсула, политическимъ и правительственнымъ средоточіемъ всей Сиріи. А такъ какъ церковь въ іерархическомъ раздѣленіи своихъ епархій слѣдовала военнымъ и гражданскимъ дѣленіямъ имперіи, то кесарійскій епископъ сталъ первенствующимъ духовнымъ лицомъ, митрополитомъ среди палестинскихъ епископовъ. Иерусалимскій епископъ оказался въ подчиненіи кесарійскому митрополиту и, не имѣя никакой власти надъ сосѣдними епархіями и занимая въ іерархическомъ отношеніи на помѣстныхъ соборахъ лишь второе мѣсто, нерѣдко на вселенскихъ соборахъ занималъ первое мѣсто, благодаря тому, что его церковь признавалась апостольскимъ престоломъ. Такое неестественное отношеніе было главною причиною взаимнаго соперничества обоихъ городовъ, сперва тайнаго, а впоследствии явнаго и страстнаго, когда равноапостольный Константинъ осыпалъ Иерусалимъ своими благодѣяніями ¹⁾).

Соперничество это продолжалось болѣе столѣтія и закончилось торжествомъ Иерусалима. Иерусалимскій епископъ Ювеналій, основываясь на связанныхъ съ его кафедрою священныхъ воспоминаніяхъ, задался мыслию не только освободиться отъ верховенства Кесаріи, но и возвести свою кафедру

¹⁾ Палестина подъ властью христіанскихъ императоровъ. По Альфонсу Курв. СПб. 1894 г., стр. 1—3.

въ достоинство патріархата. Первая попытка въ этомъ смыслѣ была сдѣлана имъ на третьемъ вселенскомъ (ефесскомъ) соборѣ, на которомъ не присутствовалъ епископъ кесарійскій. Опираясь на благоприятныя обстоятельства времени, Ювеналій пошелъ такъ далеко, что сталъ утверждать, будто Антіохія должна подчиняться Иерусалиму; но такія притязанія его были отклонены Кирилломъ и не возобновлялись до смерти этого александрійскаго патріарха. На разбойничьемъ соборѣ Ювеналій возобновлялъ свои притязанія, но и на этотъ разъ не достигъ вполне своей цѣли. Наконецъ, отцы четвертаго (халкидонскаго) вселенскаго собора дали ¹⁾ Ювеналію достоинство патріарха, съ юрисдикціей надъ всей Палестиной, предоставивъ ему право избирать и посвящать подчиненныхъ ему митрополитовъ Кесаріи, Скиеополя, Петра и семьдесятъ епископовъ епархіальныхъ городовъ, равно какъ и созывать этихъ епископовъ на помѣстные соборы.

Во время этой упорной борьбы за преобладаніе іерусалимскаго престола собственно въ Палестинѣ царствовало полное спокойствіе и лѣтописецъ за это время упоминаетъ лишь о ссорѣ, происшедшей между однимъ изъ важнѣйшихъ гражданъ Никополя и настоятелемъ сосѣдняго монастыря, землю котораго первый хотѣлъ присвоить себѣ ²⁾). Единственными виновниками смуты, происходившихъ во все это время въ палестинской церкви, если не считать язвической реакціи Юлиана, почти не коснувшейся Иерусалима, были отчасти евреи, которые, бывъ изгнаны изъ Иерусалима, образовали свои почти независимыя общины въ Ямніи, Капернаумѣ, Назаретѣ и Сефрисѣ, откуда они постепенно вытѣсняли христіанъ, отчасти еретики ариане, которые одно время приобрѣли было себѣ сторон-

¹⁾ Исторія христ. церкви. Д. Робертсона въ перев. Лопухина. СПб. 1890г. стр. 444.

²⁾ См. Палестина... по Альфонсу Курв. стр. 66.

ника въ лицѣ іерусалимскаго епископа Максима, подчинявшагося вліянію своего митрополита Евсевія кесарійскаго¹⁾).

Послѣ раздѣленія великой Римской имперіи на двѣ половины, Сирія въ политическомъ, а, слѣдовательно, и въ церковномъ отношеніи подчиняется власти византійскихъ императоровъ. Съ того времени судьбы церкви Христовой въ Сиріи и Палестинѣ тѣсно и неразрывно соединяются со степенью политическаго вліянія Константинополя на эту область. Въ блестящій вѣкъ византійской исторіи—Θеодосіевъ и Юстиніановъ — христіанская православная церковь, можно сказать, благоденствовала и процвѣтала въ Сиріи и Палестинѣ, подъ сильнымъ покровительствомъ константинопольскихъ императоровъ. Ко времени правленія императора Θеодосія Великаго относится возвышеніе Іерусалима на степень выдающагося и богатаго города Востока, сдѣлавшагося центромъ оживленной торговли и обширнаго паломничества²⁾. Супруга Θеодосія младшаго, императрица Евдокія была особенно ревностною покровительницею іерусалимской церкви. Памятникомъ щедротъ ея въ отношеніи къ Св. граду служила роскошная базилика, построенная ею близъ Іерусалима, на мѣстѣ, гдѣ св. Стефанъ пріялъ мученическую кончину, — болѣе обширную и богатую, чѣмъ базилика гробницы Господней³⁾. Но самымъ сильнымъ и благодѣтельнымъ покровителемъ православной палестинской церкви былъ императоръ Юстиніанъ. Онъ положилъ конецъ возстаніямъ самаританъ, которые до того времени сильно беспокоили мѣстныхъ христіанъ. Юстиніанъ, подавивъ возстаніе самаританъ, закрылъ всѣ синагоги ихъ и подчинилъ всѣхъ ихъ исключительному законодательству, по которому имъ былъ закрытъ доступъ къ правительственнымъ должностямъ. Самаритане лишены были также права отчуж-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 3, стр. 16—19.

²⁾ См. тамъ же стр. 44—45.

³⁾ См. тамъ же стр. 69—70; 76.

дать свои имущества, которыхъ они не могли ни отдавать, ни получать по наслѣдству, завѣщанію, или дару. Впрочемъ, впоследствии Юстиніанъ смягчилъ строгость этого послѣдняго закона. Императоръ Юстиніанъ, далѣе, по ходатайству знаменитаго въ его время подвижника палестинскаго св. Саввы, уменьшилъ подати съ жителей Палестины, возстановилъ сожженныя самаританами церкви, устроилъ страннопріимный домъ для паломниковъ въ Іерусалимѣ, домъ для іерусалимскихъ бѣдныхъ. По приказанію же Юстиніана, въ окрестностяхъ Іерусалима были воздвигнуты двѣ церкви во имя пресв. Богородицы — одна у подножія Елеонской горы, а другая въ Іерихонѣ, базилика св. Георгія въ Діосполѣ и возстановлены монастыри: св. Фалалея и св. Георгія, расширенъ монастырь св. Паятеленмона на берегу Іордана, у источника св. Елисея, монастыри Лазовъ и Иверовъ, основанный св. Саввою среди іерихонскихъ пальмъ и источниковъ странно-пріимный домъ и вычищены были столь необходимыя въ тѣхъ странахъ водовмѣстилища для собиранія зимнихъ дождевыхъ водъ при монастыряхъ св. Самуила, св. Сергія на горѣ Киссаріонѣ и Афелійскомъ. Не ограничиваясь этимъ, императоръ Юстиніанъ, какъ думаютъ нѣкоторые, возстановилъ городскія стѣны Пальмиры, Тиверіады и Везелема¹⁾.

Такъ сравнительно благоденствовала Палестина подъ сильнымъ покровительствомъ византійскихъ императоровъ. Это время можетъ быть признано временемъ полного расцвѣта духовной жизни Палестины, блестящимъ центромъ которой являлся Іерусалимъ. Относительное спокойствіе духовной жизни палестинской православной церкви за это время нарушалось только отчасти борьбою іерусалимскихъ епископовъ изъ-за преобладапія въ Палестинѣ, отчасти же спорами и еретическими броженіями, которые тогда волновали церковь Христову и естественно отражались и въ Палестинѣ, каковы, напр., были

¹⁾ См. тамъ же, стр. 98—106.

оригеническіе и пелагіанскіе споры и аріанская, несторіанская и монофизитская, или еutihianская ереси¹⁾. Спокойное теченіе общественной жизни по временамъ нарушалось только возстаніемъ самаританъ, усмиренныхъ, какъ сказано, при императорѣ Юстиніанѣ.

Вторую половину VI в. Палестина прoвела особенно благополучно. Въ то время, какъ Египеть и Киренаика были раздираемы религіозными распрями, а Сирія, Каппадокія, Внениія и Фракія опустошаемы были персами и аварами, Палестина пребывала тогда въ относительномъ спокойствіи. Постоянно увеличивавшійся притокъ паломниковъ поддерживалъ въ ней, не смотря на общее обѣдненіе имперіи и тяжесть налоговъ, особенное благосостояніе. Но это было затишье предъ надвигавшеюся бурей. Грозная туча уже приближалась²⁾.

Давно уже происходила тайная борьба между Византійскою имперіею и восточными не-христіанскими народами. Но Византійская имперія была сильна и потому вражда послѣднихъ противъ нея была бессильна, хотя и не вполне безрезультатна. Паряне и персы, арсакиды и сассаниды питали непримиримую вражду къ своему наслѣдственному врагу—восточной Римской имперіи и потому всегда охотно давали у себя убѣжище всѣмъ врагамъ православной церкви и византійскихъ императоровъ, принимая манихеевъ, несторіанъ и другихъ еретиковъ, и, наоборотъ, жестоко преслѣдуя у себя православныхъ³⁾.

При слабыхъ преемникахъ императора Юстиніана персы начинаютъ постепенно переходить изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе въ отношеніи къ Византійской имперіи. Они вторгаются въ богатѣйшія провинціи восточной

¹⁾ См. Ист. Христ. церк. Робертсона, стр. 347, 411, 437 и слѣд.

²⁾ См. Палестина по А. Куре, стр. 118—128.

³⁾ См. Цитов. соч. Робертсона въ перев. Лопухина. Стр. 406, 428 и др.

имперіи, побѣдоносно доходятъ даже до самой столицы государства, разоряютъ Иерусалимъ, разрушаютъ величольпную базилику Константина надъ Гробомъ Господнимъ и увозятъ въ Персію величайшую христіанскую святыню—животворящій крестъ Господень (въ 614 г.)¹⁾. Послѣ удивительныхъ походовъ, въ которыхъ съ одинаковою силою проявился военный и политическій геній его, императоръ Ираклій навсегда сокрушилъ силу персидскаго царства и 14 сентября 629 года собственноручно вознесъ на Голгофу, въ обновленный храмъ, отбитый у невѣрныхъ и возвращенный Крестъ Господень²⁾. Но, къ величайшему сожалѣнію, почти въ то же самое время неожиданно явился новый и еще болѣе страшный врагъ сирійской православно-христіанской церкви въ лицѣ арабовъ.

Пограничные набѣги арабовъ были обыкновеннымъ явленіемъ въ прежней исторіи Сиріи и Палестины. Римъ и потомъ Византія довольно равнодушно и спокойно относились къ этимъ кочевникамъ, постепенно и безъ особенныхъ усилій подчиняя ихъ своему вліянію, своему образованію³⁾. Христіанство рано проникло въ самую Аравію⁴⁾. Съ другой стороны, арабы также очень рано начали переселяться въ родственную имъ семитическую Сирію. Въ VI в. нашей эры на югѣ Сиріи существовало уже два полу-независимыхъ арабскихъ государства, населеніе которыхъ исповѣдывало христіанскую вѣру. Родство по языку и единство вѣры сближало туземныхъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 557.

²⁾ Подробнѣе можно читать въ цитов. сочин. „Палестина“ по А. Куре, стр. 129—135.

³⁾ Такъ, еще при Валентѣ (364—378 г.), бродившіе по соседнимъ пустынямъ арабы постоянно грабили беззащитныя мѣстности окранныхъ и неоднократно совершали свои опустошительные набѣги въ самую глубь Палестины. Валентъ принужденъ былъ дважды просить мира у предводителей фаранскихъ арабовъ. См. тамъ же, стр. 41—42.

⁴⁾ При Валентѣ Мавія, предводительница фаранскихъ арабовъ, соглашалась на миръ лишь подъ условіемъ, чтобы епископомъ ея племени былъ отшельникъ Моисей. См. тамъ же, стр. 42.

Пресви. Кирилль Науковъ.

жителей Сирии съ переселенцами—арабами. Должно замѣтить, что сирийцы, много терпѣвшіе отъ греческихъ правителей, намѣстниковъ византійскихъ императоровъ, позволявшихъ себѣ сильно злоупотреблять своею властію въ отдаленной окраинной области имперіи, давно уже тяготились своею зависимо- стію отъ Византіи. Среди сирийцевъ—туземцевъ давно уже происходила глухая борьба съ эллинизмомъ, настойчиво водворившимся въ семитической Сирии. Поэтому, нисколько не удивительно, если въ арабахъ—завоевателяхъ нѣкоторые се- миты—туземцы видѣли только своихъ союзниковъ и помощ- никовъ для борьбы противъ греческаго преобладанія, которое установилось еще со времени Александра Македонскаго, но никогда не могло окончательно сломить стойкаго семитизма Сирии. Протестъ противъ эллинизации нашель для себя не- правильное выраженіе, между прочимъ, въ разныхъ ересяхъ, которыми положительно кишѣла вся Сирия. Бремя налоговъ, разорительная администрація, слабость правительства, кото- рое не могло защитить страну отъ всѣхъ бѣдствій персидска- го погрома, — все это постепенно подрывало въ сириянахъ уваженіе къ греко-римскому владѣтельству и обостряло вражду семитовъ противъ эллиновъ¹⁾.

Съ апогеемъ развитія этой скрытной вражды между под- чиненными семитами Сирии и властителями — греками какъ разъ совпало объединеніе арабскихъ племенъ подъ знаменемъ Магомета. Воодушевленные религіознымъ фанатизмомъ арабы бросились въ отчаянную борьбу съ Византіей, которая дотолѣ пренебрежительно относилась къ своимъ арабскимъ сосѣдямъ. Туземные жители Сирии, на которыхъ прежде всего обруши- лась ярость фанатичныхъ завоевателей, встрѣтили послѣднихъ съ пассивнымъ равнодушіемъ, иногда переходившимъ прямо въ открытую измѣну. Не находя никакой почти поддержки въ туземномъ населеніи страны, греческія войска терпѣли по-

¹⁾ См. Палестина, по А. Курз, стр. 140.

раженіе за пораженіемъ. Въ 635 году арабы осадили сто- лицу Сирии — Дамаскъ. Въ то время какъ греческій гарни- зонъ мужественно отражалъ врага съ одной стороны, другая половина города сдавалась на капитуляцію и отворяла город- скія ворота осаждавшимъ съ противоположной стороны. Съ того времени арабы начали постепенно и сравнительно легко покорять всю страну. Въ 637 г. халифъ Омаръ торжествен- но вступилъ въ Иерусалимъ, который былъ сданъ ему патри- архомъ Софроніемъ, выговорившимъ неприкосновенность хра- мовъ и свободу исповѣданія христіанской вѣры подъ влады- чествомъ арабовъ¹⁾. Но этотъ договоръ не былъ въ точности соблюдаемъ побѣдителями, которые были связаны прямыми требованіями своей собственной вѣры, всецѣло проникнутой фанатизмомъ. Отправляя арабовъ на священную войну, Абу- Бекръ, первый халифъ, приказалъ своимъ послѣдователямъ: оставлять неприкосновенными только христіанское духовен- ство и монастыри, все же прочее населеніе или силою обра- щать въ исламъ, или же облагать его возможно большею данью. Слѣдуя этому повелѣнію, арабы обращали въ мечети лучшіе христіанскіе храмы, запрещали покореннымъ христіа- намъ строить новыя церкви и рѣдко, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, разрѣшали возобновлять обветшавшіе храмы²⁾. Въ 1008 г., по повелѣнію египетскаго султана, самый храмъ Вос- кресенія Господня въ Иерусалимѣ былъ разрушенъ варвар- скимъ образомъ. Будучи возобновленъ вскорѣ послѣ того, онъ снова былъ разграбленъ при Саладинѣ. Во всѣхъ другихъ городахъ Палестины и Сирии открывались мусульманскія мечети вмѣсто христіанскихъ храмовъ и на счетъ самихъ

¹⁾ Осада Иерусалима продолжалась долго, такъ какъ онъ ожидалъ помощи отъ Иракліа. Убѣдившись въ тщетности этихъ ожиданій отъ императора, бро- сившаго Палестину на произволъ судьбы и завывающаго пререканіями съ папою о моноеліатской ереси, п. Софроній согласился на сдачу города, не вѣдуче, од- нако, какъ лично самому Омару. См. тамъ же, стр. 141—145.

²⁾ См. Цитов. соч. Робертсона въ перев. Допухина. Стр. 563—566.

же христіанъ. Полемика противъ ислама, сдѣлавшагося теперь господствующею религіею въ Сиріи, была безусловно запрещена и каралась смертною казнію, которая отбывалась только подъ условіемъ перехода виновнаго въ мусульманство.

При такомъ религіозномъ стѣсненіи, и общественное положеніе христіанъ Сиріи и Палестины, оказавшихся подъ властію арабовъ, было крайне тягостное. Христіане разсматривались побѣдителями, какъ ихъ плѣнники, и потому навсегда были лишены права сдѣлаться гражданами мусульманскаго государства. Имъ было дано такое общественное и церковное устройство, которое соответствовало видамъ и взглядамъ арабско-мусульманскаго правительства. Обезоруженные и потому беззащитные, они подверглись тягчайшимъ налогамъ и нередко обращались прямо въ рабство. Наконецъ, всякія насилія и даже мученія христіанъ были въ большомъ ходу среди фанатичныхъ арабовъ. Христіанскій мартирологъ этой эпохи столь же великъ, какъ и во время гоненій языческаго римскаго правительства¹⁾.

Такое положеніе вещей, установившееся въ Сиріи и Палестинѣ соврѣмени завоеванія ихъ арабами, не могло, разумѣется, не отразиться вредно и на состояніи христіанства здѣсь. Населеніе Сиріи и Палестины и до того времени, какъ было связано раньше, не было связано крѣпкими узами съ Византійскою имперіею и много страдало отъ разности по происхожденію и по религіознымъ вѣрованіямъ. Населеніе это состояло изъ туземныхъ семитовъ-евреевъ, грековъ и поселившихся здѣсь до и особенно послѣ утвержденія мусульманскаго владычества арабовъ. Евреи сохранились въ Сиріи и Палестинѣ, даже въ самомъ Іерусалимѣ, не смотря на запрещеніе римскихъ императоровъ селиться имъ въ Эліи Капитолиѣ. Греко-римскій элементъ сдѣлался сильнымъ и многочисленнымъ въ Сиріи и Палестинѣ путемъ колонизаціи во времена римско-византійскаго владычества здѣсь. Имена іерусалимскихъ муче-

¹⁾ См. Святая земля и Императорское Православное Палестинское Общество, С.-Пб. 1895 г. М. Соловьева. Стр. 47—48.

никовъ временъ императора Діоклитіана даютъ основаніе думать, что здѣшнее населеніе было тогда греко-римское. Іерархія и духовенство іерусалимское также, повидимому, было греческимъ по языку, если только не по происхожденію.

Господство фанатичныхъ арабовъ сильно измѣнило и религіозное и общественное положеніе смѣшаннаго населенія Сиріи и Палестины. Населеніе, особенно сельское, дѣльными массами переходило въ исламъ, или бѣжало въ предѣлы имперіи. Мѣсто бѣжавшихъ занимали арабскіе пришельцы. Древніе города приходили въ упадокъ. Греческія имена ихъ уступали мѣсто прежнимъ семитическимъ. Не только число христіанъ, но и вообще народонаселеніе края уменьшилось, при чемъ понизился и общій уровень благосостоянія его. Многіе знаменитые города совсѣмъ исчезли съ лица земли и не замѣнились новыми арабскими поселеніями. Монастыри и кивоты пустыли, кромѣ лавры Саввы Освященнаго. Оставшееся вѣрнымъ православно-христіанской религіи населеніе постепенно принимало арабскій языкъ, который незамѣтно, но настойчиво вытѣснялъ греческую рѣчь и сирійскіе діалекты. Въ началѣ арабскаго владычества православное богослуженіе совершалось здѣсь на греческомъ языкѣ, а инославные сирійцы и копты употребляли при богослуженіи сирійскій и коптскій языки, постепенно исчезнувшіе изъ употребленія въ обыденной жизни. Но съ теченіемъ времени постепенная арабизація сирійскихъ и палестинскихъ христіанъ начала дѣлать неповытнымъ для народа греческій богослужебный языкъ. Потребовались священники изъ туземцевъ,—такіе, которые бы владѣли народною арабскою рѣчью. Греческое высшее духовенство стало постепенно замѣняться арабскимъ. Греческій іерусалимскій патріархъ скоро сдѣлался почти единственнымъ представителемъ прежняго греческаго духовенства въ Палестинѣ¹⁾. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе устанавливалось различіе между патріархомъ—грекомъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ—арабскимъ. Къ тому же греческій патріархъ постоянно вну-

¹⁾ См. тамъ же стр. 49.

паль опасеніе подозрительному арабскому правительству и потому былъ нежелателенъ ему. Арабскіе халифы и затѣмъ египетскіе султаны постоянно старались замѣщать іерусалимскій и антиохійскій патріаршіе престолы лицами туземнаго происхожденія. Мусульманское правительство оказывало сильное вліяніе на выборы кандидатовъ патріаршества. Благодаря этому вліянію, при выборахъ іерусалимскихъ патріарховъ развились подкупы и вымогательства, при чемъ патріаршіи престолы съ теченіемъ времени стали, дѣйствительно, замѣщаться іерархами арабскаго происхожденія. При всемъ томъ іерусалимскій патріархъ въ церковныхъ дѣлахъ неизмѣнно оставался главою своихъ единовѣрцевъ и среди восточныхъ патріарховъ сохранялъ самостоятельное положеніе, существенно измѣнившееся въ періодъ турецкаго владычества въ Палестинѣ¹⁾.

Около четырехъ вѣковъ стояла уже христіанская Палестина подъ игомъ арабскаго владычества, когда во второй половинѣ XI в. на Востокъ появилось новое племя завоевателей въ лицѣ сельджукскихъ турокъ. Эти послѣдніе въ то время исповѣдывали уже исламъ и, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго своего обращенія, отличались еще большимъ фанатизмомъ, чѣмъ сами арабы. Сельджукскіе турки скоро завоевали всю Малую Азію, гдѣ образовали особое государство съ столицею въ Никеѣ, а въ 1076 г. овладѣли и Палестиною. При этихъ новыхъ повелителяхъ положеніе христіанскаго населенія Палестины сдѣлалось еще болѣе тяжкимъ, чѣмъ прежде при арабахъ. Звѣрская жестокость въ отношеніи къ палестинскимъ христіанамъ и варварское обращеніе съ величайшими святынями христіанскаго міра вызвали всеобщее негодованіе Западной Европы противъ турецкаго владычества въ Палестинѣ, которое (негодованіе) выразилось, между прочимъ, въ т. н. крестовыхъ походахъ. Однимъ изъ слѣдствій крестовыхъ походовъ было основаніе въ Палестинѣ іерусалимскаго королевства, которое, впрочемъ, и не облегло нисколько участи православныхъ палестинскихъ христіанъ, замѣнивъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 49—50.

только одно иго (мусульманское) другимъ (латинско-католическимъ), и—что самое важное—недолго существовало, уступивъ мѣсто спова магометанскому владычеству¹⁾.

Во весь кратко очерченный нами періодъ, наполненный ураганами крестовыхъ походовъ и неистовствами магометанскихъ завоеваній, православная церковь Сирій и Палестины находилась въ плачевномъ состояніи. Она страдала и отъ магометанъ и отъ латинянъ, и изнемогла въ неравной борьбѣ, отдѣленная во все это время отъ своихъ единовѣрныхъ сестеръ. За этотъ тяжкій тысячелѣтній періодъ сирійская православная церковь лишилась значительнѣйшей части своей паствы и осталась съ весьма небольшимъ (сравнительно) числомъ истинно вѣрныхъ чадъ. Іерусалимскій и антиохійскій патріархаты, отдѣленные политическими бурями Востока отъ вселенскаго престола, не находили въ немъ никакой опоры и были предоставлены робкому, загнанному, необразованному и убогому арабскому духовенству. Подъ гнетомъ магометанскаго ига малодушные христіане и теперъ продолжали переходить массами въ исламъ. Нѣкоторые еретики, какъ, напр., іаковиты открыто держались магометанъ и пользовались за то ихъ покровительствомъ, въ то время какъ мельхиты (православные) держали сторону византійскихъ императоровъ. Долго сохраняли свою религіозную независимость только марониты, населявшіе ливанскій округъ и державшіеся моноелитскихъ заблужденій. Но въ вѣка крестовыхъ походовъ и общество маронитовъ измѣнило православію.

Принимая во вниманіе сейчасъ сказанное нами, мы можемъ до известной степени согласиться съ тѣми историками, которые говорятъ, что завоеваніе Сирій и Палестины Оттоманами въ XVI в. спасло въ нихъ православіе отъ конечнаго разрушенія, шедшаго съ двухъ сторонъ—магометанско-араб-

¹⁾ См. Чтения о святой землѣ. Изд. Импер. правосл. палест. общ. Чт. 31-е. СПб. 1896; стр. 20—21.

ской и римско-католической. Дѣло въ томъ, что покореніе Сиріи и Палестины турецкимъ султаномъ въ 1517 году существенно измѣнило судьбы православной церкви въ этихъ областяхъ. Присоединеніе Сиріи и Палестины къ Османской имперіи возобновило политическія узлы, какими издревле связана была вѣдѣнная православная церковь съ константинопольскимъ вселенскимъ патриаршимъ престоломъ. По завоеваніи Константинополя, турецкіе султаны, какъ извѣстно, предоставили вселенскому патриарху обширныя права въ отношеніи ко всему христіанскому населенію ихъ имперіи. Константинопольскій патриархъ официально былъ признанъ представителемъ и главою всѣхъ христіанъ Османской имперіи предъ ея правительствомъ. Въмѣсто прежняго преимущества, какимъ константинопольскій патриархъ пользовался во время существованія византійской имперіи, теперь вселенскій патриархъ получилъ преимущество власти предъ другими восточными патриархами, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи представительства предъ османскимъ правительствомъ.

Вселенскій патриархъ избирался османскимъ правительствомъ изъ трехъ кандидатовъ, которые представлялись ему синодомъ, состоявшимъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ греческаго происхожденія. Этотъ синодъ и сдѣлался опорой и центромъ греческой національности въ турецкой державѣ, какъ важное значеніе оны сохранилъ и до самого послѣдняго времени, что можно видѣть, между прочимъ, изъ дѣла о недавно совершившемся выходѣ въ отставку вселенскаго патриарха Антонима VII (Цацоса). Сѣверный кварталъ Стамбула—фанаръ, въ которомъ помѣщалась патриархія вселенская, далъ имя фанариотамъ—ловкому и вліятельному кружку грековъ, собравшихся около патриарха для защиты эллинскихъ интересовъ. Фанариоты весьма ловко пользовались всѣми средствами для эксплуатаціи и эллинизации всѣхъ христіанскихъ подданныхъ блистательной порты. Интересы православія стали теперь въ самую тѣсную, органическую зависимость отъ національныхъ

греческихъ стремленій и отступили на второй планъ¹⁾. Поддерживать вездѣ и во всемъ греческую національность—сдѣлалось главнѣйшею цѣлю фанариотовъ, которые совершенно завладѣли вселенскимъ патриархомъ и по своему усмотрѣнію, подъ покровительствомъ задобреннаго и подкупленнаго правительства, неофициально управляли всѣми христіанскими церквами турецкой имперіи.

Когда турки овладѣли Сиріей и Палестиной, то іерусалимскій и антioxійскій патриархаты также вошли въ кругъ вліянія вселенскаго патриарха, или, правильнѣе, заправлявшихъ имъ фанариотовъ. Провинціальныя патриархи были слабы и бѣдны, между тѣмъ какъ фанариоты находились въ весьма близкихъ и тѣсныхъ отношеніяхъ къ императорскому правительству. При такихъ условіяхъ, іерусалимскій и антioxійскій патриархи не могли избѣгать подчиненія своему константинопольскому собрату и сохранить свою независимость въ церковныхъ дѣлахъ, какую они имѣли прежде. Фанариоты незамѣтно, ловко и быстро успѣли захватить въ свои руки эти патриаршіе престолы. Іерусалимскій патриархъ Германъ былъ первымъ патриархомъ Святого града не изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Умиралъ въ 1579 году, п. Германъ назначилъ своимъ преемникомъ грека и завѣщалъ не избирать лицъ негреческаго происхожденія не только въ патриархи, но даже и въ члены синода и вообще на всѣ видныя мѣста и должности іерусалимской патриархіи. Обычай этотъ весьма скоро и прочно привился въ іерусалимской церкви. Мѣстному синоду оставалось только исполнять посмертную волю своихъ патриарховъ. Первые четыре патриарха послѣ Германа находились въ близкомъ родствѣ между собою. Благодаря ловкой политикѣ вселенскаго патриарха, или, вѣрнѣе, фанариотовъ, іерусалимскій патриаршій престолъ скоро сдѣлался наследственнымъ по завѣщанію, въ совершенную противность церковнымъ правиламъ²⁾. Сами

¹⁾ См. Святая земля и Императорское Православное Палестинское Общество М. Соловьева. СПб. 1895. стр. 50—51.

²⁾ См. Правосл. Палест. Сборн., т. 1, вып. 1. СПб. 1881 г. стр. 52—53.

Восточная церковь в Турции и в Палестине

іерусалимскіе патріархи переселились въ Константинополь и только изрѣдка показывались въ Святѣмъ градѣ. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ даже не бывали въ Іерусалимѣ въ теченіе всего своего патріаршества. Фанариоты безконтрольно распоряжались дѣлами іерусалимской патріархіи и выборами патріарховъ. Устранившись отъ трудовъ непосредственнаго пастырскаго служенія и чуждые своей паствѣ, фанариотскіе избранники іерусалимскіе патріархи заботились объ одномъ только: объ умноженіи доходовъ патріархіи.

Такой порядокъ, разумѣется, не могъ не отозваться весьма неблагопріятно на состояніи православія въ Іерусалимѣ и Палестинѣ. Свято-гробское богатое братство, составившееся изъ пришлыхъ грековъ, не обращало никакого вниманія на свою паству, чуждую ему и по происхожденію и по языку, благодаря чему паства эта безпрепятственно дѣлалась добычею ислама или инославной пропаганды.

Установившійся въ XVI вѣкѣ порядокъ сохранялся затѣмъ, съ небольшими измѣненіями, вплоть до того времени, какое мы имѣемъ въ виду, т. е. до прибытія въ Палестину преосв. Кирилла съ членами его миссіи. Было бы, конечно, несправедливостію отрицать всякое значеніе греческой іерархіи, прочно утвердившейся въ іерусалимской патріархіи. Благодаря своему вліянію, образованію, опытности, ловкости и отчасти даже богатству, она оказала весьма важныя услуги православно-христіанскому міру. Важнѣйшею заслугою іерусалимскаго свято-гробскаго братства было то, что оно отстояло святая мѣста отъ враждебныхъ покушеній на нихъ со стороны инославныхъ христіанъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію также и то, что іерусалимская греческая іерархія сдѣлала бы несравненно больше для православія въ Палестинѣ, если бы только она искренно желала того. Къ сожалѣнію, вселенская церковь, незримо заправлявшая іерусалимскою патріархіею, постоянно была поглощена своими заботами о національныхъ греческихъ интересахъ. За этими заботами ей рѣшительно

некогда было думать о сирійскихъ и палестинскихъ христіанахъ. Къ тому же совершившееся въ первой половинѣ истекающаго столѣтія освобожденіе Греціи перенесло руководство эллинизмомъ изъ Фанара въ аѳинскій университетъ. Аѳинскимъ политикамъ, равно какъ и ихъ братьямъ—іерусалимскимъ грекамъ теперь не было никакой нужды въ Фанарѣ и вселенской патріархіи, такъ какъ политическое значеніе Турціи было въ конецъ подорвано и голосъ христіанскихъ державъ получилъ рѣшающее значеніе въ Оттоманскомъ правительствѣ.

Но въ то время, какъ заброшенная палестинская паства все болѣе и болѣе понижалась въ религиозномъ и въ умственномъ отношеніяхъ, свято-гробское братство, заправлявшее дѣлами іерусалимской церкви, продолжало расти и богатѣть. Не духовная забота о паствѣ, а стремленіе поддержать вѣщный блескъ іерусалимской церкви побуждали патріарховъ увеличивать число высшихъ духовныхъ сановниковъ. Конечно, не обнищавшее туземное населеніе, а сторонніе, преимущественно русскіе жертвователи на св. гробъ Господень доставляли средства для содержанія этихъ архіереевъ. Свято-гробское братство не имѣло канонически утвержденаго устава, не составляло монашеской общины и не входило даже въ составъ іерусалимскаго синода. Оно было сплочено только единствомъ греческаго происхожденія своихъ членовъ, имѣвшихъ право на пользованіе доходами отъ святыхъ мѣстъ. Эта неканонически образовавшаяся духовная община,—община исключительно національная представляетъ едвали не единственный примѣръ sui generis въ христіанской имперіи. *Куда и куда?*

Такъ іерусалимская православно—христіанская церковь, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій, распалась на двѣ половины: высшій клиръ изъ грековъ и паству изъ туземныхъ христіанъ. Кліръ заботился только о своихъ богатствахъ и совершенно забылъ о своей паствѣ. Это обстоятельство больше всего содѣйствовало успѣху инославной пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ.

откуда вы берете Петриасурх... Гербаси... и т. д.?

III.

Исторія римско-католической пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ до преосв. Кирилла.

Начало римско-католической пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ относится ко времени крестовыхъ походовъ. Безспорно, что главною цѣлію этихъ послѣднихъ было освобожденіе Гроба Господня и другихъ святыхъ мѣстъ изъ-подъ власти невѣрныхъ. Но съ этою главною цѣлію соединялась и другая—распространеніе римско-католическаго ученія въ предѣлахъ восточно-православной церкви, которая незадолго предъ тѣмъ окончательно отдѣлилась отъ своей заблудшей сестры. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что римскіе первосвященники возлагали очень большія надежды на крестовые походы въ этомъ именно смыслѣ¹⁾. И расчеты ихъ, хотя и не вполне, оправдались. Со времени крестовыхъ походовъ начинается дѣятельная пропаганда римско-католиковъ въ Палестинѣ.

Въ то время, какъ войско первыхъ крестоносцевъ медленно подвигалось къ Иерусалиму, этотъ послѣдній былъ отнятъ арабами у сельджуковскихъ турокъ. Предъ Антиохіей крестоносцы получили отъ арабскаго халифа сообщеніе о завое-

ваніи имъ Иерусалима вмѣстѣ съ предложеніемъ возстановить христіанскіе храмы и святыни и защищать ихъ, если только крестоносцы придутъ къ нему въ качествѣ мирныхъ паломниковъ. Но крестоносцы не пожелали дѣлать какое-либо различіе между послѣдователями ложнаго пророка и отвѣчали халифу, что, съ Божіею помощію, они сами надѣются взять и владѣть землею, которая должна принадлежать имъ по праву, какъ достояніе ихъ отцовъ. Надежды ихъ, дѣйствительно, осуществились. 15 іюля 1099 года Иерусалимъ былъ взятъ крестоносцами. Взятіе его сопровождалось сценами хищничества и звѣрства, позорными для христіанскаго имени. Крестоносцы не щадили ни возраста, ни пола. Было избито до 70,000 магометанъ.

Съ образованіемъ крестоносцами іерусалимскаго королевства существенно измѣнилось положеніе палестинскихъ христіанъ. Православный іерусалимскій патріархъ, который предъ осадой города былъ высланъ арабами, умеръ на о. Кипрѣ. Его мѣсто занялъ латинскій патріархъ Дагобертъ¹⁾. Въ 1100 г. латинскій патріархъ былъ поставленъ и въ Антиохію. Вмѣстѣ съ патріархами поставлялись въ Сиріи и Палестинѣ и латинскіе епископы, которые постепенно замѣняли здѣсь православныхъ епископовъ. Латинская іерархія относилась съ презрѣніемъ и даже съ ненавистью къ низшему арабскому духовенству и православнымъ мірянамъ. Такимъ образомъ, сирійскіе и палестинскіе христіане, какъ схизматики, оказались въ положеніи гонимыхъ. Гоненія и притѣсненія, какія практиковала въ отношеніи къ нимъ высшая латинская іерархія, были настолько чувствительны и сильны, что православные сирійскіе и палестинскіе христіане скоро начали сожалѣть о томъ времени, когда они жили подъ управленіемъ иновѣрныхъ мусульманъ. Главная забота латинской іерархія была направлена на обезпеченіе доходовъ своихъ церквей и

¹⁾ См. у прот. Н. Смирнова. Судьбы Иерусалима в русскіе паломнички. СПб. 1896 г., стр. 20 - 22.

¹⁾ См. Латинцы въ святой землѣ. Д. С. Дмитриевскаго. СПб. 1896 г., стр. 3.

приобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ. Какъ только утверждался гдѣ-либо латинскій епископъ, тотчасъ же начинались споры съ обладателями земель.

Успѣхъ латинской пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ за время существованія іерусалимскаго королевства былъ довольно значительный. Въ Палестинѣ, напр., латинянами, кромѣ патриаршества, были учреждены четыре архіепископства: въ Кесаріи, Назаретѣ, Керакѣ и Тирѣ, и девять епископствъ: въ Лиддѣ, Хевронѣ, Бейрутѣ, Птолемаидѣ, Сидонѣ, Бансасѣ, Севастіи, Тиверіадѣ и Синаѣ. Имъ основано было также множество мужскихъ и женскихъ монастырей преимущественно съ цѣлю пропаганды католичества среди мѣстнаго населенія не столько иновѣрнаго, сколько православнаго¹⁾. Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что латиняне въ это время, по праву побѣдителей и господъ, отняли всѣ святыя мѣста у православнаго духовенства. Православный патриархъ Леонтій могъ поклониться Гробу Господню только въ одеждѣ простаго богомольца²⁾.

Но такое безсердечное, презрительное, дерзкое, нерѣдко жестокое отношеніе латинской іерархіи къ низшему православному духовенству и ко всему вообще православному населенію Палестины только ускорило паденіе іерусалимскаго королевства, основаннаго крестоносцами. Королевство это не просуществовало и сотни лѣтъ. вмѣстѣ съ паденіемъ его, покинула Св. землю и латинская іерархія. Латинскій патриархъ Герардъ, о которомъ, по словамъ латинскаго же историка, чѣмъ меньше говорить, тѣмъ лучше, оставилъ Палестину со всѣми своими монахами и духовенствомъ. Только въ приморскихъ городахъ и на островахъ держалась еще нѣкоторое время латинская іерархія. Въ самомъ же Іерусалимѣ не осталось ни одного латинскаго духовнаго лица, такъ какъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 3—4.

²⁾ См. Правосл. Палест. Сборникъ. Вып. XXIII стр. 27.

новое мусульманское правительство, подъ угрозою смертной казни, запретило католическому духовенству посѣщать Святой городъ.

Однако справедливость требуетъ сказать, что римско-католическая іерархія оставила Палестину только тѣломъ, но не духомъ. Связь католической церкви съ Палестиной не прерывалась потому никогда до самаго послѣдняго времени. Когда умерли послѣдніе латинскіе іерархи Палестины, то папа рѣшилъ сохранить ихъ престолы. Онъ приказалъ поставитъ преемниковъ имъ, которые бы носили титулы своихъ несуществующихъ престоловъ въ надеждѣ, что эти престолы со временемъ возвратятся подъ власть папства. Съ этого времени въ латинскомъ мірѣ появились титулярные епископы, епархія которыхъ находилась во власти чужбныхъ. Было забыто, что епископія безъ паствы есть нехристианское учрежденіе. Даже тридентскій соборъ, покорный всѣмъ папскимъ властолюбивымъ притязаніямъ, называлъ такихъ епископовъ едва не бродягами. Не смотря на это, титулярная іерархія, какъ особое учрежденіе, пустила глубокіе корни въ римско-католической церкви. Пребывая постоянно въ Римѣ и находясь на содержаніи папы, титулярные епископы были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ папъ и всегда готовымъ средствомъ для достиженія властолюбивыхъ ихъ цѣлей и стремленій. Между прочимъ, они создавали на соборахъ римско-католической церкви то послушное большинство, которое всегда поддерживало всякія папскія предложенія и заглушало голоса дѣйствительныхъ членовъ собора. Кромѣ этого прямого и главнаго назначенія, титулярная іерархія сохранялась папами еще и для другой цѣли. Она поддерживала постоянную и непрерывную, хотя, быть можетъ, больше призрачную связь римской церкви съ Сиріей и Палестиной¹⁾.

¹⁾ См. у М. Соловьева. Святая земля и Императорское Православное Палестинское Общество. СПб. 1895 г., стр. 65—66.

Впрочемъ, римско-католическая церковь, послѣ крестовыхъ походовъ, имѣла въ Сиріи и Палестинѣ и другихъ дѣятелей, помимо титулярныхъ епископовъ. Дѣятели эти если и не всегда, то, по крайней мѣрѣ, временами жили здѣсь и занимались пропагандою римско-католическаго ученія среди мѣстнаго преимущественно православнаго населенія. Такъ, напр., въ началѣ XIV в. мы видимъ въ Иерусалимѣ францисканъ и доминиканцевъ. При какихъ обстоятельствахъ появились здѣсь тѣ и другіе, — съ точностію неизвѣстно. Извѣстно только, что доминиканцы не долго оставались въ Иерусалимѣ и скоро ушли отсюда, появившись въ Святой землѣ снова уже въ 80-хъ годахъ истекающаго столѣтія. Что же касается францисканъ, то они успѣли прочно утвердиться въ Св. землѣ, остались здѣсь навсегда и были назначены даже хранителями Святыхъ мѣстъ, получивъ отъ папы для того особый уставъ. Кустодія францисканъ была древнѣйшимъ изъ латинскихъ учреждений въ Св. землѣ, не потерявшихъ своего значенія до занимающаго насъ времени. Францискане жили сначала на Сіонѣ, а съ 1551 года, когда они были изгнаны оттуда турками, они поселились въ приобрѣтенномъ ими у грузинъ монастырѣ Спасителя, находившемся внутри Св. города. Во второй четверти XIV в. сицилійская королева Санція и ея супругъ приобрѣли у египетскаго султана за большія деньги право францисканамъ священнодѣйствовать у Св. гроба и въ домѣ тайной вечери, — право весьма важное для цѣлей римско-католической пропаганды¹⁾.

Кустодія францисканъ до начала истекающаго столѣтія представляла сравнительно небольшое, но тѣсно сплоченное общество. На ней лежала обязанность охранять Святые мѣста, освященныя жизнью, чудесами и смертію Господа Иисуса Христа, оказывать духовную и матеріальную помощь христіанамъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 66.

Число кустодіи цесловіама

богомольцамъ и проповѣдывать евангеліе. Проповѣдь евангелія францисканами могла быть обращена, конечно, только къ евреямъ и преслѣдовать совращеніе православныхъ христіанъ въ католичество. Но покровительство паломникамъ и проповѣдь римско-католическаго ученія въ дѣйствительности весьма мало занимали францисканъ. Главнѣйшую заботу ихъ, поглощавшую все время и все богатые средства ихъ, составляло охраненіе принадлежавшихъ имъ и приобрѣтеніе новыхъ Святыхъ мѣстъ. Около этой главной задачи ихъ пребыванія въ Святой землѣ вращалась и постоянная ожесточенная борьба ихъ съ православными и армянами, на которую они большею частью употребляли все получавшіяся ими изъ Европы доходы въ началѣ настоящаго столѣтія простиравшіяся до 130.000 рублей въ годъ. Эта борьба была главнымъ тормазомъ пропагандистской дѣятельности францисканъ въ Палестинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляла характеристическую черту многолѣтняго существованія ихъ Кустодіи здѣсь. Съ XV и XVI в.в., когда представителями православія въ Св. градѣ являются члены богатаго Сято-Гробскаго братства, борьба эта дѣлается особенно ожесточенною, причемъ, какъ ни сильно было свято-гробское братство, но и оно иногда должно было уступать францисканамъ, которыхъ поддерживала западная католическая Европа. Въ это время Римъ становится прочною стопою въ Сиріи и Палестинѣ и изъ Иерусалима и съ высотъ Ливана, какъ изъ главныхъ центровъ, распространяетъ свое ученіе на весь православный Востокъ. И хотя православные христіане Сиріи и Палестины въ это время приобрѣли себѣ новыя силы въ политическомъ и духовномъ союзѣ съ Константинополемъ, который (союзъ), къ сожалѣнію, по указаннымъ въ предыдущей главѣ обстоятельствамъ, былъ не вполне проченъ и надеженъ, но и католическая пропаганда получила новыя средства дѣятельности въ дипломатическихъ связяхъ Франціи съ Портою и въ правѣ, предоставленномъ этою послѣднею французскому королю быть заступникомъ, ходатаемъ и покровителемъ католическаго ду-

ховенства и его интересовъ въ Турціи. При этихъ новыхъ элементахъ крѣпости и силы, почерпнутыхъ обоими вліяніями въ политическихъ переворотахъ Сиріи, борьба между православіемъ и католичествомъ становилась все упорнѣе и упорнѣе. Православные искали защиты у султановъ то прямо, то чрезъ русское вліяніе, весьма прикровенное и скромное, такъ какъ оно не основывалось на договорахъ, а католичество прибѣгало къ мощному и скрѣпленному договорамъ заступничеству Франціи¹⁾.

Такимъ образомъ, небреженіе высшей греческой іерархіи въ Палестинѣ къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, съ одной стороны, и покровительство французскаго правительства, съ другой, при полномъ невниманіи магометанскаго правительства Турціи къ дѣлу,—все это чрезвычайно благоприятствовало усилению и успѣхамъ католическаго вліянія въ Палестинѣ и Сиріи. Въ концѣ XVII в. латинское духовенство, при содѣйствіи французскаго правительства, настолько усилилось въ Палестинѣ, что отняло Святыя мѣста у греческаго свято-гробскаго духовенства. Въ то же самое время, хитрыми проесками іезуитовъ, проникшихъ въ Палестину, пресловутая уніа вторгается въ православно-христіанскую церковь Сиріи и Палестины и, какъ гангрена, начинаетъ разъѣдать ея организмъ. Такіе успѣхи противниковъ заставили греческую іерархію выйти изъ своего обычнаго равнодушія. Она становится осторожною въ сношеніяхъ съ католическими пропагандистами и вообще съ западною церковью, принимаетъ дѣятельныя мѣры къ ослабленію инославнаго прозелитизма и, наконецъ, при сильномъ содѣйствіи дунайскихъ князей, вновь вступаетъ въ завѣтное наслѣдіе іерусалимскихъ святыхъ. Вся вторая половина прошедшаго столѣтія была проведена Сиріею и Палестиною въ хаотическомъ обуреваніи. Въ это время турецкая имперія распалась на нѣсколько обособлен-

¹⁾ На основаніи вышеупомянутой записки преосв. Петра (Троицкаго).

ныхъ провинцій. Вліяніе Порты на Сирію было потрясено до основанія. Къ тому же успѣхи русскаго оружія за Дунаемъ отозвались здѣсь роковыми потрясеніями султанской власти, а появленіе черноморскаго флота у сирійскихъ береговъ, при волненіяхъ пустыни отъ фанатизма Абдуль-Вехаба, при смѣлыхъ предпріятіяхъ Дагель-эль-Омара, при вторженіи египетскихъ мамелюковъ, при междуусобіяхъ сирійскихъ племенъ, едва не довершило отторженіе Сиріи отъ турецкой имперіи. Во все это время уніа преуспѣвала въ Сиріи, при энергичномъ содѣйствіи римскаго двора.

Слѣдовавшіе затѣмъ походы французовъ и тиранинъ Дюзерговъ имѣли счастливыя послѣдствія для Порты относительно вліянія ея на сирійскія племена. На это время падаетъ краткая, сравнительно счастливая для православной церкви въ Сиріи и Палестинѣ эпоха. Не смотря на дурное управленіе Абдиллаха, не смотря на потрясеніе, отозвавшееся во всей турецкой имперіи и произведенное возстаніемъ грековъ, не смотря на гоненія, какимъ подвергалась тогда православная церковь, первая четверть текущаго столѣтія ознаменовалась успѣхомъ православія въ Сиріи и Палестинѣ. Почти предъ самымъ возстаніемъ грековъ православное духовенство антиохійскаго патріархата, при содѣйствіи константинопольскаго патріарха и фанаріотовъ, едва не успѣло окончательно восторжествовать надъ уніею и отняло храмы, какими уніаты завладѣли было въ эпоху анархіи. Такому успѣху православія въ Сиріи немало содѣйствовало реакціонное движеніе, возникшее между самими уніатами. Въ средѣ этихъ послѣднихъ образовалось тайное братство никомидитовъ, имѣвшее своею цѣлію воссоединеніе съ православною церковью. Если успѣхъ борьбы православія съ католичествомъ и уніею не былъ рѣшителенъ, то это должно приписать ошибкамъ грековъ, которые переступили за грань благоразумной умѣренности, а не оскудѣнію или недостатку средствъ и силъ у православныхъ христіанъ Сиріи и Палестины¹⁾.

¹⁾ См. ту же записку преосв. Петра (Троицкаго).

Затѣмъ однако наступила критическая для православія эпоха съ египетскимъ владычествомъ въ Сиріи. Правда, духовенство и народъ православные благословляли и теперь еще благословляютъ египетскую эпоху, ознаменованную равною терпимостію въ отношеніи всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣдній и доставившую всѣмъ сирійскимъ церквамъ важныя преимущества. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что начало послѣдующаго ослабленія православной церкви въ Сиріи и Палестинѣ восходитъ именно къ египетской эпохѣ, къ которой должно быть отнесено также и крайнее усиленіе западно-европейскаго—политическаго и духовнаго вліянія въ этомъ краѣ. Римско-католическое духовенство въ эту эпоху приобрѣло особенную силу въ Сиріи и Палестинѣ. При возрастшемъ участіи, какое Франція и римскій дворъ стали принимать въ судьбахъ Сиріи и Палестины, оно и въ Иерусалимѣ и на Ливанѣ и по всѣмъ городамъ Сиріи замѣнило оборонительную систему, которой держалось дотолѣ, рѣшительными наступательными дѣйствіями. Для православныхъ христіанъ и духовенства Сиріи и Палестины грубыя гоненія турецкаго правительства и мусульманской черни прежней эпохи были чувствительнѣе, чѣмъ скрытное и коварное преслѣдованіе католическаго духовенства. Но гоненія со стороны мусульманъ имѣли, по крайней мѣрѣ, то спасительное для церкви значеніе, что ими болѣе и болѣе воспламенялось религіозное чувство; дѣятельность же инославныхъ миссіонеровъ, облакавшихся въ личину ложной терпимости, сочувствія и покровительства, медленно, но зато вѣрно вела къ ослабленію въ народныхъ массахъ основнаго религіознаго чувства, къ разрушенію всякой церковной дисциплины.

Главными дѣятелями латинской пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ во все это время были, какъ и прежде, францисканы. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились кармелиты, поселившіеся на горѣ Кармилѣ и возстановившіе здѣсь древній, разрушенный въ 1821 году, монастырь. Обновленіе этого по-

слѣдняго стоило до 450,000 руб., собранныхъ посредствомъ добровольныхъ пожертвованій, въ которыхъ принималъ участіе даже русскій православный народъ¹⁾. Къ 1840 г. число католиковъ въ Сиріи и Палестинѣ простиралось до 2000 чел. и въ 10 равныхъ мѣстностяхъ Святой земли насчитывалось до 30 католическихъ церковно-просвѣтительныхъ учреждений²⁾.

Въ такомъ положеніи находилось католичество въ Сиріи и Палестинѣ, когда въ 1840 году совершился политическій переворотъ, воссоединившій названныя сейчасъ области съ столицею имперіи. Казалось бы, что переворотъ этотъ долженъ былъ залѣчить раны, нанесенныя православію католическою пропагандою въ эпоху египетскаго правленія. Иерусалимскій и антїохійскій патріаршіе престолы, повидимому, могли ожидать спасительной опоры и заступничества, въ виду вліянія греческой церкви въ столицѣ и непосредственныхъ дѣйствій столичнаго правительства на Сирію и Палестину. Но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе изложенныхъ нами въ предыдущей главѣ историческихъ обстоятельствъ, какъ вселенская церковь, такъ и іерархія іерусалимской церкви были далеки отъ такого состоянія, которое бы давало имъ возможность залѣчить прежнія раны, нанесенныя православно-христіанской церкви въ Сиріи и Палестинѣ.

А между тѣмъ политическій переворотъ 1840 года открылъ собою новую эпоху въ исторіи отношеній западныхъ христіанскихъ народовъ къ Сиріи и Палестинѣ. До того времени здѣсь дѣйствовали одни только католики. Теперь же въ Палестину являються и протестанты. Успѣхи протестантской пропаганды возбудили ревность въ католикахъ, которые, въ свою очередь, начали особенно усиленную пропаганду въ Сиріи и Палестинѣ.

Католическія общества западной Европы, во главѣ съ

¹⁾ См. у А. С. Дмитриеваго. Цитов. соч., стр. 6.

²⁾ См. Правосл. Палест. Сборн. т. 1, выд. 1. СПб. 1881 г., стр. 45.

папою, вѣдательно и съ большимъ безпокойствомъ слѣдили за прозелитическою дѣятельностію протестантства въ Сиріи и Палестинѣ. По естественному чувству соревнованія, оживляемому вѣковою враждою между католичествомъ и протестантствомъ, католики усилили и свою миссіонерскую дѣятельность въ этихъ областяхъ. Особенно сильно обезпокоило и встревожило ревнителей католичества появленіе въ 1841 г. англиканско-прусскаго протестантскаго епископа въ Іерусалимѣ.

Отвѣтомъ со стороны католиковъ на учрежденіе протестантскаго епископства въ Іерусалимѣ было возстановленіе папою Піемъ IX въ 1846 году латинскаго іерусалимскаго патриархата, который, какъ сказано выше, существовалъ прежде, но потомъ, по удаленіи крестоносцевъ изъ Палестины, въ дѣйствительности закрылся и только считался существующимъ. Возстановленный католическій патриархатъ въ Іерусалимѣ былъ замѣщенъ Іосифомъ Валергою, — человекомъ энергичнымъ, смѣлымъ, ловкимъ и въ теченіе 14-лѣтней миссіонерской дѣятельности на Востокъ вполне подготовившимся къ осуществленію поручавшейся ему весьма важной задачи. Задача эта была не только важна, но и весьма трудна. Патриарху Валергѣ предстояло, прежде всего, выдержать упорную борьбу съ своими же католическими дѣятелями на православномъ Востокѣ, именно съ францисканами, которые считали себя хозяевами здѣсь и единственными представителями римско-католическаго міра, рѣшительно отказывались дѣлиться своею властію и своимъ вліяніемъ въ Палестинѣ съ кѣмъ бы то ни было и не желали никому уступать даже части своихъ доходовъ. Борьба съ францисканами для Валерги должна была быть тѣмъ болѣе затруднительною, что на первыхъ порахъ францисканскихъ монаховъ поддерживали почти все католическія западно-европейскія государства. Но, не смотря на это, и Валерга, поддерживаемый сначала папою, а потомъ и французскимъ императоромъ Наполеономъ III-мъ, смирилъ богатыхъ францисканъ и совершенно завладѣлъ всѣ-

ми ихъ доходами. Воспользовавшись своимъ вѣковымъ правомъ, Франція въ лицѣ Наполеона III потребовала замѣщенія французами трети принадлежавшихъ ей должностей въ управленіи францисканскимъ орденомъ. Отвергать этихъ требованій францискане не могли и должны были исполнить ихъ. Когда же треть голосовъ въ монастырскомъ управленіи перешла къ Франціи, или, правильнѣе, къ и. Валергѣ, который скрывался за нею, то ловкій патриархъ повелѣ дѣло весьма рѣшительно. Онъ постановилъ, чтобы все доходы францисканъ поступали въ распоряженіе римско-католической патриархіи въ Іерусалимѣ: пятая часть изъ нихъ должна была оставаться въ полномъ распоряженіи самой патриархіи, а остальные распределены были между существовавшими въ Палестинѣ католическими монастырями. Для приданія большей силы своимъ преобразованіямъ, и. Валерга отправлялся лично въ Римъ, чтобы папскимъ согласіемъ утвердить свои распоряженія. Хотя это стоило ему большихъ усилій и немалыхъ хлопотъ, но все таки, при поддержкѣ французскаго правительства, онъ добился своего и возвратился въ Палестину полнымъ и главнымъ распорядителемъ и начальникомъ всѣхъ здѣшнихъ дѣятелей римско-католической пропаганды. Францисканъ теперь должны были безусловно смириться предъ ловкимъ своимъ противникомъ и, утративъ свое прежнее вліяніе въ Палестинѣ, на ряду со всеми другими монашескими орденами поступали въ распоряженіе римской пропаганды на Востокѣ, сохранивъ, впрочемъ, за собою преимущественное значеніе хранителей Святыхъ мѣстъ римско-католической церкви въ Іерусалимѣ.

Оставивъ францисканъ при ихъ вѣковыхъ спорахъ съ греками изъ-за Святыхъ мѣстъ, и. Валерга приступилъ теперь къ выполненію прямой и главной цѣли своего посольства на православный Востокъ. Самый Іерусалимъ, гдѣ были весьма сильны партіи, противныя Риму, онъ пока, не имѣя средствъ успѣшно бороться съ ними, оставилъ въ относительномъ по-

коѣ и обратилъ все свое вниманіе и всю свою дѣятельность на его окрестности. „Когда Іерусалимъ будетъ заключенъ въ тѣсный кругъ латинскихъ общинъ“,—разсуждалъ онъ,—„когда эти общины, постепенно расширяясь, будутъ стѣснять этотъ кругъ, тогда Іерусалимъ долженъ будетъ, въ концѣ концовъ, сдѣлаться латинскимъ“¹⁾. Хотя Валерга и не сдѣлалъ Іерусалимъ латинскимъ городомъ, хотя послѣдній и доселѣ не сдѣлался и едва ли когда либо сдѣлается такимъ, но все таки своєю чрезвычайно энергичною и ловкою дѣятельностію п. Валерга весьма много содѣйствовалъ успѣху латинской пропаганды въ Палестинѣ.

Въ сотрудники себѣ п. Валерга пригласилъ, съ разрѣшенія папы, въ Палестину всѣ латинскіе монашескіе и полумонашескіе ордена, не исключая и іезуитовъ, и даже бѣлое духовенство. Духовенство римско-католической церкви отнеслось весьма сочувственно къ призыву п. Валерги. Скоро вся Палестина наполнилась латинскими миссіонерами и покрылась разными учрежденіями римско-католической пропаганды. Кромѣ бѣлаго духовенства, сюда прибыло свыше 500 внолѣбъ подготовленныхъ дѣятелей,—представителей 20 монашескихъ и полумонашескихъ орденовъ. Тѣсно сплоченные между собою единствомъ цѣли и стремленій, одушевленные ревностію, которая въ значительной степени подогрѣвалась соперничествомъ съ дѣятелями другихъ христіанскихъ исповѣданій (особенно протестантскаго) и хорошо руководимые твердою и опытною рукою своего принципала, они съ большою энергією взялись за дѣло, на которое были призваны.

Латинскіе миссінеры, руководимые п. Валергою, употребляли различные способы пропаганды какъ явной, такъ и преимущественно тайной. Прежде всего, они начали устраивать въ разныхъ мѣстахъ Палестины монастыри, костелы и

¹⁾ См. у Д. С. Дмитриевскаго. Цитов. соч., стр. 9.

часовни, въ которыхъ совершали богослуженіе чинно и стройно, нерѣдко даже на родномъ для туземныхъ христіанъ-арабовъ языкѣ, и непременно при театрално-пышной обстановкѣ, рассчитанной на возможно большій эффектъ. „Предоставляю судить вамъ“,—говоритъ одинъ русскій ученый, близко знакомый съ исторіей Св. земли, послѣ описанія церемоніала одной изъ католическихъ процессій праздника Тѣла Господня,—„насколько подобная процессія, подѣ синимъ небомъ Палестины, среди южной растительности, окруженная облаками еиміама и звуками, далеко разносимыми по воздуху, священныхъ гимновъ, должна дѣйствовать и дѣйствуетъ на пристрастныхъ ко всѣмъ зрѣлищамъ и надкихъ до всего блестящаго—южныхъ жителей“¹⁾. А такихъ процессій въ Святой землѣ латиняне устраивали по нѣскольку въ мѣсяцъ. Кромѣ того, въ латинскихъ монастыряхъ, костелахъ и часовняхъ миссіонерами велась открытая проповѣдь, направленная къ обращенію православныхъ въ католичество. Проповѣдь эта имѣла тѣмъ большій успѣхъ, что православное духовенство въ Палестинѣ было или совершенно равнодушно въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей и потому пользовалось непопулярностію въ средѣ туземнаго православнаго населенія, что должно сказать въ особенности о духовенствѣ греческаго происхожденія; или же въ большинствѣ своемъ было убого, невѣжественно, бѣдно и потому робко и безответно, что должно сказать объ арабскомъ православномъ духовенствѣ²⁾. Послѣднимъ обстоятельствомъ латиняне особенно

¹⁾ См. Прав. Пал. Сборн. т. I. вын. I. СПб. 1861 г., стр. 39—40.

²⁾ „Переводчикъ пѣренной мѣ миссіи“,—пишетъ архим. Порфирій Успенскій въ своемъ писемѣ за 25 сент. 1852 г.,—„повѣдалъ мнѣ, что заорданскіе христіане изъ Сидона привели сюда молодого мущину, лѣтъ 22, для рукоположенія, что онъ едва, едва разбираетъ арабскую грамоту, и что его учать въ здѣшней арабской школѣ, но онъ не хочетъ учиться и говорить: довольно знать одно евангеліе, одичъ кодакъ“. См. Книга бытія араб. Ч. IV. СПб. 1896, стр. 306—307.

пользовались и при томъ съ удивительнымъ нахальствомъ. Иногда католическій миссіонеръ смѣло отправлялся въ то селеніе, гдѣ, какъ онъ зналъ, былъ бездѣятельный, или совершенно невѣжественный священникъ, и открыто начиналъ свою пропаганду, почти всегда сопровождавшуюся большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Пропаганда католическаго ученія посредствомъ торжественнаго богослуженія и открытой проповѣди была рассчитана главнымъ образомъ на взрослыхъ членовъ православной церкви. Но не въ этихъ послѣднихъ полагали залогъ будущей своей силы и своего вліянія на православномъ Востокѣ латинскіе миссіонеры, которые, поэтому, торжественнымъ богослуженіемъ и проповѣдью отнюдь не ограничивали своей дѣятельности. Какъ опытные и расчетливые строители, они желали строить задуманное зданіе на прочномъ основаніи. Такимъ основаніемъ они совершенно вѣрно считали молодое поколѣніе сирійско-палестинскихъ православныхъ христіанъ, которое, для обезпеченія будущаго несомнѣннаго успѣха, по расчетамъ латинскихъ миссіонеровъ, требовалось воспитать въ католическомъ духѣ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой послѣдней цѣли они справедливо считали устройство возможно большаго количества учебныхъ заведеній въ различныхъ пунктахъ Сиріи и Палестины.

Такихъ заведеній латинянами было открыто довольно и нѣкоторыя изъ нихъ въ теченіе самаго непродолжительнаго времени успѣли достигнуть значительнаго благоустройства. Представляя въ большинствѣ случаевъ строго замкнутыя, закрытыя учебныя заведенія, они предлагали православнымъ дѣтямъ бесплатное обученіе, а иногда даже и полное содержаніе. Главною цѣлью дѣятельности ихъ служило не умственное образованіе учащагося юношества, а именно воспитаніе его въ духѣ римско-католической вѣры. Уже самая замкнутость въ стѣнахъ учебнаго заведенія въ теченіе многихъ лѣтъ и разобщеніе съ близкими родными незамѣтно воспи-

тывали въ дѣтяхъ и юношахъ отчужденность отъ православной вѣры и механическую привязанность къ латинству. Къ этому присоединялись и положительныя средства религіозной пропаганды, практиковавшіяся здѣсь тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что беззащитныя и попавшія въ матеріальную зависимость отъ своихъ непривзванныхъ благодѣтелей дѣти представляли мягкій, какъ воскъ, матеріалъ въ рукахъ этихъ послѣднихъ. Въ латинскихъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на то, что громадное большинство питомцевъ ихъ принадлежало къ православному вѣроисповѣданію, считалось обязательнымъ изученіе латинскаго катихизиса и присутствіе при ежедневной молитвѣ, литургіи и всѣхъ многочисленныхъ богослуженіяхъ, совершавшихся по уставамъ римско-католической церкви. Нѣкоторыя же изъ подобныхъ заведеній устраивали для своихъ питомцевъ спеціальныя конгрегаціи подъ разными названіями: младенца Іисуса, св. сердце Іисуса и Маріи, св. Іосифа, ангеловъ и т. п., главнѣйшею цѣлью которыхъ служило то, чтобы, чрезъ совместное празднованіе извѣстныхъ дней, молитву въ опредѣленные часы, устройство и украшеніе маленькихъ алтариковъ и т. д., приучать дѣтей къ латинскимъ обрядамъ и дисциплинѣ. Особенное вниманіе руководители подобныхъ заведеній обращали на тѣхъ дѣтей, которые, по своему развитію и способностямъ, выдѣлялись изъ среды своихъ товарищей: такихъ особеннымъ образомъ обучали и перѣдко отправляли въ западно-европейскія высшія учебныя заведенія римско-католической церкви для усовершенствованія въ наукахъ, гдѣ они иногда принимали постриженіе и возвращались на родину настоящими латинскими монахами—миссіонерами. *Къ социализму*

Руководители латинскихъ учебныхъ заведеній не оставляли своихъ питомцевъ заботами, имѣвшими прозелитическую подкладку, даже и по выходѣ ихъ изъ заведеній. Не полагаясь на зрѣлость и стойкость своихъ воспитанниковъ, они на нѣкоторое время не выпускали ихъ изъ-подъ своей опеки

и для наблюденія за ними учреждали т. н. патроны, находившіеся подъ руководствомъ какого-нибудь патера. Члены такихъ патронатовъ собирались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, присутствовали при богослуженіи и религиозныхъ бесѣдахъ, которыя велись на арабскомъ языкѣ, участвовали въ общихъ играхъ и развлеченияхъ, устроившихся для нихъ въ воспитавшихъ ихъ заведеніяхъ. Они устраивали вѣщо въ родѣ кассъ взаимопомощи, посредствомъ добротныхъ приношеній, причемъ руководители заведеній, съ своей стороны, приходили на помощь тѣмъ, которые оставались вѣрными своимъ обѣщаніямъ и тѣмъ идеямъ, въ какихъ воспитывались. Такая заботливая опека иногда продолжалась до 20-лѣтняго возраста, т. е. до такого періода жизни школьнаго питомца, когда онъ не только самъ окончательно утверждался въ латинскомъ вѣроисповѣданіи, но и могъ распространять его среди другихъ своихъ соотечественниковъ.

Система воспитанія, построеннаго на подобныхъ началахъ, хотя и не сопровождалась сразу замѣтными плодами, но за то вѣрно подготовляла прочный фундаментъ для будущихъ успѣховъ латинской пропаганды на православномъ Востоцѣ. Однимъ изъ важныхъ средствъ для пропаганды католичества служила также благотворительность, которую весьма широко практиковали руководимые п. Валергою латинскіе миссіонеры среди православнаго населенія Сиріи и Палестины. Православное населеніе названныхъ странъ въ громадномъ своемъ большинствѣ было крайне бѣдно и, благодаря вредному влиянію, съ одной стороны, господствующаго ислама, а съ другой—соперничества разныхъ христіанскихъ исповѣданій между собою, въ высшей степени деморализовано въ религиозно-нравственномъ отношеніи. „Жалки здѣшніе арабы“! — пишетъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника архим. Порфирій Успенскій. „На дбахъ ихъ написано: мы торгуемъ

вѣрою. Но кто написалъ тутъ слова эти? Католики и протестанты“¹⁾.

Послѣднія слова лучшаго нашего знатока Православнаго Востока замѣчательно вѣрно характеризуютъ религиозно-нравственное настроеніе сирійско-палестинскаго православнаго населенія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ глубоко деморализованнаго разными сторонними вредными влияніями. Дѣйствительно, среди православныхъ арабовъ Сиріи и Палестины бывало немало такихъ, которые, подъ влияніемъ матеріальной нужды, съ совершенно спокойною совѣстію мѣняли свою вѣру. Обѣдѣля кто-нибудь изъ нихъ, пришла крайность... и вотъ онъ идетъ къ латинскому миссіонеру, объявляя ему, что, послѣ долгихъ размышленій о томъ, какая вѣра лучше, онъ пришелъ къ заключенію, что латинство лучше православія, почему и проситъ принять его въ лоно католической церкви. Затѣмъ уже слѣдуетъ разговоръ о матеріальной нуждѣ, сопровождаемый униженною просьбою о помощи. Латинскій миссіонеръ, прекрасно понимая, въ чемъ дѣло, знаетъ, что новый прозелитъ ни о чемъ подобномъ не думаетъ изъ того, что говоритъ, да и не можетъ думать, такъ какъ ясно не знаетъ ни православія, ни католичества. Однакоже онъ дѣлаетъ видъ, что вѣрнѣе всему сказанному, принимаетъ близко къ сердцу нужду просителя, выдаетъ ему пособіе, разумѣется, подъ росписку, и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ новаго сына своей церкви... впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ не надолго, такъ какъ, при новой матеріальной нуждѣ, подобный легковѣръ съ такою же спокойною совѣстію мѣняетъ католичество на протестантство, съ какою раньше онъ перемѣнилъ православіе на латинство. Въ дневникахъ архим. Порфирія Успенскаго разсказывается о многихъ случаяхъ подобнаго перехода арабовъ изъ латинства въ протестантство. Впрочемъ, католическіе миссіонеры не смущались подобнымъ легковѣріемъ своихъ

¹⁾ См. Книга бытія моего ч. IV. 1896 г. СІВ. стр. 410.

взрослыхъ обращенцевъ, такъ какъ не въ нихъ полагали свою главную силу. „Латинскій патріархъ Валерга“,—пишетъ архим. Порфирій Успенскій въ своемъ дневникѣ подь 28 января 1853 года,—„объявилъ своей паствѣ, что ежели кто приметъ, или желаетъ принять протестантство, то пусть выскажется, дабы извѣстно было, кто какого духа и кто во что вѣруеть“¹⁾.

Приобрѣтеніе послѣдователей среди взрослыхъ православныхъ сирійско-палестинскихъ христіанъ было однакоже необходимо латинянамъ для вѣншей показности, для возвышенія латинскаго авторитета въ глазахъ восточныхъ христіанъ и для возбужденія въ этихъ послѣднихъ стремленія къ переходу въ католичество. Поэтому, латинскіе миссіонеры, не смотря на видимо малый успѣхъ, не оставляли путемъ благотворительности завлекать къ себѣ православныхъ тѣмъ болѣе, что общественная благотворительность ихъ сопровождалась гораздо большимъ успѣхомъ въ отношеніи пропаганды, чѣмъ частная. Въ разныхъ мѣстахъ Палестины и Сиріи латиняне понастроили множество всевозможныхъ приютовъ, пансіоновъ, страннопримныхъ домовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій, служившихъ центрами самой дѣлательной пропаганды римско-католическаго ученія среди бѣднаго православнаго населенія. Особенное вниманіе латиняне обратили на медицинское пособіе, въ которомъ, дѣйствительно, крайне нуждалось православное населеніе Сиріи и Палестины. Они сначала заводили аптеки съ бесплатной раздачей наиболѣе простыхъ средствъ, а потомъ стали устраивать хорошо обставленныя больницы, въ которыхъ врачами обыкновенно были монахи—миссіонеры. И должно отдать честь латинянамъ, что они содержали свои больницы такъ хорошо, что заслуживали одобреніе даже у своихъ противниковъ. Описавъ состояніе греческой больницы, устроенной въ октябрѣ 1851 г.

¹⁾ См. книгу бытія моего, ч. IV. СПб. 1896 г. стр. 387.

въ Екатерининскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ и закрывшейся вскорѣ, вслѣдствіе неумѣлаго веденія дѣла, архим. Порфирій Успенскій говоритъ затѣмъ въ своемъ дневникѣ подь 9 мая 1852 года: „не такъ идутъ дѣла милосердія у здѣшнихъ католиковъ. У нихъ во всемъ проявляется живучесть благодатная (?) и дѣлательность полезная. Они въ одно время съ греками устроили больницу въ двадцать пять кроватей, и она до сей поры существуетъ. Въ ней за больными ухаживаютъ сестры милосердія; состоятельныя поступаютъ туда съ платою, бѣдныя—даромъ, а евреи—не принимаются“¹⁾.

Само собою разумѣется, что, при подачѣ помощи больнымъ тѣлесными недугами, латинскіе миссіонеры никогда не забывали подавать имъ и духовную помощь, и старались вообще пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для преслѣдованія главной своей цѣли—обращенія въ латинство. Иногда привосившихся къ нимъ больныхъ и умиравшихъ дѣтей они тутъ же въ больницѣ и крестили, безъ вѣдома ихъ родителей.

Таковы были главные способы латинской пропаганды въ средѣ православныхъ жителей Сиріи и Палестины. Кромѣ того, латинскіе миссіонеры иногда пропагандировали свое ученіе посредствомъ распространенія въ народѣ различныхъ общедоступныхъ изданій, въ которыхъ то осмѣивалось, или критиковалось православіе, то положительно излагалось римско-католическое ученіе особенно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ оно наиболѣе расходилось съ православнымъ.

Что касается матеріальныхъ средствъ, при помощи которыхъ латинскіе миссіонеры дѣйствовали на православномъ Востокѣ, то на первыхъ порахъ они составлялись главнымъ образомъ изъ пожертвованій частныхъ лицъ западно-европейскаго латинскаго міра, который всегда щедро отзывался на всѣ ихъ краснорѣчивыя воззванія о помощи. Съ какимъ мастерствомъ латинскіе миссіонеры умѣли привлекать къ себѣ

¹⁾ См. книгу бытія моего, ч. IV. СПб. 1896 г. стр. 276—277.

общее вниманіе и выпрашивать пожертвованія на свое дѣло не только у настоящихъ ревнителей римско-католической церкви, но даже и у лицъ, чуждыхъ всякаго усердія къ вѣрѣ, а иногда и совсѣмъ не принадлежащихъ къ латинской церкви, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. На постройку кармилескаго монастыря, о которомъ раньше мы упоминали, было собрано до 450.000 рублей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ однимъ безграмотнымъ кармелитскимъ монахомъ по нѣмъ европейскимъ государствамъ, въ томъ числѣ и по Россіи, при чемъ онъ самъ даже и не ѣздилъ, а только списывался съ другими лицами, возбуждая усердіе жертвователей своими разсказами, писавшимися, по его заказу, другими, напр., известнымъ французскимъ литераторомъ Александромъ Дюма.

Такъ было на первыхъ порахъ. А затѣмъ по мѣрѣ того, какъ возникали латинскія учрежденія на православномъ Востоцкѣ, возрастало и довѣріе латинскаго міра къ нимъ. Параллельно съ этимъ, разумѣется, увеличивалась и благотворительность западно-европейскаго римско-католическаго міра, всегда внимательно и сочувственно слѣдившаго за дѣятельностію латинскихъ миссіонеровъ на православномъ Востоцкѣ.

Къ сказанному сейчасъ слѣдуетъ прибавить еще и то, что латинскіе миссіонеры, выходившіе преимущественно изъ лицъ монашескаго сословія, или же изъ благаго безбрачнаго духовенства, за весьма рѣдкими исключеніями, отличались умѣньемъ ограничивать личныя свои потребности до возможнаго минимума и истрачивать на свое собственное содержаніе сравнительно незначительныя суммы; такъ, напр., содержаніе каждаго францисканскаго миссіонера обходилось всего 60 руб. съ небольшимъ въ годъ. Такимъ образомъ, почти всѣ громадныя средства, собиравшіяся латинскими миссіонерами путемъ щедрыхъ пожертвованій, они могли употреблять на дѣло пропаганды.

Какъ вообще умѣло и находчиво дѣйствовали представители этой послѣдней въ Сиріи и Палестинѣ, объ этомъ весьма краснорѣчиво говоритъ слѣдующая исторія одной латинской миссіонерской общины подъ именемъ „сіонскихъ сестеръ“. Основателемъ этой общины былъ обращенный въ христіанство еврей Ратисбоннъ. Въ 1855 году онъ явился въ Іерусалимъ, какъ простой паломникъ, но въ дѣйствительности съ цѣлю посвятить себя пропагандѣ, и предложилъ п. Валергѣ свои услуги по распространенію латинства среди евреевъ. Валерга съ радостію принялъ предложеніе Ратисбонна и, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій, обѣщавъ свое покровительство... и только предупредилъ новаго миссіонера, что въ матеріальномъ отношеніи онъ не можетъ пособить ему, вслѣдствіе бѣдности самой патриархіи. А такъ какъ и Ратисбоннъ не имѣлъ своихъ средствъ, то онъ не видѣлъ никакой возможности осуществить свои намѣренія и уже рѣшился было возвратиться въ Европу съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться въ Палестину. Но въ это самое время онъ получилъ неожиданно отъ сестры значительную сумму, что заставило его радикально измѣнить свои намѣренія. Онъ тотчасъ же выписалъ изъ Европы въ Іерусалимъ 4 монахини сіонской общины, которыя и прибыли къ нему въ маѣ 1856 г. Прибывшія монахини помѣстились временно въ бѣдномъ и тѣсномъ арабскомъ домѣ, нанятомъ для нихъ Ратисбонномъ и находившемся вблизи Дамасскихъ воротъ. Насколько скудны были тогда матеріальныя средства зарождавшейся миссіонерской общины, можно видѣть изъ того, что столы и скамьи для ихъ помѣщенія были сдѣланы однимъ францисканскимъ монахомъ изъ тѣхъ ящиковъ, въ которыхъ было привезено изъ Европы ихъ скромное имущество. Вслѣдствіе же эта община сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ латинскихъ миссіонерскихъ конгрегацій въ Палестинѣ и постепенно успѣла устроить свой монастырь, великолѣпный

храмъ, пансіонъ и нѣсколько учебно-воспитательныхъ учрежденій¹⁾.

Что касается собственно успѣховъ латинской пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ, то въ количественномъ отношеніи они къ разсматриваемому нами времени, т. е. ко второй половинѣ пятидесятихъ годовъ истекающаго столѣтія были не особенно блестящіе. Но за то нравственное вліяніе этой пропаганды на православное населеніе названныхъ областей было весьма сильно и, разумѣется, пагубно. Латинская пропаганда къ этому времени успѣла въ корнѣ потрясти религіозное чувство въ православныхъ христіанахъ и преданность ихъ своей отеческой вѣрѣ, ослабить церковную дисциплину, подорвать вѣру и разрушить старое доброе, не создавъ ничего новаго. Къ счастью, православное населеніе Сиріи и Палестины, особенно лучшая часть его инстинктивно боялась латинскихъ миссіонеровъ, которые, по этому, завлекали въ свои сѣти чаще всего худшихъ и ненадежныхъ членовъ православной церкви. Наибольшій вредъ латинской пропаганды состоялъ въ томъ, что она разрушала духовныя узы восточно-православнаго населенія и вносила въ среду его ровнь, взаимное недовѣріе и даже вражду. Подъ вліяніемъ римско-католической пропаганды, иногда населеніе одного города, или мѣстечка дѣлилось на двѣ половины, сильно враждовавшія между собою. „Непомѣрное хвастовство палестинскихъ католиковъ“, — пишетъ въ своемъ дневникѣ пресв. Порфирій Успенскій подъ 12 февраля 1853 года, — „при настоящемъ перевѣсѣ ихъ могучихъ представителей здѣсь и въ Константинополѣ, доходить до дерзости и буйства. Въ Виелемѣ отъ него едва не вспыхнуло возмущеніе. На дняхъ тамошнія женщины римскаго вѣроисповѣданія подразнили православныхъ бабъ тѣмъ, что папа и Франція сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и что греки украли серебряную звѣзду изъ вертепа Рождества Христова, но на

¹⁾ См. у А. Лавочскаго, Инославные въ св. Землѣ. Спб. 1896 г. стр. 6—8.

мѣсто ея положена другая, по вся франкская. Пошла ссора. Вскипѣла ярость ревности не по разуму. Но, къ счастью, мужья не заступились за женъ и дѣло обошлось безъ драки. Однако порохъ лежалъ подлѣ огня, и Боже унаси насъ отъ взрыва! Въ прошлый вторникъ (10-го февраля) нѣсколько здѣшнихъ араво-католиковъ вышли за городъ понеселиться и, играя въ саду патріаршаго-письмоводителя, архимандрита Никифора, сломали два дерева. Работники его, магометане, замѣтивъ это, поколотили ихъ. Наказанные такимъ образомъ молодцы воротились въ Іерусалимъ и, случайно увидѣвъ подлѣ дома патріарха Валерга прислужника помлпутаго архимандрита, нѣкоего Длууда, давай бить его, чѣмъ и во что попало. За невиннаго вступился какой-то магометанинъ. Но они прибили и его. Канасы Валерги видѣли эту драку, но не уняли дерзкихъ. Вѣсть о ней мгновенно разнеслась по городу. Тогда удалцы изъ православныхъ арабовъ тотчасъ вооружились, чѣмъ могли, и прибѣжали къ дому латинскаго патріарха съ тѣмъ, чтобы у обидчиковъ вырвать око за око и зубъ за зубъ, но, къ счастью, уже не застали ихъ тутъ. Впрочемъ, мести будетъ. Слышно, что не только православныя іерусалимляне, но и жители селенія Бетжалы поклялись поколотить католиковъ за стѣнами города при первомъ удобномъ случаѣ... Возгораемыя вещества накоплены и отъ малѣйшей искры вспыхнутъ“¹⁾.

Въ связи съ латинской пропагандой въ Сиріи и Палестинѣ находилась дѣятельность униатовъ, которые, впрочемъ, составляли особое общество и по своему устройству, и по средствамъ, какими оно располагало, и по цѣлямъ, какия оно преслѣдовало. Унія впервые проникла собственно въ Сирію въ половинѣ XVII в.²⁾ Съ той поры она, какъ гангрена, начала медленно, но тѣмъ не менѣе настойчиво распространяться по всей Сиріи и даже выходить за ея предѣлы. Съ

¹⁾ См. книгу моего бытія, ч. IV. Спб. 1896 г. стр. 403—404.

²⁾ См. тамъ же ч. III стр. 63.

особеннымъ успѣхомъ уніаты дѣйствовали среди сирійскаго православно-христіанскаго населенія въ первой половинѣ XVIII в., пользуясь слабостію тогдашней православной іерархіи. Но, впрочемъ, процвѣтаніе уніи здѣсь было непродолжительно. Унія, какъ учрежденіе переходное, временное по самому существу, назначенное отъ начала своего бытія только переходною ступенію къ обращенію православныхъ въ чистое католичество, не имѣла и не имѣть въ самой себѣ духа жизни и потому не могла и не можетъ существовать долго. Въ частности, сирійско-палестинская унія къ тому времени, какое мы имѣемъ въ виду, начала уже видимо разлагаться и падать. „Унія“, — писалъ преосв. Порфирій въ своемъ дневникѣ подъ 15 января 1849 г., — „ослабѣваетъ въ Сиріи и Палестинѣ. Она сама въ себѣ носитъ зародыши разрушенія“¹⁾. Паденіе уніи было очевидно для самыхъ представителей и руководителей ея, которые, поэтому, старались принимать даже искусственныя мѣры для поддержанія разрушавшагося зданія сирійско-палестинской уніатской церкви. Одной изъ такихъ мѣръ признавалось возможно большее сближеніе уніатовъ съ римско-католическою церковью и оживленіе уніатской пропаганды между православными. Для обсужденія этой мѣры въ іюнь 1849 года созывался въ Іерусалимѣ уніатскимъ сирійско-палестинскимъ патріархомъ Максимомъ соборъ, въ которомъ подъ предѣдательствомъ патріарха, участвовало 9 уніатскихъ епископовъ. Патріархъ, между прочимъ, предлагалъ собору своихъ епископовъ установить помноженіе папы въ молитвахъ, служеніе на оръбенокахъ и вообще возможно большее сближеніе съ римско-католическою церковью. Но съ патріархомъ согласились только три епископа, прочіе же сплѣно воспротивились и отвергли предложеніе его. Поэтому, на соборѣ большинствомъ голосовъ было постановлено: 1) признавать папу покровителемъ уніатовъ, но не болѣе; 2) служить

¹⁾ См. тамъ же стр. 489.]

литургію на квасномъ хлѣбѣ и причащаться подъ двумя видами по прежнему; 3) терять женатыхъ священниковъ; 4) расходы, употребленные на постройку дома для іерусалимскихъ уніатовъ, разложить на уніатскихъ епископовъ“¹⁾.

Не смотря однакоже на такія и подобныя имъ мѣры, принимавшіяся къ оживленію сирійско-палестинской уніи, эта послѣдняя продолжала падать и разлагаться. Такъ, по свидѣтельству преосв. Порфирія, въ томъ же 1849 году въ Назаретѣ уніаты поссорились между собою и раздѣлились на двѣ половины. Одна осталась вѣрною папѣ, а другая пожелала принять православіе и пригласила преосвященнаго Прокопія (православнаго). И только энергичное вмѣшательство латинскихъ монаховъ, постаравшихся примирить враждующихъ и поддержать колебавшихся въ римскомъ вѣроисповѣданіи, было причиною того, что половина назаретскихъ уніатовъ не успѣла тогда же соединиться съ православно-христіанскою церковью²⁾. Нѣсколько позже, но въ томъ же 1849 году въ Аленѣ одинъ богатый купецъ съ 30 родственными семействами презрѣлъ унію и принялъ православіе³⁾. Было много и другихъ подобныхъ массовыхъ обращеній сирійско-палестинскихъ уніатовъ въ православіе за время пребыванія преосв. Порфирія на православномъ Востокѣ.

Опаснѣе всего для сирійско-палестинской уніи и вмѣстѣ съ тѣмъ благоприятнѣе всего для интересовъ православно-христіанской церкви въ Сиріи и Палестинѣ было то, что среди самихъ же уніатовъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ истекающаго столѣтія образовалось тайное общество, имѣвшее своею цѣлію содѣйствовать подготовленію общаго возсоединенія сирійско-палестинскихъ уніатовъ съ православною церковью. Члены этого общества усвоили себѣ названіе никодимитовъ въ память о Никодимѣ, приходившемъ почью

¹⁾ См. тамъ же стр. 592, 594—595.

²⁾ См. тамъ же стр. 489.

³⁾ См. тамъ же стр. 595.

тайно къ Спасителю для бесѣды. „Въ этомъ братствѣ“, — пишетъ преосв. Порфирій въ своемъ дневникѣ подъ 10 октября 1846 года, — „числятся нѣкоторые архіереи, многіе священники и міряне. Одного изъ этихъ архіереевъ, именно амидійскаго митрополита Макарія, который назывался великимъ Никодимомъ, ожидаютъ въ Константинополѣ“¹⁾.

По убѣжденію преосв. Порфирія, сирійско-палестинскіе уніаты легко могли бы все возсоединиться съ православною церковью, еслибы только со стороны этой послѣдней были приняты необходимыя мѣры къ тому. „Легко было бы“, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей „книги бытія“, — „привить къ древней и доброй маслинѣ отпадающія отъ латинства вѣтви. Но гдѣ у насъ дѣлатели въ вертоградѣ Господнемъ? Гдѣ масти для поддержанія прививокъ? Патріархъ іерусалимскій громоздитъ только камни на камни и угоняетъ мусульманъ. Владыка антиохійскій бѣденъ людьми и пособіями какъ духовными, такъ и денежными. Въ великой церкви цареградской душа мала. Знаменитые и богатые монастыри помрачены невѣжествомъ и заражены собирательнымъ себялюбіемъ, такъ что думаютъ только о своихъ выгодахъ и отнюдь не помышляютъ о благѣ общемъ. А наша духовная миссія въ св. градѣ *miserima est, miserisque succurere nullo modo potest*. Она водворена тамъ, кажется, для того, чтобы присутствовать на похоронахъ православія“.

¹⁾ См. тамъ же стр. 64.

IV.

Исторія протестантской пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ до преосв. Кирилла.

Политическій переворотъ 1840 года, возсоединившій Сирію и Палестину съ турецкою имперіей и открывшій новую эпоху въ исторіи отношеній западно-европейскихъ христіанскихъ народовъ къ православному Востоку, однимъ изъ важнѣйшихъ своихъ слѣдствій имѣлъ начало протестантской пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ. До 1840 года протестанты были весьма рѣдкими и преимущественно частными посѣтителями Святой земли. Были въ это время и попытки протестантской пропаганды здѣсь, но совершенно случайныя, единичныя и потому не имѣвшія никакого серьезнаго значенія. Такъ, въ 1820 году мы видѣли въ Іерусалимѣ протестантскаго миссіонера швейцарца Чуди, посланнаго сюда, по предложенію Магъ-Кауля, лондонскимъ обществомъ съ спеціальною цѣлію распространенія св. Писанія между палестинскими и сирійскими евреями. Но о пропагандистской дѣятельности его ничего неизвѣстно. Въ 1822 году въ Іерусалимѣ дѣйствовалъ Іосифъ Вольфъ, въ слѣдующемъ году — ирландецъ Льюисъ, помощникомъ котораго въ 1824 году является Дальтонъ. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, по отъѣздѣ изъ Іерусалима Льюиса, напелъ ревностнаго помощника себѣ

въ Николайсонѣ, который, съ небольшимъ перерывомъ, жилъ въ Иерусалимѣ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1856 году. Рядомъ съ западно-европейскими протестантскими миссіонерами мы видѣли въ это время въ Палестинѣ и американскихъ миссіонеровъ въ лицѣ Плинія Фикса, Кинга и впоследствии Томсона¹⁾.

Результаты всей этой единичной миссіонерской дѣятельности протестантовъ были совершенно ничтожны. Тоблеръ, посѣтившій Иерусалимъ въ 1835 году, нашелъ здѣсь, кромѣ миссіонеровъ, только одного европейца-протестанта, именно нѣмецкаго садовника. Цѣлю протестантской пропаганды въ это время были почти исключительно одни евреи. Правда, въ половинѣ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія американскій миссіонеръ Витнигъ сдѣлалъ было попытку пропагандировать протестантство среди православныхъ, которыхъ собиралъ по воскреснымъ днямъ въ своей квартирѣ для чтенія Св. Писанія, но скоро былъ изгнанъ иерусалимскимъ патріархомъ. Въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ того же столѣтія протестантская пропаганда въ Палестинѣ, видимо, значительно усилилась и оживилась, при чемъ она приобрѣла въ это время сильную опору и покровительство для себя въ лицѣ англійскаго консула Юнга, поселившагося въ Иерусалимѣ въ 1839 году.

Такъ обстояло дѣло до 1840 года. Протестанты пока только знакомились съ новымъ дѣломъ и пробовали въ немъ свои силы. Съ 1840 года характеръ протестантской пропаганды въ Палестинѣ и Сиріи существенно измѣняется. Она получаетъ теперь иную постановку и начинаетъ преслѣдовать новыя цѣли. Еще въ 1839 году извѣстный изслѣдователь Св. земли Робинзонъ съ прискорбіемъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что „протестанты не существуютъ ни въ Сиріи, ни въ иной части турецкой имперіи, какъ отдѣльная община“²⁾. При этомъ онъ

выражалъ удивленіе, почему европейскія протестантскія правительства, особенно англійское, совершенно равнодушно относятся къ судьбѣ протестантской миссіи въ Иерусалимѣ. Миссія эта, по мнѣнію ученаго изслѣдователя, должна имѣть глубочайшее политическое значеніе. Здѣсь уже мы видимъ совершенно новое возрѣніе на цѣли и задачи протестантской миссіи. Раньше того протестанты трудились въ Святой землѣ исключительно по религиознымъ побужденіямъ и съ религиозными же цѣлями. Но совсѣмъ иначе посматрѣлъ на это дѣло Робинзонъ. „Франція“, — говоритъ онъ, — давно уже признанная покровительница римскихъ католиковъ въ Сиріи и Палестинѣ и дѣйствительная защитница послѣдователей этого вѣроисповѣданія, а потому, гдѣ только обитаютъ католики, тамъ они ревностные приверженцы Франціи. Россія имѣетъ еще болѣе горячихъ приверженцевъ среди членовъ церкви, число которыхъ превосходитъ католиковъ. Куда бы Россія ни послала своихъ агентовъ, вездѣ они находятъ самыхъ горячихъ приверженцевъ, готовыхъ сообщать имъ необходимыя свѣдѣнія. Тысячи приветствовали бы отъ всего сердца появленіе русскаго войска въ этой странѣ. Гдѣ же приверженцы Англій? ни одна община, даже самая ничтожная, не обращаетъ къ ней взоры, какъ своей природной защитницѣ... Англія въ Сиріи не имѣетъ крѣпко связанной съ нею партіи. Какъ было бы иначе, если бы въ Сиріи существовала община протестантскихъ христіанъ. Для образованія же подобной общины англійскому правительству слѣдуетъ сдѣлать одинъ шагъ, и шагъ, не представляющій ни затрудненія, ни опасности. Ей слѣдуетъ добиться только, чтобы туземные протестанты были признаны и пользовались тѣми же правами, какими пользуются остальные признанныя турецкимъ правительствомъ христіанскія общины“³⁾.

Совѣтъ Робинзона былъ принятъ весьма сочувственно

¹⁾ Прав. Палест. сборн. т. I вын. 1 СПб. 1881 г. стр. 8—9.

²⁾ См. у Д. С. Дмитревскаго. Протестанты въ святой землѣ. СПб. 1896 г. стр. 4.

³⁾ См. Прав. Палест. сборн. т. I вын. 1 СПб. 1881 г. стр. 10—11.

протестантскимъ правительствомъ, но только не англійскимъ, къ которому былъ онъ обращенъ прямо, а прусскимъ. Еще въ 1839 году нѣсколько нѣмецкихъ протестантовъ, жившихъ въ Палестинѣ, обратились, быть можетъ, подъ вліяніемъ идеи Робинзона, къ прусскому правительству съ просьбой принять ихъ подъ свое покровительство. Но тогдашній король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III отклонилъ это ходатайство, не желая осложнять и безъ того запутаннаго восточнаго вопроса предъявленіемъ притязаній третьей великой державы на протекторатъ въ Святой землѣ, до того времени признававшійся Портою лишь за Россіей и Франціей. Но вступившій вскорѣ послѣ того на престолъ новый прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV отнесся болѣе сочувственно къ просьбѣ палестинскихъ протестантовъ и вообще обратилъ серьезное вниманіе на положеніе христіанъ въ Святой землѣ. По его порученію, была составлена подробная записка, гдѣ доказывалась настоятельная необходимость обезпечить христіанамъ свободное пользованіе и владѣніе Святыми мѣстами. Такимъ образомъ, здѣсь пока еще ничего не говорилось о правахъ христіанъ-протестантовъ; но несомнѣнно, что прусское правительство главнымъ образомъ имѣло ихъ въ виду. Въ іюль 1840 года записка эта была сообщена другимъ западно-европейскимъ правительствамъ, напр., австрійскому и англійскому, но была отклонена ими. Однако же король прусскій не унывалъ и видимо рѣшилъ всѣми силами добиваться осуществленія своего плана ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1841 году прусскимъ правительствомъ былъ выработанъ подробный проэктъ желательныхъ улучшеній въ положеніи палестинскихъ христіанъ, при чемъ здѣсь уже особо упоминалось и о протестантахъ и о правахъ, какія имъ слѣдовало предоставить. Главныя положенія этого проэкта были слѣдующія: 1) христіанамъ въ Палестинѣ предполагалось предоставить обширныя права и преимущества; 2) завѣдываніе

¹⁾ См. у Дмитревскаго. Цит. соч. стр. 4.

ими поручить исключительно христіанскимъ резидентамъ; 3) Святыя мѣста обратить въ собственность пяти великихъ державъ, съ вознагражденіемъ ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, и, укрѣпивъ Сіонъ, завять его смѣшаннымъ европейскимъ гарнизономъ, въ составъ коего вошло бы по шестидесяти человѣкъ отъ каждой изъ великихъ державъ; гору же Морія оставить за турками и въ то же время попытаться *отдать Сіонъ въ собственность евангелической церкви*; 4) образовать изъ христіанъ въ Палестинѣ четыре общины: католическую, греческую, армянскую и *евангелическую*; 5) учредить трехъ резидентовъ: одного—для католиковъ и греческихъ и армянскихъ униатовъ, попеременно назначаемого Австріей и Франціей; одного—для грековъ и армянъ по назначенію Россіи; одного для протестантовъ, назначаемого попеременно Англійей и Пруссіей ¹⁾.

Но и этотъ проэктъ прусскаго протестантскаго правительства встрѣтилъ общее несочувствіе. Его отклонили, въ виду тѣхъ важныхъ затрудненій, съ которыми неизбежно было связано осуществленіе его. Управленіе страной посредствомъ международной комиссіи, занятіе Сіона смѣшаннымъ гарнизономъ, распределеніе христіанъ различныхъ исповѣданій между агентами или комиссарами державъ-покровительницъ и т. п.,—все это, по общему мнѣнію европейскихъ правительствъ, должно было существенно осложнить восточный вопросъ и создать массу новыхъ международныхъ недоразумѣній ²⁾.

Но и эта новая неудача не охладила пылкой энергіи прусскаго короля. Онъ продолжалъ работать въ заранѣ намѣченномъ направленіи и скоро достигъ осуществленія задуманнаго. Если ему не удалось провести свой проэктъ о принятіи Святыхъ мѣстъ въ общее завѣдываніе европейско-христіанскихъ державъ, за то онъ успѣлъ настоять на признаціи

¹⁾ См. у С. С. Татищева. Вѣщія поэтика императора Николая перваго СДБ. 1887 г. стр. 568—569.

²⁾ См. Прав. Палест. сборн. т. 1 вып. 1 СПб. г. стр. 11—14.

ства протестантствомъ на Востокѣ однаковыхъ правъ съ православіемъ и католичествомъ. Цѣли этой оны достигъ путемъ отдѣльнаго соглашенія съ Англіей, избравъ средствомъ для этого учрежденіе въ Иерусалимѣ евангелическаго англо-прусскаго епископства. Въ 1839 году англійское миссіонерское общество для обращенія евреевъ въ протестанство¹⁾ приобрѣло въ Иерусалимѣ на вершинѣ Сіона, не далеко отъ гробницы Давида, участокъ земли, построило на немъ домъ для миссіонеровъ, больницу, школу и даже заложило небольшую церковь. Прусскій король и задумалъ воспользоваться этимъ миссіонерскимъ учрежденіемъ, обративъ его изъ частнаго учрежденія въ протестантское епископство, содержимое и покровительствуемое англійскимъ и прусскимъ правительствами. Пруссійскій король принималъ на себя трудную обязанность потребовать у турецкаго правительства, чтобы за протестантами были признаны въ Палестинѣ права самостоятельной общины, и половина расходовъ по осуществленію проэкта; Англіи же предоставлялась львинная доля въ выгодахъ реализаціи, могли быть слѣдствіемъ осуществленія проэкта, и первенство чести. На этотъ разъ англійское правительство весьма сочувственно относилось къ предложенію прусскаго короля. Небольшое замедленіе произошло только вследствие затрудненій чисто догматическаго свойства. Пруссія настаивала, чтобы въ новоучрежденномъ епископствѣ англійская и евангелическая церкви представлялись туркамъ въ видѣ единой церкви. Для того нѣмцы должны были признать власть епископа, англійчане — аугсбургское исповѣданіе въ вѣры, «матеръ всѣхъ протестантскихъ исповѣданій», и нѣмецкую евангелическую литургію. Скоро обѣ стороны путемъ взаимныхъ уступокъ пришли въ полному соглашенію. По этому соглашенію, новый епископъ, получившій титулъ епископа церкви святаго Іакова въ Иерусалимѣ, долженъ былъ попеременно назначаться

англійскимъ и прусскимъ правительствами²⁾. Первое назначеніе было предоставлено англійскому правительству, выборъ котораго палъ на доктора Александра, познанскаго уроженца, англійскаго подданнаго, еврея по происхожденію, англійскаго по вѣроисповѣданію, бывшаго до того времени профессоромъ арабскаго и еврейскаго языковъ въ лондонской королевской коллегіи. Этотъ новый и странный „преемникъ св. Іакова“ съ большою торжественностію прибылъ 9/21 января 1842 года въ Иерусалимъ, гдѣ вся его паства оказалась состоящею изъ трехъ обращенныхъ еврейскихъ семействъ³⁾.

Такъ совершилось учрежденіе протестантскаго смѣшаннаго англо-прусскаго епископства въ Иерусалимѣ. Само по себѣ это учрежденіе не имѣло особенной важности и не обѣщало быть долговѣчнымъ. Обѣ заинтересованныя въ немъ державы — учредительницы были не вполнѣ солидарны между собою и каждая изъ нихъ преслѣдовала свои собственныя выгоды. Берлинскіе политики, напр., были убѣждены въ томъ, что англо-прусское епископство въ Иерусалимѣ должно было положить прочное начало протестантскому прозелитизму на православномъ Востокѣ. Ихъ пылкому воображенію новая евангелическая церковь на Сіонѣ представлялась „единою“ и „апостольскою“. Отъ нея имѣли произойти многочисленныя мѣстныя церкви, напр., въ Вифлеемѣ, Назаретѣ и другихъ священныхъ горахъ Палестины, съ епископами во главѣ. Предполагалось, что и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты со временемъ примкнутъ къ предпріятію Англии и Пруссіи; что протестантскія общины на всемъ Востокѣ образуются изъ туземцевъ и пришельцевъ, евреевъ и язычниковъ; что присоединеніе къ евангелической церкви православныхъ, католиковъ, евреевъ, армянъ и даже мусульманъ будетъ дозволено и поставлено подъ охрану закона; что про-

¹⁾ См. у С. С. Татишева. Цит. соч. стр. 573—574.

²⁾ См. Правосл. Палестина, сборн. т. I, в. 1. СПБ. 1881 г. стр. 17—18.

тестамты станутъ приобрѣтать поземельную собственность, основывать общины, колоніи, совершенствовать въ краѣ земледѣліе и особенно шелководство; что, наконецъ, матеріальное ихъ благосостояніе послужитъ лучшимъ притягательнымъ средствомъ для лицъ, принадлежащихъ къ другимъ исповѣданіямъ и т. п. Вотъ какія надежды соединяли нѣмцы съ учрежденнымъ, по ихъ инициативѣ, протестантскимъ епископствомъ въ Іерусалимѣ¹⁾.

Съ иной точки зрѣнія смотрѣли на это учрежденіе англичане. Въ первомъ же своемъ пастырскомъ посланіи объ учрежденіи епископства іерусалимскаго, кентерберійскій архіепископъ писалъ, что „оно послужитъ къ единству догматовъ и обрядовъ англиканской и мевѣ совершенно устроенныхъ протестантскихъ церквей Европы“. Соответственно этому и относились въ Іерусалимѣ къ нѣмецкимъ протестантамъ лица, стоявшія во главѣ здѣшняго епископства. Евангелическія духовныя лица допускались здѣсь къ исполненію своихъ обязанностей не иначе, какъ по вторичномъ ихъ посвященіи архіепископомъ кентерберійскимъ. Богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ совершенно не допускалось. Имя прусскаго короля не упоминалось во время богослуженія на ряду съ именемъ английской королевы, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно, будто бы, отсутствуетъ въ англиканскомъ молитвенникѣ обязательномъ при священнодѣйствіи. Только послѣ десятилѣтнихъ хлопотъ и притомъ уже тогда, какъ для евангелической общины былъ устроенъ свой особенный молитвенный домъ, прусскому правительству удалось добиться отмены втораго посвященія для евангелическихъ духовныхъ лицъ въ Палестинѣ. Для богослуженія на нѣмецкомъ языкѣ было уступлено только послѣобѣденное время по воскреснымъ днямъ. Наконецъ, уже значительно позже имя прусскаго короля было внесено въ англиканскій молитвенникъ, хотя стало

¹⁾ См. у С. С. Татищева, Цит. соч. стр. 574—575.

упоминаться только при богослуженіи, совершавшемся въ Іерусалимѣ на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за богослуженіемъ же на арабскомъ, еврейскомъ и испанскомъ языкахъ оно по прежнему не упоминалось¹⁾.

Что касается турецкаго правительства, то оно попыталось было воспротивиться осуществленію англо-прусскаго проекта и отказать въ призваніи новопоставленнаго протестантскаго епископа въ Іерусалимѣ. Но это сопротивленіе было непродолжительно. Уступая энергическимъ настояніямъ англійскаго посольства въ Константинополь, поддержаннымъ прусскимъ правительствомъ, Порта скоро вынуждена была не только призвать доктора Александра іерусалимскимъ англо-прусскимъ епископомъ, но и дать протестантской общинѣ въ Турціи, частію же, въ Сиріи и Палестинѣ всѣ права самостоятельной духовной общины, между прочимъ, право строить церкви, учреждать школы и больницы, основывать благотворительныя заведенія, приобрѣтать недвижимую собственность и—что всего важнѣе—безпрепятственно обращаться въ протестанство райю, т. е. всѣхъ немусульманскихъ подданныхъ султана²⁾.

При такихъ обстоятельствахъ возникло и начало свою дѣятельность вновь учрежденное протестантское епископство въ Іерусалимѣ. Главный и существенный недостатокъ его состоялъ въ несогласіи между двумя правительствами, принимавшими участіе въ немъ и преслѣдовавшими при этомъ совершенно противоположныя цѣли. Къ этому присоединилось еще отсутствіе согласія между представителями вновь учрежденнаго іерусалимскаго епископства и свѣтскимъ правительствомъ—англійскаго и прусскаго въ Іерусалимѣ. Эти два обстоятельства существенно парализовали дѣятельность первыхъ протестантскихъ епископовъ въ Іерусалимѣ.

¹⁾ Правосл. Палест. сборн. т. I СМБ. 1881 г. стр. 16—17.

²⁾ См. у С. С. Татищева. Цит. соч. стр. 575.

Первымъ протестантскимъ епископомъ въ Иерусалимѣ, какъ сказано было раньше, былъ избранъ англійскимъ правительствомъ докторъ Александеръ. Помимо неблагоприятныхъ условий окружающей обстановки, епископъ Александеръ и самъ по себѣ былъ мало пригоденъ къ дѣятельности, на которую призвали его. Въ немъ не доставало сильной и энергичной воли для этого. Смирный и боязливый, онъ не выходилъ изъ повиновенія прежде существовавшему въ Иерусалимѣ „обществу обращенія евреевъ“ и представителю его—миссіонеру Николайсону. Поэтому, его пятилѣтнее епископство, по мнѣнію нѣкоторыхъ, прошло почти безслѣдно для протестантства въ Святой землѣ, если не считать десятокъ, другой обращенныхъ евреевъ¹⁾. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что епископъ Александеръ имѣлъ другое важное значеніе въ исторіи протестантской пропаганды въ Палестинѣ и Сириі. Добродушная, спокойная и кроткая личность его примиряющимъ образомъ дѣйствовала на всѣхъ окружающихъ. Самымъ своимъ характеромъ и обращеніемъ своимъ онъ располагалъ мѣстныхъ дѣятелей къ себѣ и къ миссіи, во главѣ которой онъ стоялъ. А это имѣло весьма важное значеніе на первыхъ порахъ существованія миссіи, къ которой всѣ относились или прямо враждебно, или же въ крайнемъ случаѣ недоброжелательно. Епископъ Александеръ такъ хорошо умѣлъ жить въ мирѣ съ другими, что успѣлъ расположить на свою сторону симпатіи даже представителей іерусалимской патриархіи и свято-гробскаго братства. „Боюсь я этихъ англичанъ“—пишетъ архим. Порфирій Успенскій въ своемъ дневникѣ подъ 13 мая 1844 года. „Здѣшніе монахи никогда не могутъ имѣть общенія съ католиками, потому что между тѣмъ и другими длится старая вражда, рѣшается старый вопросъ, подновляются старыя страсти. Но англичане никогда не обижали ихъ; англичане ласкаютъ ихъ; они такъ образованы, богаты; и

¹⁾ См. Правосл. Палест. Сборн. т. I вып. 1 СПб. 1881 г. стр. 18.

епископъ живетъ, какъ примѣрный семьянинъ; о членахъ миссіи ничего не слышно, кромѣ добраго и похвальнаго... Сколько выгодъ на ихъ сторонѣ! Какъ не дружить съ ними“²⁾! Архим. Порфирій, имѣвшій возможность близко наблюдать дѣятельность епископа Александра, видѣлъ даже предпринятый планъ въ такомъ, а не иномъ образѣ его дѣйствій. „Англиканская миссія“,—подозрѣвалъ онъ,—„постарается потихоньку, понемножку, хитренько подорвать православіе въ самой патриархіи въ молодомъ поколѣніи. Хитрая и смѣлая стратегія“³⁾! Пытался иногда епископъ Александеръ и активно проагандировать протестантство между православными жителями Палестины, хотя и неудачно. Вотъ примѣръ. На самой вершинѣ Ефремовыхъ горъ находилось христіанское селеніе Джифна. Оно отличалось, между прочимъ, красивымъ мѣстоположеніемъ и благодатнымъ климатомъ. Англиканская миссія избрала это селеніе мѣстомъ жительства въ лѣтнее время и приобрѣла здѣсь одинъ домъ въ собственность⁴⁾. Здѣсь-то именно епископъ Александеръ и сдѣлалъ было попытку прозелитизма, давъ нѣсколько тысячъ піастровъ бѣднымъ жителямъ селенія въ уплату податей. Къ счастью, патриархія во-время узнала объ этомъ и успѣла, при содѣйствіи турецкой власти, выслать англійканскихъ миссіонеровъ оттуда и перекупить домъ, въ которомъ они жили⁵⁾.

Когда въ 1847 году умеръ докторъ Александеръ, первый протестантскій епископъ въ Иерусалимѣ, то право назначенія преемника ему, по первоначальному соглашенію, перешло къ прусскому правительству. Последнее избрало Самуила Гобата, который и оставался во главѣ протестантскаго іерусалимскаго епископства до прибытія въ Св. городъ преосв. Кирилла. Самъ по себѣ выборъ прусскаго правительства былъ

²⁾ См. Книгу битія моего ч. II СПб. 1895 г. стр. 84.

³⁾ См. тамъ же ч. II стр. 83.

⁴⁾ См. тамъ же ч. II стр. 208.

⁵⁾ См. тамъ же ч. III стр. 510—511.

очень удаченъ. Швейцарскій уроженецъ, воспитанникъ базельскаго миссіонерскаго общества, Самуиль Гобатъ къ тому же прошелъ и практическую хорошую школу, такъ какъ болѣе 20 лѣтъ провелъ на православномъ Востоцѣ въ качествѣ миссіонера. Но дѣятельность его, какъ епископа протестантскаго, была значительно парализована различными затрудненіями. Какъ избранникъ и ставленникъ Пруссіи, онъ былъ несимпатиченъ всѣмъ англійскимъ дѣятелямъ протестантской пропаганды въ Иерусалимѣ. Съ первыхъ же дней его пребыванія въ Иерусалимѣ миссіонеръ Николайсонъ и консулъ англійскій докторъ Финнъ стали подозрительно слѣдить за каждымъ его шагомъ, возводить на него разныя обвиненія и дѣлать всевозможныя препятствія его миссіонерскимъ начинаніямъ¹⁾.

Такъ, когда въ 1847 году епископъ Самуиль Гобатъ началъ опредѣлять въ заведенную имъ на Сіонѣ школу учителями базельскихъ миссіонеровъ, какъ наиболѣе подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности, то это было признано достаточнымъ поводомъ для обвиненія его въ сочувствіи къ Германіи въ ущербъ Англій. А когда нѣсколько позже епископъ Самуиль Гобатъ началъ пропаганду протестантства въ средѣ мѣстныхъ латинянъ и православныхъ, то противъ такого образа дѣйствій его возстало общественное мнѣніе Англій, причѣмъ многочисленная партія обратилась къ своему правительству съ открытымъ протестомъ. Англійское правительство сдѣлало нѣсколько замѣчаній Гобату по поводу его миссіонерской дѣятельности, но тотъ отвѣчалъ, что вопросъ о дѣятельности епископа слѣдовало предвидѣть раньше; въ актѣ объ учрежденіи епископства ему запрещено только вмѣшиваться въ церковныя дѣла восточныхъ патріарховъ, чего онъ никогда и не позволялъ себѣ дѣлать, между тѣмъ какъ пріемъ обращающихся въ протестантство даже православныхъ онъ считалъ своею прямою обязанностію. Хотя событіе это и не

¹⁾ См. у Д. С. Дмитревскаго, Цит. соч. стр. 11.

имѣло дальнѣйшаго вліянія на его миссіонерскую дѣятельность, тѣмъ не менѣе эта послѣдняя дала поводъ къ обвиненію его въ отклоненіи отъ англиканской общины, каковое обвиненіе поддерживалось преимущественно партією, мечтавшею о соединеніи англиканской общины съ православіемъ. Въ самомъ Иерусалимѣ епископъ Самуиль Гобатъ имѣлъ сильнаго противника себѣ въ лицѣ англійскаго консула. По внушенію послѣдняго, въ англійскихъ газетахъ появился цѣлый рядъ статей, въ которыхъ Гобата обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ. Было нѣсколько случаевъ рѣзкаго личнаго столкновенія между двумя противниками, всячески старавшимися вредить другъ другу. Вражда между ними сдѣлалась извѣстною англійскому правительству, которое однако же напрасно старалось примирить ихъ между собою. Разладъ между ними дошелъ, наконецъ, до того, что въ 1857 году англійскій консулъ подвергъ епископа Самуила Гобата домашнему аресту, въ которомъ продержалъ его около $\frac{1}{2}$ года. Это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ октябрѣ 1857 года консулъ Финнъ уѣзжалъ ведѣли на двѣ изъ Иерусалима въ одно изъ многочисленныхъ своихъ палестинскихъ имѣній, при чемъ управленіе консульствомъ поручилъ нѣкому Розенталю, чловѣку пользовавшемуся крайне неважною репутациею. Епископъ съ другими тремя лицами англиканско-прусской миссіи подали консулу протестъ противъ такого назначенія. Финнъ не только не обратилъ должнаго вниманія на этотъ протестъ, но даже, когда Розенталь подалъ ему жалобу на епископа Самуила Гобата за оскорбительныя, будто бы, для него выраженія, употребленныя въ протестѣ, вызвалъ епископа къ отвѣту, и когда этотъ послѣдній не явился, присудилъ его къ домашнему аресту, съ запрещеніемъ оставять Иерусалимъ болѣе чѣмъ на два часа. Не смотря на сильный протестъ противъ такого распоряженія Финна со стороны прусскаго консула, посадившаго одновременно съ тѣмъ Розенталя, какъ прусскаго подданнаго, въ тюрьму; не смотря на то, что ан-

англійскій коронный судъ призналъ епископа Самуила Гобата вполне правымъ, этотъ послѣдній только черезъ полгода, въ апрѣлѣ 1858 года, былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, по особому распоряженію англійскаго министерства, хотя докторъ Финнъ и послѣ того въ теченіе 5 лѣтъ оставался англійскимъ консуломъ въ Іерусалимѣ и по прежнему продолжалъ всѣми возможными средствами вредить епископу Самуилу Гобату въ его миссіонерской дѣятельности¹⁾.

При такихъ условіяхъ долженъ былъ дѣйствовать въ Палестинѣ второй протестантскій епископъ въ Іерусалимѣ. Не смотря однакоже на это, дѣятельность его была гораздо болѣе плодотворна, чѣмъ дѣятельность его предшественника. Самуилъ Гобатъ старался пропагандировать протестантство среди православныхъ жителей Палестины преимущественно посредствомъ школьнаго образованія. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ снѣшалъ отрывать школы, гдѣ бы воспитывались дѣти православныхъ родителей и, конечно, въ духѣ протестантскомъ. Иногда, правда, онъ терпѣлъ сильную неудачу, но это нисколько не смущало его. „Одинъ набулузскій христіанинъ, по имени Даудъ“,—пишетъ архим. Порфирій Успенскій въ своемъ дневникѣ подъ 13 февраля 1849 года,—„будучи не въ состояніи расплатиться съ начальствомъ, прибѣгъ къ здѣшнимъ англичанамъ. Они дали ему жалованье 500 піастровъ въ мѣсяць. За такое благодѣяніе онъ принялъ англиканское вѣроисповѣданіе и общался склонить къ тому же и другихъ согражданъ. Англійскій епископъ Гобатъ немедленно учредилъ въ его домѣ школу для дѣтей. Для болѣе приманки ихъ поставлены тутъ часы съ разными механическими игрушками въ нихъ“²⁾. Къ счастью, іерусалимскій патріархъ во-время былъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ и тотчасъ же написалъ пастырское посланіе въ набулузскимъ

христіанамъ, въ которомъ увѣщавалъ ихъ хранить отеческую вѣру и предостерегалъ отъ лжеучителей. Они выли его увѣщаніямъ и перестали посылать дѣтей въ новую школу, въ которой продолжали учиться дѣти одного только Дауда.

Изъ приведеннаго сейчасъ примѣра видно, что дѣятели протестантской пропаганды, въ томъ числѣ и епископъ Самуилъ Гобатъ, не стѣснялись прибѣгать къ подкупу православныхъ христіанъ Палестины для обращенія ихъ въ протестантство. Такъ поступалъ онъ и въ отношеніи къ наблузскимъ христіанамъ, которые, какъ показали послѣдствія, хотя сразу и послушались было голоса своего архипастыря, но потомъ опять позволили себѣ увлекаться протестантствомъ. „Востокъ испоконъ вѣковъ ругаетъ съ Западомъ“,—писалъ 25 января 1851 годъ въ своемъ дневникѣ архим. Порфирій Успенскій,—и то побѣждаетъ, то побѣждается. Въ нашъ вѣкъ новыя титаны оттуда нахлынули на него, но безъ копьевъ и мечей, а съ словомъ, обалюющимъ невѣжество, и съ золотомъ, обольщающимъ страсти людскія. Эти титаны называются лютеро-кальвинисты. Одни изъ нихъ прибыли въ Іерусалимъ съ береговъ Альбіона и поселились на священномъ Сіонѣ. Ихъ ухищреніями и обольщеніями увлеклись православные христіане въ палестинскомъ Неанолѣ (Набулузѣ), такъ что позволили имъ учить своихъ дѣтей. Англійскій епископъ Гобатъ купилъ у одного изъ нихъ домъ (котораго не хотѣлъ приобрести греческій монастырь за меньшую цѣну) и учредилъ въ немъ училище. Это было за два года назадъ. Напрасно іерусалимскій патріархъ увѣщевалъ заблудшихъ чадо своихъ, напрасно угрожалъ имъ отлученіемъ отъ церкви святой. Они не слушали его. Но чего не могъ исправить чело-вѣкъ, то совершила благодать Божія. Набулузяне побоялись утратить древнюю доброту православія, постыдились познать вѣрѣ предковъ своихъ, рассказали въ своемъ прегрѣшеніи и, учредивъ домашній совѣтъ изъ пяти согражданъ, какъ оплотъ противъ обольщенія англичанъ, отравили къ намѣст-

¹⁾ См. Прав. Палест. Сбор. т. 1, кн. 1, стр. 18—21.

²⁾ См. Книга моего бытія ч. III. СПб, 1896 г, стр. 514—515.

нику патриаршему двухъ священниковъ своихъ съ просьбою о принятіи ихъ въ церковное общеніе и подъ покровительствомъ греческаго монастыря по прежнему. Ихъ покаянное прошеніе было принято благосклонно¹⁾. Архим. Порфирій рассказываетъ далѣе, что священники эти приходили и къ нему, причемъ онъ увѣщевалъ и умолялъ ихъ быть твердыми въ православіи и не вступать ни въ какое общеніе съ англичанами. Впослѣдствіи, при содѣйствіи архим. Порфирія, въ Набулузѣ открыто было православное училище, которое должно было служить оплотомъ для защиты отъ враждебнаго вліянія со стороны протестантовъ²⁾. Послѣдніе однакоже продолжали свою пропаганду, подъ руководствомъ епископа Гобата, въ другихъ мѣстахъ Палестины, при чемъ не стѣснялись иногда принимать въ свое стадо даже и тѣхъ православныхъ, которые раньше соvertsались въ католичество. „Сегодня я узналъ“,—пишетъ архим. Порфирій Успенскій въ своемъ дневникѣ подъ 13 августа 1851 года,—„что двадцать пять назаретскихъ христіанъ католическаго вѣроисповѣданія, ради корысти, приняли протестантство. Сіе происшествіе огласилось здѣсь вотъ какъ. Эти назаряне послали прошеніе къ английскому епископу Самуилу Гобату, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою церковь. Но гонецъ ихъ ошибкою передалъ оное греческому архіепископу Набулуза, котораго зовутъ также Самуиломъ. Прошеніе, по невнимательности къ надписи на немъ, было распечатано: и дѣло обнаружилось. Въ греческомъ монастырѣ поняли двойную ошибку и представили распечатанный свитокъ английскому епископу съ извѣщеніемъ въ недоразумѣніи. Онъ прогнѣвался на грековъ, а назаретскихъ католиковъ принялъ въ свою паству“³⁾. Изъ дневника архим. Порфирія Успенскаго можно видѣть, что Набулузъ и Назаретъ были главными центрами прозели-

¹⁾ См. тамъ же ч. IV. СПб. 1896 г. стр. 84—85.

²⁾ См. тамъ же ч. IV. стр. 85—86.

³⁾ См. тамъ же ч. VI стр. 122.

тической дѣятельности епископа Самуила Гобата, который намѣревался даже построить здѣсь протестантскія кирхи. „У патриаршаго намѣстника митрополита Мелетія“,—пишетъ архим. Порфирій подъ 18 января 1853 года,—„говорено было объ обращеніи назаретскихъ католиковъ въ протестантство. Архимандритъ Никифоръ (Ἰωάννης) повѣдалъ мнѣ, что англичане уже давненько имѣютъ тамъ своихъ послѣдователей до 150 душъ, кромѣ женъ и дѣтей, и что англійскій епископъ Гобатъ писалъ въ Константинополь, чтобы великобританское посольство исходатайствовало у Порты позволеніе построить двѣ церкви въ Назаретъ и Набулузъ для тамошнихъ протестантовъ изъ мѣстныхъ арабовъ“¹⁾.

Изъ сказаннаго нами о дѣятельности первыхъ двухъ протестантскихъ епископовъ въ Иерусалимѣ нѣ трудно видѣть, что хотя англійско-прусское протестантское епископство въ Иерусалимѣ само по себѣ и не имѣло важнаго значенія и, вслѣдствіе внутренняго разлада, не обѣщало долготѣлей и блестящей будущности, по все таки оказывало значительную помощь дѣлу протестантской пропаганды въ Палестинѣ и даже въ Сиріи, такъ какъ служило объединяющимъ центромъ для всѣхъ дѣятелей этой пропаганды.

Кромѣ англичанъ и прусскихъ вѣмцевъ, въ Палестинѣ и Сиріи, въ качествѣ дѣятелей протестантской пропаганды, работали еще американскіе миссіонеры. Изъ этихъ послѣднихъ въ разсматриваемое нами время особенно замѣчательными дѣятелями были Томсонъ и Шмидтъ²⁾. Они, равно какъ и всѣ вообще американскіе миссіонеры, работали преимущественно въ предѣлахъ Сиріи, гдѣ центромъ ихъ дѣятельности служилъ г. Бейрутъ. Они дѣйствовали посред-

¹⁾ См. тамъ же ч. IV стр. 386.

²⁾ Протестантская миссія (въ Бейрутѣ),—пишетъ архим. Порфирій въ своемъ дневникѣ подъ 2 февраля 1848 г.—„состоитъ подъ начальствомъ Томсона и Шмидта. Шмидтъ очень хорошо говоритъ и проповѣдуетъ по-арабски“, См. тамъ же ч. III стр. 193.

ством даровой раздачи книгъ, денежной помощи и въ особенности путемъ обученія дѣтей и приготовленія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ миссіонерству. Кроме того, въ Бейрутѣ ими было составлено литературное общество изъ арабовъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Каждый членъ этого общества вносилъ по 50 піастровъ въ годъ на приобрѣтеніе арабскихъ рукописей и на печатаніе книгъ. Предсѣдатель общества задавалъ темы для сочиненій, напр., о выгодахъ образованія женскаго пола, о вліяніи образованныхъ жепцинъ на общество и т. п. Арабы читали свои сочиненія въ общемъ собраніи, критиковали ихъ, разсуждали свободно о предметахъ вѣры и тщеславились своею болтовнею. Цѣль всѣхъ подобныхъ собраній и разсужденій заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ свободныхъ бесѣдъ, злонамѣренной, или насмѣшливой критики православныхъ догматовъ, уставовъ и обрядовъ незамѣтно внушить православнымъ протестантскія понятія, влить, подъ видомъ сладкаго и пріятнаго меду, тонкій ядъ, который долженъ былъ постепенно убить древнія вѣрованія, преданія и нравственность неразвитыхъ арабовъ¹⁾. При помощи такой хитрой политики, американскіе миссіонеры иногда пожинали обильныя плоды среди шаткаго въ вѣрѣ сирійско-арабскаго населенія, о чемъ свидѣтельствуетъ архим. Порфирій въ своемъ дневникѣ. „Въ православномъ селеніи Хасбеѣ“,—пишетъ онъ, напр., подъ 3 декабря 1848 года, — „навадъ тому девять мѣсяцевъ, нѣсколько семействъ приняли протестантство по проискамъ американскихъ миссіонеровъ, пребывающихъ въ Бейрутѣ“²⁾. „Американская миссія протестантовъ въ Бейрутѣ“,—писалъ онъ нѣсколько раньше 26 ноября 1848 года, — „дѣйствуетъ успѣшно. Она открыла школу въ ближней православной деревнѣ Хамдупъ для приготовленія миссіонеровъ и пасторовъ въ Сиріи (протонотарій

¹⁾ См. тамъ же ч. III стр. 410—411.

²⁾ См. тамъ же ч. III стр. 408.

наименовалъ еще одну деревню, въ которой учреждена протестантская школа, но я забылъ ее названіе)¹⁾. Не стѣснялись американскіе миссіонеры завлекать православныхъ въ протестантство и посредствомъ подкуна, практиковавшагося въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. „Огласилось“,—пишетъ, напр., архим. Порфирій въ своемъ дневникѣ подъ 14 сентября 1851 года, — „что православные ливаногорцы въ деревнѣ Бескантъ близъ Бейрута, числомъ 600 душъ, недавно обратились въ протестантство, послѣ того какъ американскіе миссіонеры помогли имъ выиграть какую-то тяжбу съ игуменомъ Ильинскаго монастыря Макаріемъ“²⁾.

Впослѣдствіи Томсонъ переселился изъ Бейрута въ Сидонъ и здѣсь началъ усердно насаждать протестантство. „Отдыхаю въ Сидонѣ“,—писалъ архим. Порфирій 30 мая 1852 года. „Здѣсь навадъ тому годъ открыто протестантское училище. Наставникъ англичанинъ. Онъ обучаетъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ числѣ которыхъ находятся и православные, но не многіе. Здѣсь уже проживаетъ съ семействомъ своимъ американскій миссіонеръ Томсонъ“³⁾.

Изъ всего, сказаннаго нами доселѣ о протестантской пропагандѣ въ Сиріи и Палестинѣ, видно, что способы дѣятельности протестантскихъ миссіонеровъ здѣсь были разныя, хотя и не настолько многочисленны, какъ пути латинской пропаганды. Излюбленнымъ средствомъ, чаще всего практиковавшимся протестантскими миссіонерами для пропаганды, было устройство учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитывалось подростяющее поколѣніе православнаго сирійско-палестинскаго населенія. Внутренняя организація этихъ школъ была всецѣло разсчитана на то, чтобы онѣ могли служить центромъ невидимой протестантской пропаганды. Хотя наставники такихъ школъ и не заставляли своихъ учениковъ

¹⁾ См. тамъ же ч. III стр. 400.

²⁾ См. тамъ же ч. III стр. 137.

³⁾ См. тамъ же ч. IV, стр. 275.

присутствовать по праздникамъ въ протестантскихъ храмахъ, какъ дѣлали католическіе миссіонеры, и, повидимому, воздерживались отъ прямого давленія на ихъ совѣсть, однако же законъ Божій здѣсь преподавался въ духъ протестантскаго исповѣданія, съ кощунственнымъ отношеніемъ къ православному вѣроученію; дѣнь для нихъ начинался и оканчивался пѣніемъ гимновъ и чтеніемъ Библии съ толкованіемъ въ протестантскомъ духѣ. Уже этого было совершенно достаточно для того, чтобы постепенно и незамѣтно колебать и отравлять слабое дѣтское убѣжденіе. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что большинство подобныхъ школъ представляли закрытыя учебныя заведенія, въ которыхъ дѣти постоянно жили съ самаго малаго возраста, будучи оторваны отъ окружающей родной среды, и всегда говорили между собою на общеупотребительномъ къ такимъ заведеніямъ англійскомъ или нѣмецкомъ языкѣ¹⁾.

Другимъ важнымъ способомъ протестантской пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ служила благотворительность, практиковавшаяся въ самыхъ разныхъ видахъ. Чаще всего она проявлялась подъ видомъ медицинской помощи. Большинство протестантскихъ миссіонеровъ, предъ отправленіемъ на Востокъ, получали специальное медицинское образованіе, которымъ и пользовались для пропаганды. Обыкновенно дѣло начиналось тѣмъ, что миссіонеръ-врачъ раздавалъ самыя общеупотребительныя лѣкарства въ мѣстностяхъ, не имѣвшихъ ни аптеки, ни врачей. Затѣмъ появлялись аптеки для бѣдныхъ съ даровой раздачей лѣкарствъ, привлекавшія къ себѣ со всѣхъ сторонъ массы бѣдняковъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени возникала больница съ безплатнымъ леченіемъ и содержаніемъ больныхъ. Со всѣми этими видами медицинской помощи непременно соединялась пропаганда. Больные, прежде чѣмъ получить совѣтъ врача, должны были выслушать часовое чтеніе Библии,

¹⁾ См. Сообщ. И. П. Общ. ч. II стр. 230—236; ср. у Д. С. Дмитревскаго Цит. соч. стр. 14—15.

или миссіонерскую проповѣдь, при чемъ врачебная помощь подавалась лишь тѣмъ больнымъ, которые прослушивали наставленія врача-миссіонера, и никакое исключеніе, вызываемое экстренными случаями, безусловно не допускалось¹⁾. Сначала мѣстные жители относились къ подобнымъ благодѣтелямъ недоувѣрчиво, даже избѣгали ихъ совѣтовъ и обращались за ними только въ случаяхъ крайней необходимости. Но достаточно было врачу-миссіонеру произвести нѣсколько удачныхъ лѣченій, чтобы расположить и привлечь къ себѣ окрестное населеніе. Особенно же свободно протестантскіе миссіонеры обращались съ тѣми больными, которые постоянно жили въ ихъ врачебныхъ учрежденіяхъ.

Кромѣ больницъ, протестанты основывали въ Палестинѣ и другія благотворительныя учрежденія въ видѣ, напр., воспитательныхъ домовъ, сиротскихъ пріютовъ, пансіоновъ, страннопріимницъ и т. п. Уже въ разсматриваемое нами время было положено основаніе пасторомъ Флиднеромъ, прибывшимъ въ Іерусалимъ въ апрѣлѣ 1851 года съ 4 рейнскими кейзервертскими діаконисами, больницы—школы, которая въ настоящее время представляетъ лучшее изъ миссіонерскихъ учреждений въ Палестинѣ не только протестантскихъ, но и вообще христіанскихъ²⁾. Другой протестантскій миссіонеръ Шеллеръ въ концѣ 50-хъ годовъ истекающаго столѣтія основалъ сиротскій пріютъ для обученія призрѣвавшихся въ немъ сиротъ различнымъ ремесламъ. Теперь этотъ пріютъ представляетъ одно изъ крупнѣйшихъ протестантскихъ миссіонерскихъ учреждений въ Палестинѣ, гдѣ ежегодно обучается до 150 мальчиковъ, большинство изъ которыхъ потомъ обращается въ протестантство.

Таковы были главныя способы и средства протестантской пропаганды въ Палестинѣ и Сиріи. Но какъ ни опытно, ис-

¹⁾ См. тамъ же. стр. 16—17.

²⁾ См. у Д. С. Дмитревскаго. Цит. соч., стр. 20—22.

Усны, и богаты были протестантскіе миссіонеры; однако плоды ихъ пропаганды далеко не могли сравниться съ плодами дѣятельности католическихъ миссіонеровъ. Главная причина этого заключалась въ самомъ характерѣ протестантизма,—сухого, безжизненнаго и потому отталкивавшаго отъ себя православныхъ жителей Палестины и Сиріи. Вотъ почему верѣдко бывало такъ, что православные, подъ влияніемъ какихъ-либо тяжелыхъ условій жизни, обращались сначала въ протестантизмъ, но потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, оставляли его и даже другихъ старались отклонить отъ возвращенія въ протестантскую вѣру—сухую и безжизненную. Вотъ одинъ изъ многихъ подобныхъ примѣровъ, записанныхъ архим. Порфиріемъ въ своемъ дневникѣ. Православный священникъ Нуссежбина близъ Набулуза, не отличавшійся добрымъ поведеніемъ, обратился было въ протестантизмъ. Между православными и протестантами по этому поводу произошелъ сильный споръ, бывшій даже предметомъ судебного разбирательства. Но спустя вѣсколько времени Нуссежбинскій священникъ самъ раскаялся и оставилъ протестантизмъ. „Его вразумили“,—говоритъ архим. Порфирій,—„жители Хереры, которые недавно сдѣлались были протестантами, но отстали отъ англичанъ, не понимая ихъ вѣры и стыдясь ходить въ ихъ кирку, потому что нѣтъ въ ней креста, и выставлены у алтаря двѣ мраморныя скрижали съ десятью заповѣдями Моисея на еврейскомъ языкѣ“¹⁾).

Вообще протестантизмъ съ его отвлеченнымъ характеромъ, съ его внутреннимъ противорѣчіемъ, выражающимся въ раздѣленіи на толки, съ его сухимъ богослуженіемъ и отрицаніемъ обрядовъ, имѣющихъ чрезвычайную важность въ глазахъ обитателей православнаго Востока, не могло и не можетъ имѣть большаго успѣха въ средѣ православнаго населенія Сиріи и Палестины. И, дѣйствительно, количествен-

¹⁾ См. Книгу бытій моего ч. IV стр. 406—409.

ный успѣхъ протестантской пропаганды здѣсь всегда былъ самый незначительный. Но за то протестантская пропаганда была опасна, даже болѣе опасна, чѣмъ католическая пропаганда, въ другомъ отношеніи. Своими кощунственными глумленіями надъ Пресв. Богородицей и святыми угодниками, свободнымъ отношеніемъ къ св. Писанію и совершеннымъ отрицаніемъ св. преданія, своими пасмѣшками надъ почитаніемъ св. иконъ, соблюденіемъ постовъ и всѣхъ вообще православныхъ обрядовъ, протестантскіе миссіонеры незамѣтно, но зато вѣрно подрывали въ православныхъ жителей Сиріи и Палестины ихъ отеческую вѣру, ихъ уваженіе къ тому, что почитали ихъ отцы и праотцы. Слѣдствіемъ такой протестантской пропаганды и было то равнодушіе, то шатаніе въ вѣрѣ, которымъ поражался архим. Порфирій. „Жалки здѣшніе арабы? На лбахъ ихъ написано: мы торгуемъ вѣрою! Но это“,—спрашиваетъ онъ,—„написалъ тутъ слова эти? и отвѣчаетъ: „католики и протестанты“¹⁾. А мы, съ своей стороны, готовы думать, что протестанты принимали здѣсь даже большее участіе, чѣмъ католики. Послѣдніе совращали православныхъ въ свою церковь, только вносили нѣкоторыя перемѣны въ ихъ вѣросознаніе, а протестанты именно подрывали вѣру православнаго палестинско-сирійскаго населенія въ самомъ основаніи ея, распатывали ее въ самомъ корнѣ.

Итакъ, католики, съ одной стороны, а протестанты, съ другой,—нападали и одолевали православную сирійско-палестинскую церковь. Къ счастью, для этой послѣдней, въ то время, когда она, изнуренная и ослабленная многолѣтнею борьбою съ врагами своими, начала совершенно изнемогать подъ бременемъ непосильной борьбы, ей подала руку дѣятельной помощи ея давняя покровительница и духовная единовѣрная сестра—русская православная церковь.

¹⁾ См. тамъ же ч. IV стр. 410.

Святой святыхъ помолитися,
 Господню гробу поклонитися,
 Во Ердань - рѣкѣ искупатися.

Такъ, въ правленіе Ярослава Мудраго мы видимъ нѣсколькихъ благочестивыхъ паломниковъ, совершавшихъ и желавшихъ совершать путешествія ко святымъ мѣстамъ Востока. Таковъ былъ преп. Антоній печерскій, которому „вложи Богъ въ сердце въ страну ити“, т. е. за-границу, къ значительнымъ святымъ мѣстамъ, и который, устремившись на Авоны, принялъ тамъ монашеское постриженіе¹⁾.

Таковъ былъ преп. Θεодосій Печерскій, который въ ранней юности своей стремился и употреблялъ величкія усилія къ тому, чтобы совершить путешествіе въ Св. градъ. Въ древнемъ житіи преп. Θεодосія мы, кромѣ того, находимъ указаніе, что уже въ то давнее время существовало живое взаимоотношеніе между православною Русью и святою землею. Здѣсь именно говорится, что у насъ, на Руси находились тогда какіе-то странники изъ Иерусалима, которые на обратномъ пути своемъ въ отечество желали взять съ собою отрока Θεодосія для поклоненія святымъ мѣстамъ. Можетъ быть, эти странники, какъ нѣкоторые полагаютъ, путешествовали на Русь, спасаясь отъ страшнаго гоненія на христіанъ, свирѣпствовавшаго тогда въ Египтѣ, Сиріи и другихъ странахъ Востока, или же для собиранія пожертвованій въ пользу церкви и монастырей, разрушенныхъ и ограбленныхъ магометанами²⁾. Въ 1062 г. путешествовалъ въ Иерусалимъ игуменъ дмитріевскій Варлаамъ³⁾. Далѣе, игуменъ Давидъ, из-

У.

Отношенія Россіи къ православной церкви въ Сиріи и Палестинѣ до преосв. Кирилла.

Православная Русь вступала въ непосредственныя сношенія съ Св. землею и, въ частности съ Иерусалимомъ въ самомъ началѣ своей христіанской исторіи. Есть сказаніе въ лѣтописяхъ, хотя и позднихъ, что св. Владиміръ (въ 1001 г.) отаравлялъ пословъ, между прочимъ, въ Иерусалимъ и другія благочестивыя христіанскія страны, „да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужей пребываніе и церковное благолѣпіе, да отсюда пользу преобращеть“¹⁾. Въ преданіяхъ нашего народа о славномъ княженіи равноапостольнаго Владиміра сохранилась, между прочимъ, память „о сорока каликахъ съ каликою“, какъ назывались у насъ тогда странствовавшіе къ св. мѣстамъ для богомолья. Эта былина о хожденіи „сорока каликъ со каликою“ въ Иерусалимъ свидѣтельствуетъ, что путешествія русскихъ поклонниковъ въ Св. землю начались еще во времена св. равноапостольнаго князя Владиміра. Съ тѣхъ поръ идетъ непрерывный рядъ русскихъ благочестивыхъ людей въ Святую землю, куда они спѣшили за тѣмъ, чтобы

¹⁾ См. у Е. Е. Голубинскаго. Ист. рус. церк. т. 1, пер. 1 изд. 2 М. 1881 г. стр. 761.

²⁾ См. у м. Макарія. Ист. рус. церк. т. 1, изд. 3 СПб. 1889 г. стр. 223.

³⁾ См. тамъ же, т. II изд. 3 СПб. 1889 г. стр. 292.

¹⁾ См. у м. Макарія. Ист. русск. церк. т. I изд. 3 СПб. 1889 г. стр. 223.

вѣстный авторъ іерусалимскаго паломника, бывшій въ Св. градѣ въ началѣ XII в., говорить о цѣлой болѣе или менѣе многочисленной дружинѣ русскихъ поклонниковъ, бывшихъ одновременно съ нимъ въ Іерусалимѣ. Во второй половинѣ того же (XII) вѣка, при преп. Евфросиніи Полодской, мы видимъ въ Іерусалимѣ уже особый русскій монастырь пресв. Богородицы. Въ житіи преп. Евфросиніи говорится, что во время своего пребыванія въ Іерусалимѣ она „обитала у святыя Богородицы въ русскомъ монастырѣ“. Такъ какъ объ этомъ монастырѣ не упоминаетъ въ своемъ „паломникѣ“ игуменъ Даниилъ, бывшій въ Іерусалимѣ въ 1113—1115 году, то слѣдуетъ думать, что онъ явился позже. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, русскіе монахи не вновь построили себѣ въ Іерусалимѣ монастырь, а только выпросили или купили себѣ во владѣніе одинъ изъ запустѣвшихъ греческихъ монастырей¹⁾. Относящееся къ той же второй половинѣ XII в. „Вопрошеніе Кирика“ новгородскаго прямо и ясно говоритъ, что паломническія путешествія въ Іерусалимъ были тогда весьма обыкновеннымъ и распространеннымъ явленіемъ на Руси. Такъ какъ путешествія эти, по особымъ условіямъ времени, составляли тогда весьма большой трудъ, то они считались у русскихъ людей за наиболѣе дѣйствительное средство умолить Бога въ какихъ либо несчастіяхъ и за наиболѣе дѣйствительный способъ благодарить его за какія либо благодѣянія. Поэтому, молившіе Бога о предотвращеніи или о дарованіи чего нибудь иногда давали обещаніе совершить путешествіе въ Іерусалимъ, при чемъ для большаго свидѣтельства непреложности своего обещанія имѣли обыкновеніе налагать на себя клятву. Къ сожалѣнію, уже въ это время начались и злоупотребленія святымъ обычаемъ. Новгородскій епископъ Нифонтъ въ „Вопрошеніи Кирика“ говоритъ, что иные ходили въ Іерусалимъ только за тѣмъ, чтобы ѣсть и пить,

¹⁾ См. у Е. Е. Голубинскаго, Цит. соч. стр. 325.

и потому позволяеть запрещать ихъ нѣкоторымъ, а другой архипастырь (именно архіепископъ Іоанитъ), опредѣлялъ даже подвергать эпитеміи всякаго, кто налагалъ на себя обѣтъ идти въ Іерусалимъ¹⁾.

Постыгшее Россію въ половинѣ XIII в. монгольское иго значительно затруднило, но не прекратило паломническихъ путешествій русскихъ благочестивыхъ людей въ Св. землю. Въ первой половинѣ XIV в. былъ въ Іерусалимѣ новгородскій архіепископъ Василій. Въ концѣ того же вѣка путешествовалъ и описалъ свое „хождение“ не только въ Царьградъ, но и въ Іерусалимъ, смоленскій іеродиаконъ Игватій, который замѣчаетъ, между прочимъ, въ своемъ описаніи, что въ Царьградѣ встрѣтила и успокоила его съ товарищами „Русь, тамо живущая“, именно пребывавшая въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи. Около того же времени ученикъ преп. Сергія—Епифаній премудрый, былъ на Востокѣ и, въ частности, въ Іерусалимѣ. Въ началѣ XV в. іеродиаконъ Сергіева монастыря Зосима путешествовалъ, между прочимъ, въ Святую землю и оставилъ описаніе этого своего путешествія²⁾.

Такимъ образомъ, начиная съ первыхъ временъ христіанства на Руси, идетъ непрерывный рядъ живыхъ и непосредственныхъ сношеній Россіи съ Святою землею до половины XV в. Ни монгольское иго, ни междоусобныя брани не останавливаютъ русскихъ богомольцевъ. Ни моря, ни горы, ни лишенія, ни притѣсенія, ни даже смертная опасность не служатъ имъ препятствіемъ на пути къ осуществленію завѣтнаго желанія. Преодолевая невѣроятныя препятствія въ странахъ, чуждыхъ по языку, занятыхъ злыми и фанатичными врагами христіанства, наши русскіе богомольцы съ котомкою за плечами и посохомъ въ рукахъ шли, пробираясь чрезъ Балканскій полуостровъ, въ завѣтныя мѣстамъ,

¹⁾ См. у м. Макарія. Цит. соч. т. III изд. 3 СИБ. 1889 г. стр. 265.

²⁾ См. тамъ же т. V СИБ. 1886 г. стр. 311—312.

освященнымъ стопами Спасителя и Богоматери, терпѣливо перенося всякія обиды и насилія, нерѣдко даже умирая отъ истощенія. Иные изъ нихъ избирали еще болѣе трудный путь чрезъ Кавказъ, Арменію и Сирію. Хожденіе въ Святую землю тогда занимало цѣлыя годы и было дѣйствительнымъ подвигомъ. Благополучно возвращавшіеся путники считались тогда у насъ блаженными. Ихъ рассказы о Святой землѣ слушались съ умиленіемъ и благоговѣніемъ. И эти простые рассказы простыхъ, но сильныхъ вѣрою людей устанавливали и поддерживали крѣпкую духовную связь между русскимъ народомъ и православнымъ населеніемъ Святой земли. Русскій народъ сожалѣлъ и проливалъ искреннія слезы о своихъ далекихъ братьяхъ по вѣрѣ, терпѣвшихъ въ теченіе многихъ вѣковъ гоненія и всякія стѣсненія отъ невѣрныхъ мусульманъ, наружавшихся надъ величайшими святынями христіанскаго міра; а сирійскіе и палестинскіе христіане, въ свою очередь, проникались сознаніемъ, что есть далекій могущественный русскій народъ, единовѣрный и правоспособный покровитель и защитникъ православныхъ христіанъ, отъ постепенно надвигавшагося иновѣрнаго врага. Благодаря простымъ русскимъ паломникамъ, изъ года въ годъ путешествовавшимъ въ Святую землю и поддерживавшимъ живую связь русскаго народа съ нею, православные жители Сиріи и Палестины не на Западъ, а на Сѣверъ устремляли свой просительный взоръ и все свои надежды въ тайнѣ возлагали именно на русскій народъ. Въ томъ и заключается величайшая заслуга нашихъ древнихъ благочестивыхъ паломниковъ въ Святую землю, что они постоянно и неизмѣнно поддерживали живую духовную связь между русскимъ народомъ и Святою землею.

Со второй половины XV в. замѣчается нѣкоторая перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ между православною Русью и Святою землею. Прежде русскіе люди путешествовали въ Св. землю и, благодаря этому, служили живыми по-

средниками въ сношеніяхъ между русскимъ народомъ и православною палестинско-сирійскою церковью. Представители же этой послѣдней рѣдко, весьма рѣдко посѣщали русскую землю. Собственно говоря, за это время намъ извѣстенъ только одинъ примѣръ, когда христіане Святой земли путешествовали въ наше отечество. Со второй же половины XV в., послѣ того какъ палъ Цареградъ и бѣдственное состояніе іерусалимской церкви увеличилось вслѣдствіе фанатическаго преслѣдованія христіанъ мамелюками и постоянныхъ войнъ турокъ съ этими послѣдними, началось обратное движеніе, именно усиленное стремленіе страдавшихъ подъ иновѣрнымъ игомъ православныхъ христіанъ Востока и, въ частности, Святой земли въ Россію, благочестивые и сострадательные сыны которой никогда не отказывали своимъ братьямъ - мученикамъ въ помощи ¹⁾).

Обращенія патріарховъ іерусалимскихъ къ русской церкви начались, какъ показываетъ дошедшая до насъ грамота одного изъ нихъ (Іоакима) къ в. к. Василию Васильевичу (писанная прежде 1462 года), гдѣ онъ называетъ этого послѣдняго ближнимъ своимъ и другомъ церкви Христовой, еще при митрополитѣ св. Іонѣ. О преемникѣ его м. Теодосіи положительно извѣстно, что онъ оказалъ іерусалимской церкви дѣйствительную помощь. При п. Іоакимѣ въ Іерусалимѣ было сильное землетрясеніе, которое повредило храмъ Воскресенія. Египетскій султанъ, услышавъ объ этомъ, хотѣлъ разорить храмъ до основанія и на его мѣстѣ поставить мечеть. Только слезы и моленія п. Іоакима расположили его преклонить гнѣвъ на милость, за которую онъ однакоже потребовалъ выкупа въ 6.000 золотыхъ, что было величайшимъ бѣдствіемъ для бѣдной и безъ того іерусалимской церкви. Патріархъ долженъ былъ заложить султану драгоценнѣйшія святыни христіанскаго міра, что однакоже только отдалило, а не окончательно предотвратило возможность разрушенія святынь,

¹⁾ См. Тамъ же т. VIII. СПб. 1877 г. стр. 347.

которыя нужно было выкупить, а между тѣмъ средствъ не было никакихъ. Тогда,—скажемъ словами м. Теодосія,—патріархъ, заботясь о многомъ зданіи великія церкви и искупленіи Гроба Господня отъ поганыхъ, не имѣя откуда что приобрести или откуда что взять, слыша истинную нашу св. вѣру непорочною, которая отъ многихъ лѣтъ чрезъ богопросвѣщеннаго Владимира въ земляхъ русскихъ возсіяла, въ волѣ Божіей совершенною и благочестіемъ цвѣтущею, какъ свѣтъ солнечный, и, возымѣвъ о томъ благое упованіе, Господари самъ пошелъ въ землю нашу, желая просить святую милостыню живодавнему Гробу Христову, на созиданіе св. Божіей церкви и на искупленіе отъ поганнаго. Въ Кафѣ перво-святитель скончался, завѣщавъ исполненіе своего намѣренія шедшему съ нимъ брату Іосифу, пареченному митрополиту Кесаріи Филипповой. Вслѣдствіе просьбы этого послѣдствію, м. Теодосій писалъ въ 1464 году посланіе новгородцамъ и псковичамъ ¹⁾ и, вѣроотно, во всѣ другія епархіи русской церкви, высказывалъ отъ лица его все значеніе участія ея въ судьбѣ Св. града и вообще всей восточной православной церкви. Рассказавъ о нуждѣ Св. града, онъ обращался затѣмъ къ снмамъ русской церкви съ такою просьбою: чада мои! пишу вамъ и благословляю васъ, имѣя попеченіе о животворящемъ Христовѣ гробѣ, также и о искупленіи его и о величїемъ исправленіи св. Храма Воскресенія Христова и о многомъ стяжаніи... Безобоязненно, съ вѣрою и любовію, подайте милостыню Іосифу, митрополиту кесарійскому ²⁾, каждый сколько хочетъ, по своей силѣ, на искупленіе Христова Гроба и на созданіе св. матери церковей, Сіона; отколѣ возсіяла радость и свѣтъ

¹⁾ См. Акты историческіе, собраныя и издадныя Археогрфическою Комиссіею. СПб. 1841 г. т. 1 стр. 127—129.

²⁾ Архим. Іосифъ, по просьбѣ патріарха іерусалимскаго, былъ посвященъ въ митрополита Кесаріи, Филипповой въ Москвѣ соборомъ русскихъ архипастырей.

Христовъ. Взъимите узрѣть лице Господне, какъ никогда жены мироносицы, любовію сердца взыскавшія Христа и рано утромъ притекшія къ Св. гробу Его, усердствуя муромъ помазать св. тѣло Его и, не обрѣвши Его, огласились глаголомъ ангеловъ и возвратились принять милость отъ Бога. Такъ и вы, уподобившись благоправіемъ женамъ тѣмъ, съ любовію притекайте, прося у Бога прощенія своихъ согрѣшеній; подайте милостыню, вмѣсто мѹра, на искупленіе гроба Господня и на созиданіе св. Божіей церкви, спасенія ради своихъ душъ. Я послалъ вамъ, чада мои,—заклучалъ митрополитъ,—граммату сію, прославляя и величая имя Господне, ради возсіявшаго въ русскихъ нашихъ земляхъ благочестія. Таковъ былъ отзывъ русской церкви на воззваніе бѣдствовавшей іерусалимской церкви о помощи въ ея крайней нуждѣ. Митрополитъ Іосифъ, по свидѣтельству лѣтописи, отправился изъ Россіи съ великою милостынею. Полагаютъ, что верхъ храма іерусалимскаго былъ покрытъ желѣзомъ въ 1466 году на пожертвованія сыновъ русской церкви ¹⁾.

Съ того времени никогда не прекращались живыя сношенія іерусалимской церкви съ русскою, выражавшіяся въ томъ, что первая просила о помощи, а вторая всегда помогала. Къ этому располагало русскихъ внутреннее бѣдственное состояніе палестинской церкви, не только не уменьшавшееся, но еще болѣе усиливавшееся, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условий времени. Патріархи и епископы, избравшіеся на кафедры іерусалимскаго патріархата изъ туземныхъ арабовъ, по неопытности своей въ дѣлахъ и крайнему необразованію, привели палестинскую церковь въ совершенный упадокъ. Бѣдность во всемъ простиралась до того, что богослуженіе совершалось въ полотняныхъ ризахъ, съ желѣзными трикиріями и мѣдными сосудами, и духовенство, даже высшее питалось тру-

¹⁾ См. Снощенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ Ч. I стр. 5—12.

дами рукъ своихъ. Это дало возможность латинянамъ и другимъ иновѣрцамъ завладѣть многими святынями, принадлежавшими прежде грекамъ, и вообще успѣться предъ этими послѣдними¹⁾. Такая крайняя нужда заставила п. Германа—грека (1534—1579 г.), ревностнаго первосвященника іерусалимской церкви, обратиться къ Россіи за помощію. Послѣ его, отправленные къ московскому царю Іоанну IV, были приняты этимъ послѣднимъ съ честію и возвратились отъ него съ богатою милостынею, которою царь „показалъ патриарху любовь свою и усердіе; на пожертвованія царя были обновлены мраморныя колонны обветшавшей часовни Св. гроба и верхъ ея былъ покрытъ свинцомъ“²⁾.

Вскорѣ послѣ того іерусалимская церковь снова обращалась къ русской церкви за помощію. По причинѣ сильнаго землетрясенія, въ Іерусалимѣ „разсѣлися Божіи церкви, келіи и ограды распались, и само сущее воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа надъ гробомъ разсѣлось по мѣстамъ (т. е. треснула природная скала вертепа, покрытая мраморомъ, въ видѣ часовни, или т. н. кувуклія гроба) и колокольня упала, и другія церкви въ Геосиманіи и Виелеемѣ остались пусты“. Вслѣдствіе этого п. Германъ въ 1548 г. отправилъ своихъ пословъ въ Россію за милостынею, снабдивъ ихъ грамотою, содержаніе которой характеристично для опредѣленія возрѣвнѣйшаго патриарха и вообще палестинскихъ христіанъ на Россію и ея значеніе для нихъ. Патриархъ писалъ, что Россія можетъ спасти палестинскихъ христіанъ отъ многихъ скорбей и тѣсноты, причиняемыхъ имъ невѣрными иноплемениками, ибо „безъ вашего призрѣнія и помощи“,—говорилъ онъ,—„мы сами не въ силахъ исправить всего отъ вседневнаго нападенія нечестивыхъ иноплемениковъ и отъ тяжести насилій и безпрестанныхъ испытаній“.

¹⁾ См. у А. Н. Муравьева. Ист. Іерусалима ч. III стр. 269—270.

²⁾ См. у него же. Сношенія Россіи съ Востокомъ ч. I стр. 57—58.

Въ заключеніи грамоты патриархъ просилъ московскаго царя „быть ктиторомъ, соорудителемъ и помощникомъ церкви Св. гроба, подобно Константину Великому; ибо нѣтъ намъ другаго помощника, кромѣ Бога и твоего царствія“. Царь милостиво принялъ патриаршихъ пословъ и отпустилъ ихъ съ богатою милостынею¹⁾.

Въ 1559 году царь Іоаннъ Васильевичъ, услышавъ о стѣсненіяхъ, какия терпѣлъ п. Германъ отъ турокъ, снова посылалъ ему чрезъ новгородскаго софійскаго архидіакона Геннадія щедрую милостыню. Въ слѣдующемъ году патриархъ благодарилъ царя за эту милостыню и снова просилъ его обновить св. сосуды и прислать ему митру для священнослуженія, „ибо многие“,—пояснялъ онъ эту свою просьбу,—„здѣсь у Св. гроба носятъ митры, армяне и абиссинцы и прочіе; только мы одни ее не имѣемъ“²⁾.

Преемникъ Германа п. Софроній многократно, именно въ 1582, 1583, 1586, 1592 и 1604 г.г. обращался за помощію къ русской церкви и никогда не получалъ отказа. Въ грамотѣ своей на имя царя Бориса Годунова п. Софроній писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „ты вѣдаешь, благочестія любительный царь, что у насъ вседневные, неисчетные расходы, и что мы терпимъ награсное поношеніе отъ агарянъ здѣсь во святыхъ мѣстахъ, а кромѣ Бога, иного помощника не имѣемъ, и заступника и покровителя, во дняхъ сихъ, какъ тебя единаго святого царя государя нашего, и на тебя полагаемъ все наше упованіе и надежду, и къ тебѣ прибѣгаемъ... заступи насъ, пособствуй и помоги, и будь новый соорудитель живодавному гробу“³⁾.

Преемникъ Софронія п. Теофанъ (1608—1645 г.), па-

¹⁾ См. тамъ же ч. I стр. 56—60.

²⁾ См. тамъ же ч. I стр. 96, 100, 101.

³⁾ См. тамъ же ч. I стр. 128—131; 133—134; 161; 164; 248; 283—264; 280—286; 287; 289—299.

Митный для Россіи многими подвигами на пользу и благо ей, первый изъ іерусалимскихъ патріарховъ (такъ какъ п. Іоакимъ, по случаю смерти, не добхалъ до Россіи) лично путешествовалъ въ русскую землю, чтобы „видѣть“, — какъ самъ онъ объяснялъ бывшимъ въ Іерусалимѣ и Палестинѣ пастырямъ, — „пресвѣтлаго царя великой Россіи, благочестіемъ сіяюща, и о пужныхъ намъ искушенія ради страждущихъ братій нашихъ въ неволѣ окаленныхъ турокъ, яко въ пучинѣ морскѣй волнуемыхъ, и иныхъ ради нашихъ недостатковъ помолити, наипаче же церковныхъ ради вещей и оскуднѣнія, во еже податися Св. гробу Господа нашего Іисуса Христа и служащимъ тамо отцамъ“. П. Теофана приняли въ Россіи съ великою честью, и онъ возвратился въ Святую землю съ обильною милостынею ¹⁾.

Преемникъ Теофана п. Пансій также путешествовалъ лично въ Россію для испрошенія милостыни своему престолу, находившемуся въ крайне стѣснительномъ матеріальномъ положеніи. Онъ пробылъ у насъ болѣе полугода (1649—1650 г.) и, подобно своему предшественнику принималъ живое участіе въ дѣлахъ русской церкви, указавъ русскимъ на нѣкоторыя разности въ чинахъ и обрядахъ между русскою и восточною церквами ²⁾. П. Пансій возвратился домой съ богатою царскою милостынею ³⁾.

Преемники его—патріархъ Нектарій и Досіеѣй неоднократно обращались къ русскимъ царямъ и патріархамъ за помощію и всегда получали изъ Россіи щедрыя подаванія, которыя немало облегчали бѣдствія іерусалимской православной церкви ⁴⁾.

Церковь сирійская также находилась въ живыхъ сноше-

¹⁾ См. тамъ же ч. I стр. 340—349.

²⁾ См. у п. Макарія. Ист. рус. церк. т. XI СПб. 1882 г. стр. 136—162.

³⁾ См. у А. Н. Муравьева. Ист. Іерус. ч. II стр. 296—297, 301, 311, 317.

⁴⁾ См. Собр. государ. грам. и богов. IV № 135.

ніяхъ съ русскою церковью и весьма многими (была обязана этой послѣдней). Подобно іерусалимскимъ первосвятителямъ, и антиохійскіе патріархи иногда рѣшались предпринимать далекое и трудное путешествіе въ Россію за милостынею. Это извѣстно, напр., о п. Іоакимѣ, бывшемъ въ Россіи при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ, и п. Макаріи, дважды путешествовавшемъ въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и принимавшемъ живое участіе въ дѣлахъ русской церкви ¹⁾.

Итакъ, на всемъ протяженіи времени отъ половины XV в. и до начала XVIII непрерывно поддерживались живыя и непосредственныя сношенія между православными церквами сирійско-палестинскою и русскою. Сношенія эти имѣли довольно однообразный и опредѣленный характеръ. Сирійско-палестинская православная церковь, переживавшая трудное время притѣсненій со стороны вѣрныхъ турокъ и ожесточенной борьбы съ римско-католиками и потому крайне нуждавшаяся въ матеріальныхъ средствахъ, постоянно обращалась за помощію къ русской православной церкви, которая въ это же самое время постепенно крѣпла и возвышалась и которая, обладая сравнительно достаточными средствами, никогда не отказывала въ помощи своимъ страждущимъ единовѣрнымъ братьямъ, щедро одаряя ея представителей руками особенно своихъ царей и первосвятителей. Матеріальная помощь въ это время была пока единственнымъ выраженіемъ участія, какое русское духовное и гражданское правительство могло принимать въ судьбахъ православной палестинско-сирійской церкви. И это было совершенно естественнымъ явленіемъ, потому что Россія тогда сама еще только устроилась и собиралась съ силами. Такъ продолжалось до начала XVIII в.

Съ этого времени замѣчается новая перемѣна въ отношеніяхъ Россіи къ православному Востоку вообще и, въ част-

¹⁾ См. Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I стр. 96, 120, 169—179, 260, 326.

ности, къ сирійско-палестинской православной церкви. Правда, и теперь, какъ и прежде, русскіе люди путешествовали въ Святую землю для поклоненія здѣшнимъ святынямъ; и теперь, какъ и прежде, представители палестинско-сирійскихъ православныхъ христіанъ преимущественно въ лицѣ ихъ іерарховъ изъ года въ годъ отправлялись въ далекую Россію за сборомъ милостыни; и теперь, какъ и прежде, русскій благочестивый народъ посылалъ щедрыя пожертвованія чрезъ этихъ іерарховъ въ пользу Гроба Господня и другихъ святынь Палестины. Но въ то время, какъ прежде Россія только просила и ходатайствовала предъ турецкимъ правительствомъ за своихъ единовѣрныхъ братьевъ, теперь она окрѣпнувъ и почувствовавъ себя сильною, начинаетъ съ оружіемъ въ рукахъ требовать и домогаться отъ Турціи того же самаго. Въ XVIII вѣкѣ мы видимъ цѣлый рядъ войнъ Россіи съ Турціей. Главная цѣль всѣхъ этихъ войнъ и всѣхъ договоровъ, какіе были послѣдствіемъ ихъ, заключалась въ томъ, чтобы защитить и освободить единовѣрныхъ намъ братьевъ, восточныхъ христіанъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ томившихся въ турецкомъ игѣ. Правда, не всегда эти войны Россіи съ Турціей изъ-за православныхъ христіанъ Востока сопровождались желательнымъ для Россіи успѣхомъ и не вполне содѣйствовали освобожденію единовѣрныхъ ей подданныхъ турецкаго правительства. Кромѣ силы еще могущественной Турціи, успѣхъ русскаго оружія, русскаго мужества, одушевляемаго святою вѣрою, почти всякій разъ парализовался интригами враговъ православія и ихъ могущественныхъ западно-европейскихъ покровителей, особенно въ лицѣ Англіи и Франціи. Эти послѣдніе противники Россіи могли въ это время только интриговать противъ нея, но не смѣли и не рѣшались, прямо и активно вмѣшиваться въ ея войны съ Турціей. Россія въ теченіе всего XVIII в. вѣдалась одна съ Турціей и признавалась какъ этою послѣднею, такъ и всѣмъ западно-европейскимъ міромъ въ качествѣ единственной за-

койной покровительницы православныхъ подданныхъ оттоманскаго правительства. Рядъ договоровъ между Россіей и Турціей, имѣвшихъ мѣсто въ прошедшемъ столѣтіи, заключился кучукъ-кайнарджійскимъ трактатомъ при императрицѣ Екатериинѣ II, который, по общему признанію, былъ заключеніемъ, итогомъ всей прошедшей исторіи взаимныхъ отношеній между Россіей и Турціей и точкой отправленія всѣхъ послѣдующихъ нашихъ договоровъ съ Россіей. Кучукъ-кайнарджійскимъ договоромъ официально подтверждалось и узаконялось право русскихъ государей покровительствовать своимъ единовѣрцамъ на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи, а, слѣдовательно, и въ Сиріи и Палестинѣ. Утвержденное кучукъ-кайнарджійскимъ договоромъ право покровительства Россіи своимъ единовѣрцамъ-поданнымъ султана лежало въ основаніи сношеній нашихъ съ Турціей и въ царствованіе императоровъ Павла Петровича и Александра Благословеннаго. Замѣчательно, что, основывая такъ называемый обще-европейскій концертъ, или соглашеніе, императоръ Александръ Благословенный ограничивалъ его дѣйствіе только одною христіанскою Европою, не простирая его на мусульманскій Востокъ и тщательно оберегалъ историческое право Россіи покровительствовать православнымъ поданнымъ Порты. Ни въ Вѣнѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Ахенѣ, ни однимъ словомъ не было упомянуто о Турціи, не смотря на то, что живѣйшее желаніе нѣкоторыхъ противниковъ Россіи заключалось именно въ распространеніи обще-европейскаго ругательства на Турцію. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы своей жизни императоръ Александръ Благословенный далъ увлечь себя сладкорѣчивыми доводами нѣкоторыхъ тайныхъ завистниковъ Россіи и призналъ правоспособность обще-европейскаго соглашенія для разрѣшенія нѣкоторыхъ частныхъ несогласій нашихъ съ Портою, вызванныхъ нарушеніемъ обязательствъ ея предъ нами ¹⁾.

¹⁾ См. у Г. С. Татищева. Цит. соч. стр. 462—463.

Но императоръ Николай I-й, тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, открыто и рѣшительно провозгласилъ свое право расчитаться съ Турціей безъ всякаго иностраннаго посредничества. Уже въ первый годъ его царствованія, именно 25 сентября 1826 года, была заключена аккерманская конвенція, разъяснявшая, исправлявшая и дополнявшая постановленія букурештскаго трактата, заключеннаго пѣспѣшно и при крайне неблагоприятныхъ для Россіи обстоятельствахъ, и снова обезпечивавшая за этою послѣднею то исключительное положеніе, которое было создано намъ въ Турціи кучукъ-кайнарджійскимъ договоромъ. Но миръ между Россіей и Турціей, скрѣпленный аккерманскою конвенціею, былъ непродолжителенъ. 2 апрѣля 1828 года Россія вынуждена была объявить войну Турціи. Самою важною и единственною настоящею причиною этой войны былъ нравственный долгъ Россіи прійти на помощь единоувѣрному намъ греческому народу, изнемогавшему въ неравной борьбѣ съ вѣковыми его притѣснителями. Война эта сопровождалась блестящими подвигами русскихъ побѣдоносныхъ войскъ и закончилась адрианонопольскимъ мирнымъ договоромъ 2 сентября 1829 года. Правда, въ этомъ послѣднемъ договорѣ ничего не говорилось прямо о правѣ Россіи на покровительство православнымъ подданнымъ Турціи. Но это само собою разумѣлось, такъ какъ адрианонопольскій трактатъ подтверждалъ преобладающее вліяніе Россіи въ Турціи во всѣхъ отношеніяхъ, а, слѣдовательно и въ отношеніи покровительства единоувѣрнымъ намъ подданнымъ султана. Прямымъ слѣдствіемъ адрианонопольскаго договора былъ, между прочимъ, и ункляръ-искелесскій договоръ между Россіею и Турціею 26 июня 1833 года, составившій эпоху въ исторіи нашихъ отношеній къ Турціи и выстѣ съ тѣмъ въ исторіи нашихъ отношеній къ православному Востоку. Договоръ этотъ былъ результатомъ и заключеніемъ успѣшнаго, умиротворяющаго вмѣшательства Россіи въ борьбу между турецкимъ султаномъ Махмудомъ и египетскимъ

вассальнымъ правителемъ Мегметъ-Али-пашой, который рѣшительными военными предпріятіями потрясъ было до основанія дряхлаую Турецкую имперію и отнялъ было у нея значительную часть ея азіатскихъ владѣній, въ томъ числѣ и Палестину съ Сиріей¹⁾. Россія заставила смириться египетскаго пашу, чего не могли сдѣлать соединенныя успія всѣхъ западно-европейскихъ державъ, противницъ Россіи. Въ благодарность за эту благородную и безкорыстную помощь султанъ Махмудъ и согласился на подписаніе ункляръ-искелесскаго договора съ Россіей. По этому договору, между Россіей и Турціей устанавливался вѣчный миръ, дружба и союзъ. Цѣлю союза²⁾ провозглашалась взаимная защита другъ друга противъ всякаго покушенія. Договаривавшіяся стороны обязывались „откровенно согласоваться касательно всѣхъ предметовъ, которые относятся до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности. Договоръ подтверждалъ во всей полнотѣ всѣ прежніе трактаты наши съ Портой, при чемъ императоръ русский, „въ слѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость блистательной Порты, обѣщалъ, въ случаѣ нужды, представить въ ея распоряженіе необходимое число сухопутныхъ и морскихъ силъ и содержать ихъ на свой счетъ³⁾).

Значеніе ункляръ-искелесскаго договора лучше всего поняли и оцѣнили враги наши, которые гордились, что Россія этимъ трактатомъ превратила въ верховенство и покровительство преобладаніе, которымъ они прежде пользовались въ Турціи; что этимъ она хотѣла предъ лицомъ всей Европы открыто провозгласить, возвести въ принципъ народнаго права свое исключительное, выходящее изъ ряда преобладаніе во внутреннихъ дѣлахъ Оттоманской державы, которая этимъ договоромъ была обращена въ официальнаго кліента Россіи⁴⁾.

¹⁾ Подробности можно читать у С. С. Татищева въ цит. соч. стр. 342—378

²⁾ См. тамъ же стр. 379.

³⁾ См. тамъ же стр. 385.

Приведенныя сейчасъ отзывы, безъ сомнѣнія, преувеличены, но въ основаніи ихъ лежало все таки правильное пониманіе хода вещей и при томъ не столько того временнаго, сколько возможнаго будущаго. Истинное значеніе договора 26 іюня 1833 года состояло въ томъ, что имъ узаконялось наше преобладаніе на православномъ Востока и, такимъ образомъ, вѣковая историческая, народная политика Россіи на Востока достигла своего высшаго выраженія. Главною цѣлю его было утвержденіе за Россіей, первенствующаго положенія на православномъ Востока,—положенія, основаннаго на правѣ поддержаннаго силой и рѣшительно объявленнаго предъ лицомъ всей Европы. И особенно замѣчательно то, что, рѣшаясь на такую важную мѣру, императоръ Николай I-й не считалъ нужнымъ справляться съ мнѣніемъ иностранныхъ державъ, не исключая и ближайшихъ своихъ союзниковъ—берлинскаго и вѣнскаго государей, съ которыми онъ въ это самое время скрѣплялъ нѣсколько ослабѣвшія узы прежней дружбы и единенія. Рѣшительный шагъ Россіи въ дѣлѣ закрѣпленія и узаконенія своего историческаго преобладанія на православномъ Востока на этотъ разъ не встрѣтилъ противодѣйствія нигдѣ и ни въ комъ¹⁾.

Къ сожалѣнію, порядокъ вещей, установившійся на православномъ Востока по заключеніи ункяръ-искелескаго договора, продолжался очень недолго. Русское вліяніе и преобладаніе на православномъ Востока, достигшее своего зенита въ договорѣ 26 іюня 1833 года, вскорѣ послѣ этого времени начало постепенно и прогрессивно падать. Упадокъ его, по мнѣнію знатоковъ дѣла, былъ прямымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда ошибокъ нашей дипломатіи. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ говорить по этому поводу слѣдующее: „у насъ несомнѣнно были на Востока интересы нравственныя, вѣковыя, историческіе: общеніе нашей церкви съ восточными, единовѣріе и

¹⁾ См. тамъ же, стр. 386.

единоплеменность, связывавшія насъ съ мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ, наконецъ, преданія исторіи, свидѣтельствовавшія объ участіи Россіи въ дѣлѣ постепеннаго освобожденія турецкой раи. Но можно утвердительно сказать, что въ десятилѣтній періодъ съ 1830 по 1840 годъ, когда наше политическое вліяніе было наиболѣе могущественно въ Константинополѣ, для поддержанія и развитія этихъ нравственныхъ интересовъ не было сдѣлано ровно ничего. Пока англійское посольство съ жаромъ вступалось за протестантовъ, французское—за католиковъ, мы представляли охраненіе правъ и преимуществъ православнаго населенія инициативѣ султана Махмуда, питавшаго къ намъ дѣйствительное расположеніе... Въ областяхъ Оттоманской имперіи число нашихъ консуловъ было крайне ограниченное, а должности ихъ занимались преимущественно инородцами изъ мѣстныхъ жителей. И если, не смотря на все это, въ сердцахъ христіанъ Востока продолжала корениться вѣра въ Россію, ея государя и историческое ея призваніе, то, конечно, не по вину этихъ недостойныхъ представителей ея, а благодаря свѣжему еще воспоминанію о длинномъ рядѣ русскихъ побѣдъ надъ невѣрными, о торжествѣ крестоноснаго знамени Россіи надъ ненавистнымъ полумѣсяцемъ... Разрывъ Порты съ пашой египетскимъ (присланный въ началѣ 1839 года) послужилъ исходною точкою къ продолжительнымъ и сложнымъ переговорамъ между великими державами, приведшими къ такъ называемому европейскому соглашенію по дѣламъ Востока. Соглашеніе это имѣло неисчислимыя послѣдствія какъ для общаго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ, такъ и, въ частности, для отношенія Россіи къ Турціи, положивъ начало совокупному вмѣшательству великихъ державъ въ пользу послѣдней. Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ были предтечами трактатовъ парижскаго и берлинскаго, окончательно узаконившихъ европейскую опеку надъ Портой, съ одной стороны, надъ христіанскими ея подданными, съ другой, и лишившихъ Россію

не только плодовъ ея вѣковой политики, но и всякой свободѣ дѣйствій на Востокѣ¹⁾.

Мы не будемъ здѣсь излагать подробно переговоровъ, приведшихъ къ упомянутымъ лондонскимъ конвенціямъ 1840 и 1841 годовъ, такъ какъ это мало имѣетъ отношенія къ нашему предмету²⁾. Намъ достаточно будетъ знать сущность ихъ. 3 июля 1840 г. въ Лондонѣ была заключена конвенція между Россіей, Англіей, Австріей, Пруссіей и Турціей, которою первыя четыре державы обязывались „блести за поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи въ интересѣ упроченія европейскаго мира и содѣйствовать этой цѣли въ совершенномъ согласіи“. 1 июля слѣдующаго 1841 года къ этому соглашенію присоединилась и Франція. Результатомъ обѣихъ этихъ конвенцій было коренное измѣненіе въ отношеніяхъ великихъ европейскихъ державъ къ Востоку. До того времени одна Россія пользовалась преимущественнымъ правомъ покровительства христіанскому поселенію Турціи, при чемъ договоромъ 26 іюня 1833 года это право покровительства было законно превращено въ право преобладанія и опеки надъ Турціей. Теперь же, послѣ того какъ вошли въ силу постановленія лондонскихъ конвенцій 1840 и 1841 годовъ, узаконялся новый принципъ европейскаго соглашенія, въ силу котораго пять великихъ державъ, представлявшихъ Европу, имѣли обсуждать и рѣшать важнѣйшіе политическіе вопросы не иначе, какъ сообща, въ томъ числѣ и всѣ вопросы касательно отношеній къ Востоку и покровительству христіанскому поселенію турецкой имперіи. Въ этомъ именно смыслѣ лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ и могутъ быть справедливо названы прямыми родоначальницами парижскаго и берлинскаго договоровъ, до сего времени тяготящихся надъ отношеніями Россіи къ право-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 415—416. 430.

²⁾ Подробности можно читать тамъ же, стр. 431—544.

славному Востоку. Онѣ знаменовали собою упадокъ русскаго вліянія на Востокѣ. Упадокъ этотъ не могъ не быть замѣченъ и русскимъ правительствомъ, которое и начало принимать мѣры къ усиленію и возвышенію нашего вліянія на Востокѣ, хотя было уже поздно.

Въ предшествующихъ главахъ мы видѣли, что политической переворотъ 1840 г., вносившій коренную перемѣну въ отношенія Европы къ Турціи, сопровождался, между прочимъ, значительнымъ усиленіемъ внославной христіанской пропаганды въ Св. земли—католической и протестантской, которыми открыто покровительствовали западно-европейскія державы. Такъ какъ пропаганда эта имѣла политическую подкладку, чего не скрывали и сами инициаторы ея, то и русское правительство рѣшилось принять мѣры къ усиленію своего вліянія на православномъ Востокѣ и особенно въ Іерусалимѣ, который сдѣлался теперь центромъ религіозной и политической борьбы между христіанскими европейскими державами. Съ этою цѣлію во второй половинѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія было рѣшено, между прочимъ, учредить въ Іерусалимѣ русскую духовную миссію и начальникомъ ея назначить архим. Порфирія Успенскаго, не разъ предъ тѣмъ путешествовавшаго на Востокъ, хорошо знавшаго послѣдній и бывшаго, кажется, инициаторомъ и самаго учрежденія русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Опредѣленіе Св. Синода объ этомъ состоялось 31 іюля 1847 года.

Самое учрежденіе первой русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ весьма краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ слабо было вліяніе Россіи на православномъ Востокѣ и, въ частности, въ Палестинѣ и какъ, съ другой стороны, робко, какъ бы виновато, русское правительство старалось усилить и восстановить его. Въ то время какъ другія государства имѣли въ Св. градѣ официальныхъ представителей изъ среды своего духовенства и открыто покровительствовали своимъ миссіямъ въ дѣлѣ ихъ пропаганды, Россія рѣшилась „отправить
Пресса. Кирилъ Наумовъ.

въ Иерусалимъ того же архимандрита Порфирія, который уже употребленъ былъ для собранія свѣдѣній о состояніи православной церкви на Востокѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ находился въ Иерусалимѣ не въ качествѣ русскаго настоятеля, но въ качествѣ русскаго поклонника, снабженнаго дозволеніемъ и формальною рекомендаціею отъ русскаго духовнаго начальства“. Въмѣстѣ съ нимъ рѣшено было „отправить такъ же въ качествѣ поклонниковъ одного іеромонаха и двухъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ среднихъ или высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые бы отличались благонаравіемъ и имѣли познанія въ языкахъ греческомъ и одномъ изъ новѣйшихъ“. Петербургскій митрополитъ долженъ былъ „снабдить архимандрита Порфирія рекомендательнымъ письмомъ къ патриарху іерусалимскому, въ которомъ было бы изъяснено, что сей архимандритъ, посѣтивъ восточныя святыни, пожелалъ туда возвратиться и пробыть при Св. гробѣ нѣсколько лѣтъ, на что всероссійскій синодъ съ удовольствіемъ благословилъ его и воспользовался симъ случаемъ, дабы отпустить съ нимъ іеромонаха и двухъ набожныхъ и любознательныхъ духовныхъ юношей, раздѣляющихъ сіе богоугодное желаніе; вслѣдствіе чего архимандритъ Порфирій и его спутники рекомендуются покровительству патриарха и святогробской братіи съ просьбою облегчить временное ихъ жителство въ Иерусалимѣ, допускать ихъ къ совершенію въ Св. гробѣ богослуженія и вообще принять ихъ сообразно тѣмъ чувствамъ взаимной любви, довѣрія и братства, какіе всегда существовали между Россійскою и всѣми восточными церквами“¹⁾.

Сотрудниками себѣ, съ разрѣшенія начальства, архим. Порфирій избралъ іером. Θεοφана (Говорова), бывшаго до того времени бакалавромъ с.-петербургской духовной академіи, и

¹⁾ См. Книгу моего бытія ч. III. СПб. 1896 г., стр. 148—149.

студентовъ с.-петербургской духовной семинаріи Соловьева и Крылова¹⁾.

Образованная въ такомъ видѣ и составѣ наша первая іерусалимская духовная миссія была снабжена особою инструкціею, которою нѣсколько подробнѣе, чѣмъ въ секретномъ указѣ Св. Синода отъ 31 іюля 1847 г. № 8658, опредѣлялись характеръ и цѣль миссіи. По смыслу этой инструкціи, члены русской миссіи, прежде всего, должны были служить въ Иерусалимѣ, какъ дѣйствительномъ центрѣ православнаго исповѣданія на Востокѣ, представителями русской церкви и русскаго благолѣпнаго богослуженія. Миссія, далѣе, должна была стараться о томъ, чтобы мало по малу преобразовать само греческое духовенство, управляющее православными христіанами на Востокѣ, возвысить его какъ въ собственныхъ его глазахъ, такъ и въ глазахъ православной паствы его. Миссіи вмѣнялось въ обязанность привлечь къ православію и утвердить въ немъ мѣстныхъ жителей, постоянно колеблемыхъ въ вѣрѣ инославными агентами и отступающихъ отъ православія, вслѣдствіе недовѣрія къ греческому духовенству и неблагоразумнаго поведенія. Въ заключеніе всего нашей первой духовной миссіи въ Иерусалимѣ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность не придавать себѣ никакого иного характера, кромѣ поклонническаго, не вмѣшиваться въ дѣла греческаго духовенства, ограничиваясь, въ случаѣ нужды, совѣтами, не вмѣшиваться въ житейскія дѣла русскихъ поклонниковъ и всячески стараться о томъ, чтобы не возбуждать подозрѣній въ иностранныхъ агентахъ и не подавать повода къ толкамъ о какихъ либо скрытныхъ намѣреніяхъ Россіи²⁾.

Нетрудно видѣть, что инструкция, данная нашей первой духовной миссіи въ Иерусалимѣ, была составлена лицомъ,

¹⁾ См. тамъ же, стр. 155, указъ св. Синода на имя м. Антонія отъ 21 августа 1847 г., № 9.111.

²⁾ На основаніи вышеупомянутой записки прессы Петра (Троицкаго).

практически незнакомымъ съ положеніемъ дѣла. Она поставила нашей миссіи слишкомъ высокія задачи, при крайне ограниченныхъ средствахъ миссіи, совершенно невыполнимыя для нея. Такъ, прежде всего, миссіи, согласно данной ей инструкціи, должна была преобразовать греческое духовенство. Это легко было сказать: но какъ возможно это было сдѣлать? Миссія не имѣла рѣшительно никакихъ средствъ къ исправленію и преобразованію греческаго духовенства. У нея для этого не было самаго важнаго и существенно необходимаго условія—вліянія на греческое духовенство ни каноническаго, ни историческаго, ни политическаго. Да и самая задача—преобразовать греческое духовенство—была чѣмъ-то совершенно новымъ въ исторіи нашихъ сношеній съ православнымъ Востокомъ. Русскіе съ первыхъ временъ христіанства у насъ были подчинены греческому духовенству. Русская церковь и послѣ освобожденія отъ подчиненія греческой церкви всегда занимала второе послѣ нея мѣсто и не могла занять вного по самимъ церковнымъ постановленіямъ, такъ какъ первая была духовною дочерію второй. Правда, русская церковь въ данное время уже безспорно превосходила свою духовную мать во многихъ отношеніяхъ, особенно благолѣпнымъ богослуженіемъ, великолѣпиемъ и вообще благоустройствомъ храмовъ. Но въ духовныхъ дѣлахъ превосходство не зависить отъ матеріальныхъ благъ. Далѣе, исторія никогда до 1847 года не знала и не видѣла насъ въ качествѣ учителей и преобразователей греческой церкви и греческаго духовенства. Мы къ этому были совершенно не подготовлены. А между тѣмъ одному,—правда ученому и опытному,—но все таки одному архимандриту съ однимъ іеромонахомъ и двумя молодыми людьми поручалось преобразовать греческое духовенство, при чемъ въ тоже самое время архимандриту и его сотрудникамъ строго внушалось не придавать себѣ оффиціального положенія, не вмѣшиваться въ дѣла патріархата и въ крайнемъ случаѣ ограничиваться однимъ предложеніемъ совѣтовъ. Даже

и то единственное средство, какимъ могла пользоваться наша первая духовная миссія въ Іерусалимѣ для исполненія высокой задачи, на нее возложенной,—именно благолѣпное богослуженіе было сопряжено съ почти непреодолимыми затрудненіями. Составъ миссіи былъ такъ ограниченъ, а храмы въ уступленныхъ ей іерусалимскимъ патріархомъ монастыряхъ были такъ малы, что ни о какомъ благолѣпномъ богослуженіи не могло быть и рѣчи.

Другая задача нашей миссіи, состоявшая въ привлеченіи и утвержденіи туземнаго — арабскаго населенія Палестины и Сиріи въ православной вѣрѣ, повидимому, была болѣе легка и сильна, чѣмъ первая. Однакоже, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, становится очевиднымъ, что и она не могла быть вполне осуществлена миссіею. Съ одной стороны, наша миссія была лишена возможности имѣть непосредственныя сношенія съ православнымъ арабскимъ населеніемъ Палестины и Сиріи, такъ какъ ей строго внушалось не вмѣшиваться во внутреннія дѣла патріархата. При недоброжелательномъ отношеніи къ нашей миссіи со стороны греческаго духовенства іерусалимскаго патріархата, всякое самое невинное сношеніе миссіи съ арабскимъ православнымъ населеніемъ могло показаться подозрительнымъ и быть поставлено ему въ вину. Вотъ примѣръ. Въ октябрѣ 1852 года набулусскіе христіане заходили въ Іерусалимъ къ архим. Порфирію для бесѣды. Это сдѣлалось извѣстнымъ патріарху и, когда на слѣдующій день набулузцы явились къ и. Кириллу, то находившійся при немъ архим. Никифоръ спрашивалъ ихъ: „вы ходили къ архимандриту Порфирію жаловаться на насъ“¹⁾? Такъ, всякая малѣйшая неосторожность членовъ нашей миссіи въ сношеніяхъ съ православнымъ арабскимъ населеніемъ могла навлечь на нее подозрѣніе со стороны высшаго греческаго духовенства, что

¹⁾ См. Книгу моего бытія ч. IV, стр. 322.

было бы безусловно вредно для цѣлей, какія должна была преслѣдовать миссія въ своей дѣятельности.—Съ другой стороны, поддержаніе православія въ Палестинѣ и Сиріи необходимо требовало денежныхъ средствъ и при томъ значительныхъ. А ихъ, за исключеніемъ 11.578 руб. 35 коп., отпускавшихся собственно на содержаніе миссій¹⁾, рѣшительно не было у этой послѣдней.

Ко всему этому необходимо прибавить еще слѣдующее. Наша первая іерусалимская миссія была недружелюбно и нечувствительно принята іерусалимскимъ патріархомъ и окружающими его дѣятелями святогробскаго братства, которые видѣли въ архим. Порфиріи уполномоченнаго русскимъ правительствомъ наблюдателя за ихъ дѣйствіями и особенно за ихъ отношеніемъ къ русскимъ поклонникамъ и къ арабской православной паствѣ²⁾. Съ другой стороны, и само наше правительство въ лицѣ агентовъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ высшей степени равнодушно относилось къ нуждамъ и къ дѣятельности нашей миссії въ Іерусалимѣ. Вотъ что говорить по этому поводу одинъ изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ православнаго Востока и нашихъ отношеній къ нему: „разъ написавъ инструкцію, разъ ассигновавъ къ ежегодному отпуску 10.000 руб., полагали, что все было сдѣлано и позабыли, для чего была послана миссія, и на ея домогательства, требованія и предположенія смотрѣли, какъ на излишнюю переписку. Въ доказательство справедливости сказаннаго, не стану перечислять случаевъ, когда миссія оставалась безъ денегъ, вслѣдствіе несвоевременной высылки ея содержанія, но приведу два примѣра, характеризующіе тогдашнее отношеніе къ дѣлу³⁾. Далѣе рассказывается о томъ, какъ архим. Порфирій дважды обращался за помощію къ прави-

¹⁾ См. тамъ же, ч. III, стр. 150.

²⁾ См. Прав. Изв. Сборн. т. I вып. 1 СПб. 1881 г., стр. 79.

³⁾ См. тамъ же, стр. 77, слова В. Н. Хитрово.

тельству, именно по поводу устройства помѣщенія для нашей миссії на участкѣ земли, уступленномъ патріархомъ, и учрежденія больницы въ Іерусалимѣ для русскихъ поклонниковъ. Но въ обоихъ случаяхъ на предложенія архим. Порфирія не было обращено никакого вниманія, между тѣмъ какъ осуществленіе этихъ проектовъ могло бы принести величайшую пользу русскому дѣлу въ Св. землѣ¹⁾. Но особенно ясно сказалось равнодушіе правительства къ первой нашей миссії въ Іерусалимѣ въ самомъ концѣ существованія этой послѣдней. Когда началась крымская война, то наша духовная миссія въ Іерусалимѣ была совсѣмъ забыта и оставлена на произволь судьбы. Нѣкоторое время архим. Порфирій жилъ со всѣми своими сотрудниками на счетъ патріархіи, пока, наконецъ, австрійскій консулъ не сказался надъ ними и не далъ имъ возможности на австрійскомъ пароходѣ возвратиться на родину чрезъ Западную Европу.

Такъ окончилась первая попытка наша имѣть своихъ непосредственныхъ представителей у Св. гроба Господня: Миссія архимандрита Порфирія нисколько не увеличила и не возвысила нашего вліянія въ Іерусалимѣ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что дѣятельность нашей первой іерусалимской миссии не была совершенно бесплодною. Не говоримъ уже объ ученыхъ занятіяхъ самого архим. Порфирія и его достойныхъ сотрудниковъ, результаты которыхъ далеко еще не всѣ обнародованы и которыя, безъ сомнѣнія, принесли великую пользу въ дѣлѣ нашего знакомства съ Св. землею и съ православнымъ Востокомъ вообще. Во время пребыванія своего въ Св. градѣ 1847—1853 г. архим. Порфирій съ своими сотрудниками, кромѣ Палестины, путешествовалъ по Сиріи, въ Египетъ и на Синай, при чемъ вездѣ они из-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 78—79, ср. у архим. Порфирія „Книга бытія моего“ ч. IV СПб. 1896 г. стр. 381—382.

учали и описывали все достойное вниманія ¹⁾. По просьбѣ и ходатайству архим. Порфирія, была заведена въ Иерусалимѣ п. Кирилломъ арабская типографія для печатанія богослужебныхъ книгъ на арабскомъ языкѣ ²⁾. При его же дѣятельномъ участіи, было устроено и открыто въ Иерусалимѣ эллино-арабское училище. И какъ искренно радовался архим. Порфирій осуществленію этого послѣдняго своего проекта. „Слава Богу!“—писалъ онъ, напр., въ своемъ дневникѣ 12 ноября 1852 года.—„Патріархъ подписалъ уставъ здѣшняго училища по моей просьбѣ, и при мнѣ же вручилъ его начальнику и учителю о. Діонисію Клеопѣ“ ³⁾. П. Кириллъ назначилъ архим. Порфирія даже эфоромъ вновь учрежденнаго училища, первоначальное устройство котораго, поэтому, было также дѣломъ его перваго эфора. „Наконецъ“,—читаемъ въ его дневникѣ подъ 3 февраля 1853 года,—„Богъ сподобилъ меня учредить здѣсь правленіе училищнаго попечительства“ ⁴⁾. Цѣль этого учрежденія, по словамъ самаго архим. Порфирія, состояла въ томъ, чтобы дать жизнь, движеніе и порядокъ всѣмъ училищамъ, какія только находились въ предѣлахъ церкви палестинской. „Я хранилъ“,—пишетъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника архим. Порфирій,—„въ глубокой тайнѣ свое дипломатическое намѣреніе просвѣтить и возвысить православныхъ арабовъ во что бы то ни стало. Мнѣ было жаль ихъ. Они несли двойное иго: турецкое и греческое. Надлежало освободить ихъ. Какъ же? Посредствомъ просвѣщенія. Ибо Спаситель сказалъ: истина свободитъ ны (Іоан. VIII, 32) ⁵⁾. Наконецъ, архим. Порфирій не забывалъ въ Иерусалимѣ и чисто русскихъ интересовъ. Такъ,

¹⁾ См. Книгу моего бытія ч. III. СПб. 1896 г. стр. 385—464; ч. IV. СПб. 1898 г. стр. 1—61; 273—275.

²⁾ См. тамъ же, ч. IV, стр. 325. 326. 336.

³⁾ См. тамъ же, ч. IV, стр. 327.

⁴⁾ См. тамъ же, ч. IV, стр. 390.

⁵⁾ См. тамъ же, ч. IV, стр. 392.

по его ходатайству, для русскихъ поклонницъ было отведено помѣщеніе, вмѣсто Екатерининской обители, въ Теодоровскомъ монастырѣ, а русскимъ поклонникамъ, вмѣсто этого послѣдняго монастыря, было назначено мѣстопробываніе въ Архангельской обители. „Итакъ“,—замѣчаетъ по этому поводу самъ архим. Порфирій,—„ни тѣмъ, ни другимъ не будетъ тѣсно и душно“ ¹⁾. При дѣятельномъ же участіи архим. Порфирія, начата была и постройка особаго помѣщенія для нашей миссіи, прекратившаяся только вслѣдствіе открытія военныхъ дѣйствій ²⁾. Вообще въ разсужденіи результатовъ дѣятельности нашей первой іерусалимской миссіи мы вполне соглашаемся съ слѣдующимъ мнѣніемъ одного изъ лучшихъ знатоковъ нашихъ палестинскихъ дѣлъ. „Архимандритъ Порфирій“,—писалъ онъ въ свое время,—„для себя и для ученаго міра не даромъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Палестинѣ и другихъ странахъ Востока; своимъ пастырскимъ поведеніемъ онъ приобрѣлъ лично къ себѣ и къ своимъ сотрудникамъ истинное и глубокое уваженіе, память о себѣ онъ оставилъ прекрасную; но для должнаго возвышенія русской церкви въ глазахъ восточныхъ христіанъ, для поддержанія тамъ достоинства русскаго правительства и для облегченія нашей будущей дѣятельности на Востокѣ онъ и миссіи, ему подчиненная, не сдѣлали ничего и не могли ничего сдѣлать“ ³⁾.

Дѣятельность первой русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ была прекращена открывшеюся въ 1853 году крымскою войною. Эта война была послѣднею и притомъ уже вооруженною попыткою правительства императора Николая I-го возстановить прежнее преобладаніе Россіи на православномъ Востокѣ и ея исключительное право покровительства православнымъ подданнымъ Турціи. Извѣстны причины, вызвав-

¹⁾ См. тамъ же, ч. IV, стр. 304.

²⁾ См. тамъ же, ч. IV, стр. 294—495. 297. 299. 300 и др.

³⁾ См. Прав. Палест. Сборн., т. I, вып. 1 СПб. 1881 г., стр. 80—81.

шія единоборство православной Россіи со всею почти православною Европою. По требованію французскаго императора Наполеона, личныя интересы котораго заставляли льстить католическому духовенству, турецкое правительство нарушило давнія исконныя привилегіи православной церкви на святыхъ мѣстахъ. Это нарушение выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что ключъ отъ главныхъ дверей Ввелемскаго храма былъ взятъ отъ православныхъ и переданъ католикамъ. Въ глазахъ всѣхъ христіанъ Востока съ этимъ ключемъ было соединено понятіе о первенствѣ той церкви, которая имъ обладаетъ. Было совершенно очевидно для всѣхъ, что турецкое правительство рѣшилось пожертвовать интересами громаднаго большинства своихъ подданныхъ въ пользу и угоду незначительнаго меньшинства ихъ и притомъ вопреки древнему исконному обычаю съ исключительною цѣлію нанести оскорбленіе Россіи. Религіозныя интересы милліоновъ подданныхъ Турціи нарушались въ этомъ случаѣ только потому, что эти милліоны имѣли несчастье принадлежать къ той же церкви, къ которой принадлежалъ и русскій народъ.

Понятно, что Россія не могла оставить безъ протеста такое несправедливое нарушеніе религіозныхъ правъ единовѣрныхъ ей подданныхъ Оттоманской имперіи. Россія должна была во что бы то ни стало добиться возстановленія нарушенныхъ правъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ среди восточныхъ христіанъ могло возникнуть и утвердиться опасное убѣжденіе, что единство вѣры съ русскимъ народомъ есть печать отверженія, причина гоненій и притѣсненій, отъ которыхъ Россія безсильна избавить ихъ. Вслѣдствіе такихъ важныхъ соображеній, русское правительство заявило рѣшительный протестъ противъ распоряженія Порты.

На протестъ Россіи турецкое правительство отвѣчало обѣщаніемъ издать фирманъ, имѣвшій подтвердить всѣ права, какими издревле пользовалась православная церковь на святыхъ мѣстахъ. Фирманъ этотъ долженъ былъ быть прочитанъ

публично въ Іерусалимѣ. Но, не смотря на то, что въ этомъ дѣлѣ принимали живое участіе іерусалимскій патриархъ и свято-гробское братство, употребившіе большія деньги на подкупъ разныхъ турецкихъ чиновниковъ, не смотря на то, что Портою былъ командированъ въ Іерусалимъ особый чиновникъ съ спеціальнымъ порученіемъ прочитатъ фирманъ,—этотъ послѣдній все таки не былъ прочитанъ. „Наши дѣла идутъ худо“,—говорили по этому случаю іерусалимскій патриархъ Кириллъ архим. Порфирію. „Французы торжествуютъ. Не знаемъ, что дѣлаетъ нашъ самодержецъ Николай, не знаемъ“¹⁾.

Русское правительство, съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдившее за событіями на православномъ Востоцѣ, не могло конечно, не видѣть, что оно обмануто самымъ недостойнымъ образомъ и выставлено въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ безсилія, между тѣмъ какъ всѣ требованія Франціи были торжественно выполнены Портою. Тогда Россія потребовала отъ Турціи положительнаго обязательства, выраженаго въ формѣ какого-либо дипломатическаго договора, что всѣ права, какими дотолѣ пользовалась православная церковь въ Турціи и, въ частности, на святыхъ мѣстахъ, будутъ сохранены за нею. Не смотря на то, что Россія имѣла полное право, на основаніи всѣхъ прежнихъ ея договоровъ съ Турціей, обратиться къ послѣдней съ подобнымъ требованіемъ, западно-европейскія великія державы во главѣ съ Франціей признали это требованіе ея вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Турціи и нарушеніемъ верховныхъ правъ этой послѣдней. Основываясь на соглашеніи, санкціонированномъ лондонскими конвенціями 1840 и 1841 годовъ, великія европейскія державы предложили свое посредничество, которое та и приняла, предоставивъ ихъ усмотрѣнію опредѣленіе выраженій, въ какихъ

¹⁾ См. Книгу моего бытія, ч. IV СПб. 1896 г., стр. 334. Подробнѣе кратко изложеннаго нами дѣла см. тамъ же, стр. 260—336.

Турція должна была удовлетворить ея требованіямъ. Такъ составила знаменитая вѣнская нота. Признавъ посредничество державъ и безусловно принявъ ихъ рѣшеніе, Россія тѣмъ самымъ ясно показала, что она въ данномъ случаѣ не преслѣдуетъ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей, требуя только удовлетворенія за нарушение правъ ея единовѣрцевъ, естественною покровительницею которыхъ она, по самой сущности дѣла, была и должна была быть. И что же? Турція, сдѣлавшаяся необъяснимо почему смѣлою и рѣшительною, сначала отвергаетъ эту, составленную великими державами, и принятую Россіей ноту, дѣлая въ ней такія измѣненія, которыя лишали ее всякого значенія и обязательнаго смысла, а потомъ даже объявляетъ войну Россіи. Поведеніе Турціи скоро совершенно объяснилось, когда три изъ подписавшихся подъ вѣнскую ноту державъ приняли сторону ея противъ Россіи.

Такъ началась извѣстная крымская война. Война эта была завершеніемъ всей предшествующей исторіи нашихъ отношеній къ православному Востоку, когда Россія была исключительно и преобладающею покровительницею христіанскихъ подданныхъ Турціи. Она же открыла собою исторію новыхъ, совсѣмъ иныхъ отношеній къ православному Востоку, гдѣ мы должны были отказаться отъ всякихъ преимуществъ и преобладанія и дѣйствовать наравнѣ и сообщая со всѣми другими представителями христіанской Европы. Во главѣ этихъ новыхъ отношеній нашихъ къ православному Востоку и должна быть поставлена миссія преосв. Кирилла Наумова.

VI.

Миссія преосвящ. Кирилла, епископа мелитопольскаго: ея учрежденіе, организація и составъ, и данная ей инструкція.

Учрежденіе русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, подъ начальствомъ преосв. Кирилла, находилось въ тѣсной связи съ печальнымъ для насъ исходомъ крымской войны, равно какъ и характеръ миссіи существенно обусловливался тѣмъ положеніемъ, какое заняла Россія на православномъ Востока и, въ частности, въ св. Землѣ по окончаніи этой войны. Крымская война, которая была собственно борьбою ббльшей половины Европы съ Россіей, начата была нашими противниками съ тою цѣлю, чтобы ослабить и даже, по возможности, совсѣмъ уничтожить то исключительное положеніе, какое занимала Россія на православномъ Востока до того времени²⁾. Хотя ещѣ раньше, какъ мы уже видѣли, въ 1840—41 г.г. Россія была вынуждена отказаться отъ своего исключительнаго права единственной покровительницы христіанъ турецкой имперіи, при чемъ западно-европейскія державы заявили о своемъ желаніи наблюдать за поддержаніемъ цѣлости и не-

²⁾ См. у С. Татищева. Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей въ 1853 г. Ист. Вѣстн. 1892 г., т. 1, стр. 155.

зависимости Оттоманской имперіи въ интересѣ укрѣпленія обще-европейскаго мира ¹⁾); но во 1) это заявленіе не имѣло пока характера оффиціального международнаго соглашенія, и 2) лондонскія конвенціи все таки не предоставляли западно-европейскимъ державамъ тѣхъ правъ, какими пользовалась на православномъ Востокѣ Россія.

Западно-европейскія правительства прекрасно это понимали и ожидали только удобнаго случая къ тому, чтобы добиться себѣ точно такого же положенія на православномъ Востокѣ, какое занимала тамъ Россія. Съ этою именно цѣлію начата и затѣмъ ведена была война Западной Европы съ Россіей, обыкновенно известная подъ именемъ крымской. Вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, въ 1854 году, союзныя державы предлагали Россіи свои условія мира, весьма ясно указывавшія на цѣль, къ которой стремились противники Россіи. Четвертымъ пунктомъ этихъ условій, между прочимъ, требовалось, чтобы „Россія отказалась отъ всякаго оффиціального покровительства подданнымъ султана, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, и удовольствовалась тою взаимною помощію, которую державы должны были оказывать другъ другу съ цѣлію добиться обезпеченія преимуществъ различныхъ религіозныхъ общинъ безъ нарушенія однако независимости султана“ ²⁾.

Россія въ то время не согласилась отречься отъ своего священнаго и традиціоннаго права и вынуждена была начать борьбу, подобной которой, по выраженію императора Александра II-го, исторія не представляетъ примѣра ³⁾. Но спустя годъ, уже при новомъ государѣ, одушевленномъ благороднымъ желаніемъ—дать скорѣйшее облегченіе Россіи,

¹⁾ См. у С. Жигарева. Русская политика въ восточномъ вопросѣ М. 1896 г., т. II, стр. 96.

²⁾ См. у бар. Жомини. Россія и Европа въ эпоху крымской войны Вѣсти. Евр. 1886 г. № 7, стр. 227.

³⁾ См. у С. Жигарева. Назв. соч. стр. 72.

истекавшей кровію въ неравной борьбѣ, правительство русское изъявило готовность начать мирные переговоры съ Западной Европой на основаніи прежде предложенныхъ ей 4 пунктовъ ¹⁾, изъ которыхъ послѣдній теперь былъ формулированъ такъ: „Россія откажется отъ оффиціального *протектората* надъ христіанскими подданными султана православнаго вѣроисповѣданія; но европейскія державы будутъ оказывать другъ другу взаимную поддержку съ цѣлію достигнуть съ инициативы Оттоманскаго правительства освященія и соблюденія религіозныхъ правъ христіанскихъ общинъ подданныхъ Порты безъ различія исповѣданія“ ²⁾. Однакоже начавшіеся въ мартѣ 1855 года вѣнскіе переговоры на этой почвѣ не привели къ положительному результату и были прерваны до слѣдующаго года, когда открылся парижскій конгрессъ. Неудачный исходъ вѣнской конференціи прямо зависѣлъ отъ того, что противники наши не желали въ то время мира, ожидала скорая пораженія Россіи, когда надѣялись предписать этой послѣдней миръ, какой бы имъ захотѣлось ³⁾.

Между тѣмъ время, прошедшее отъ прекращенія вѣнскихъ совѣщаній до открытія парижскаго конгресса, противники Россіи употребили на то, чтобы побудить турецкое правительство принять мѣры къ улучшенію быта и положенія своихъ христіанскихъ подданныхъ. Результатомъ таковыхъ усилій ихъ было то, что 18 февраля 1856 года былъ, дѣйствительно, изданъ султаномъ Гатти-Гумайонъ, обѣщавшій широкія реформы во внутреннемъ управленіи турецкой имперіи, рассчитанныя, между прочимъ, и на улучшеніе быта христіанскихъ подданныхъ Порты. Изданіе Гатти-Гумайона нашимъ противникамъ казалось важнымъ и необходимымъ для того, чтобы „на предстоящихъ переговорахъ о четвертомъ

¹⁾ См. Вѣсти. Евр. 1886 г. № 10, стр. 560.

²⁾ См. у С. Жигарева назв. соч. т. II, стр. 72—73.

³⁾ См. тамъ же, стр. 77—78.

(вышеприведенномъ нами) пунктъ гарантій начать уже съ совершившагося факта и тѣмъ во 1) предупредить возможность какихъ-либо предложеній на этотъ счетъ со стороны Россіи, которыя могли, разумѣется, встрѣтить сочувствіе турецкихъ христіанъ и во 2) не дать послѣднимъ повода поставить приобрѣтенныя ими льготы въ заслугу Россіи¹⁾.

При такихъ, весьма неблагоприятныхъ для Россіи, условіяхъ открылся парижскій конгрессъ. Въ одной изъ статей трактата его, между прочимъ, говорилось, что Оттоманская Порта обѣщаетъ европейскимъ державамъ *добровольно* улучшить бытъ своихъ христіанскихъ подданныхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданія. Только, къ сожалѣнію, *добровольно обѣщанныя* Портою права ея христіанскимъ подданнымъ не были гарантированы ничѣмъ; даже мало того: въ парижскомъ трактатѣ прямо говорилось, въ одной изъ статей его, что договаривающіяся стороны не могутъ требовать отъ султана выполненія данныхъ имъ обѣщаній и не имѣютъ права вмѣшиваться ни коллективно, ни единолично во внутреннее управленіе имперіи. Съ другой стороны, въ томъ же трактатѣ говорилось, что договаривающіяся стороны обязуются уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства и вслѣдствіе сего будутъ почитать²⁾ всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе касающимся общихъ правъ и пользы²⁾.

Изъ сказаннаго сейчасъ нетрудно видѣть, что парижскій трактатъ, бывшій только прямымъ слѣдствіемъ и продолженіемъ лондонскихъ конвенцій 1840—1841 г.г., произвелъ коренной переворотъ въ отношеніяхъ Россіи къ православному Востоку и, въ частности, къ св. землѣ, причемъ переворотъ этотъ теперь получилъ санкцію общеевропейскаго

¹⁾ См. тамъ же, стр. 80—81.

²⁾ См. тамъ же, стр. 85—86.

соглашенія и взаимнаго обязательства. Два печальныя для Россіи слѣдствія необходимо вытекали изъ этого договора: 1) теперь Россія формально и окончательно отказывалась отъ своего историческаго и священнаго права быть единственною покровительницею христіанъ православнаго Востока; это право она вынуждена была раздѣлять теперь со всеми западно-европейскими великими державами; и во 2) теперь сама Россія единолично не могла ничего предпринять въ пользу единовѣрныхъ своихъ братьевъ, томившихся въ игѣ турецкомъ, такъ какъ всякое подобное дѣйствіе ея было бы признано нарушеніемъ договора ея съ западно-европейскими державами. Однимъ словомъ, положеніе и значеніе Россіи на православномъ Востоцѣ парижскимъ трактатомъ было глубоко подорвано и поколеблено, такъ что если бы она послѣ этого пожелала сколько нибудь возстановить свое вліяніе на православномъ Востоцѣ и, въ частности, въ Иерусалимѣ, то ей необходимо было бы начинать дѣло съ самаго начала. Она такъ и сдѣлала.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій русскаго правительства, направленныхъ именно къ возстановленію поколебленнаго положенія Россіи на православномъ Востоцѣ, было учрежденіе официальной духовной русской миссіи въ Иерусалимѣ. Учрежденію миссіи предшествовалъ обстоятельный докладъ министра иностранныхъ дѣлъ Государю Императору. Докладъ этотъ представляетъ интересъ и для насъ въ томъ отношеніи, что онъ знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ само русское правительство смотрѣло на тогочременинское положеніе Россіи на православномъ Востоцѣ и какія задачи оно возлагало на учреждавшуюся вновь миссію¹⁾.

Политическія отношенія наши къ Турціи,—говорилось въ докладѣ,—и самое положеніе ея относительно другихъ

¹⁾ См. архивъ Св. Синода по канцеляріи г. оберъ-прокурора за 1857 г. л. № 373.

державъ совершенно измѣнились. Теперь мы уже имѣемъ дѣло не съ Турками, а съ Европейцами, которыхъ зоркій взглядъ легко усмотритъ тѣ мѣры предосторожности, какія можно было бы съ успѣхомъ употребить въ сношеніяхъ съ правительствомъ оттоманскимъ. Въ настоящее время всякая полумѣра не только не принесетъ пользы, но даже можетъ послужить ко вреду нашей духовной миссіи въ Иерусалимѣ, уронивъ ея достоинство. Если кругъ дѣйствій миссіи ограничится одними пассивными наблюденіями, то пребываніе ея въ Иерусалимѣ окажется бесполезнымъ, потому что для этого достаточно нашего генеральнаго консула въ Бейрутѣ и вице-консула въ Яфѣ. Преимущество ихъ еще будетъ состоять въ томъ, что они съ меньшей оглаской достигнутъ сей цѣли, весьма, впрочемъ, незначительной. Необходимо опредѣлить настоящую цѣль миссіи, прежде нежели послать ее, для того, чтобы она могла быть полезна Востоку, ибо на прежнемъ основаніи ей уже трудно будетъ оставаться въ Иерусалимѣ.

Необходимо принять въ соображеніе, что три элемента народныя составляютъ православіе на Востоку: греки, славяне и арабы, о которыхъ мы особенно должны заботиться, чтобы они устояли противъ покушеній пропаганды западной. Изъ этихъ трехъ племенъ греки сильнѣе, вліятельнѣе и менѣе другихъ требуютъ нашей заботливости. Они составляютъ корень православія на Востоку и не легко совращаются въ латинство. Вѣра составляетъ выраженіе ихъ народности. Къ тому же ихъ духовные пастыри берегутъ свою паству и не обращаются съ нею такъ сурово и корыстно, какъ съ славянами и арабами; да и вообще давняя ненависть грековъ къ латинству такъ вкоренена въ народѣ, что, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, можно оставаться спокойнымъ въ непоколебимой ихъ привязанности къ нашей общей церкви.

Совсѣмъ иное у славянъ и арабовъ, угнетаемыхъ греческимъ духовенствомъ, и потому довольно склонныхъ къ сближенію съ латинами, которые представляются имъ защит-

никами отъ властей турецкихъ, осыпаютъ ихъ милостями и доставляютъ возможность слушать богослуженіе на родномъ языкѣ въ церквахъ униатскихъ, какъ это мы видимъ въ Македоніи. Итакъ, не въ равной степени можетъ быть полезно и должно обнаруживаться вліяніе наше на эти три разнородныя племена для удержанія ихъ въ православіи. Духовная паства славянская здѣсь незначительна. Министерство неоднократно уже возбуждало вопросъ о славянахъ и потому теперь рѣшалось обратить вниманіе Государя Императора на другой элементъ.

Доселѣ мы смотрѣли на церковь въ Сиріи и Палестинѣ болѣе чрезъ призму греческую, потому что велъ ея высшая іерархія состоитъ изъ грековъ, хотя весь народный элементъ есть чисто арабскій въ двухъ патриархатахъ: іерусалимскомъ и антиохійскомъ, и даже отчасти въ александрійскомъ, ибо внѣ обителей и главныхъ городовъ богослуженіе совершается тамъ только на языкѣ арабскомъ. Греки, подобно тому какъ между славянами Турціи, потерпимы здѣсь не только народомъ, но и священниками, а между тѣмъ вся наша милостыня сыплется болѣею частію на іерархію греческую. Наша цѣль, наше стремленіе должны состоять въ примиреніи враждующихъ племенъ Востока, - ибо русскихъ здѣсь равно любятъ и грекъ и арабъ, ему единовѣрный, не говоря уже о славянахъ, и даже иповѣрные латины и армяне, копты, сирійцы и халдеи охотно сближаются съ нами, чуждаясь грековъ, какъ закоснѣлыхъ своихъ враговъ. Это уже само собою должно указывать намъ, на что преимущественно слѣдуетъ обращать вниманіе наше на Востоку, именно: мы должны примирять враждующихъ и поддерживать арабовъ, чтобы ихъ не завлекли въ унию благодѣянія латиновъ; и если послѣдніе употребляютъ все средства для усиленнаго дѣйствія пропаганды на людей имъ чуждыхъ, то мы должны, по крайней мѣрѣ, стараться привлекать къ себѣ своихъ. Въ то время, какъ греческій патриархъ Иерусалима удалился въ Царь-градъ,

латины утвердили въ Иерусалимѣ своего патріарха, кромѣ францисканскаго блюстителя святой земли, пользующагося правами епископскими при богослуженіи. Уніаты также имѣютъ своего патріарха и созываютъ до 12 епископовъ на свои соборы въ Иерусалимѣ. У армянъ есть патріархъ и даже протестанты имѣютъ своего епископа, который домогается распространить англійское подданство на евреевъ русскихъ и польскихъ, отъ коихъ русское правительство отказалось, и покровительствуетъ абиссинцамъ, будто бы порученнымъ ему ихъ властителемъ.

Слѣдовательно, на сторонѣ Запада—благолѣпная іерархическая представительность ихъ клира, поддерживаемаго ихъ сильными консулами въ Иерусалимѣ, образованность миссіонеровъ, пышность церковныхъ обрядовъ, училища, госпитали, сестры милосердія; все это быстро развилось и преуспѣваетъ, а неоскудѣвающая милостыня невольно привлекаетъ къ нимъ грубыхъ арабовъ, притѣсняемыхъ греческой іерархіей.

Что могла сдѣлать, въ сравненіи съ ними, наша убогая миссія безъ всякой представительности, безъ благолѣпной службы, безъ госпиталей, страннопримныхъ домовъ и другихъ средствъ? Нѣсколько лѣтъ тянулось дѣло о домѣ, который предлагалъ выстроить для миссіи патріархъ за 6000 рублей, съ уплатою ему денегъ въ три года; безпрестанно спрашивали, нельзя ли такъ обойтись? Миссія была помѣщена очень дурно, жила скудно и все это, взятое вмѣстѣ, было причиною, почему противники наши выросли предъ нами на Востокѣ. Роль смиренныхъ наблюдателей нынѣ уже невозможна для нашей миссіи; намъ необходима представительность на Востокѣ, разумѣется, не политическая, а церковная, въ которой намъ не могутъ отказать ни турки, ни франки, имѣющіе своихъ патріарховъ и епископовъ въ святомъ градѣ. Пока наше вліяніе было сильно, мы еще могли таить его, чтобы не возбудить зависти; а теперь, когда оно осла-

бѣло на Востокѣ, чего не скрываетъ министерство, мы, напротивъ того, должны стараться, хотя наружно выказывать его, чтобы не упасть во мнѣніи православнаго населенія, которое еще вѣритъ намъ по старой памяти.

Министерство находило необходимымъ поставить во главѣ іерусалимской миссіи епископа вмѣсто архимандрита. Это, по мнѣнію министерства, произвело бы сильное, благотѣльное впечатлѣніе не только въ Иерусалимѣ, но и въ Царьградѣ, потому что тамъ еще никогда не видѣли архіерея русскаго, ни великолѣпныхъ обрядовъ нашего богослуженія. Между тѣмъ богослуженіе греческое въ такомъ упадкѣ и совершается съ такимъ небреженіемъ, что не можетъ вселить никакого благоговѣнія франкамъ въ томъ общемъ храмѣ Святаго Гроба, гдѣ встрѣчаются всѣ вѣроисповѣданія и наблюдательскими взорами смотрятъ на взаимную службу. По неблаголѣпную службу греческой и малому благоговѣнію священнослужителей судить и о цѣломъ исповѣданіи тѣмъ болѣе, что лучшая часть православія, собственно русская, никому неизвѣстна на Востокѣ. Если же франки увидятъ на Голгоѣѣ и въ Св. Гробѣ служеніе нашего епископа, со всѣмъ его благолѣпіемъ, которое легко можно устроить, ибо съ нимъ могутъ служить славяне и арабы, примѣняясь къ нашему порядку,—то впечатлѣніе сіе будетъ разительно не только для латинъ, но и для грековъ; оно дастъ болѣе ясное понятіе объ истинномъ православіи на Востокѣ, особенно при личномъ уваженіи къ епископу. Благолѣпіе богослуженія особенно необходимо намъ въ Иерусалимѣ, ибо сей святой градъ есть центральный духовный пунктъ не только всего Востока, но и Запада, на который устремлено вниманіе всей Европы и откуда наша миссія можетъ имѣть благотѣльное вліяніе на сосѣдніе патріархаты и Сипай. Если же мы допустимъ миссіонеровъ западныхъ совращать арабовъ и присоединять къ римской церкви халдеевъ, сирійцевъ и коитовъ, при совершенномъ равнодушіи съ нашей стороны къ симъ убогимъ

и простымъ дѣтямъ Востока, то православіе въ этихъ краяхъ можетъ со временемъ ограничиться только однимъ незначительнымъ кругомъ грековъ.

Въ заключеніи своего всеподданнѣйшаго доклада министръ иностранныхъ дѣлъ замѣчалъ слѣдующее: „учрежденіе при нашей духовной миссіи больницы и безвозмездная раздача врачебныхъ пособій,—необходимы, но мы не смѣемъ теперь входить въ исчисленіе нужныхъ издержекъ и нѣкоторыхъ другихъ предположеній относительно приобрѣтенія дома для миссіи и проч., тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, которыя доселѣ представлены по сему предмету дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бутелевымъ¹⁾, ограничиваются тѣмъ, что уже находится въ прежней перепискѣ и извѣстно министерству, и отъ него ожидаютъ болѣе подробныя и точныя, на мѣстѣ собранныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ едва ли не полезнѣе будетъ поручить этотъ предметъ нашей духовной миссіи, по прибытіи ея въ Іерусалимъ“.

Такимъ образомъ, изъ внимательнаго разсмотрѣнія доклада министра иностранныхъ дѣлъ Государю Императору видно, что русское правительство во 1) положеніе и вліяніе Россіи на православномъ Востока послѣ крымской войны считало сильно поколебленнымъ и, наоборотъ, положеніе нашихъ противниковъ — значительно возросшимъ и весьма опаснымъ для цѣлей православія; 2) признавало необходимымъ принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ восстановленію поколебленнаго нашего вліянія на Востока и одною изъ первыхъ такихъ мѣръ считало именно учрежденіе официальной духовной миссіи русской въ св. градѣ; 3) предметомъ наибольшаго вниманія предполагавшейся миссіи, по мнѣнію правительства русскаго, долженъ былъ служить одинъ изъ трехъ составныхъ элементовъ православія на Востока, въ частности, въ св. Зе-

¹⁾ А. П. Бутелевъ въ то время былъ нашимъ посломъ въ Константинополь. † 1866 г.

мль, именно арабскій, какъ наиболѣе слабый, угнетенный и потому особенно поддающійся вліянію инославной пропаганды; 4) главнѣйшимъ средствомъ желательнаго вліянія нашей миссіи, по мнѣнію правительства, должно было служить благолѣпное совершеніе богослуженія; наконецъ 5) въ виду этого послѣдняго обстоятельства, по мнѣнію министерства иностранныхъ дѣлъ, во главѣ предполагавшейся къ учрежденію миссіи долженъ былъ стоять епископъ.

Такія надежды возлагало русское правительство на предположенную миссію и такіе, сравнительно скромные, виды соединяло оно съ нею. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ скоро, вновь учреждавшейся миссіи не дали всѣхъ средствъ, необходимыхъ для выполненія возлагавшейся на нее скромной задачи, а между тѣмъ въ данной ей, при ея отправленіи изъ Россіи, инструкціи значительно расширили и самую задачу и цѣли ея дѣйствій въ св. Землѣ.

Послѣ того какъ 23 марта 1857 года докладъ министра иностранныхъ дѣлъ объ учрежденіи духовной миссіи въ Іерусалимѣ былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ, правительство русское приняло мѣры къ тому, чтобы подготовить почву на мѣстѣ къ водворенію новой миссіи на православномъ Востока. Константинопольскому послу нашему было поручено войти въ сношенія по этому вопросу съ турецкимъ правительствомъ и съ высшими представителями православнаго іерусалимскаго патріархата.

Турецкое правительство изъявило свое согласіе на водвореніе русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ и, по представленію нашего константинопольскаго посла, выдало два визиріальныя письма по этому предмету: на имя сайдскаго генералъ-губернатора и іерусалимскаго патріарха. Въ обоихъ этихъ письмахъ Порты признавала официальное существованіе нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, которая прежде того прозявала тамъ негласно и была только терпима. Благодаря этому, признавалось право нашей духовной миссіи на

самостоятельную дѣятельность и предоставлялась ей возможность сноситеся съ патриархомъ іерусалимскимъ на основаніи совершеннаго равенства, вѣвъ всякой зависимости отъ свято-гробскаго духовенства¹⁾).

Въ то же самое время бейрутскій генеральный консулъ, по распоряженію нашего константинопольскаго посла, входилъ въ сношенія съ намѣстниками іерусалимскаго патриарха относительно возстановленія въ скоромъ времени нашей духовной миссіи, стараясь проникнуть во внутреннее расположеніе свято-гробскаго духовенства къ этому дѣлу. Когда консулъ объявилъ намѣстникамъ іерусалимскаго патриарха, что русское правительство, пользуясь водвореніемъ мира, намѣрено прислать во св. градъ русскихъ духовныхъ лицъ, то намѣстники Его Блаженства не преминули выразить свое удовольствіе видѣть снова среди себя представителей русскаго духовенства, и заявили, что они еще не имѣли отъ патриарха никакого о томъ увѣдомленія, но всегда готовы принять ихъ съ радушіемъ. При этомъ они указали на домъ окончательно перестроенный и никѣмъ доселѣ не занимаемый, который назначенъ для жительства русской духовной братіи.

Для того, „чтобы глубже проникнуть въ мысли намѣстниковъ“,—продолжаетъ консулъ въ своемъ донесеніи константинопольскому послу,—„я почелъ нужнымъ распространиться о пользѣ пребыванія во св. градѣ русскихъ духовныхъ какъ для нашихъ поклонниковъ, такъ и вообще для православной церкви, на что они отвѣчали подтвержденіями. Но судя по впечатлѣнію, произведенному на меня сими отвѣтами, мнѣ кажется, что, привыкну болѣе пещись о вещественныхъ потребахъ св. мѣсть, они еще не вполне раздѣляютъ мысли о необходимости развитія и улучшенія нрав-

¹⁾ См. отношеніе и. д. товарища министра иностр. дѣлъ И. Мальцова къ оберъ-прокурору Св. Синода отъ 16 авг. 1857 г. въ архивѣ Св. Синода по канцеляріи Оберъ-Прокурора за 1857 г. д. № 373.

ственнаго быта какъ богомольцевъ, такъ и священнослужителей. Вообще нужно признаться, что, въ отношеніи обширности видовъ, оба намѣстника и Мелетій, митрополитъ Петры, по преклонности лѣтъ, и вновь посвященный въ санъ архіепископа лидскаго Герасимъ, далеко отстаютъ отъ патриарха Кирилла. Присутствіе Его Блаженства въ Іерусалимѣ, конечно, было бы полезно не только для нашей духовной миссіи, но и вообще для другихъ выгодъ его престола“. Консулъ бейрутскій входилъ также въ переговоры съ намѣстниками іерусалимскаго патриарха относительно помѣщенія миссіи и устройства больницы при ней, по крайней мѣрѣ, для русскихъ поклонниковъ. „Въ послѣднее время“,—писалъ консулъ,—„многія правительства, а также и частныя лица показываютъ стремленіе къ улучшенію быта не только своихъ соотечественниковъ, но и другихъ христіанъ, посѣщающихъ Іерусалимъ, учрежденіемъ больницъ и гостепріимныхъ домовъ. Для сего приобрѣтено уже въ собственность достаточно участковъ земли за городомъ и строений въ городѣ. Доселѣ прусскимъ консульствомъ куплено три дома, въ коихъ одинъ—для помѣщенія консула, а другіе—для больницы подъ завѣдываніемъ діакониссъ. Австрійское правительство устраиваетъ гостепріимное учрежденіе въ весьма большихъ размѣрахъ. Французы имѣютъ свое заведеніе сестеръ милосердія, равно какъ и англичане устроили подобное учрежденіе“. На этомъ основаніи, бейрутскій генеральный консулъ нашъ считалъ весьма желательнымъ устройство больницы при вновь учреждавшейся русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Такавъ мысль его была вполне одобрена Государемъ Императоромъ Александромъ II, которому угодно было собственноручно отмѣтить 11 іюня 1857 года на представленной ему запискѣ консула слѣдующее: „послѣ всего, что дѣлаютъ прочія христіанскія исповѣданія, стыдно будетъ намъ отставать отъ нихъ“¹⁾.

¹⁾ См. арх. Св. Синода въ томъ же дѣлѣ отношеніе бейрутскаго генерал. консула Мухина къ послу Вутену отъ 30 апрѣля 1857 г.

Здѣсь позволительно будетъ, кажется, сдѣлать слѣдующее замѣчаніе относительно переговоровъ, какіе предварительно вело на Востокъ русское правительство по поводу учрежденія духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Правительство наше, какъ видимъ, сносило и съ Портою, и съ намѣстниками іерусалимскаго патріарха, но, повидимому, не считало необходимымъ спрашивать мнѣнія самихъ патріарховъ—вселенскаго и особенно іерусалимскаго относительно своего предположенія учредить миссію. По крайней мѣрѣ, документальныя данныя ничего не говорятъ намъ объ этихъ послѣднихъ сношеніяхъ. Поэтому, мы думаемъ, что ихъ, дѣйствительно, совсѣмъ не было. Неудивительно, если такое дѣйствіе русскаго правительства не понравилось іерусалимскому патріарху и вызвало съ его стороны естественное выраженіе неудовольствія, хотя, впрочемъ, и не гласное. Когда спустя годъ, 19 мая 1858 года архим. Порфирій (Успенскій, впоследствии епископъ, викарій кіевской епархіи) посѣтилъ іерусалимскаго патріарха Кирилла¹⁾, то этотъ послѣдній принялъ его весьма радушно и высказалъ ему тѣ скорби, какія причинены были ему (т. е. п. Кириллу) при—и по водвореніи нашей духовной миссіи въ св. градъ подъ начальствомъ мелитопольскаго епископа Кирилла. „Ваше правительство“,—говорилъ п. Кириллъ архим. Порфирію,—„о назначеніи своего епископа въ Іерусалимъ вело переговоры съ Портою, а меня не увѣдомило заблаговременно, и я уже отъ Порты узналъ ходъ сего дѣла; уже она дала мнѣ знать, что ею утверждено пребываніе русскаго архіерея въ св. градъ, хотя въ кодексахъ ея и не значится, чтобы Россія когда-либо посылала туда такое сановное лице. Намъ больно такое пренебреженіе достоинствомъ православнаго патріарха. Но что дѣлать? *Аς κτλ-

¹⁾ Кириллъ II патріархъ іерусалимскій съ 1847 г.; низложенъ 7 ноября 1872 г. за отказъ участвовать въ отлученіи болгаръ отъ правосл. церкви; † въ 1877 г. См. лѣт. церк. событій архим. Арсенія 1880 г., стр. 796. 937.

τησαν το κεφαλί μας—пусть бьютъ насъ по головѣ! Внезапное посольство русскаго епископа въ Іерусалимъ привело всѣхъ насъ въ смущеніе. Мы не могли постигнуть, для какой цѣли рѣшено было у насъ нарушить правила церкви, воспреещающія епископу чужой области дѣйствовать въ предѣлахъ предстоятеля другой церкви, и ежели приняли вашего епископа, то потому, что *принять его приказала намъ Порта*. Соборными правилами и обычаями ограждены права и опредѣлены взаимныя отношенія предстоятелей всѣхъ церквей въ предотвращеніе вслкихъ тревогъ и смуть, какія они могли бы причинить другъ другу, дѣйствуя самовольно. Всѣ мы должны свято соблюдать эти правила и обычаи“¹⁾.

Разумѣется, что ничего подобнаго не было бы, если бы наше правительство, именно министерство иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ турецкимъ правительствомъ и намѣстниками святогробскаго братства спросило также мнѣнія и у іерусалимскаго патріарха по поводу предложенной къ учрежденію миссіи.

Подготовляя почву на Востокъ для водворенія миссіи въ Іерусалимѣ, русское правительство въ то же самое время и у себя дома принимало необходимыя мѣры къ осуществленію выработаннаго плана организаціи новой миссіи. Прежде всего, былъ составленъ и 30 марта 1857 года утвержденъ штатъ миссіи. По этому штату, іерусалимская миссіа должна была состоять изъ начальника—епископа съ жалованьемъ въ 3000 р., двухъ іеромонаховъ по 1000 р. каждому, одного іеродіакона съ жалованьемъ въ 800 р., одного драгомана, которому назначалось жалованье изъ 600 р., шести пѣвчихъ по 500 р. каждому; кромѣ того, полагалось на наемъ прислуги 500 р., на содержаніе церкви 1000 р., на общій столъ для епископа, двухъ іеромонаховъ и одного іеродіакона, по примѣру преж-

¹⁾ См. архим. Порфирія. Второе путешествіе по св. горѣ Аѳонской. М. 1880, стр. 12—13.

ней мисси, по 500 р. каждому, а для драгомана и шести пѣвчихъ по 250 р. каждому.

При разсмотрѣннн этого штата, сразу же должно броситься въ глаза всякому одно обстоятельство—крайне ограниченный составъ мисси, особенно если имѣть при семъ въ виду, что самую главною цѣлю вновь учреждавшейся мисси поставлялась ея *представительность церковная* и ея вліаніе на единовѣрныхъ и инославныхъ обитателей Востока *посредствомъ благолѣпнаго совершенія богослуженія*. Ближайшее будущее обнаружило всѣ неудобства, какія должна была испытывать мисси, вслѣдствіе ограниченаго своего состава, и заставило начальника мисси ходатайствовать предъ начальствомъ объ увеличеніи состава ея. Уже въ письмѣ отъ 17 апрѣля 1858 г. преосв. Кирилль просилъ г. синодальнаго оберъ-прокурора увеличить составъ мисси посредствомъ назначенія одного іеродіакона, двухъ (особыхъ) иподіаконовъ и двухъ пѣвчихъ, равно какъ тогда же просилъ онъ объ увеличеніи содержанія мисси по нѣкоторымъ статьямъ. Оберъ-прокуроръ докладывалъ объ этомъ Св. Синоду $\frac{4 \text{ іюня}}{5 \text{ іюля}}$ 1858 г., при чемъ Св. Синодъ постановилъ: 1) существующій штатъ іерусалимской мисси усилить прибавкою къ одному іеродіакопу, двухъ иподіаконовъ и двухъ пѣвчихъ, съ назначеніемъ имъ: первому жалованья 800 р. и на столъ 500 р., двумъ иподіаконамъ по 600 р. и на столъ по 250 р. каждому, двумъ пѣвчимъ по 500 р. и на столъ по 250 р. каждому; 2) къ положенному для драгомана содержанію прибавить 100 р. и на столъ 100 р.¹⁾, и 3) настоящее предположеніе объ увеличеніи состава мисси и о назначеніи ему содержанія сообщать чрезъ г. оберъ-прокурора министру иностранныхъ дѣлъ

¹⁾ Драгоманомъ мисси былъ Фадлаа Сарруфа, о которомъ преосв. Кирилль 17 апр. 1858 г. писалъ оберъ-прокурору гр. А. П. Толстому слѣдующее: а) служба драгомана, при мнѣхъ равнообразныхъ отношеніяхъ, весьма велегка; б) я положительно увѣрился въ надеждахъ, какія на Фадлау Сарруфа возлагаетъ все его родство; в) при тѣхъ средствахъ, какими онъ теперь располагаетъ

съ тѣмъ, что если и онъ, съ своей стороны, признаетъ это необходимымъ, то благоволилъ бы объ этомъ увѣдомить, равно какъ и о томъ, согласится ли онъ половину всего необходимаго на этотъ предметъ расхода (4700 р.) принять на счетъ суммъ вѣреннаго ему министерства, такъ какъ Св. Синодъ не имѣетъ въ настоящее время никакой возможности отнести весь этотъ расходъ на счетъ капиталовъ, въ вѣдѣннн его находящихся.

Мы не знаемъ, что отиѣтило на это министерство иностранныхъ дѣлъ. Но изъ отношенія министра иностранныхъ дѣлъ къ преосв. Кириллу отъ 11 іюля 1858 г. можно заключать, что министерство не приняло на себя содержанія увеличеннаго состава мисси, въ той увѣренности, что увеличеніе штата однимъ іеромонахомъ и прочими членами, сдѣланное единственно для благолѣпія богослуженія, Св. Синодъ приметъ на свой счетъ. Это послѣднее обстоятельство, по всей вѣроятности, и замедлило дѣйствительное увеличеніе штата іерусалимской мисси. А между тѣмъ затрудненія начальника мисси съ теченіемъ времени еще болѣе возрастали, вслѣдствіе недостаточнаго состава мисси, и побуждали его возобновлять свое ходатайство. 5 мая 1860 года преосв. Кирилль писалъ г. синодальному оберъ-прокурору: „не смѣю скрыть отъ Вашего Сіятельства, что, вручалъ г-жѣ Голубцовой письма для доставленія, я умоляю ее упросить Ваше Сіятельство оказать намъ милость присылкою новоопредѣленнаго числа пѣвчихъ. Я вынужденъ безпрестанно принимать стороннихъ, когда есть возможность. За всѣмъ тѣмъ и терпѣливѣйшіе изъ нашихъ посѣтителей не могутъ безъ

при вѣдѣннн затруднительности въ содержаннн, онъ ни родственникамъ своимъ не можетъ оказать помощи достаточной, ни о себѣ подумать, какъ устроиться, хотя, имѣя уже за 30 лѣтъ, имѣетъ побужденія подумать и объ обезвѣденнн семействъ“. На этомъ основаннн преосв. Кирилль ходатайствовалъ объ увеличеніи содержанія драгоману мисси, на что, какъ мы видѣли, Св. Синодъ и изъявлялъ свое согласіе.

состраданія смотрѣть на измученныхъ моихъ труженниковъ, равно какъ не могутъ и скрыть своего недовольства. Я не говорю уже, что иностранцевъ, любопытствующихъ видѣть наше богослуженіе, я вынужденъ устраниать; хотя, по нѣкоторымъ опытамъ, полагаю, что иногда было бы полезно знакомить ихъ съ нашимъ, въ сущности чуднымъ богослуженіемъ. Не смѣю прибавить, что самъ никогда не могу навѣрное сказать, собираясь служить, буду ли служить, ибо заболѣлъ одинъ діаконовъ—и я уже служить не могу¹⁾.

Однакоже и теперь составъ іерусалимской миссіи не былъ увеличенъ, что, какъ видно изъ дописаній начальника ея, сопровождалось немалыми затрудненіями, а иногда даже и прямо тормозило правильный ходъ службы и дѣятельности нашей миссіи. „Съ самаго начала моего служенія въ Іерусалимѣ“,—писалъ, между прочимъ, преосв. Кирилль 18 ноября 1860 г. кн. А. М. Горчакову,—„и не могъ не предвидѣть затрудненій, которыя представитъ мнѣ скудный составъ миссіи, почему и осмѣлился безпокоить начальство усильнымъ ходатайствомъ объ увеличеніи штата миссіи. Успокоительныя извѣщенія, которыя имѣлъ я счастье получить отъ Вашего Святельства отъ 11 іюля 1858 г. и отъ Св. Синода въ указѣ отъ 7 іюля 1858 г., ободрили меня въ изобрѣтеніи средствъ къ успокоенію обременявшихся службою членовъ миссіи и соблюденію возможнаго благоприличія какъ въ повседневныхъ службахъ въ Архангельскомъ монастырѣ, такъ и при моихъ служеніяхъ на св. Гробѣ и другихъ святыхъ мѣстахъ Іерусалима. Приглашеніе поклонниковъ къ участию въ церковныхъ службахъ пѣніемъ и чтеніемъ, какъ ни нескладно выходило это, наемъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, странствующихъ по св. мѣстамъ, всевозможныя облегченія членамъ моей миссіи по отношенію обязанностей церковной

¹⁾ См. письмо въ арх. Св. Синода по канц. оберъ-прокурора Св. Синода въ 1857 г., д. № 373.

службы,—все было допущено или сдѣлано мною въ ожиданіи времени, когда составъ миссіи пополнится. Но составъ миссіи не пополняется, валичные члены миссіи выбывались изъ силъ, такъ что лѣтомъ нынѣшняго года, въ болѣзнию то іеромонаховъ, то іеродіаконовъ, то пѣвчихъ, я вынужденъ былъ отказываться отъ служенія даже въ большіе праздничные и торжественные дни. Въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ необходимость заставила меня, на нѣкоторое время, вовсе прекратить богослуженіе въ Архангельскомъ монастырѣ, хотя и подъ благовиднымъ предлогомъ поправокъ и передѣлокъ въ церкви, но требованію медика, отправить большую часть миссіи своей въ Яффу для отдохновенія и пользованія морскими купаньями. И въ Яффѣ болѣзнь діакона лишила меня возможности совершать священнослуженіе, такъ что въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней я едва въ состояніи былъ отслужить кое-какъ одно молебствіе. Во все продолженіе этого времени я глубоко чувствовалъ, какъ неудобна была отлучка миссіи изъ Іерусалима, гдѣ присутствіе ея, среди тогдашнихъ смуть и опасеній, было необходимо для успокоенія и поклонниковъ и мѣстныхъ жителей. Но мнѣ не было возможности избирать лучшее. Спустя три недѣли богослуженіе было возстановлено въ надлежащемъ порядкѣ. Но не смѣю скрыть отъ Васъ, что и не могу спокойно проспять ночи наканунѣ своего служенія, боясь, что утромъ скажутъ мнѣ, что іеромонахъ, іеродіаконовъ, или даже и одинъ изъ пѣвчихъ боленъ, и я долженъ остаться безъ службы. Не говорю уже о томъ, что даже въ лучшія времена я вынужденъ пользоваться торопливыми услугами нештатнаго пономаря, который, при помощи какого-нибудь забредшаго въ Іерусалимъ авонскаго монаха, долженъ нести двѣ обязанности—пономаря и иподіакона: съ терпѣніемъ и усиліями удается пока уладить ходъ службы, хотя такъ, что она не кажется плачевно-жалкою. Но не легко моимъ безсмѣннымъ труженикамъ. Между тѣмъ опытъ уже трехъ лѣтъ службы вдѣсь убѣдилъ меня,

что священнодѣйствія, совершаемыя миссіею каждодневно, и въ особенности священнослуженія мои составляютъ предметъ первыхъ наблюденій со стороны, точно также какъ и первую потребность для насъ; разумѣю здѣсь въ особенности поклонниковъ русскихъ. Не говорю о грекахъ, внимательно наблюдающихъ за нами, объ арабахъ, жадно любопытствующихъ посмотреть на нашу службу церковную, и равноплеменныхъ поклонникахъ, на глазахъ которыхъ мы совершаемъ свою полуденную службу у Гроба Господня въ дни молитвъ за Благочестивѣйшаго Монарха и Его благословенный Домъ: сколько разъ иностранцы разныхъ вѣроисповѣданій выражали желаніе видѣть „русскую службу“! Большею части изъ нихъ приходилось удовольствоваться только обзорѣніемъ моей ризницы, тогда такъ, по опыту надъ другими, я зналъ, какое глубокое впечатлѣніе унесли бы они отъ насъ изъ св. града, если бы могли видѣть наше священнослуженіе, мало-мальски устроенное приличнымъ (?) образомъ.

Руководствуясь сими и подобными наблюденіями, я много размышлялъ о нашемъ здѣсь положеніи относительно церковно-служебной дѣятельности и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) одна изъ необходимѣйшихъ нашихъ обязанностей озаботиться лучшимъ устройствомъ богослуженія здѣсь;

2) при отсутствіи пока всякаго участія членовъ миссіи въ исключительной дѣятельности начальника миссіи по вопросамъ не церковно-служебнымъ, имѣть нужды обременять миссію второстепенными лицами съ особенными претензіями: ей нужны люди здоровые и способные служить;

3) подобные указаннымъ мною люди могли бы довольствоваться и меньшимъ вознагражденіемъ, тогда какъ при этомъ условіи можно было бы имѣть ихъ достаточное количество и труды ихъ были бы столько же сообразны съ дѣлію, сколько и не обременительны для нихъ;

4) не обременяя правительства просьбою объ особыхъ

издержкахъ, можно было бы устроить миссію сообразно съ ея назначеніемъ, лишь бы только признавая уже необходимою, какъ изъяснено мнѣ въ указѣ Св. Синода отъ 7 іюля 1858 г., прибавка на содержаніе членовъ миссіи въ 4700 р. состоялась, на что осмѣливаюсь надѣяться¹⁾.

Въ заключеніе преосв. Кирилла предлагалъ образовать новый штатъ іерусалимской миссіи въ такомъ составѣ: начальникъ, три іеромонаха, два иподіакона, 10 пѣвчихъ, драгоманъ и секретарь при начальникѣ миссіи.

Мы не имѣемъ документальныхъ свидѣній о томъ, какъ правительство русское отнеслось къ послѣднему, сейчасъ приведенному нами, представленію преосв. Кирилла и къ его ходатайству объ увеличеніи состава іерусалимской духовной миссіи. Но можно думать, что составъ миссіи и на этотъ разъ не былъ увеличенъ, потому что даже въ 1864 году встрѣчаемъ замѣчаніе, что наша „убогая миссіа“ состояла изъ 4 членовъ²⁾, и происходили разсужденія относительно увеличенія состава миссіи.

Итакъ, штатъ іерусалимской духовной миссіи, утвержденный 30 марта 1857 года, оставался безъ измѣненія (со стороны собственно количества лицъ, составлявшихъ миссію), кажется, во все время пребыванія во главѣ миссіи преосв. Кирилла. Скажемъ нѣсколько словъ о личномъ составѣ миссіи. Сначала, послѣ утвержденія штата миссіи, начальникомъ этой послѣдней былъ избранъ, по обоюдному согласенію г. синодальнаго оберъ-прокурора и министра иностранныхъ дѣлъ, и даже Высочайше утвержденъ преосв. Поликарпъ³⁾, вика-

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ министру иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчакову отъ 17 іюля 1860 г. въ томъ же дѣлѣ архива Св. Синода.

²⁾ См. Собраніе книгъ и оглавленіе и. Филарета (Дромова) по дѣламъ православной церкви на Востоцѣ. СПб. 1886 г., стр. 423.

³⁾ Поликарпъ Радзевичъ изъ восточныхъ крыльскихъ скитовъ; 12 іюля 1858 г. былъ назначенъ епископомъ въ Орелъ; 23 авг. 1877 г. уволенъ на покой; † 29 августа 1867 г. См. у П. Сгрова. Слѣсны іерарховъ. СПб. 1877 г., стр. 490-906.

рій херсонской епархіи. Но впоследствии это назначеніе было измѣнено въ пользу преосв. Кирилла. 28 августа 1857 года оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой писалъ по этому поводу управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: „Вашему превосходительству извѣстно, что назначенный начальникомъ іерусалимской духовной миссіи нашей преосв. Поликарпъ, епископъ одесскій, по прибытіи сюда, подвергся болѣзни; что, поѣтому, г. министръ иностранныхъ дѣлъ озаботился прискачаніемъ на его мѣсто достойнаго преемника, и что, по соглашенію со мною, онъ совершенно одобрилъ выборъ инспектора здѣшней духовной Академіи, архим. Кирилла“¹⁾. Оберъ-прокуроръ просилъ министерство о скорѣйшемъ утвержденіи архим. Кирилла въ должности начальника іерусалимской миссіи. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ уже извѣстенъ: 1 сентября 1857 г. выборъ архим. Кирилла былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ, а 13 октября этого же года архим. Кириллъ былъ хиротонисанъ во епископа.

Ближайшими сотрудниками преосв. Кирилла были назначены два іеромонаха изъ постриженниковъ Оптиной пустыни: Леонидъ Кавелицъ²⁾ и Ювеналій Половецъ³⁾. Первый изъ нихъ оставался членомъ миссіи до 1859 г., когда былъ уволенъ изъ нея, по разстройству своего здоровья. Преосв.

¹⁾ См. письмо въ арх. Св. Синода по зав. оберъ-прокурора за 1857 г. л. № 373.

²⁾ Изъ дворянъ калуж. губ., воспитанъ въ 1-ю моск. кадет. корпусъ, съ 1840 г. служилъ въ гвардіи, въ 1862 г. поступилъ послушникомъ въ Козельскую Оптину пустынь, гдѣ въ 1854 г. постриженъ въ монашество и рукоположенъ во іеромонаха, съ 1854 г. былъ въ Іерусалимѣ съ архим. Порфиріемъ; впоследствии былъ начальникомъ іерусалимской миссіи и инспекторомъ Троицко-Сергіевской лавры. См. Собр. ижеи. в отавовъ и Филарета по дѣламъ православной церкви на Вост., стр. 424, прим. 3.

³⁾ Изъ дворянъ, окончилъ курсъ въ артилл. училищѣ и въ академіи, до 1847 г. состоялъ въ военной службѣ; 15 марта 1847 г. поступилъ послушникомъ въ козельскую Оптину пустынь, гдѣ въ 1855 г. постриженъ въ монашество и въ 1857 г. по рукоположеніи въ іеромонаха, назначенъ въ миссію; имѣлъ архіепископскія литовскій и виленскій. См. и Филарета Собраніе ижеи и отавовъ по дѣламъ православной церкви на Востокъ, стр. 443, прим. 1.

Кириллъ былъ доволенъ его сотрудничествомъ. По крайней мѣрѣ, 17 апрѣля 1858 г. онъ писалъ оберъ-прокурору Св. Синода гр. А. П. Толстому о немъ слѣдующее: „іеромонахъ Леонидъ имѣеть порученіе изучать здѣшнее монашество, какъ человѣкъ, знающій толкъ въ дѣлѣ и весьма интересующійся дѣломъ ипочества: надѣюсь, что его наблюденія принесутъ намъ впоследствии весьма много пользы, особенно тогда, когда Господу благоугодно будетъ положить правительству на мысль озаботиться судьбою нашихъ русскихъ обитателей“¹⁾. Іером. Ювеналій оставался членомъ миссіи до 14 апр. 1861 г., когда былъ уволенъ изъ нея также по разстроенному здоровью. Онъ былъ, какъ можно видѣть изъ того же письма преосв. Кирилла къ гр. А. П. Толстому отъ 17 апрѣля 1858 г., ближайшимъ помощникомъ преосв. Кирилла въ веденіи письменныхъ сношеній миссіи и начальникъ ея былъ совершенно доволенъ его сотрудничествомъ. Мѣсто іером. Леонида впоследствии занялъ іеромонахъ Веніаминъ, о назначеніи котораго въ миссію ходатайствовалъ въ 1860 году преосв. Кириллъ; а кто былъ преемникомъ іеромонаха Ювеналія, — не имѣемъ свѣдѣній.

Обязанности іеродіаконовъ миссіи за время управленіи ею преосв. Кирилла исполняли: Евкарпій, Христофоръ, назначенные при самомъ образованіи миссіи, и Анастасій, о которыхъ упоминаетъ преосв. Кириллъ въ своемъ письмѣ къ кн. А. Н. Горчакову отъ 16 ноября 1860 г.

Въ числѣ пѣвчихъ, которые были набраны изъ среди студентовъ академіи и семинаріи петербургскихъ, упоминаются въ разныхъ дѣловыхъ бумагахъ преосв. Кирилла г.г. Далепо, Якимовскій и Крыловъ.

Мы выше видѣли, что уже въ самомъ докладѣ министра иностранныхъ дѣлъ Государю Императору, утвержденномъ 23 марта 1857 года, намѣчались нѣкоторыя черты бу-

¹⁾ См. письмо въ арх. Св. Сив. по зав. об. прокур. за 1857 г., № 373.

дущей дѣятельности іерусалимской миссіи. При отправленіи же этой послѣдней на Востокъ, ей была вручена особая инструкция, весьма подробно (хотя, какъ увидимъ, и не во всемъ ясно и точно) опредѣлявшая цѣли и задачи дѣятельности миссіи. По смыслу этой инструкции, русская миссія въ Іерусалимѣ, находившаяся подъ управленіемъ преосв. Кирилла, должна была 1) поддерживать тѣ же дружественныя сношенія съ греческимъ духовенствомъ въ Іерусалимѣ, какія существовали прежде, оказывая всякое уваженіе намѣстникамъ патріаршимъ, какъ бы самому патріарху, и не мѣшаясь ни въ какія противъ него интриги, которыя тамъ весьма сильны, по случаю постоянного его отсутствія.—Нельзя не замѣтить, что и здѣсь русское правительство оставалось вѣрнымъ самому себѣ: оно внушало миссіи уваженіе къ намѣстникамъ патріарха, но ничего не говорило о непосредственныхъ отношеніяхъ ея къ самому патріарху, между тѣмъ, какъ мы знаемъ уже, правительство турецкое предоставило миссіи право непосредственнаго сношенія съ патріархомъ іерусалимскимъ, въ всякой зависимости отъ патріаршихъ намѣстниковъ и духовенства свято-гробскаго.

2) стараться быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и съ иновѣрными духовными властями, ибо это—лучшее средство умнотворять ихъ въ отношеніи грековъ, и узнавать тайныя покушенія ихъ противъ православія арабовъ. Такъ какъ дѣйствіе пропаганды исключительно вѣрено патріарху латинскому, а личность его роняетъ достоинство францискапскаго блюстителя святой земли, который со всѣмъ своимъ орденомъ недружелюбно смотритъ на водвореніе сей новой власти въ ихъ данной области, то надобно ближе держаться францискапъ—людей болышею частію не хитрыхъ, и чрезъ нихъ многое можно узнавать о пропагандѣ латинской.

3) съ патріархомъ армянскимъ должно быть въ хорошихъ отношеніяхъ уже и потому, что многіе богомольцы вѣры его, приходящіе въ Іерусалимъ, бывають изъ числа рус-

скихъ подданныхъ. Доброе расположеніе русской миссіи къ франкамъ и армянамъ можетъ быть полезно для возстановленія благочинія въ храмѣ Святаго Гроба въ тѣхъ случаяхъ, которые, къ сожалѣнію, нерѣдко повторяются, когда возникаютъ распри въ самомъ святилищѣ между нѣкоторыми лицами духовенства греческаго, латинскаго и армянскаго.

4) Но главное вниманіе миссіи должно быть обращено на убогое духовенство арабское, которое въ совершенной нищетѣ, какъ наемники, служитъ греческому въ городахъ и мало поддерживается въ селеніяхъ, хотя до 40000 арабовъ принадлежатъ къ пастырю патріарха іерусалимскаго. Весьма малыми пособіями можно многое сдѣлать, ибо церкви арабскія помѣщаются въ хижинахъ и почти не имѣють утвари. Немного болѣе благолѣпія привязало бы и самихъ арабовъ къ своему богослуженію, особенно нынѣ, когда мы дали возможность образованія священниковъ арабскихъ въ Россіи. Если бы изъ шести епископовъ титулярныхъ, проживающихъ въ Іерусалимѣ, хотя бы одинъ избирался изъ арабовъ, и можно было бы склонить къ тому патріарха, то уже это было бы важнымъ шагомъ къ возстановленію достоинства сего племени и обновленія въ немъ православія.

5) Миссія и сама должна была подавать примѣръ ревности церковной и благолѣпія въ богослуженіи. Недостаточно совершать оное, какъ бывало прежде, только по субботамъ и воскресеньямъ, у себя въ церкви. Надобно, чтобы служба была ежедневная, какъ бы въ обители, и можно приглашать къ себѣ на помощь священниковъ славянскихъ и греческихъ, пріучая ихъ къ нашимъ обрядамъ. Сверхъ того, начальникъ миссіи, со всѣми ея членами, долженъ стараться какъ можно чаще совершать литургію на Голгоѣ, у Святаго Гроба и въ Геосиманіи, назначивъ для сего даже особые дни, но съ наблюденіемъ однако всѣхъ правилъ, издавна существующихъ въ отношеніи времени и порядка службы, чтобы не было состязанія съ латинскимъ и армянскимъ духовенствомъ.

6) Наблюденіе нравственное за поклонниками должно преимущественно лежать на начальникѣ миссіи, чтобы онъ не возбуждалъ соблазновъ своимъ поведеніемъ, а въ случаѣ ихъ непокорности слѣдуетъ относиться къ вице-консулу и генеральному консулу.

7) Отношенія миссіи къ генеральному консулу должны оставаться совершенно тѣ же, какія были понинѣ. Начальникъ миссіи долженъ принимать съ уваженіемъ его внушенія по вопросамъ политическимъ, а иногда и церковнымъ, сообщая ему свои замѣчанія, если что-либо найдетъ несоотвѣтствующимъ общимъ цѣлямъ.

8) Деньги и приношенія, какія будутъ присылаться изъ Россіи Святому Гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ, должны, при посредствѣ генеральнаго консула, преимущественно идти чрезъ руки начальника миссіи, для того, чтобы тѣмъ поддерживать добрыя сношенія съ греческимъ духовенствомъ.

9) Онъ долженъ стараться усовершенствовать училища греческое и арабское въ Иерусалимѣ, иногда добрыми совѣтами намѣстникамъ патріаршимъ, иногда денежными пособиями, ибо просвѣщеніе есть единственное средство противъ возрастающаго вліянія латинскаго. Весьма полезно устроить типографію арабскую въ Иерусалимѣ и печатать тамъ богослужебныя и догматическія книги подъ руководствомъ нашей миссіи.

10) Библиотека духовныхъ книгъ на русскомъ, греческомъ и арабскомъ языкахъ необходима для распространенія просвѣщенія, надобно раздавать народу катихизисы и молитвенники на арабскомъ языкѣ, ибо католики въ изобиліи раздаютъ такія книги и тѣмъ совращаютъ неопытныхъ.

11) Если крестный монастырь будетъ намъ уступленъ патріархомъ, то въ его обширныхъ зданіяхъ можно устроить богадѣльню, гдѣ чистый воздухъ будетъ помогать лѣкарствамъ, а наши поклонники и поклонницы, остающіеся по цѣлымъ годамъ въ Иерусалимѣ, могутъ служить большимъ. Вообще

этотъ предметъ поручается особой заботливости начальника миссіи, и министерство будетъ ожидать отъ него по оному предмету точнѣйшихъ соображеній, и, если возможно, въ скоромъ времени. При человеколюбивыхъ заведеніяхъ латинскихъ, необходимо, чтобы и съ нашей стороны было сдѣлано что-либо подобное.

12. Миссія не должна ограничиваться однимъ Иерусалимомъ, но распространять свои дѣйствія и на сосѣдніе патріархаты; особенно въ антиохійскомъ необходимо наблюдать за дѣйствіями патріарха греческаго, не всегда благопріятнаго арабамъ, и поддерживать православіе, которое гонятъ латинны оружіемъ маронитовъ. Изъ 12 архіереевъ сего патріархата хотя и есть Арабы, но они безъ всякаго вліянія, училища въ совершенномъ упадкѣ и, сверхъ того, безпрестанныя распри между старшинами арабскими и ихъ клиромъ заставляютъ прибѣгать къ посредничеству Царьграда, откуда пригласяють корыстныхъ архіереевъ, ищущихъ патріаршества. Поѣздки нѣкоторыхъ лицъ нашей духовной миссіи въ Дамаскъ и въ Горнюю Хазбею и на поморье Сидонское могутъ быть весьма полезны, особенно если при томъ будутъ раздаваться милостыни и книги. Православные арабы, числомъ до 100,000, увидя, что они не брошены своими единовѣрцами, удержатся отъ уни, а патріархъ Героеей будетъ дѣйствовать осторожнѣе и, въ случаѣ несогласія его съ арабскими старшинами, наши миссіонеры могутъ служить, при помощи генеральнаго консула, примирителями.

13. Въ Александріи, гдѣ православныхъ не болѣе 10000 и патріархъ дѣйствуетъ благоразумно, надобно только поддерживать заведенныя училища и богадѣльни денежными пособиями, и если можно примирить его съ сиванитами, которымъ онъ не позволитъ устроить домовую церковь на ихъ подворьѣ въ Каирѣ, чтобы чрезъ то не лишить церковныхъ доходовъ патріархію. Тутъ необходимы между ними взаимныя условія, но слѣдуетъ прекратить долговременный соблазнъ.

14. На синайской горѣ должно также стараться возстановить упадающую обитель, которой ипоки большею частью переселились въ Каиръ на свое подворье, и завести училище для образованія такъ называемыхъ рабовъ монастырскихъ, которые со временемъ могутъ сдѣлаться опять христіанами. Синай долженъ быть разсадникомъ христіанства, а если франки насъ предупредятъ, то и обитель не устоитъ.

15. Яковиты и халдеи въ Сиріи искали прежде нашего благорасположенія, и когды въ Египтѣ намъ не враждебны; но если и они также, какъ марониты, присоединятся къ римской церкви, то уже намъ нельзя будетъ съ ними бороться на Востокѣ. Весьма недавно упустили мы изъ нашихъ рукъ, вопреки всякой благоразумной политикѣ, и совершенно безъ нужды, одинъ изъ народныхъ элементовъ Палестины, хотя и не христіанскій. Всѣмъ русскимъ и польскимъ евреямъ, приходящимъ на богомолье и поселяющимся на старости въ Іерусалимѣ, отказано было въ нашемъ подданствѣ, если они чрезъ каждые пять лѣтъ не будутъ возобновлять своихъ паспортовъ. Это произвело между ними большое горе; напрасно испрашивая покровительства нашего консула, они сперва обращались къ австрійскому и, чтобы не сдѣлаться рабами, вынуждены были отчасти подчиниться англійскому.

16) Весьма было бы желательно, чтобы до времени взаимное обладаніе святилищъ различными исповѣданіями оставалось *in statu quo*, если только уже не завладѣли ими латинцы послѣ войны; но, безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ о куполѣ надъ Св. Гробомъ не можетъ далѣе оставаться неразрѣшеннымъ, потому что куполъ сей совершенно разрушается. Въ такомъ случаѣ, кажется, придется грекамъ согласиться на участіе латинъ въ его обновленіи, и здѣсь посредничество нашей духовной миссіи будетъ весьма полезно для соглашенія взаимныхъ непомѣрныхъ требованій¹⁾.

¹⁾ Инструкцію см. въ архивѣ Св. Синода по канцеляріи оберъ-прокурора за 1857 г., д. № 378.

Такую инструкцію получила миссія, отправлявшаяся на Востокъ, подъ начальствомъ преосв. Кирилла. Внимательно вчитываясь въ нее, мы не можемъ не замѣтить весьма многихъ неясностей, неопредѣленныхъ, а иногда даже и противорѣчивыхъ требованій инструкціи. Мы уже отмѣтили неопредѣленность, заключающуюся въ первомъ пунктѣ инструкціи. Укажемъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Какъ, напр., миссія должна была понимать указаніе инструкціи (п. 4) „весьма малыми пособіями дѣлать многое въ отношеніи арабскихъ церквей, которыя помѣщались въ хижинахъ и почти не имѣли утвари“? Повидимому, чѣмъ больше нужда, тѣмъ большая должна быть и помощь нуждающимся. Равнымъ образомъ совершенно непонятно, какъ это предоставленіе пожертвованій на св. мѣста Востока въ распоряженіе миссіи (п. 8) могло содѣйствовать поддержанію добрыхъ сношеній миссіи съ греческимъ духовенствомъ. Наоборотъ, извѣстно, что греческое, въ частности, святогробское духовенство потому и не терпѣло миссіи, что послѣдняя получила въ свое распоряженіе суммы, которыми прежде пользовалось оно по собственному усмотрѣнію. Подобныхъ неточностей и неясностей немало можетъ замѣтить въ инструкціи читатель¹⁾.

Къ сожалѣнію, отрицательная сторона инструкціи, данной нашей второй іерусалимской миссіи, не ограничивается одними этими частными неточностями. Общій характеръ и направленіе инструкціи также должны были со временемъ поставятъ миссію, если бы она пожелала точно слѣдовать ей, въ затруднительное положеніе. Прежде всего, въ инструкціи весьма прозрачно выступаетъ возрѣніе на миссію не какъ на духовно-церковное, а скорѣе какъ на гражданско-политическое учрежденіе. Правда, требовать много возрѣнія отъ министерства иностранныхъ дѣлъ на подвѣдомственное ему учрежденіе было бы, по меньшей мѣрѣ, странно. Со-

¹⁾ Указанія другихъ недостатковъ инструкціи см. у В. Н. Хитрова въ Прав. Пал. Сборн. т. 1. вып. 1. СІВ. 1881 г., стр. 83—86.

глашаемся съ этимъ. Но развѣ нельзя было іерусалимскую миссію поставить въ исключительное вѣдѣніе духовнаго правительства, тѣмъ болѣе, что и половина суммы, потребной на содержаніе ея, отпускалась изъ средствъ Св. Синода? Такое положеніе іерусалимской миссіи было тѣмъ болѣе естественно, что „Іерусалимъ и Святая Земля, по своему значенію въ православномъ мірѣ, имѣютъ особое, выдающееся значеніе и приравнивать ихъ къ Багдаду, Бейруту, Каиру и Константинополю нельзя“¹⁾.

Съ другой стороны, въ инструкціи, данной второй нашей іерусалимской миссіи, еще въ большей, кажется, степени замѣчается тотъ самый недостатокъ, какой былъ свойственъ и инструкціи, выработанной для миссіи архим. Порфирія. Инструкція предъявляла миссіи задачи и требованія рѣшительно несоразмѣрныя съ средствами и крайне малымъ составомъ миссіи. Въ самомъ дѣлѣ, миссія, состоявшая всего изъ 6 членовъ, включая сюда даже и двухъ иподіаконовъ, и получавшая на все свое содержаніе 14.650 руб., должна была поддерживать добрыя сношенія съ греческимъ духовенствомъ, инославными христіанами и армянами, дѣйствовать преимущественно на арабскій элементъ, притѣсняемый греческимъ, заботиться всѣми средствами о проявленіи русскаго богослуженія въ Іерусалимѣ, дабы возвысить оное на Востокѣ, слѣдуя примѣру Западной церкви, благотворять мѣстной паствѣ посредствомъ богоугодныхъ учреждений, милостыни и просвѣтительныхъ мѣръ, и, наконецъ, распространять подобную свою дѣятельность даже на всю Палестину, Сирію, Синай и Египетъ... Независимо отъ этого миссія преосв. Кирилла имѣла еще и другія весьма сложныя порученія уже отъ своего духовнаго начальства.

¹⁾ См. тамъ же, стр. 80.

VII.

Путешествіе миссіи преосв. Кирилла на Востокъ, пребываніе въ Константинополѣ и прибытіе въ Іерусалимъ.

26 октября 1857 года преосв. Кириллъ вмѣстѣ съ членами своей миссіи выѣхалъ изъ Петербурга въ Іерусалимъ. Путь свой онъ направилъ черезъ Москву, гдѣ оставался два—три дня (Калугу²⁾), свой родной городъ, въ которомъ прожилъ два дня, и Тамбовъ, гдѣ онъ прогостилъ нѣсколько дней у своего родственника и бывшего учителя и сослуживца по Академіи, преосв. Макарія Булгакова. Не смотря на сравнительно непродолжительную разлуку³⁾, свиданіе это съ нетерпѣніемъ ожидалось обоими ими. Судя по письму преосв.

²⁾ До Калуги преосв. Кирилла провожали нѣкоторые петербургскіе родичи. Описывая имъ впоследствии константинопольскія горы, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „описать гору, на которую издо подниматься, не берусь. Питерцы безвѣдливо не поймутъ; провожающимъ меня можно напомнить послѣднюю къ Калугѣ гору на пути изъ Малоярославца“. Изъ нежданнаго письма отъ 15/10 декабря 1857 года.

³⁾ Они разстались 15 мая 1857 года, когда преосв. Макарій выѣхалъ изъ Петербурга въ Тамбовъ. См. Труды Кіев. дух. Акад. 1896 г. X стр. 274.

Кирилла отъ 6 декабря 1857 года изъ Одессы къ петербургскимъ его роднымъ, время свиданія прошло незамѣтно для близкихъ другъ другу лицъ во взаимномъ обмѣнѣ мыслей и соображеній, относившихся преимущественно къ будущему служенію преосв. Кирилла. „Въ первый день“, — пишетъ преосв. Кирилль, — „проговорили до половины перваго: сѣвшимъ наговорится, какъ будто черезъ полчаса опять на долгую разлуку... Грустно было прощанье. Преосвященный проводилъ меня за городъ, до первой деревни. Долго-долго смотрѣли мы другъ на друга... Долго я смотрѣлъ ему вслѣдъ... Куда лежитъ слѣдъ этого человѣка?.. Широкая дорога! Дай Богъ!“¹⁾

Выѣхавъ изъ Тамбова 12 ноября 1857 года, преосв. Кирилль въ началѣ декабря прибылъ въ Одессу, гдѣ все городское общество сочувственно отнеслось къ нему и его спутникамъ. Съ совершенно спокойною, повидимому, совѣстію, готовъ былъ преосв. Кирилль оставить дорогую родину и отправиться въ далекое морское путешествіе. 6 декабря 1857 года, готовясь къ отъѣзду изъ Одессы, онъ писалъ своимъ роднымъ, между прочимъ, слѣдующее: „больше тысячи, тысяча и триста верстъ отдѣляютъ меня уже отъ Тамбова... Все дальше, дальше... къ Богу и Его святинѣ ближе. *Благодарю Бога за прошедшее*; молитесь за дальнѣйшее путешествіе въ отечества“.

Позволительно здѣсь, кажется, будетъ замѣтить, что высшее начальство какъ духовное, такъ и гражданское, вообще внимательно относившееся къ іерусалимской миссіи при самомъ ея учрежденіи, сравнительно хорошо обезпечило ей дальнѣйшій путь и даже первоначальные шаги ея на православномъ Востоку, прикомандировавъ къ ней съ этою цѣлію особыхъ проводниковъ. Къ миссіи былъ причисленъ, прежде всего, профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи Ле-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 6 декабря 1857 г.

винсонъ¹⁾, который, по мнѣнію начальства, благодаря знанію еврейскаго языка, природнаго ему, могъ быть полезнымъ миссіи во время предполагавшихся сношеній ея съ жившими въ Палестинѣ русскими и польскими евреями какъ для вліянія на нихъ, такъ и для полученія чрезъ нихъ свѣдѣній о тайныхъ козняхъ враговъ православія²⁾. Послѣдствіи вполнѣ оправдали такую надежду русскаго правительства на проф. Левинсона. Но не можемъ не отмѣтить здѣсь, какъ робко и нерѣшительно поступало русское правительство при отправленіи іерусалимской миссіи преосв. Кирилла. Оно, видимо, опасалось подозрѣнія со стороны турецкаго и западно-европейскихъ правительствъ и потому старалось о томъ, чтобы, въ случаѣ нужды, благовидно объяснить присутствіе проф. Левинсона среди членовъ нашей миссіи. Къ общему удовольствію, счастливая случайность скоро помогла правительству нашему

¹⁾ Василій Андреевичъ Левинсонъ изъ бывшихъ раввиновъ, принявши православіе, съ 1842 г. былъ профессоромъ (ординарнымъ) по еврейскому языку въ Петербургской д. Академіи; на Востокъ пробывъ недолго, приславъ оттуда двѣ записки: 1) о самаритянскомъ текстѣ плтоковія Моисеева, и 2) о религиозныхъ свѣдѣніяхъ и обществахъ въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ. † въ 1869 г. См. И. Чистовича, Исторія С.-Петербургской духовной Академіи. Изд. 1857 г. стр. 354—355; С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ. Изд. 1889 г. стр. 59. М. Филарета, Собраніе мнѣній и отзывовъ его. СПб. 1886 г. т. IV, стр. 442—448 и Русск. Стар. 1886 г. стр. 300 кн. VIII.

²⁾ См. арх. Св. Сн. по канцеляріи Оберъ-прокурора за 1857 г. д. № 373. — Что касается до личныхъ побужденій, расположившихъ проф. Левинсона отправиться на Востокъ съ нашею миссіею, то они намъ неизвѣстны. Нѣкоторый свѣтъ на этотъ предметъ проливаютъ слѣдующія строки изъ письма преосв. Кирилла оберъ-прокурору Св. Синода изъ Іерусалима отъ 19 іюня 1853 года: „нашето отъ 10 прошедшаго мая о чинѣ, названномъ проф. Левинсону, доставило намъ истинную радость. Я неощиля къ тому времени весь запасъ утѣреній къ утѣшенію и ободренію этого жалкаго человѣка, но нечастію, обмищало и какъ будто брошеннаго и забытаго. Лицета его еще не прекратилась, такъ какъ жалованье отъ насъ не получило. Но надобно было видѣть выраженіе его почти дѣтской радости и признательности при вѣсти о чинѣ, которая всего болѣе ободрила его утѣреніемъ, что онъ еще не забытъ у начальства“. См. въ арх. Св. Сн. по канцеляріи Об.-прокур. за 1858 г. дѣло № 388.

и начальнику миссии превратить проф. Левинсона въ просто-го поклонника, только путешествовавшего, будто бы, вмѣстѣ съ миссіею. 18 января 1858 года преосв. Кириллъ писалъ оберъ-прокурору Св. Синода гр. А. П. Толстому, между прочимъ, слѣдующее: „что касается до профессора Левинсона то сами обстоятельства помогли мнѣ въ исполненіи Вашего приказанія въ отношеніи къ нему. Паспортъ, выданный ему изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ причисленному къ миссіи¹⁾, былъ имъ потерявъ близъ Екатеринослава вмѣстѣ съ деньгами и дорожными его собственною и моею. Я воспользовался этимъ случаемъ и исходатайствовалъ у одесскаго градоначальника паспортъ г. Левинсону, какъ поклоннику. Такимъ образомъ, прекращена всякая бумажная связь г. Левинсона съ іерусалимскою миссіею²⁾“.

Кромѣ профессора Левинсона, миссіи былъ данъ другой проводникъ, который долженъ былъ руководить ею спеціально во время пребыванія въ Константинополѣ въ лицѣ архим. Григорія³⁾. Св. Синодъ, по предварительному соглашенію съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, посылалъ его съ іерусалимскою нашею миссіею до Константинополя для того, чтобы онъ, будучи самъ изъ константинопольскихъ грековъ, могъ быть полезенъ миссіи и особенно начальнику ея при первоначальныхъ сношеніяхъ его съ высшими представителями греческой іерархіи и затѣмъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, представилъ подробныя свѣдѣнія о пребываніи миссіи въ Кон-

¹⁾ По соглашенію Св. Синода съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Высочайше утвержденному 22 октября 1857 года, проф. Левинсонъ лично причислялся къ миссіи съ жалованьемъ, равнымъ жалованью іеромонаха — члена миссіи.

²⁾ См. въ арх. Св. Сив. по Канц. оберъ-прокурора за 1857 г., дѣло № 373.

³⁾ Ваглерскъ изъ константинопольскихъ грековъ, учившійся тогда, т. е. въ 1857—1858 гг. въ С.-Петербургской духовной Академіи. См. арх. Св. Сив. по Канц. оберъ-прокурора за 1857 г., д. № 373.

стантинополѣ и отправленіи ея оттуда въ дальнѣйшій путь. Судя по письмамъ преосв. Кирилла къ петербургскому митрополиту Григорію (Постникову) и оберъ-прокурору Св. Синода, присутствіе архим. Григорія въ Константинополѣ оказалось, дѣйствительно, весьма полезнымъ для миссіи. „Архимандритъ Григорій“, — писалъ преосв. Кириллъ м. Григорію 15 января 1858 года изъ Константинополя, — „отправленный Св. Синодомъ въ Константинополь для сопутствованія іерусалимской миссіи, заслужилъ полную мою признательность какъ личнымъ своимъ поведеніемъ, такъ и дѣйствіями въ пользу миссіи. Съ достойнымъ всякаго уваженія самоотверженіемъ онъ все время былъ на моихъ глазахъ, едва одинъ день удѣливъ для своихъ родныхъ, но и на то нашелъ нужнымъ испросить у меня позволеніе. Что касается до его дѣйствій въ пользу миссіи, эти дѣйствія были столько же осторожны и благоразумны, сколько и полезны. Не придавая цѣмало своей командировкѣ оффиціальнаго значенія, онъ весьма много содѣйствовалъ моему сближенію съ здѣшнею іерархіею, разъясненію недоразумѣній въ особенности со стороны патріарха іерусалимскаго. Труденъ былъ бы первый шагъ безъ него. При его же посредствѣ сближеніе наше и откровенность превзошли всѣ мои ожиданія. Здѣшнее посольство, которому я предоставилъ честь слѣдить за образомъ своихъ дѣйствій, чтобы сообщать свѣдѣнія министерству, раздѣляетъ мое мнѣніе объ архимандритѣ Григоріи и будетъ свидѣтельствовать о пользѣ пребыванія его здѣсь“¹⁾. Подобнымъ же

¹⁾ См. письмо въ бумагахъ м. Назанора, принадлежавшихъ священнику Немоловскому и бывшихъ нѣкоторое время въ распоряженіи Церковно-археологическаго Общества при Киевской духовной Академіи — дѣйствительно, русскій посолъ также былъ доволенъ поведеніемъ и дѣятельностію архим. Григорія въ Константинополѣ и въ январѣ 1858 года писалъ о немъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, между прочимъ, слѣдующее: „въ продолженіи всего своего пребыванія здѣсь, о. Григорій велъ себя вѣжливо и скромно, отлучался рѣдко отъ преосв. Кирилла, иногда сопровождалъ его въ визитахъ къ членамъ высшаго здѣсь духовенства, но безъ всякаго оффиціальнаго характера. Онъ былъ полезенъ епископу нашему и доставленіемъ равныхъ свѣдѣній, по мнѣнію той открито-

образомъ потъвывался о дѣятельности архим. Григорія преосв. Кирилль и въ письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода отъ 18 января 1858 г. изъ Смирны: „смѣю полагать, что въ неожиданномъ моемъ успѣхѣ въ Константинополь, о чемъ, вѣроятно, васвидѣтельствуесть чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ посольство, много содѣйствовала мнѣ о. Григорій. Онъ проложилъ путь тѣмъ довѣрчивымъ сношеніямъ, въ какія вошелъ со мною патріархъ вселенскій. Онъ окончательно сблизилъ насъ съ патріархомъ іерусалимскимъ (чего я, признаться, ожидалъ не съ увѣренностью), дѣйствуя у патріарха лично и безъ всякой официальнойности“¹⁾.

Уже изъ приведенныхъ нами сейчасъ словъ преосв. Кирилла отчасти можно заключать, что пребываніе его съ своею миссіею въ Константинополь сопровождалось значительнымъ результатомъ для его будущей дѣятельности на Востокаѣ. Но мы, къ счастью, имѣемъ основанія для того, чтобы сказать больше этого о пребываніи іерусалимской миссіи въ турецкой столицѣ. Пребываніе это продолжалось около мѣсяца и составило одну изъ важнѣйшихъ стадій въ исторіи нашей второй іерусалимской миссіи. Поэтому, мы позволяемъ себѣ остановиться на пребываніи миссіи преосв. Кирилла въ Константинополь съ возможно большею подробностію.

Путешествіе отъ Одессы до Царьграда миссіи совершила благополучно, вопреки ожиданію. „Милость Божія“,—писалъ преосв. Кирилль м. Григорію изъ Іерусалима 26 февраля 1858 года,— „милость Божія ко мнѣ и къ моей миссіи несказанно обильна. Морское мое путешествіе, первое въ жизни, было удивительно хорошо. Черное море, обыкновенно бурное въ такую пору, когда пришло мнѣ плыть, было такъ тихо,

вопюсти, какую оказывали ему здѣшніи духовныя лица“. См. въ арх. Св. Синода по Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода за 1858 г., д. № 381.

¹⁾ См. арх. Св. Синода по Канцеляріи оберъ-прокурора за 1857 г., д. № 373.

что, по словамъ капитана нашего парохода, и лѣтомъ не часто можно ожидать такого хорошаго плаванья“¹⁾.

14 декабря 1857 года миссія подъѣзжала уже къ Константинополю. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ путники желали поскорѣе увидѣть древній Царьградъ, дорогой, по историческимъ воспоминаніямъ, для всякаго русскаго христіанина. Преосв. Кирилла Константинополь поразилъ, прежде всего, своею двойственностію—рѣдкою красотою издали и такимъ же безобразіемъ вблизи, о чемъ онъ, съ свойственною ему образностию рѣчи, говоритъ въ письмѣ къ своимъ петербургскимъ роднымъ. „Видѣли ли вы“,—пишетъ онъ,— „когда-нибудь вблизи картины для декорацій? Ну, да все равно, отыщете платочекъ шинѣ, или зонтикъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, только шинѣ: вотъ вамъ Константинополь, т. е. не то, чтобы уже совсемъ Константинополь, а такъ для-ради сравнительно точнаго понятія по силѣ умозаключенія: платочекъ шинѣ издали чуденъ по рисунку, а вблизи не вѣсь что это за рисунокъ; Константинополь чуденъ по рисунку, а вблизи не вѣсь что; слѣд., платочекъ шинѣ есть Константинополь“. Ближайшее знакомство преосв. Кирилла съ Константинополемъ вполнѣ подтвердило это первое впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на него. Судя по описаніямъ преосв. Кирилла, Константинополь въ то время особенно наблюдавшему его со стороны моря казался чудно красивымъ и заманчивымъ, но внутри городъ съ его узкими улицами былъ полонъ всякой грязи и нечистоты. „Господа мои сопассажиры, которыхъ укачало во время морской качки“,—писалъ преосв. Кирилль своимъ петербургскимъ роднымъ 15/16 декабря 1857 года,— „воображались духомъ, когда увидѣли царьградскій материкъ, европейскій сирава, азіатскій слѣва. Имъ видѣлся конецъ тошноты и головной боли. Мнѣ нечего было желать въ этомъ отношеніи, и я былъ все время въ восторгѣ. Не берусь описывать

¹⁾ См. Духовн. Вѣстн. 1858 г., № 19, стр. 247.

въ подробности всего, что видѣлось на пути: на это не хватило бы чернилъ въ моей дорожной чернильницѣ,—не скажу памяти въ моей головѣ, незадѣленной памятью, но уже слишкомъ уставшей отъ поворотовъ направо и налево, какіе я дѣлалъ по указанію спутниковъ въ послѣдніе три часа на пароходѣ, чтобы полюбоваться дивами Азіи и Европы. Изъ равнины моря выходятъ горы; горы растутъ; холмъ рождается изъ холма, и все выше, выше; а тутъ въ расщелинахъ и на окраинѣ пролива то стелются селенія своими мелкими домишками, какъ будто карточными; то высятся дворцы, какъ называются здѣсь не только дома султана, но и дома посольствъ; то приючиваются (?) грустныя кладбища мусульманскія съ ихъ плаксивыми кипарисами, издали очень похожими, по виду, на инквизиторовъ блаженныхъ памяти. Не знаешь, на чемъ остановить взоръ; смотришь впередъ; полчаса проходить, или еще и меньше, и вотъ совершенно новый видъ. Наконецъ, съ обѣихъ сторонъ видятся только безъ конца дома; тутъ заливъ; тутъ море мраморное—наизъ предстоящій путь. На чемъ прикажете остановиться? Чѣмъ любоваться?

„Вотъ мы и въ Константинополѣ; перешли на каикъ до берега; входимъ на дворъ „литейнаго двора“; выходимъ на улицу“... О, ужасъ! Не сплю ли я?... Нѣтъ, я очень ясно вижу, потому что внимательно слѣжу, какъ носильщикъ, согнувшись въ три погребели, тащитъ на плечахъ, въ гору, рысью, мой сакъ-воляжъ. Нѣтъ, я не сплю, я—въ Константинополѣ, въ самой лучшей части Константинополя—въ Перѣ, европейской части города: вхожу на невскій проспектъ Перы... Описать гору, на которую надо подниматься, не берусь. Питерцы безвыѣздные не поймутъ; провожавшимъ меня можно напомнить послѣднюю къ Калугѣ гору на пути изъ Малоярославца. Но вышреть нашъ здѣшній невскій проспектъ—помогу. Пройдитесь и гостей проведите по тому проѣзду къ вамъ, во дворъ Обуховской больницы, между зданіемъ, гдѣ помѣщается машина, а съ другой стороны еще что-то, по

которому, бывало, какъ ѣдешь, бѣшишься, какъ бы не задавить встрѣчныхъ, пробирающихся у стѣнки. Вотъ—ширина нашего невскаго проспекта. Прелести его—неизобразимы. Пройдитесь по грязнѣйшей и сквернѣйшей улицѣ толкучаго рынка, попробуйте сдѣлать описаніе этой улицы: послѣ и я пришлю вамъ описаніе нашего невскаго проспекта; или, вѣтъ, не пришлю; прибавлю только два слова: „еще грязнѣе“, да и отошлю къ вамъ ваше описаніе.

„Опишу вамъ двѣ поѣздки—въ гору и подъ гору. Общее для той и другой то, что вездѣ тѣсно. Когда я поднимался къ дому посольствъ, все—и ослы съ тяжестями, и пѣшеходы съ любопытствомъ, и лошади съ сѣдоками, все это жалось къ стѣнамъ магазиновъ и къ заборамъ, чтобы дать проѣхать моей брякушкѣ: иначе я не умѣю назвать волочевой кареты, сдѣланной, кажется, чуть ли не изъ картона и изъ стекла, брячавшей на всѣ лады и на всю Перу. Лошадь, везшая меня, то и дѣло останавливалась отдыхать. Карета, впрочемъ, и при остановкахъ была послушна: не катилась назадъ, вѣроятно, боясь разбиться объ упиравшійся почти въ нее какой нибудь заборъ, или лавченку. Это было первое впечатлѣніе. Другое—отъ поѣздки къ патриархамъ. Тутъ пришлось прокатиться довольно далеко, чтобы убѣдиться, что въ Константинополѣ вездѣ одинаково скверно. Горы не выравнены; мостовая (и то только въ Перѣ) существуетъ, кажется, для того только, чтобы увеличивать мученія ѣдущихъ. А тутъ то и дѣло поворота направо и налево; спуски, на которыхъ рискуешь сломать голову; оборвашки жителя, одѣтые кто въ чемъ; разваливающіяся лавочки, изъ которыхъ торчатъ либо пироги, либо яблоки, напизанные на длинныя веревки; своенравные домишки, безцеремонно обращающіеся другъ къ другу, который бокомъ, который спиной; около домишекъ вывѣшенное бѣлье—для просушки. Точно какъ будто во свѣ видишь уродливо-фантастическую игру воображенія. Не вѣришь, ужели могутъ еще существовать и такіе города. Я

проѣхалъ много городишекъ и деревень: хуже ничего не видалъ.—И потъ тутъ-то, среди этихъ лачужекъ красуется нашъ великолѣпнѣйшій дворецъ, въ которомъ мы и пребываемъ, наслаждаясь видами, какихъ въ Европѣ не увидишь“¹⁾. Последующее, болѣе близкое знакомство преосв. Кирилла съ столицею Турецкой имперіи, во время осмотра разныхъ достопримѣчательностей ея, нисколько не измѣнило его первоначальнаго впечатлѣнія, какъ это можно видѣть изъ переписки его съ своими петербургскими родными²⁾.

Сравнительно продолжительною остановкою въ Константинополѣ, которая, впрочемъ, была напередъ предусмѣрена и высшимъ начальствомъ, преосв. Кириллъ, какъ есть основаніи думать, хорошо воспользовался для цѣлей своего послѣдующаго служенія. За это время онъ, прежде всего, успѣлъ близко и хорошо познакомиться съ положеніемъ православной церкви на Востоцѣ и съ отношеніями высшихъ представителей православной іерархіи Востока къ Россіи вообще и, въ частности, къ миссіи самого преосв. Кирилла.

Непосредственно, исполненныя гатта, сношенія преосв. Кирилла съ представителями высшей греческой іерархіи въ значительной степени содѣйствовали сближенію греческой и русской церквей, равно какъ и возстановленію искреннихъ отношеній между вселенскою патріархіею и нашимъ посольствомъ въ Константинополѣ, нарушенныхъ происшедшимъ незадолго предъ тѣмъ недоразумѣніемъ. Дѣло въ томъ, что 7 декабря 1857 года нашъ посолъ въ Константинополѣ Бутенева представилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ записку о необходимости принять мѣры къ устраненію все болѣе и болѣе укореившихся въ средѣ высшаго духовенства греческой церкви разныхъ злоупотребленій. Записка была написана нѣсколько рѣзко и, сообщенная нашимъ министер-

ствомъ вселенской патріархіи, смутила патріарха и членовъ его синода. Въ то время какъ годъ тому назадъ вселенская патріархіа, получивъ подобную же записку отъ самого посла Бутенева на имя патріарха объ отношеніяхъ высшаго греческаго духовенства къ православнымъ славянамъ, даже не удостоила его отвѣта; теперь она, кромѣ словесныхъ объясненій, данныхъ первому драгоману русскаго посольства патріархомъ и халкидонскимъ митрополитомъ, поспѣшила доставить русскому послу письменный отвѣтъ, правда, по замѣчанію Бутенева, „мало удовлетворительный, по все же обличавшій съ ея стороны сознание въ некоторой отвѣтственности предъ русскою церковью и русскимъ посольствомъ“¹⁾. Всего чувствительнѣе для вселенской патріархіи былъ, какъ видно, упрекъ въ холодности и недоброжелательности обнаруженныхъ ею въ сношеніяхъ съ русскимъ посломъ, представителемъ русскаго Государя и народа на православномъ Востоцѣ.

Поэтому, чтобы хоть сколько-нибудь загладить въ глазахъ русскаго правительства свою вину, вселенская патріархіа и вся вообще высшая іерархіа восточно-православной церкви сама искала благопріятнаго повода къ тому, чтобы снова сблизиться съ русскою миссіею и поспѣшила воспользоваться для того присутствіемъ преосв. Кирилла въ Константинополѣ.

Преосв. Кириллъ, предупрежденный о томъ русскимъ посольствомъ, съ своей стороны, поспѣшилъ содѣйствовать сближенію представителей высшей іерархіи греческой церкви съ русскимъ правительствомъ и нашимъ посольствомъ въ Константинополѣ. Послѣ предварительнаго представленія патріархамъ—вселенскому и іерусалимскому, 18 декабря 1857 года онъ посѣтилъ членовъ патріаршаго константинопольскаго синода. Никомидійскій митрополитъ, которому сдѣланъ былъ первый визитъ, самъ поспѣшилъ завести рѣчь о тогочасномъ состояніи

¹⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 15/12 дек. 1857 г.

²⁾ Напр., изъ письма отъ 16 января 1858 года, написаннаго на пароходѣ во время путешествія по Архипелагу.

¹⁾ См. записку Бутенева, представленную имъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ январѣ 1858 г., въ арх. Св. Синода по Канцеляріи оберъ-прокурора за 1858 г. № 381

Греческой церкви. „Церковь“,—говорилъ онъ,—„находитсѣ нынѣ въ положеніи болѣе опасномъ, нежели во время завоеванія Константинополя. Англія ищетъ поработить ее совершенно турецкому правительству, чтобы тѣмъ заставить гонимую православную церковь искать убѣжища въ протестанствѣ. Франція, хотя и дѣйствуетъ скромнѣе, но не безъ умысла питаетъ раздоры между духовенствомъ и папствою, очищая тѣмъ путь латинской пропагандѣ. Турки, съ своей стороны, помогаютъ обѣимъ державамъ; они были бы рады, если бы всѣ греки обратились въ католичество и протестантство. Съ этою цѣлю они и воздвигли новыя гоненія на церковь, подъ предлогомъ исполненія гатти-гумаюна“. Переходя постепенно къ болѣе страстному тону и умоляющему обращенію, митрополитъ Діонисій, со слезами на глазахъ и въ голосѣ, просилъ преосв. Кирилла ходатайствовать чрезъ Св. Синодъ предъ Государемъ Императоромъ, чтобы онъ повелѣлъ посланнику своему въ Константинополь вступиться за права церкви, или же соизволилъ послать собственноручное письмо Султану въ защиту православной церкви на Востокѣ.

На вопросъ преосв. Кирилла—отъ своего ли только лица, или же отъ всего патриаршаго синода митрополитъ обращается съ подобною просьбою, послѣдній отвѣчалъ, что хотя это—общая мысль всѣхъ членовъ синода, но не всѣ они посмѣютъ высказать ее съ такою откровенностію, какъ онъ.

Тогда преосв. Кириллъ просилъ объяснить ему, съ большею точностію, какіе именно пункты гатти-гумаюна подали поводъ къ тѣмъ новымъ гоненіямъ, о которыхъ съ такимъ огорченіемъ отзывался митрополитъ. Уклоняясь, видимо, отъ прямого отвѣта, митрополитъ никомидійскій привелъ въ примѣръ присвоенное себѣ Портою право смѣнять архіереевъ по произволу, вопреки выдаваемымъ ею бератамъ на пожизненное управленіе епархіей.

„Жалоба эта“,—замѣтилъ вдѣсь преосв. Кириллъ своему

собесѣднику,—„доходила до насъ и отъ прежнихъ временъ и не имѣетъ ничего общаго съ гатти-гумаюномъ. Я желалъ бы знать, на какіе именно пункты обращены новыя, современныя жалобы“.

Тогда только митрополитъ никомидійскій, хотя и съ замѣтною неохотою, рѣшился коснуться вопроса о намѣреніи Порты назначить христіанскому духовенству постоянное жалованье. Замѣтивъ мимоходомъ, что такое намѣреніе противно церковному праву, потому что служащій алтарю долженъ и питаться отъ алтаря, никомидійскій митрополитъ прибавилъ, что мѣра эта можетъ быть допущена въ русской церкви, въ которой правительство и духовенство принадлежатъ къ одному исповѣданію; въ Турціи же она произвела бы двоякѣ губительное дѣйствіе, 1) потому что турецкое правительство, не имѣя постоянного источника, откуда могли бы быть заимствованы деньги на содержаніе духовенства, прибѣгаетъ къ новымъ налогамъ для покрытія этихъ расходовъ, и тѣмъ еще болѣе усилить неудовольствіе въ народѣ противъ православнаго духовенства; 2) что духовныя лица, питающіеся, какъ было доселѣ, добровольными подаяніями народа, находили собственную выгоду въ болѣе частомъ объѣздѣ городовъ и селеній, что давало возможность преподавать въ то же время и духовное назиданіе паствы, тогда какъ, при новомъ порядкѣ епископы, обезпеченные развѣ навсегда отъ казны, обяжутся и не будутъ объѣзжать своего духовнаго стада, что поведетъ еще къ большому отчужденію его отъ духовенства.

На довольно пространную рѣчь митрополита никомидійскаго Діонисія, „довѣреннаго истолкователя господствующаго настроенія патриаршаго синода“, преосв. Кириллъ ограничился однимъ замѣчаніемъ, что, такъ какъ вопросъ о жалованьи духовенству касается существенныхъ интересовъ мірянъ, то и долженъ быть рѣшенъ по всей справедливости съ обоюднаго согласія, и только послѣ опроса мірянъ можно будетъ основательно судить о пользѣ или вредѣ предполагаемой мѣры.

Воспользовавшись неоднократно повторенными возгласами м. Діонисія противъ западно-европейскихъ державъ, умышленно поселявшихъ раздоръ между православнымъ восточнымъ духовенствомъ и паствою, преосв. Кириллъ перевелъ разговоръ на другой предметъ, важный съ точки зрѣнія его будущаго служенія, спросивъ своего собесѣдника: какую именно дѣль предпочтительно преслѣдуютъ въ этомъ случаѣ враги православія,—охлажденіе ли любви собственно греческаго народа къ духовенству, или же, быть можетъ, возстановленіе противъ него другихъ племенъ Востока, исповѣдующихъ православную вѣру?

Здѣсь м. Діонисій долженъ былъ сознаться, что усилія римско-католиковъ и протестантовъ направлены преимущественно на племена, чуждые грекамъ, а именно на славянъ, въ частности, на болгаръ, которыхъ они охотно желали бы отторгнуть отъ единства церковнаго, если бы, наученные опытомъ Сербіи и имѣя предъ глазами живой примѣръ княжествъ задунайскихъ, не боялись политическаго распадація Турціи.

Такимъ образомъ, м. Діонисій предупреждалъ дальнѣйшее развитіе мысли преосв. Кирилла, вызывая его на объясненіе по щекотливому вопросу объ отношеніяхъ греческаго духовенства къ славянамъ. Преосв. Кириллъ здѣсь позволилъ себѣ преподать ему, а въ лицѣ его и всей греческой іерархіи, тѣ самые совѣты, какіе и прежде неоднократно были предлагаемы русскимъ правительствомъ и представителемъ его—нашимъ константинопольскимъ посломъ. Повтореніе этихъ совѣтовъ преосв. Кирилломъ придавало имъ особенную силу, какъ первый голосъ непосредственнаго представителя русской православной церкви въ пользу угнетенныхъ національностей.

Преосв. Кириллъ объяснялъ своему собесѣднику, что самое лучшее средство, со стороны греческаго духовенства, предотвратить окончательный разрывъ между имъ и народомъ, къ коему стремятся западно-европейскіе инославные миссіо-

неры, состоитъ въ томъ, чтобы привязать къ себѣ любовь и чувствомъ благодарности всю православную паству и для того сдѣлать уступки, согласныя съ духомъ времени и законными требованіями отдѣльныхъ племенъ. Заведеніе школъ, избраніе епископовъ изъ среды народа, богослуженіе на родномъ языкѣ, постоянное поученіе народа путемъ навидательной проповѣди,—вотъ лучший способъ противоудѣйствовать проискамаъ западныхъ миссіонеровъ¹⁾.

Вся эта бесѣда происходила въ присутствіи тырновскаго митрополита Неофита, проживавшаго въ домѣ никомидійскаго

¹⁾ Эта часть бесѣды преосв. Кирилла съ м. Діонисіемъ, сообщенная константинопольскимъ посломъ Бутенскимъ министру иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчакову, а этимъ послѣднимъ оберъ-прокурору Св. Синода, назвала впоследствии такое заключеніе гр. А. П. Толстого: „Преосв. Кириллъ весьма удачно изъясняя греческимъ іерархамъ важность недостатка духовнаго просвѣщенія православныхъ славянъ на ихъ природныхъ нарѣчіяхъ, боясь чего они могутъ сдѣлаться жертвою иновѣрныхъ миссіонеровъ. Можно надѣяться, что сообразные ему совѣты нашего посольства будутъ приняты благодушно, когда греческая іерархія знаетъ, что таково же убѣжденіе и синода нашего, основанное на чувствѣ всеобщаго доброжелательства ей, потому что наша церковь живетъ общою духовною жизнью съ православными восточными церквами въ неразрывномъ союзѣ съ ними, и безъ нихъ даже существовать не можетъ въ общемъ значеніи соборной, или вселенской. Но при всей опасности отъ чуждыхъ пропагандъ, продолжая искренніе совѣты греческой іерархіи на счетъ самаго дѣятельнаго съ ея стороны распространенія церковно-славянскіи грамотности въ славянскихъ племенахъ и назиданія ихъ славянскимъ богослуженіемъ и проч., необходимо намъ, для мира и благосостоянія церкви, наблюдать величайшую осторожность въ дѣйствованіи на эти племена непосредственно. Какъ современники яви, сочувствуя т. н. болгарскому вопросу и движенію, мы не должны однакоже забывать, что въ основаніи сего движенія лежатъ, къ сожалѣнію, вражда противъ греческой іерархіи, тѣмъ опаснѣйшая, что въ сердцѣ народа, еще грубаго, съ трудомъ отдѣляется іерархія отъ самой церкви. Греки обвиняютъ въ безправности, корыстолюбіи и въ умышленномъ противодѣйствіи распространенію грамотности среди болгаръ. Обвиненія эти представляются справедливыми, когда смотришь на печальное положеніе церквей въ Болгаріи. Но можетъ ли греческая церковь содѣйствовать устройству школъ въ Болгаріи, когда она имѣетъ ихъ такъ мало для природныхъ грековъ и когда самая значительная (халкидская) умышленно сдѣлала съ прекращеніемъ нашего дѣятельнаго особія, а другая—въ Іерусалимѣ только лишь возмываетъ! Можно

митрополита съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ вызванъ былъ на судъ въ Константинополь по жалобамъ на него со стороны Болгаръ, и явившагося, какъ нарочито, къ концу разговора, вѣроятно, по предварительному соглашенію съ митро-

ли такъ строго обвинять греческую іерархію въ порочности, когда, престопами враговъ православной церкви, возодатся на патриаршій престолъ только тѣ іерархи, которые своимъ недостойнствомъ могутъ ронять (ѣ въ глазахъ народа? Такия обвиненія невеликодушны и, питая въ славянскихъ племенахъ вражду къ греческой іерархіи, опасны для всего православія: ибо оно т. см. виситъ на церкви греческой и ею одною держится. Исторія сей церкви въ послѣдніи 400 лѣтъ являетъ для всаго безпристрастнаго наблюдателя изумительный примѣръ непоколебимости среди угнетеній и непрерывнаго мученичества; но для наблюдателя православнаго такое явленіе есть истинное чудо Промысла Божія, есть осуществленіе предъ цѣлмихъ міромъ словъ Спасителя: „врата адова не одолѣютъ ей“. Къ довершенію столь дивнаго событія, сія расшатая церковь удерживаетъ за собою первенство заслугами не прекращающихся и уса мучениковъ, примѣромъ иноческаго подвизничества, проповѣданіями духовными и хрищеніемъ чистою ученія вѣры, въ нерушимой его неоврежденности. Довольно поименовать современныхъ лицъ (1857 г.): пребывающаго на покой патриарха Григорія VI, твердаго вѣщателя православія, гонимаго за это англійскимъ правительствомъ, митрополита Спартанскаго Тивальда, подвергшагося преслѣдованію того же правительства, образователя новаго цокольніи пастырей по вѣренію ему училищъ на о. Халса; Караеводорита—вѣстнаго многостороннеу учености и языкованіемъ, автора многихъ обличеній панізма; Диддазиды Евтикуза; недавно умершаго въ Аоніахъ знаменитаго Икононоса, архимандрита Діонисія Маврокордато, Кондоюни; на іоническихъ островахъ—Мустоканди Заубела. Одни труды Святогорца Никодима, дожившаго свой вѣкъ въ вышнемъ столѣтіи, по ихъ многочисленности, разнообразію и назидательности, заслуживаютъ всякаго вниманія. Если все это малоизвѣстно въ нашемъ отечествѣ, то единственно отъ того, что наши ученые привыкли заниматься единственно западною Европой. По всѣмъ такимъ соображеніямъ, нашему правительству прилично и необходимо, сквозь возможно и ничего не жалѣя, помогать вознѣ православнымъ церквамъ въ европейской Турціи, особенно болгарскимъ, но не иначе какъ съ условіемъ—являться вездѣ иротивителемъ, а не пособникомъ умноженія вражды, что было бы и дѣломъ и поводомъ къ невыразимому бѣдствію для всей православной церкви. Народность, соединенная съ древнею вѣрностію вселенскому патриаршему престолу въ Цареградѣ, должна въ болгарскомъ народѣ, при нашихъ усиліяхъ къ просвѣщенію его, ярко отличаться отъ народности, подчиненной пані, —этого прежде несамхавнаго въ Болгаріи соблазна“. —Заключеніе это, данное оберъ-прокуроромъ Св. Синода, по совѣщаніи его съ членами Св. Синода, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ,

политомъ Донисіемъ, чтобы служить ему дѣятельнымъ помощникомъ въ его оправданіяхъ по болгарскому вопросу. Оба митрополита—никонидійскій и тырновскій жаловались въ горькихъ выраженіяхъ на происки своихъ лютыхъ враговъ—князя Вогориди и другихъ отступниковъ, которые чернятъ въ глазахъ посольствъ безукоризненныя побужденія и дѣйствія греческаго духовенства. „Французскій посоль, прибавилъ м. Діонисій, упрекалъ меня, также по вѣвтамъ враговъ нашихъ, въ томъ, что мы не допускаемъ между болгарами ни славянскаго богослуженія, ни славянскихъ священниковъ. А я доказалъ ему, что во всей Болгаріи не найдется и двухъ священниковъ, которые были бы не изъ природныхъ болгаръ, а что тырновскій митрополитъ, здѣсь присутствующій, въ теченіе 17 лѣтъ своего управленія епархіей не служилъ ни одного раза обѣдни иначе, какъ на языкѣ церковно-славянскомъ“.

„Въ такомъ случаѣ“, —замѣтилъ преосв. Кириллъ, —„мы можемъ продолжить разговоръ съ Его Высокопреосвященствомъ на этомъ языкѣ“. —Неожиданное приглашеніе это нѣсколько смутило м. Неофита, который долженъ былъ отъ него отказаться, а преосв. Кириллъ, поблагодаривъ никонидійскаго митрополита за всѣ сообщенныя ему свидѣнія и утѣшительныя надежды въ будущемъ, прибавилъ, что онъ предлагаетъ совѣты единственно для собственной пользы греческаго духовенства и въ видѣ отвѣта на предложенныя ему недоумѣнія о нынѣшнемъ положеніи православной церкви на Востокѣ.

Въ томъ же смыслѣ происходили объясненія преосв. Кирилла и съ другимъ членомъ константинопольскаго синода—митрополитомъ ефесскимъ. Онъ также старался расположить преосв. Кирилла къ сожалѣнію о бѣдственномъ положеніи греческой церкви. „Должно считать особеннымъ дѣйствіемъ Промысла Божія“, —говорилъ ефесскій митрополитъ, —„что

было впоследствии сообщено для руководства преосв. Кириллу и несомнѣнно имѣло значеніе въ направленіи послѣдующей его дѣятельности на православномъ Востокѣ, умѣравъ его очевидную антипатію къ грекамъ. См. арх. Св. Сив. по канцеларіи оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 381.

православіе сохранилось на Востоку, не смотря на гоненія турокъ. Во времена, нѣкогда тяжкія для церкви, Богъ возстановилъ ей спасителя въ лицѣ императора Константина Великаго. Нынѣ, при подобныхъ же обстоятельствахъ мы твердо надѣемся, что Богъ возстановитъ намъ другого спасителя, хотя не называемаго мною, но всѣмъ намъ извѣстнаго“.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли митрополитъ ефесскій рѣшился уже прямо назвать Государя Императора, прибавивъ, что весь греческій народъ, отъ мала до велика, привыкъ денно и ночью, во всѣхъ своихъ молитвахъ, просить о возвеличеніи и прославленіи православнаго Самодержца, но что онъ, митрополитъ, вибѣраетъ эту тайну преосв. Кирилла духовнымъ образомъ, какъ бы на исповѣди, и проситъ умолчать объ ихъ разговорѣ даже предъ другими членами Синода.

Поблагодаривъ митрополита и увѣривъ его въ неизмѣнномъ взаимномъ сочувствіи Государя Императора и всего русскаго народа къ греческой церкви, преосв. Кириллъ спросилъ его о состояніи софійской епархіи, въ которой митрополитъ ефесскій служилъ до назначенія въ члены Синода. Митрополитъ сознался, что софійская епархія состоитъ исключительно изъ болгаръ, весьма приверженныхъ къ вѣрѣ, но мало образованныхъ; что школы тамъ имѣются, но не въ двѣтущемъ состояніи находятся; постоянной проповѣди никогда не бывало, а есть проповѣдники, т. е. *іерокѣрохес*, которые только два въ годъ объѣзжаютъ епархію; что средства патріархія не соотвѣтствуютъ желаніямъ ея распространить просвѣщеніе въ народѣ; что она заботится объ этомъ по силамъ и обстоятельствамъ (*κατὰ κειρὸν καὶ δύναμιν*) и будетъ еще больше заботиться въ то время, когда возстанется спокойствіе въ церкви. „Теперь то, напротивъ, когда нѣтъ спокойствія“,—замѣтилъ здѣсь преосв. Кирилъ,—„и должно стараться объ этомъ важномъ предметѣ, съ цѣлію возвратить утраченное спокойствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что Богъ, сохранившій Восточную Церковь, чрезъ рядъ гоненій еще и благо-

словить и прославить ее, если только, съ своей стороны греческое духовенство исполнитъ честно свой долгъ, если болѣе просвѣщенная часть православія—греческая возвыситъ до себя меньшихъ, неученыхъ братьевъ, примѣромъ и словомъ, я, цѣня свой языкъ и преданіе, будетъ цѣнить и чужія права и народности. И какъ Россія помнитъ великую услугу греческой церкви, просвѣтившей ее свѣтомъ вѣры, такъ и славянскія племена останутся вѣчно благодарными грекамъ за опасанное и имъ то же самое благодѣланіе“.

Кизическій митрополитъ Іоакимъ, одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ Синода, засвидѣтельствовалъ предъ преосв. Кирилломъ, отъ лица своего и всей греческой церкви, самую искреннюю благодарность Св. Синоду за отправленіе на Востокъ столь достойнаго представителя Церкви греко-россійской! Онъ присоединилъ къ этому надежду, что хотя цѣль посольства его не относится собственно къ Константинополю, тѣмъ не менѣе присутствіе его на Востоку принесетъ благодѣтельные плоды для всей греческой церкви, какъ оно уже даетъ имъ возможность возобновить многія сношенія съ русскимъ посольствомъ. Сношенія эти, прибавилъ митрополитъ, происходили иногда на самой короткой ногѣ, но, при измѣнившихся обстоятельствахъ, должны были принять болѣе осторожный характеръ: но должно смотрѣть не столько на дѣйствія, сколько на внутреннія побужденія.

Почти то же самое и въ тѣхъ же почти выраженіяхъ говорилъ съ преосв. Кирилломъ и халкидонскій митрополитъ. Онъ дополнилъ только мысль своего предшественника замѣчательною оговоркою, что патріархія и прежде обращалась по необходимости къ политической миссін и всегда находила въ ней вѣрную поддержку и защиту; теперь же присутствіе на Востоку русскаго епископа доставитъ имъ двойную опору и утѣшеніе. Для того, чтобы выразить еще положительнѣе духовную радость греческой церкви по поводу этого событія, халкидонскій митрополитъ прибавилъ, что, въ упованіи на

Бога, дѣлающаго и невозможное возможнымъ, онъ не теряетъ надежды видѣть нѣкогда преосв. Кирилла въ числѣ членовъ Святаго константинопольскаго Синода.

Такъ какъ объясненія эти происходили чрезъ драгомана русскаго посольства, то преосв. Кириллъ отвѣтилъ, что хотя онъ не умѣетъ еще изъявить по-гречески всю благодарность свою за сдѣланный ему, ласковый пріемъ, но за то умѣетъ ее чувствовать отъ всей полноты русскаго сердца.

Изъ всего, сказаннаго нами о сношеніяхъ преосв. Кирилла съ высшими представителями константинопольской православной іерархіи, для читателей, надѣмся, ясно, что появленіе русскаго епископа среди греческаго духовенства произвело на это послѣднее сильное дѣйствіе. Греческіе іерархи приняли его, какъ высшаго посредника между нами и русскою церковью, какъ лице, уполномоченное отъ Св. Синода русскаго на рѣшеніе всѣхъ важныхъ церковныхъ вопросовъ не только въ Іерусалимѣ, но и въ другихъ частяхъ православнаго Востока. Довѣряя ему свои тайны, прося его о своихъ нуждахъ, они, видимо, нѣсколько смущались предъ нимъ, какъ будто виновные, оправдывались, между тѣмъ какъ онъ ни въ чемъ не обвинялъ ихъ, и видимо старались задобрить его и расположить его въ свою пользу предупредительнымъ объясненіемъ по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ чувствовали себя не вполне чистыми. Преосв. Кириллъ соединялъ почтительность и уваженіе въ обращеніи съ стойкостію въ сужденіяхъ и совѣтахъ. Голосъ его, совершенно согласный съ внушеніями, полученными отъ русскаго посольства въ Константинополь, убѣждалъ греческое духовенство въ полномъ согласіи видовъ нашего правительства и нашей церкви, и могъ до извѣстной степени склонять къ уступчивости русскимъ стремленіямъ и цѣлямъ на православномъ востоцкѣ, поддержаннымъ этимъ двойнымъ авторитетомъ.

Сношенія преосвященнаго Кирилла съ представителями восточныхъ православныхъ церквей въ Константинополь, во время пребыванія тамъ нашей миссіи, на пути ея въ Іеру-

салимъ, получали тѣмъ большій интересъ, что тогда былъ возбужденъ вопросъ въ Константинополь о смѣнѣ вселенскаго патріарха Кирилла. Нѣкоторые члены Синода, недовольные его уступчивостію передъ Портою относительно выбора членовъ въ составъ комиссіи для обсужденія требовавшихся Гатти-гумаюномъ церковныхъ преобразованій, — изъявили желаніе выбрать болѣе энергическаго преемника ему. Единственными кандидатами на это званіе провозглашались бывшіе уже патріархами Григорій и Анеимъ. Первый смѣненъ былъ лѣтъ 18 тому назадъ, по настоячивому требованію англійскаго правительства; послѣдній былъ ближайшимъ предшественникомъ тогочасоваго патріарха, а въ послѣднее время довѣреннымъ человекомъ лорда Редклифа и явнымъ доброжелателемъ Англии.

Говорили, что онъ дѣйствуетъ подкупомъ на турецкихъ министровъ и, обезпечивъ себя не совѣтъ законными средствами, имѣетъ болѣе, чѣмъ кто другой, шансовъ къ достиженію патріаршаго сана. Съ другой стороны, рассказывали, что французскій посоль и греческій министръ, готовы были всячески поддерживать предъ Портою выборъ Григорія. Подобныя же косвенныя предложенія сдѣланы были и русскому послу. Но онъ рѣшительно отклонилъ ихъ на томъ основаніи, что, хотя пользовавшаяся общимъ уваженіемъ личность п. Григорія извѣстна и ему съ самой хорошей стороны, тогда какъ онъ не имѣлъ основанія быть довольнымъ отношеніями п. Кирилла къ нему, но, держась больше всего древнихъ правилъ безсмѣности патріарха, не можетъ подать голоса въ пользу сверженія нынѣшняго. Въ дѣйствительности же русскій посоль руководился въ данномъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что выборъ патріарха Григорія, постоянно отклонявшийся прежде, при всякихъ новыхъ выборахъ, представлялся и теперь весьма сомнительнымъ, личность же патріарха Анеима не давала ему никакихъ ручательствъ на лучшее будущее.

При такой шаткости своего положенія, вселенскому патріарху Кириллу естественно было искать поддержки въ лицѣ

явившагося на Востокъ русскаго епископа. Думаютъ, что, по внушенію халкидонскаго мирополюта, имѣвшаго сильное вліяніе на вселенскаго патріарха, преосв. Кирилль былъ приглашенъ къ участию въ совершеніи литургіи въ патріаршей церкви вмѣстѣ съ его Святѣйшествомъ въ ночь на правдникъ Рождества Христова. Служеніе это было совершено съ особенною торжественностію п. Кирилломъ и 14 архіереями, въ присутствіи логовета Аристарха, въ первый разъ въ этотъ день вступающаго вновь въ отиравленіе обязанностей своей должности, заключающихся во всенародномъ чтеніи символа вѣры и молитвы Господней при патріаршемъ служеніи. Преосв. Кирилль занималъ почетное мѣсто непосредственно за членами Синода и выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ. Во время литургіи ему пришлось говорить по-славянски возгласъ: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за всѣ“, а участвовавшій въ богослуженіи діаконъ посольской церкви нашей въ Константинополь произносилъ эктени на славянскомъ же языкѣ. Торжественное богослуженіе собрало въ храмъ весьма великое множество народа, смотрѣвшаго „на службу со слезами умиленія и радости“¹⁾.

По окончаніи богослуженія, преосв. Кирилль разговлялся у патріарха и принималъ вновь самыя искреннія привѣтствія отъ всего собора архіереевъ вмѣстѣ съ выраженіями радости о тѣсномъ союзѣ любви между русскою и восточною церквами.

Участіе преосв. Кирилла въ служеніи литургіи на правдникъ Рождества Христова съ греческими іерархами, какъ тотчасъ же оказалось, произвело самое благотворное дѣйствіе на общественное мнѣніе и настроеніе константинопольскаго греческаго общества. Никомидійскій и халкидонскій митрополиты, по порученію патріарха, говорили нотомъ преосв. Кириллу, что вся греческая церковь приняла это событіе, какъ великое утѣшеніе для себя; что во время недавней войны

весь народъ плакалъ, когда вселенскій патріархъ Анѳимъ позволилъ себѣ, въ своемъ адресѣ султану, отозваться о Россіи, что греческая церковь не нуждается въ ея помощи, а нынѣ народъ опять плакалъ отъ умиленія, удостовѣрившись изъ сослуженія русскаго епископа съ греческими, что Россія великодушно простила имъ допущенный грѣхъ. Патріархъ же считалъ себя истинно счастливымъ, что въ его управленіе изгладилось недоброе впечатлѣніе отъ выходки п. Анѳима, и что этимъ нагляднымъ символомъ единенія обѣихъ церквей обличилась хитрля козня враговъ православія, которые постоянно шептавали грекамъ, что русское богослуженіе и вообще русская церковь далеко уклонилась отъ единства съ вселенскою церковью.

Оказывая вселенскому патріарху вниманіе, необходимое для установленія болѣе довѣренныхъ сношеній съ греческою церковью въ Константинополь, преосв. Кирилль, по предварительному соглашенію съ русскимъ посломъ, увѣдомилъ бывшаго п. Григорія, что, если, за недосугомъ, ему не удастся посѣтить его на Босфорѣ, то онъ проситъ, по крайней мѣрѣ, заочнаго благословенія у него себѣ и приносить ему, въ знакъ уваженія и памяти, подарокъ изъ собственной своей ризницы. П. Григорій принялъ присланные ему преосв. Кирилломъ клобукъ и четки, и благодарилъ его за память и вниманіе, съ которыми преосвященный избѣгаетъ личнаго свиданія съ нимъ, чтобы этимъ не ставить ни его, ни самого себя въ затруднительныя и неловкія отношенія къ великой церкви.

Что касается отношеній преосв. Кирилла къ іерусалимскому патріарху, то они установились, какъ мы уже знаемъ изъ словъ перваго въ его письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода, въ самомъ лучшемъ видѣ. Послѣ перваго, т. е. оффиціального свиданія, преосв. Кирилль былъ еще два раза у патріарха іерусалимскаго, который принималъ его всякій слѣдующій разъ все съ большимъ и большимъ радушіемъ. Сказавъ преосв. Кириллу, что намѣренъ посѣтить его послѣ

Преосв. Кирилль Наумовъ.

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію отъ 26 февраля 1856 г. въ „Духовн. Вѣстѣ“ 1856 г., № 19, стр. 247.

праздника, патриархъ убѣдительно просилъ его отложить свой отъѣздъ въ Иерусалимъ, по крайней мѣрѣ, до праздника Богоявленія, какъ для того, чтобъ избѣжать мореплаванія, особенно опаснаго во время святокъ, по Средиземному морю, такъ и для того, чтобы имѣть возможность видѣться съ нимъ и переговорить о всемъ, какъ можно, подробнѣе. „Самые моряки“,—говорилъ онъ преосв. Кириллу,—„стараются не выходить въ море отъ Рождества до освященія воды, а Ваше Преосвященство—у доброй пристани: къ чему вамъ спѣшить? Рѣшившись, по всемъ этимъ соображеніямъ, остаться въ Константинополѣ до 10 января 1858 года, преосв. Кириллъ отвѣчалъ патриарху Иерусалимскому, что, имѣя намѣреніе не предпринимать ничего безъ благословенія Его Блаженства, онъ радъ явить ему это первое доказательство своего послушанія.

Во время слѣдовавшаго затѣмъ двукратнаго свиданія и совѣщанія преосв. Кирилла съ іерусалимскимъ патриархомъ, они рѣшили два весьма важныхъ съ точки зрѣнія миссіи преосв. Кирилла вопроса: о русскихъ поклонникахъ и русскомъ богослуженіи въ Иерусалимѣ.

Относительно перваго вопроса патриархъ Кириллъ объяснилъ, что, находясь въ Иерусалимѣ въ теченіе 12 лѣтъ въ качествѣ намѣстника патриарха Аванасія, онъ самъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ образу жизни русскихъ поклонниковъ. Въ то время мужчины и женщины, имѣя въ Иерусалимѣ одно общее помѣщеніе, позволяли себѣ разные соблазнительные поступки, о которыхъ печально и вспоминать. Тогда іерусалимская патриархія исходатайствовала у русскаго правительства особый уставъ для поклонниковъ. Уставомъ этимъ присвоено было право монастырю св. Гроба назначать исправительныя наказанія тѣмъ поклонникамъ, которые будутъ вести беспорядочную жизнь. Съ тѣхъ поръ самый явный соблазнъ прекратился, но охота къ нему не прошла. Одинъ изъ поклонниковъ, котораго самъ патриархъ засталъ въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ему, видимо, со всею отврочен-

ностію, что онъ пьетъ потому, что можетъ за одни и тѣ же деньги напиться четыре раза въ Иерусалимѣ противъ одного раза въ Россіи. Поэтому, должно исправлять ихъ сперва духовнымъ назиданіемъ, объясняя имъ самую цѣль пребыванія ихъ въ св. градѣ, а въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать и къ наказаніямъ. Самое чувствительное для нихъ наказаніе, по мнѣнію п. Кирилла, состоитъ во временной ссылкѣ на покаяніе въ монастырь св. Саввы. Довольно одного, двухъ примѣровъ для спасительнаго предостереженія прочихъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые, вслѣдствіе неспокойнаго или даже буйнаго нрава, будутъ подлежать высылкѣ изъ св. града, не должно позволять продолжительнаго пребыванія въ немъ, по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, а назначивъ имъ отъ 30 до 40 дней для посѣщенія свв. мѣстъ, высылать ихъ затѣмъ въ Яффу къ русскому консулу. Съ своей же стороны, патриархъ Кириллъ выражалъ намѣреніе приступить къ построенію новаго дома (гостиницы) для помѣщенія русскихъ поклонниковъ, разумѣется, съ предварительнаго разрѣшенія Порты.

Преосв. Кириллъ, въ свою очередь, выразилъ патриарху полную готовность наблюдать за порядкомъ и поведеніемъ русскихъ богомольцевъ, занимать ихъ хожденіемъ въ церковь и пѣніемъ и вообще всячески отвлекать ихъ отъ праздности, а непослушныхъ, или буйныхъ отсылать обратно въ Россію съ дурною аттестаціею, тѣмъ болѣе, что все это составляло и его прямую обязанность.

Что касается совершенія русскаго богослуженія въ Иерусалимѣ, то патриархъ, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ со стороны преосв. Кирилла, обѣщалъ сдѣлать необходимыя распоряженія о допущеніи его къ служенію при св. Гробѣ и на Голгоѣ всякій разъ, какъ только онъ пожелаетъ, въ часы, опредѣленные для православнаго духовенства, и даже самъ предложилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы, въ облегченіе преосв. Кирилла, всегда имѣлись на мѣстѣ готовыя для него облаченія изъ патриаршей ризницы.

Кромѣ того, патриархъ Кириллъ замѣтилъ, что до войны

(крымской) въ Николай день (6 декабря) богослуженіе въ Іерусалимѣ совершалось съ такою же точно торжественностию, какъ на Пасху. Послѣ войны великолѣпіе это, по необходимости, должно было нѣсколько сократиться, хотя дни рожденія и тезоименитства Августѣйшихъ Особъ Русскаго Царствующаго Дома и теперь праздновались съ особенною пышностию. Патріархъ іерусалимскій выражалъ надежду, что въ скоромъ времени все это должно было войти опять въ прежній порядокъ.

Всѣ эти сношенія преосв. Кирилла ¹⁾ съ восточными іерархами въ Константинополь происходили до праздника Рождества Христова и въ самые первые дни праздниковъ. Въ слѣдовавшіе затѣмъ дни сношенія эти продолжались, обогащая преосв. Кирилла полезными свѣдѣніями и постепенно вводя его въ пониманіе тогочаснаго положенія православной церкви на Востоцѣ.

На праздникахъ преосвящ. Кирилла посѣтили во дворцѣ русскаго посольства патріархи—вселенскій и іерусалимскій, равно какъ и значительнѣйшіе члены константинопольскаго синода.

Вселенскій патріархъ повторилъ почти буквально тѣ самыя жалобы на турецкое правительство, какія раньше слышалъ преосв. Кириллъ отъ никомидійскаго митрополита, во время посѣщенія этого послѣдняго. Патріархъ, прежде всего, объяснилъ всю опасность, которая, по мнѣнію его, угрожала бы греческой церкви, если бы Порта успѣла настоять на своемъ желаніи назначить епископамъ постоянное жалованье и просилъ заступничества русскаго посольства предъ турецкимъ правительствомъ, такъ чтобы рѣшеніе этого вопроса было все отклонено и все оставалось бы попрежнему.

Русскій посоль, присутствовавшій при этомъ свиданіи

¹⁾ Свѣдѣнія о нихъ заимствованы преимущественно изъ записки константинопольскаго посла Бугаева, представленной имъ въ Министерство Иностраннѣхъ Дѣлъ въ январѣ 1858 г. См. арх. Св. Синода по канцелярии Оберъ-Прокурора за 1858 г. д. № 381.

вселенскаго патріарха съ преосв. Кирилломъ, позволилъ себѣ здѣсь заявить, что о подобномъ домогательствѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ вопросъ о содержаніи духовенства возбужденъ Портою на основаніи гатти-гумаюна, исполненіе котораго составляетъ одно изъ торжественныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя султаномъ предъ лицомъ всей Европы; что хотя Россія и не участвовала въ составленіи этого акта, но, при заключеніи мира, признала обязательность его въ главныхъ чертахъ; что если Россія приметъ участіе въ толкованіи нѣкоторыхъ статей его въ пользу греческой церкви, то этимъ непременно вызоветъ посредничество западныхъ державъ, которое едва ли будетъ клониться къ выгодамъ греческаго духовенства!

Тогда вселенскій патріархъ началъ просить, чтобы Россія содѣйствовала великой церкви въ достиженіи, по крайней мѣрѣ, одного ограниченія, по которому патріархъ одинъ изъ всѣхъ архіереевъ былъ бы обеспеченъ постояннымъ жалованьемъ какъ для содержанія окружающихъ его членовъ церкви и зависящихъ отъ вселенскаго престола училищъ и благотворительныхъ учреждений, такъ и для неизбѣжныхъ подарковъ турецкимъ властямъ, всѣ же прочіе епископы были бы оставлены при прежнемъ своемъ содержаніи, получавшемся отъ добровольныхъ поданій паствы. Въ противномъ случаѣ, говорилъ патріархъ, Порта, имѣя всѣхъ архіереевъ на жалованьѣ, легко можетъ придти къ мысли о сокращеніи числа епископовъ, ради уменьшенія своихъ издержекъ, равно какъ можетъ соблазниться назначеніемъ недостойныхъ епископовъ, которые согласятся принять на себя этотъ санъ на половинномъ жалованьѣ.

Въ отвѣтъ на это преосв. Кириллъ предложилъ отъ себя, въ видѣ личнаго мнѣнія, среднюю мѣру, какъ средство примирить притязанія Порты съ желаніями духовенства, а именно: епископы будутъ получать попрежнему добровольныя подаянія, но такъ, что мѣра этихъ пожертвованій будетъ предварительно опредѣлена по обоюдному согласію ду-

ховенства съ мірянами, для ограниченія возможнаго произвола съ той и другой стороны.

Нѣсколько смущенный этимъ совѣтомъ, вселенскій патриархъ не далъ положительнаго отвѣта на него и возвратился снова къ любимой мысли о совершенномъ отклоненіи какихъ бы то ни было преобразованій.

Вообще въ словахъ какъ патриарха вселенскаго, такъ и другихъ архіереевъ греческихъ, съ которыми видѣлся и бесѣдовалъ преосв. Кирилль, ясно выражались двѣ мысли: 1) праверженность всего высшаго греческаго духовенства къ старому порядку вещей, къ правамъ (*привѣтствію*), утвержденнымъ древними узаконеніями мусульманскихъ завоевателей; 2) полное разведеніе между духовенствомъ и мірянами по поводу всѣхъ вопросовъ относительно предполагавшихся тогда преобразованій въ устройствѣ православной церкви на Востокѣ. Вселенскій патриархъ горько жаловался на князя Стефана Вогориди, одного изъ почетнѣйшихъ представителей сословія мірянъ въ патриаршемъ совѣтѣ, за то, что онъ первый подалъ мысль о новомъ составѣ синода, въ который вмѣсто безсмѣнныхъ членовъ, незаконно присвоившихъ себѣ это право, призывались бы поочередно всѣ епархіальные архіереи.

Іерусалимскій патриархъ, съ своей стороны, продолжалъ все время оказывать преосв. Кириллу наружную ласку и предупредительность. Только, къ сожалѣнію, первосвятитель церкви іерусалимской слишкомъ подчинился вліянію лицъ, окружавшихъ его и въ тайнѣ негодовавшихъ на учрежденіе русской миссіи въ св. градѣ. Этимъ постороннимъ вліяніемъ объяснялись, по мнѣнію преосв. Кирилла и русскаго посольства въ Константинополь, косвенные намеки патриарха, показывавшіе желаніе его поставить настоятеля вашей іерусалимской миссіи въ нѣкоторую зависимость отъ святотробскаго духовенства. Такъ, во время одного своего свиданія съ преосв. Кирилломъ, патриархъ, посвящая его въ особенности православнаго богослуженія въ свв. мѣстахъ, просилъ его соблюдать

нѣкоторые мѣстные обычаи, какъ-то: не входить съ тростию въ церковь, не носить митры на Голгоѣ, ходить исключительно въ черныхъ рясахъ и не употреблять цвѣтныхъ, свѣту ему во всѣхъ подобныхъ мелочахъ руководствоваться опытностію его намѣстниковъ въ Іерусалимѣ. Дозволяя ему ежедневное русское служеніе въ Архангельскомъ монастырѣ, предоставленномъ, въ случаѣ нужды, для помѣщенія нашей духовной миссіи, патриархъ просилъ преосв. Кирилла предупредить всякій разъ патриаршихъ намѣстниковъ о своемъ желаніи служить литургію. При совершеніи же богослуженія въ другихъ мѣстахъ св. града, онъ тѣмъ болѣе еще долженъ былъ, по совѣту патриарха, подчиняться извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени и неизбѣжнымъ ограниченіямъ въ чинѣ богослуженія, которое не должно быть исключительно русскимъ и должно совершаться на равныхъ языкахъ¹⁾.

Относительно помѣщенія русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ патриархъ теперь, въ дополненіе къ прежнему, заявилъ, что онъ имѣетъ намѣреніе приступить къ построенію для нихъ новой гостиницы, которая однакоже не можетъ быть скоро готова, такъ какъ онъ предполагаетъ передѣлать ее изъ недостроенныхъ турецкихъ казармъ, вмѣщающихъ въ себѣ приблизительно до 600 человекъ. Патриархъ намѣренъ былъ просить у Порты уступки ему этого зданія, при чемъ-не сомнѣвался въ успѣхъ своей просьбы; надѣясь на дружественное расположеніе къ нему со стороны великаго визиря.

Заговоривъ о постройкѣ, пожертвованной въ пользу голгоѣской церкви, іерусалимскій патриархъ выражалъ сомнѣніе

¹⁾ Намъ Св. Синодъ не знаетъ ничего неизвѣстнаго, или обиднаго въ этихъ предложеніяхъ іерусалимскаго патриарха преосв. Кириллу. „Члены Св. Синода нашего“, — писалъ гр. А. П. Толстой кн. А. М. Горчакову, 30 января 1858 г., — „не усматриваютъ въ сихъ условіяхъ ничего стѣснительнаго для нашей духовной миссіи. Соблюденіе мѣстныхъ обычаевъ даже необходимо, чтобы на греки, ии ииовѣрца не дали повода упрекать русскихъ въ пренебреженіи того, къ чему призвали мѣстные жители“. См. арх. Св. Синода. по канцеляріи Оберъ-прокурора въ 1858 г. д. № 391.

въ томъ смыслѣ, что, по тѣсному объему и малой высотѣ этого храма, она едва ли можетъ быть употреблена согласно съ благочестивымъ ея назначеніемъ. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса онъ предоставлялъ ближайшему усмотрѣнію преосв. Кирилла. Вообще же іерусалимскій патріархъ увѣрялъ и посла нашего въ Константинополь и преосв. Кирилла въ своей полной готовности вслѣдствіи содѣйствовать спокойствію и благосостоянію нашей миссіи въ Іерусалимѣ.

Одно только казалось страннымъ въ отношеніяхъ іерусалимскаго патріарха къ начальнику русской іерусалимской духовной миссіи, именно то, что, неоднократно высказавъ свое недоумѣніе по поводу истинной цѣли назначенія миссіи на Востокъ и, въ частности, въ Св. землѣ предъ архимандритомъ Григоріемъ (Веглерисъ)¹⁾, въ бесѣдахъ своихъ съ преосв. Кирилломъ патріархъ ни разу не коснулся этого вопроса. Послѣднее обстоятельство тѣмъ менѣе говорило въ пользу совершенной искренности іерусалимскаго патріарха, что и вселенскій патріархъ, послѣ торжественнаго служенія съ преосв. Кирилломъ въ ночь на Рождество Христово, выражалъ разнымъ лицамъ свои подозрѣнія относительно тайнаго политическаго характера нашей духовной іерусалимской миссіи²⁾. По свѣдѣніямъ нашего посольства въ Константинополь, англійское посольство прислало своихъ агентовъ къ обоимъ патріархамъ съ вопросомъ: что за новый посланникъ русскій отправляется, подъ именемъ епископа Кирилла, въ

¹⁾ Намъ уже извѣстенъ отзывъ іерусалимскаго патріарха предъ архим. Порфиріемъ о миссіи преосв. Кирилла. См. выше стр. 122—123 ср. архим. Порфирія. Второе путешествіе по св. горѣ Афонской М. 1880 г. стр. 12—18.

²⁾ Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что и вселенскій патріархъ въ глубинѣ души относился несочувственно къ учрежденію нашей миссіи въ Іерусалимѣ подъ начальствомъ преосв. Кирилла. Когда 19 мая 1858 года архим. Порфирій (Успенскій) посѣтилъ вселенскаго патріарха, то этотъ восторженный, прощающій съ нимъ, «выразилъ свое неудовольствіе на посланнаго въ Іерусалимъ нашего мелитопольскаго епископа Кирилла», хотя, впрочемъ, и по другимъ побужденіямъ, но крайней мѣрѣ, на словахъ. См. архим. Порфирія. Второе путешествие по св. горѣ Афонской, М. 1880 г., стр. 12.

Іерусалимъ и съ какою именно цѣлію. Вселенскій патріархъ отвѣчалъ, что это дѣло его не касается и ему ничего неизвѣстно, и указалъ на іерусалимскаго патріарха, какъ на лице, преимущественно въ этомъ дѣлѣ заинтересованное.

Неизвѣстнымъ осталось, какія объясненія далъ англійскому посольству іерусалимскій патріархъ, но полная откровенность, съ какою преосв. Кириллъ постоянно говорилъ ему о чисто духовномъ характерѣ своей миссіи, должна была убѣдить его совершенно въ чистотѣ намѣреній русскаго правительства относительно греческой церкви.

Съ своей стороны, русскій посолъ въ Константинополь посѣщилъ предупредить всякіе превратные толки и подозрѣнія на счетъ цѣли нашей іерусалимской миссіи со стороны французскаго посла, заговоривъ съ нимъ первый о прибытіи въ Константинополь нашего епископа, какъ лица, посылаемаго въ преемники бывшему уже тамъ настоятелю нашей миссіи, съ цѣлію надзора и покровительства постоянно увеличивающимся нашимъ поклонникамъ въ св. градѣ. Русскій посолъ, кромѣ того, добавилъ, что въ данной преосв. Кириллу инструкціи ему вмѣнено въ обязанность войти въ дружелюбныя сношенія съ латинскимъ духовенствомъ, находящимся въ Іерусалимѣ, согласно съ состоявшимся въ послѣднее время между обоими правительствами самымъ искреннимъ сближеніемъ по поводу вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Объясненія эти были приняты съ видимымъ удовольствіемъ французскимъ посломъ, который, въ свою очередь, обѣщалъ предупредить латинское духовенство въ Іерусалимѣ о пріѣздѣ русскаго епископа въ томъ же смыслѣ взаимнаго довѣрія и такимъ образомъ приготовить ему ласковый пріемъ со стороны своихъ единовѣрцевъ¹⁾.

Вообще изъ всего доселѣ сказаннаго нами о пребыва-

¹⁾ Послѣдняя попытка собственно русскаго посла въ Константинополь подготовить почву преосв. Кириллу для возможно болѣе близкихъ и довѣрительныхъ отношеній къ латинскому духовенству въ Іерусалимѣ, видимо, не встрѣ-

ни преосв. Кирилла въ Константинополѣ и сношеній его съ высшими представителями греческой іерархіи видно, что появленіе его въ столицѣ турецкой имперіи произвело сильное впечатлѣніе на греческое духовенство и сразу же принесло замѣтный добрый результатъ. Оно содѣйствовало, прежде всего, болѣе искреннему обращенію греческаго духовенства къ намъ въ тогочасовыхъ его нуждахъ. Последнее стало довѣрять намъ болѣе прежняго во всемъ, что касалось отношеній его къ Портѣ и другимъ иностраннымъ державамъ. Его смущала пока только неизвѣстность положенія, какое займетъ Россія въ самыхъ животрепещущихъ для него вопросахъ о національностяхъ, чуждыхъ греческой, именно: болгарской и арабской. Но самымъ важнымъ результатомъ сношеній преосв. Кирилла съ представителями греческой іерархіи въ Константинополѣ было возобновленіе болѣе искренняго сближенія греческой церкви съ нашимъ Св. Синодомъ. Несомнѣнно увлекался, или, быть можетъ, намѣренно преувеличивалъ дѣло халкидонскій митрополитъ, когда неоднократно воз-

тлаа волнаго сочувствіи у высшаго духовнаго нашего начальства, которое не безъ основанія видѣло въэтомъ опасность для сохраненія добрыхъ отношеній нашихъ къ православному греческому духовенству въ Иерусалимѣ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой по этому поводу писалъ 30 января 1858 г. кн. А. М. Горчакову слѣдующее: „Въ мѣстахъ, гдѣ первые христіане слышали изъ устъ Самого Спасителя заповѣдь о любви къ ближнему, безъ сомнѣнія, и прилично и необходимо нашимъ духовнымъ имѣть благоразумно вѣжливое и миролюбивое обращеніе съ латинами и прочими иноувѣрцами. Но со стороны латинянъ должно опасаться нѣкоторой, по духу ихъ прозелитизма, навязчивости и намѣреннаго разглашенія о дружеской связи съ нами, чтобы поселить вражду между нами и греками. Хотя и имѣть возможности передавать отсюда преосв. Кирилу подробные совѣты, какъ вести себя въ этихъ случаяхъ, но, кажется, онъ могъ бы оградить себя отъ подозрѣнія, давъ познать намѣстникамъ патріарха, что этотъ способъ обхожденія съ иноувѣрными, подающій латинянамъ надежду на дальнѣйшее сближеніе, есть единственное средство къ отклоненію политическихъ противоувѣстній нашей духовной миссіи, которая въ дѣйствительности не имѣетъ, да и не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ укрѣпленія нашей духовной связи съ греческою церковью“. См. письмо гр. Толстого къ кн. Горчакову въ арх. Св. Синода по канцеляріи Оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 381.

бращался—и даже съ нѣкоторою настойчивостію—къ мысли о пользѣ, какую могло бы имѣть для греческой церкви присутствіе и дѣятельное участіе въ константинопольскомъ синодѣ представителя русской церкви. Но, не придавая значенія этой несбыточной мысли, преосв. Кириллъ совѣтовалъ митрополиту халкидонскому, и въ лицѣ его всей высшей греческой іерархіи въ письменныхъ сношеніяхъ константинопольскаго синода съ нашимъ Св. Синодомъ не ограничивать себя одними праздными увѣреніями въ любви и единомысліи. „Наше правительство“,—говорилъ при этомъ преосв. Кириллъ,—„великодушно забывши прошедшее, сдѣлало первый шагъ къ сближенію съ Вами, приславъ Вамъ въ заложники русскаго архіерея. Вы должны, съ своей стороны, изъявить свою признательность не словами только, но и дѣломъ, и приступить къ болѣе важнымъ дѣловымъ сношеніямъ съ Св. Синодомъ, чѣмъ какія были до сихъ поръ“. Какъ достойное начало подобныхъ сношеній, преосв. Кириллъ, съ своей стороны, предлагалъ іерархіи обратиться съ братскимъ посланіемъ къ русскому Св. Синоду о взаимномъ признаніи святыихъ обѣихъ православныхъ церквей, которые въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій почитались уже въ Россіи, не будучи признаны греческою церковью, и наоборотъ. Мысль эта была принята греческими іерархами, повидимому, съ особенною радостію и съ желаніемъ содѣйствовать ея осуществленію¹⁾.

Довольно продолжительное пребываніе преосв. Кирилла въ Константинополѣ на пути въ Иерусалимъ получило особенно важное значеніе потому, что оно, какъ мы уже замѣтили, совпало съ другими весьма важными историческими со-

¹⁾ Свѣдѣнія о сношеніяхъ преосв. Кирилла съ греческою іерархіею въ Константинополѣ на рождественскихъ праздникахъ 1857 г. заимствованы преимущественно изъ записки, представленной Бутевымъ въ Мѣнаст. Иностр. Дѣлъ въ январѣ 1858 г. См. арх. Св. Синода по канцеляріи оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 381.

битіями, отчасти уже совершившимся, а отчасти только подготавливавшимися тогда. Однимъ изъ такихъ событій, и именно послѣдняго рода, былъ т. н. греко-болгарскій споръ, готовившійся тогда, т. е. въ 1857/8 г. къ переходу изъ долготѣней, упорной и настойчивой борьбы къ открытому разрыву между греками и болгарами.

Къ началу сороковыхъ годовъ относится первый актъ греко-болгарской распри. Первоначальныя желанія болгаръ были умѣренны. Болгаре просили только назначить въ болгарскія епархіи архіереевъ болгарскаго происхожденія, чтобы они могли объяснять своимъ насомымъ—болгарамъ христіанскія обязанности ихъ къ Богу, правительству и ближнимъ на понятномъ для нихъ языкѣ. Въ этомъ смыслѣ представители болгарскаго народа подавали просьбы самой константинопольской патриархіи, турецкому правительству и даже самому султану Абдуль-Меджиду во время его путешествія въ 1846 году въ предѣлахъ бывшаго болгарскаго царства. Одинъ только сколько-нибудь важный результатъ имѣла эта первоначальная, сравнительно спокойная борьба между греками и болгарами на почвѣ религіозной. Въ концѣ 1840-хъ годовъ болгарской константинопольской общинѣ разрѣшено было устроить свою церковь въ столицѣ Турецкой имперіи. Церковь эта была, дѣйствительно, устроена въ 1849 году сначала въ частномъ домѣ, а въ 1851 году къ этой церкви былъ рукоположенъ даже особый епископъ славянскаго происхожденія. На этомъ и окончился первый фазисъ греко-болгарской распри.

Крымская война Россіи сначала съ Турціей и потомъ съ западно-европейскими державами на время прекратила церковный споръ между греками и болгарами. И тѣ и другіе съ одинакою напряженнымъ вниманіемъ, хотя, кажется, и съ различными чувствами слѣдили за ходомъ этой борьбы. Болгары возлагали большія надежды на Россію, и, въ случаѣ побѣды ея, ожидали для себя политическаго и духовнаго освобожденія. Наоборотъ, греки, такъ недавно еще освобож-

денные Россією отъ турецкаго ига, со страхомъ представляли себѣ побѣду Россіи, единоплеменницы славянъ, которая могла своимъ вліяніемъ на Востокъ положить непреодолимую преграду ихъ эллинофильскимъ стремленіямъ. Высшая греческая іерархія, начиная съ самого вселенскаго патріарха, открыто заявляла о своихъ совѣмъ недружелюбныхъ чувствахъ въ отношеніи къ Россіи во время крымской войны.

По окончаніи войны, когда ослабло вліяніе Россіи на православномъ Востокѣ и когда, лишившись покровительства Россіи, православные христіане Востока были предоставлены всецѣло самимъ себѣ, борьба между греками и болгарами возобновилась еще съ большею силою. Усиленію греко-болгарской распри въ это время немало содѣйствовала также и инославная пропаганда, для которой вражда между православными національностями Востока была весьма выгодна. Первоначальныя умѣренныя желанія болгаръ теперь уже значительно расширились. Съ изданіемъ гатти-гумалова, болгары получили надежду, что во время общихъ преобразовательныхъ, проектированныхъ въ немъ, будутъ удовлетворены и ихъ стремленія и желанія, и рѣшились энергически искать этого удовлетворенія. Они желали теперь имѣть у себя богослуженіе на славянскомъ языкѣ, высшее духовенство изъ природныхъ болгаръ и представителей изъ своей націи въ патриаршемъ синодѣ и смѣшанномъ совѣтѣ¹⁾.

Въ такомъ именно положеніи находился греко-болгарскій церковный вопросъ, когда преосв. Кирилль прибылъ въ Константинополь на пути въ Іерусалимъ. Должно замѣтить, что наше правительство съ самаго начала слѣдило весьма внимательно за прискорбною распріею между двумя единовѣрными народами православнаго Востока. Оно постоянно старалось вслѣдствіи о томъ, чтобы примирить враждующихъ, и

¹⁾ См. и. Филарета Собраніе мѣтій и описаніе по дѣламъ православи. Церква на Востокѣ. СПб. 1886 г. стр. XVII.

съ этою цѣлю желало имѣть самыя точныя и безпристрастныя свѣдѣнія какъ объ истинныхъ причинахъ, вызвавшихъ споръ между вселенскою патриархіею и болгарами, такъ и о настоящемъ положеніи дѣла²⁾. Между прочимъ, и преосв. Кириллу было поручено, вѣроятно, частнымъ образомъ отъ министерства Иностранныхъ дѣлъ поближе познакомиться съ положеніемъ, въ какомъ находилась греко-болгарская распря, во время пребыванія своего въ Константинополѣ. Дѣйствительно, преосв. Кириллъ принималъ мѣры къ тому, чтобы болѣе или менѣе близко познакомиться съ истиннымъ положеніемъ греко-болгарскаго церковнаго вопроса. Какъ мы уже видѣли, онъ заводилъ рѣчь объ этомъ съ нѣкоторыми изъ греческихъ іерарховъ. Видѣлся онъ также въ Константинополѣ и съ представителями болгарскаго народа.

Результатомъ всего этого было мнѣніе преосв. Кирилла о греко-болгарскомъ церковномъ вопросѣ, изложенное въ особой запискѣ на имя Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Мнѣніе это было не въ пользу болгаръ. Представители болгарскаго народа, являвшіеся къ нему въ Константинополѣ, произвели на него неблагоприятное впечатлѣніе. „Началась бесѣда“,—говорить онъ въ своей, упомянутой нами сейчасъ, запискѣ,—„обычными жалобами и просьбами о помощи. Дѣло дошло до вопроса: въ чемъ же собственно нуждаются и чего хотятъ болгары? Говорятъ, что нужно имъ непременно своихъ архіереевъ. Много ли кандидатовъ? Два: Іоанникій и Иларіонъ. Что могутъ сдѣлать два архіерея въ отношеніи къ 5 милліонамъ народа, безъ помощи приходскаго духовенства, болѣе или менѣе подготовленнаго къ своему дѣлу? Очевидно, ничего. Выходитъ, что нужно еще прежде имѣть

²⁾ Такия свѣдѣнія правительство наше старалось получать преимущественно чрезъ лицъ, служившихъ въ нашихъ миссіяхъ. См. подробности объ этомъ, равно какъ и обстоятельное сужденіе преосв. Теофана (Говорова) о греко-болгарскомъ вопросѣ въ изданномъ нами письмѣ послѣдняго (Трунн. Бюв. дух. Анад. 1896 г. V стр. 33—67).

училища. Отвѣчаютъ, что низшія училища есть и довольно успѣшно распространяютъ грамотность, такъ что почти весь народъ болгарскій—народъ грамотный; остается желать семинарій для духовенства. Совершенно справедливо; но есть ли подготовленные начальники и наставники? Увы! четыре человѣка, научившіеся кое-чему кто въ Россіи, кто въ Германіи, составляютъ слишкомъ скудный и недостаточный запасъ просвѣтителей духовенства. Сами сознаются, что не склеили бы у себя чего-нибудь дѣльваго, а надѣются на патриархію; сами видятъ, что еще не довольно ясно понимаютъ, чего хотятъ, а уже слѣшать просить денегъ у Россіи, и, при случаѣ, готовы роптать на Россію точно также, какъ ропщутъ на грековъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, нѣтъ у этихъ несчастныхъ средоточія заботъ о благѣ отечества. Что болгаринъ, то попечитель общественнаго блага; что лице, получившее нѣкоторую тѣнь образованія, то особая система общественнаго благоустройства, особия мѣры къ обезпеченію блага общества; а въ началѣ всего—своего собственнаго существованія. Немудрено, что, при такомъ порядкѣ вещей, являютъ архіереи-болгары, которые не только скрываютъ, что они болгары, но и положительно забываютъ свой природный языкъ,—бываютъ вельможи, которые вспоминаютъ, что они болгары, только тогда, когда перессорятся съ греками и хотятъ отомстить имъ бурями въ стаканѣ воды. Насколько виноваты въ подобныхъ случаяхъ греки и насколько правы жалующіеся на нихъ,—опредѣлить очень трудно¹⁾.

Такимъ образомъ, преосв. Кириллъ не сочувствовалъ стремленіямъ болгаръ въ томъ видѣ, какъ эти стремленія опредѣлились во время его пребыванія въ Константинополѣ, собственно потому, что признавалъ осуществленіе ихъ совершенно несвоевременнымъ и даже вреднымъ для дѣла самихъ же болгаръ. Онъ признавалъ безусловно необходимымъ пред-

¹⁾ См. записку преосв. Кирилла въ музейной бібліотекѣ Кіев. дух. Анад. подъ значкомъ Муз. Рун. № 406.

варительно возвысить уровень умственного развитія и просвѣщенія болгарскаго народа вообще и, въ частности, болгарскаго духовенства. На эту точку зрѣнія онъ старался поставить, какъ мы знаемъ, и греческихъ іерарховъ, съ которыми приходилось ему бесѣдовать въ Константинополѣ. Но независимо отъ несочувствія болгарскимъ притязаніямъ, какъ несвоевременнымъ, преосв. Кирилль во время пребыванія своего въ Константинополѣ старался показать возможное вниманіе къ здѣшней болгарской общинѣ. Какъ видно изъ письма его къ м. Григорію отъ 26 февраля 1858 года, преосв. Кирилль 27 декабря 1857 года служилъ даже, „къ великой радости болгаръ, въ ихъ скудной, маленькой церкви св. Стефана“¹⁾. Это послѣднее обстоятельство, т. е. служеніе преосв. Кирилла въ болгарской константинопольской церкви вызвало даже недовольство въ греческой іерархіи и, должно согласиться, не несправедливо, если только вѣрно, что преосв. Кирилль служилъ безъ предварительнаго согласія вселенскаго патріарха. Когда 19 мая 1858 г. архим. Порфирій (Успенскій) былъ у патріарха іерусалимскаго, то послѣдній, между прочимъ, сказалъ ему: „соборными правилами и обычаями ограждены права и опредѣлены взаимныя отношенія представителей всѣхъ церквей въ предотвращеніе всякихъ тревогъ и смутъ, какія они могли бы причинять другъ другу, дѣйствуя самовольно. Всѣ мы должны свято соблюдать эти правила и обычай. А вашъ мелитопольскій, при появленіи своемъ между нами, нарушилъ ихъ. Здѣсь (т. е. въ Константинополѣ) не только епископы, но и мы—патріархи не властны отслужить ни одной литургіи, не испросивъ соизволенія на то мѣстнаго архіепископа. Мелитопольскій же служилъ въ здѣшней болгарской церкви безъ спроса, какъ будто пріѣхалъ въ свою епархію. Его святѣйшество (т. е. патріархъ константинопольскій) извинялъ бы такой поступокъ его молодостию

¹⁾ См. письмо въ вышеупомянутыхъ бумагахъ м. Никанора, бывшихъ въ распоряженіи автора.

и неопытностію его, но такъ какъ при немъ находился архимандритъ Григорій Веглерисъ, грекъ и цареградецъ, которому очень хорошо извѣстны здѣшніе обычаи и уставы, то въ поступкѣ, о которомъ я говорю, усмотрѣно было неуваженіе къ преемнику святаго Іоанна Златоустаго,—неуваженіе, собственное людямъ, привыкшимъ дѣйствовать вездѣ по праву сильнаго... Впрочемъ, архимандритъ Григорій извинился предъ Его Святѣйшествомъ вмѣсто мелитопольскаго“¹⁾.

Въ описанныхъ нами выше сношеніяхъ преосв. Кирилла съ представителями высшей греческой іерархіи и болгарской общины въ Константинополѣ время незамѣтно прошло до 10 января 1858 года. Сначала преосв. Кирилль предполагалъ отправиться съ своею миссіею въ дальнѣйшее путешествіе 10 января 1858 года на пароходѣ французскаго общества „Messageries imperiales“. Но свирѣпствовавшая около этого времени, въ теченіе нѣсколькихъ дней, необыкновенно сильная буря, при снѣжной метели и стужѣ, доходившей въ Константинополѣ до 5°, заставила миссію отложить свой отъѣздъ въ Іерусалимъ еще на пять дней.

Эти пять дней были проведены преосв. Кирилломъ не безъ пользы для дѣла его послѣдующаго служенія. Въ это время ему явилась возможность представиться Великому Визирю и Министру Иностранныхъ Дѣлъ Турціи, повидаться съ высшими лицами армяно-григоріанскаго духовенства и утвердить на болѣе прочномъ основаніи духовную связь свою съ патріархами—вселенскимъ и Іерусалимскимъ.

Хотя свиданіе съ турецкими министрами и не входило въ первоначальную программу миссіи преосвященнаго Кирилла и, въ частности, его дѣятельности во время остановки въ турецкой столицѣ, но, при болѣе продолжительномъ его пребываніи здѣсь, оно оказалось весьма умѣстнымъ и по-

¹⁾ См. архим. Порфирій. Второе путешествіе по св. горѣ Афонской. М. 1880 г. стр. 14—15. Сужденіе м. Филарета о семъ см. въ „Собраніи мѣній и о знавоѣ“ его т. дополнит. СПб. 1887 г. стр. 456.

лезнымъ для упроченія, въ глазахъ Порты, уже признаннаго ею офіціального характера нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Общее вниманіе, какое возбудило прибытіе въ Константинополь русскаго епископа съ миссією, его частія поѣздки въ Фанаръ къ патріархамъ и членамъ Синода и посѣщенія ими преосв. Кирилла, служеніе его въ Константинопольской патріархіи и въ болгарской церкви,—все это легко могло возбудить подозрѣніе Порты на счетъ минимолитической цѣли посольства преосв. Кирилла на Востокъ. Въ видахъ предупрежденія подобнхъ неправильныхъ толковъ, русскій посоль въ Константинополь предложилъ преосв. Кириллу представиться лично турецкимъ министрамъ, какое предложеніе онъ и принялъ.

Али-паша (великій визирь) и Фуадъ-паша (министръ иностранныхъ дѣлъ) съ замѣтнымъ удовольствіемъ приняли извѣстіе перваго драгомана русскаго посольства о желаніи преосв. Кирилла видѣться съ ними. Фуадъ-паша, кромѣ того, замѣтилъ, что онъ, будучи неправильно заподозрѣнъ русскимъ правительствомъ во враждебныхъ Россіи дѣйствіяхъ по вопросу о святыхъ мѣстахъ, желаетъ искупить приписанную ему вину всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностію къ русскому епископу.

Фуадъ-паша и былъ сдѣланъ первый визитъ преосв. Кирилломъ 10 января 1858 года, въ сопровожденіи перваго драгомана (Аргрипуло) и секретаря (Новикова) нашего посольства. Въ первую минуту свиданія съ преосв. Кирилломъ, Фуадъ-паша не могъ скрыть благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него благородною наружностію и осанкою начальника русской іерусалимской миссіи. *Comme Votre Evêque a l'air distingué*,—сказалъ онъ вполголоса г. Аргрипуло какъ бы въ невольномъ признаніи. Принявъ преосв. Кирилла не только ласково, но и съ нѣкоторымъ почетомъ, онъ въ дальнѣйшемъ разговорѣ навывалъ его по-французски *mon Seigneur* и *son Eminence* и вообще старался показать всю свойственную ему любезность и остроуміе.

Преосв. Кириллъ, съ своей стороны, выразилъ удовольствіе, что имѣетъ честь познакомиться лично съ его превосходительствомъ и, какъ новый человекъ въ краѣ, просить его покровительства на будущемъ своемъ поприщѣ. Фуадъ-паша отвѣчалъ готовностію отдать себя въ полное распоряженіе преосв. Кирилла и снабдить его теплыми рекомендательными письмами къ іерусалимскому папѣ Суррею, который находился при немъ въ качествѣ секретаря въ бытность его въ Княжествахъ Дунайскихъ въ 1849 г. Преосв. Кириллъ замѣтилъ, что такъ какъ онъ имѣетъ намѣреніе остановиться въ Бейрутѣ на нѣсколько дней, и со-временемъ побывать и въ Дамаскѣ, то ему было бы весьма полезно получить такія же рекомендательныя письма и къ тамошнимъ турецкимъ властямъ. Въ отвѣтъ на это Фуадъ-паша предложилъ ему составить списокъ всѣхъ лицъ, къ которымъ онъ желалъ бы имѣть рекомендательныя письма, обѣщая исполнить всѣ желанія его въ точности. И, дѣйствительно, предъ отъѣдомъ преосв. Кирилла изъ Константинополя, ему присланы были для врученія лично, по принадлежности, письма Фуада, за открытою печатью, къ губернаторамъ Бейрута, Дамаска и Іерусалима.

Подобный же пріемъ встрѣтилъ преосв. Кириллъ и у великаго визиря, хотя, по личному характеру Али-пашы, болѣе скрытному и воздержному, равно какъ и по высокому его положенію въ Портѣ, свиданіе это, по необходимости, отличалось нѣкоторою степенностію въ пріемахъ и этикетѣ. Тѣмъ не менѣе великій визирь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу преосв. Кириллу, посадилъ его возлѣ себя, при прощаніи жалъ ему руку и проводилъ до дверей. Преосв. Кириллъ изъявлялъ и здѣсь чувство искренняго удовольствія по поводу того, что получилъ возможность представиться его свѣтлости и поручить себя его покровительству. Али-паша принялъ эти изъявленія, какъ будто, съ нѣкоторою застѣнчивостію, обѣщалъ сдѣлать все, что только будетъ лично отъ него зависѣть.

Соглашаясь на свиданіа съ турецкими министрами, преосв. Кирилль имѣлъ при этомъ въ виду еще одну важную цѣль: приобрести въ глазахъ высшаго греческаго духовенства на Востокѣ положеніе, по возможности, независимое отъ расположенія этого послѣдняго къ нему. Справедливость подобнаго расчета начала оправдываться, повидному, уже во время пребыванія его въ Константинополь. Посѣщеніе преосв. Кирилломъ Порты возвысило его въ глазахъ патріарховъ и того духовенства, среди котораго онъ призванъ былъ дѣйствовать въ скоромъ будущемъ.

Константинопольскій патріархъ при свиданіи съ преосв. Кирилломъ въ то самое утро, когда онъ долженъ былъ отправиться въ Порту, просилъ его обойти молчаніемъ всѣ довлѣнные ему желанія и стремленія греческаго духовенства, во время происходившихъ объясненій съ ними. Самые турецкіе министры принимали преосвящ. Кирилла, повидному, не какъ простаго преемника бывшему настоятелю негласной въ то время іерусалимской миссіи, дѣятельность в средства существованія котораго находились въ непосредственной зависимости отъ мѣстнаго греческаго духовенства, а какъ самостоятельнаго представителя интересовъ русской церкви и русскаго паломничества на православный Востокъ.

Русское посольство въ Константинополь, съ своей стороны, желало содѣйствовать осуществленію подобнаго самостоятельнаго положенія начальника нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Въ этомъ смислѣ былъ сдѣланъ намекъ іерусалимскому патріарху драгоманомъ посольства г. Мострасомъ въ откровенномъ разговорѣ съ нимъ. Доказывая патріарху необходимость содѣйствовать всячески начальнику русской миссіи въ Іерусалимѣ въ удовлетвореніи всѣхъ его законныхъ нуждъ и требованій, какъ-то: относительно помѣщенія, свободнаго совершенія богослуженія въ свв. мѣстахъ и т. п., драгоманъ отъ себя коснулся слегка возможности, въ случаѣ нужды, потребовать ему отъ Порты официальнаго признанія

за нимъ тѣхъ же самыхъ преимуществъ, какими пользуются въ Іерусалимѣ начальники инославныхъ христіанскихъ миссій. Въ отвѣтъ на это іерусалимскій патріархъ выразилъ теплую готовность установить свои отношенія къ преосв. Кириллу на почвѣ самаго откровеннаго дружества. Онъ спрашивалъ при этомъ у драгомана Мостраса о впечатлѣніи, какое произвелъ на начальника нашей миссіи первый пріемъ его патріархомъ. Драгоманъ отвѣчалъ, что ему самому показалась страшною нѣкоторая холодность патріарха въ отвѣтъ на откровенное и преданное обращеніе преосв. Кирилла къ нему. „Преосв. Кирилль,—замѣтилъ въ концѣ драгоманъ,—былъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что Вы не обмѣнялись съ нимъ братскимъ поцѣлуемъ подобно тому, какъ это сдѣлалъ Вашъ вселенскій собратъ“.

Патріархъ іерусалимскій оправдывался тѣмъ, что, по существующему на Востокѣ обыкновенію, всякій епископъ цѣлуетъ руку у патріарха, и незнаніемъ, что этотъ обычай не принять въ Россіи. Патріархъ, впрочемъ, былъ успокоенъ драгоманомъ, увѣрившимъ его, что, съ каждымъ новымъ свиданіемъ, преосв. Кирилль былъ все болѣе и болѣе доволенъ обращеніемъ съ нимъ Его Блаженства.

Все это подготовило тотъ искренній обмѣнъ взаимныхъ выраженій чувствъ и мыслей между іерусалимскимъ патріархомъ и преосв. Кирилломъ, который (обмѣнъ) послѣдовалъ при прощальномъ свиданіи между ними 14 января 1858 года.

Въ видѣ вступленія въ любопытную бесѣду, во время этого свиданія, іерусалимскій патріархъ сказалъ преосв. Кириллу, что онъ поджидалъ его во все то утро, въ которое онъ ѣздилъ въ Порту, и хотя былъ боленъ, но приказалъ принимать, изъ всѣхъ посѣтителей, только его, имѣя нужду переговорить съ нимъ наединѣ. Затѣмъ патріархъ выразилъ сожалѣніе по поводу скорого отъѣзда преосв. Кирилла, такъ какъ это помѣшаетъ ему отпраздновать, вмѣстѣ съ двумя патріархами, ихъ общія именины на праздникъ св. Кирилла іерусалимскаго 18 января. „Мы на-

дѣялись“,—сказалъ онъ,—„что три Кирилла соединятся въ этотъ день въ духовномъ общеніи любви и мира. Я радъ, что вижу Васъ, такъ какъ могу Вамъ сказать теперь отъ души, что я вполне довѣряю Вамъ“. „А я,—отвѣчалъ ему преосвященный Кирилла,—„счастливъ, что слышу отъ Васъ такое признаніе. Я боялся болѣе всего отсутствія довѣрія и искренности со стороны Вашего Блаженства, безъ чего труды мои въ Іерусалимѣ остались бы тщетными. Для этого я, съ перваго же свиданія съ Вами, старался внести въ мои отношенія въ Вамъ всю возможную искренность и прямоту. Признаюсь откровенно, что если бы я не удостоился этого взаимнаго довѣрія, столь существенно необходимаго для достиженія общей нашей цѣли на пользу православія, то, не имѣя никакихъ тайныхъ побужденій къ пребыванію во св. градѣ, я просилъ бы свое правительство вызвать меня отсюда, какъ бесполезнаго дѣятеля“. „Я былъ нѣсколько предубѣжденъ противъ Васъ“, отвѣчалъ на это патріархъ. „Архимандритъ Григорій (Веглерсъ) первый выставилъ предо мною Вашу личность съ самой выгодной стороны. Теперь же, повторю Вамъ, что мнѣ не нужно посредниковъ, чтобы увѣриться въ прямоту Вашему, я читаю его въ Вашемъ свѣтломъ взорѣ“.

Дальнѣйшій разговоръ соотвѣтствовалъ началу. При прежнихъ свиданіяхъ, замѣтно было стремленіе патріарха поставить преосв. Кирилла, какъ вачальника нашей іерусалимской миссіи, въ полную зависимость отъ произвола святогробскаго духовенства; стѣснить свободу дѣйствій его цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ условій; извинить заранее всякую вольную и невольную ошибку патріаршихъ намѣстниковъ въ отношеніи къ миссіи невѣжествомъ, грубостью, незнаемъ приличій. Теперь патріархъ просилъ преосв. Кирилла обращаться съ полнымъ довѣремъ къ его намѣстникамъ во всякой нуждѣ общал немедленное удовлетвореніе, но мѣрѣ силъ, для чего даны были уже имъ, по его словамъ, самыя точныя прика-

занія. Съ этою же цѣлю патріархъ вручилъ преосв. Кириллу открытое письмо къ своему эпитропу въ Іерусалимѣ, исполненное самой отеческой заботливости о нашей миссіи. Кротость и благодушіе преосв. Кирилла выставлялись въ этомъ письмѣ наравнѣ съ отличнымъ умомъ и ученостію и высокимъ довѣремъ, какимъ онъ обличенъ былъ отъ лица русской церкви. Приобрѣсти его благорасположеніе, во всемъ угождать ему,—писалъ патріархъ,—вотъ лучшее средство исполнить долгъ благодарности въ отношеніи къ русской церкви, издревле намъ благодѣтельствовавшей и не перестающей и нынѣ приходить къ намъ на помощь.

Во время продолженія бесѣды патріархъ іерусалимскій коснулся вопроса о необходимости теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, имѣть русскаго консула въ Іерусалимѣ. „Я и прежде“,—говорилъ онъ,—„просилъ о томъ русское правительство чрезъ здѣшнее посольство, не изъ личныхъ цѣлей и прихоти, а единственно изъ уваженія къ чести русскаго имени и ради пользы церкви православной. Въ бытность мою въ Іерусалимѣ, мнѣ бывало прискорбно видѣть, что христіане всѣхъ другихъ исповѣданій собирались въ храмъ, имѣя во главѣ своихъ официальныхъ представителей, и только одна православная община была лишена этого счастья. Сверхъ того, Вы увидите, какъ тяжело будетъ Вамъ заниматься полицейскимъ надзоромъ за всеми поклонниками“.

Патріархъ предлагалъ для этого поста русскаго вице-консула въ Іѳфѣ г. Марабутти, о которомъ отзывался, какъ о человѣкѣ не только усердномъ и распорядительномъ, но и пользующемся общимъ уваженіемъ по уживчивому своему характеру и умѣнью ладить со всѣмъ.

Вселенскій патріархъ, съ которымъ преосв. Кирилла видѣлся въ послѣдній разъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Константинополя, провожалъ его, повидимому, съ искреннимъ сожалѣніемъ. Сожалѣніе это относилось столько же къ личности преосв. Кирилла, который сумѣлъ снискать любовь и

уваженіе всѣхъ членовъ Синода своею обходительностію и вниманіемъ къ нимъ, сколько и къ офіціальному положенію его, какъ посредника между восточною и русскою православными церквами. Эта мысль о необходимости имѣть при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ духовное лице для живыхъ сношеній чрезъ него между русскою и греческою церквами, повидимому, ни на минуту не оставляла вселенскаго патріарха. Временное пребываніе преосв. Кирилла въ Константинополѣ значительно оживило сношенія наши съ греческою церковью и, по мнѣнію самого русскаго посланника въ Константинополѣ, представило греческой іерархіи естественный поводъ для частыхъ свиданій и довѣренныхъ объясненій съ представителями русской церкви и правительства безъ всякихъ опасеній со стороны Порты, а русскимъ дало возможность сдѣлать болѣе основательную и снисходительную оцѣнку нуждъ и печальнаго положенія греческой церкви. Отъѣздъ преосв. Кирилла прерывалъ начавшееся, при столь благопріятныхъ условіяхъ, и подававшее добрыя надежды въ будущемъ, сближеніе обѣихъ церквей. Вотъ почему въ особености вселенскій патріархъ сожалѣлъ объ отъѣздѣ преосв. Кирилла и выражалъ это сожалѣніе съ трогательнымъ чувствомъ, въ искренности котораго невозможно было сомнѣваться.

Преосв. Кирилль, съ своей стороны, старался успокоить вселенскаго патріарха и предлагалъ ему въ посредники между единовѣрными церквами будущаго настоятеля русской посольской церкви въ Константинополѣ¹⁾. Вселенскій патрі-

¹⁾ Такимъ настоятелемъ константинопольской русской посольской церкви былъ назначенъ востокъ архим. Петръ (Троицкій), магистръ VII курса Кіев. дух. Акад., съ 1853 г. инспекторъ Кіевск. вкад., съ 1855 г. ректоръ Кіевск. сем.; съ 1858 г. г. настоятель посольской русской церкви въ Константинополѣ, съ 1860 г. — въ Аѳонахъ; съ 29 мая 1869 г. январій кишинев. епархіи, епископъ акерманскій † 10 окт. 1873 г. См. о немъ собраніе мѣстныхъ и отрывковъ м. Филарета по дѣламъ прав. дорки, на Востокѣ. СПб. 1886 г., стр. 8, прим. 3. Ср. у Строева. Списки іерарховъ. Стр. 554.

архъ отвѣчалъ на это, что довѣріе дается не вдругъ, и что онъ желалъ бы, поэтому, въ важныхъ дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ готовилось тогда въ церкви, испрашивать письменно совѣтовъ и мнѣній преосв. Кирилла чрезъ довѣренныхъ людей, а не чрезъ посредство митрополитовъ его синода, такъ какъ онъ боится, оказавъ предпочтеніе одному изъ нихъ, возбудить зависть и недоброжелательство прочихъ. Прощаясь съ преосв. Кирилломъ, вселенскій патріархъ упросилъ его принять на память изданный въ Аѳонахъ Катихизисъ греческой церкви. „Самая книга“, — сказалъ онъ при этомъ, — „будетъ вамъ напоминать обо мнѣ; а о содержаніи ея я буду ожидать вашего просвѣщеннаго мнѣнія“.

Преосв. Кирилль, предъ отъѣздомъ изъ Константинополя въ Іерусалимъ, посѣтилъ еще разъ нѣкоторыхъ изъ членовъ константинопольскаго патріаршаго синода. У одного изъ нихъ (дерконскаго митрополита) онъ видѣлъ новаго филиппопольскаго епископа, переведеннаго туда изъ Смирны на смѣну бывшаго митрополита Хрисанова. Къ удивленію преосв. Кирилла, этотъ епископъ, пользовавшійся среди греческаго духовенства славою образованнаго и даже ученаго архипастыря, выражалъ самыя гуманныя воззрѣнія на греко-болгарскій вопросъ и объяснилъ преосвященному Кириллу, что онъ нарочито рѣшилъ продлить время своего пребыванія въ Константинополѣ для того, чтобы хоть сколько-нибудь научиться славянскому языку, знаніе котораго онъ считалъ необходимымъ для добросовѣстнаго исполненія своихъ новыхъ обязанностей. „Если бы такъ разсуждали и такъ дѣлали всѣ греческіе архіереи, пославшіеся въ болгарскія епархіи“, — замѣчаетъ по этому поводу преосв. Кирилль, — „то греко-болгарскій вопросъ рѣшился бы скоро и просто“.

Въ послѣдніе же дни своего пребыванія въ Константинополѣ преосв. Кирилль познакомился съ представителями армяно-григоріанскаго духовенства, имѣя въ виду, разумѣется, необходимость въ будущемъ имѣть дѣло съ этимъ духо-

венствомъ. Тоговременный константинопольскій армяно-григоріанскій патріархъ—Аюбъ незадолго предъ тѣмъ, по преклонности лѣтъ, былъ устраненъ отъ управленія церковью и отъ іерусалимскаго армянскаго патріарха былъ присланъ вмѣсто блюстителя константинопольскаго престола епископъ Давидъ, одинъ изъ умѣйшихъ и образованнѣйшихъ членовъ армянскаго духовенства, считавшійся въ то время наиболѣе достойнымъ кандидатомъ на эчміадзинскій престолъ. Узнавъ о прибытіи въ Константинополь начальника іерусалимской русской духовной миссіи, онъ предупредилъ его своимъ посѣщеніемъ. Поэтому, преосв. Кирилль считалъ своею обязанностію отплатить ему за эту любезность отвѣтнымъ посѣщеніемъ, что и сдѣлалъ за нѣсколько дней до своего отъезда изъ Константинополя. Свиданіе преосв. Кирилла съ армянскимъ епископомъ Давидомъ весьма любопытно въ подробностяхъ своихъ, какъ несомнѣнное доказательство той искренней преданности, какую армяно-григоріанская церковь и община не переставали оказывать Россіи. Епископъ Давидъ отъ лица всего армянскаго народа свидѣтельствовалъ предъ преосв. Кирилломъ о живомъ чувствѣ преданности, желаніи счастья и славы Россіи, прибавивъ, что армяне дорожатъ союзомъ и расположеніемъ русской державы и церкви и доказали это своимъ поведеніемъ во время минувшей войны. Не ограничившись, впрочемъ, одними словесными увѣреніями, епископъ Давидъ вручилъ преосв. Кириллу напутственное письмо къ іерусалимскому армянскому патріарху отъ имени и за подписями главныхъ старѣйшинъ константинопольскаго армянскаго населенія. Въ этомъ письмѣ русская духовная миссія поручалась особенному попеченію іерусалимскаго духовнаго главы армянскаго народа съ просьбою отдать въ распоряженіе начальника русской миссіи, на первыхъ порахъ его пребыванія въ Іерусалимѣ, если только онъ пожелаетъ того, свободную квартиру въ патріархѣ съ прислугою, пищею и всякими другими удобствами.

Преосв. Кирилль выразилъ желаніе видѣть армянскую церковь въ Константинополѣ. Желаніе его было немедленно исполнено съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ былъ введенъ въ церковь съ торжествомъ, въ сопровожденіи пѣвчихъ, бывшихъ въ діакопскихъ облаченіяхъ и со свѣчами въ рукахъ, при стройномъ пѣніи молитвъ о благосостояніи церкви, при чемъ это пѣніе, такъ отличное своею гармоніею отъ рѣзкой нестройности греческихъ хоровъ, напомнило русскимъ слушателямъ духовную музыку нашихъ концертовъ. Преосв. Кирилль былъ возведенъ на ступени алтаря, устроеннаго по армянскому обыкновенію, на возвышеніи, безъ иконостаса, и посаженъ возлѣ престола, въ виду собравшагося народа¹⁾. Въ знакъ духовнаго единенія обѣихъ церквей—русской и армянской, епископъ Давидъ просилъ преосв. Кирилла прочитать въ ихъ храмѣ предъ престоломъ какую-нибудь молитву и затѣмъ благословить народъ. Охотно исполняя это желаніе, преосв. Кирилль выбралъ съ намѣреніемъ и прочиталъ тропарь и кондакъ Троицына дня, ясно выражающіе всемірный характеръ христіанской проповѣди и заканчивающіеся призваніемъ всѣхъ къ церковному единенію. Подъ архипастырскимъ благословеніемъ русскаго епископа всѣ присутствовавшіе міряне благоговѣнно преклонили головы и, когда онъ подходилъ по церкви, бросались цѣловать его руки и одежду²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о дальнѣйшемъ путешествіи преосв. Кирилла къ мѣсту его служенія, мы остановимся здѣсь на минуту для того, чтобы бросить общій взглядъ на результаты сравнительно продолжительнаго пребыванія его въ Константинополѣ. Пребываніе это сопровож-

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію. Духовн. Вѣста 1858 г. № 19 стр. 247—248.

²⁾ Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ пребыванія преосв. Кирилла въ Константинополѣ заимствованы нами преимущественно изъ записки посла Бутенева, представленной имъ въ Министерство Иностраннѣхъ Дѣлъ въ февралѣ 1858 г. См. арх. Св. Синода по канцеляріи оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 381.

далось многими положительными результатами. Важнѣйшимъ изъ нихъ безспорно должно быть признано то, что за время своего пребыванія въ Константинополѣ преосв. Кирилль въ достаточной степени успѣлъ познакомиться съ общимъ состояніемъ православно-христіанской церкви на Востокаѣ. Это обстоятельство имѣло важное значеніе для него, такъ какъ дало ему возможность ориентироваться въ своемъ новомъ положеніи начальника іерусалимской миссіи, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ своего служенія на Востокаѣ. Съ другой стороны, отчасти черезъ русское посольство и отчасти путемъ непосредственныхъ сношеній съ іерусалимскимъ патриархомъ, преосв. Кирилль успѣлъ за это время болѣе или менѣе достаточно познакомиться съ тою средою, въ которой ему предстояло служить и дѣйствовать. Самъ преосв. Кирилль о результатахъ своего пребыванія въ Константинополѣ въ письмѣ къ петербургскому митрополиту Григорію говоритъ такъ: „по милости Божіей, дивно хранившей доселѣ миссію, мы достигли, по крайней мѣрѣ, слѣдующаго: 1) патриархъ вселенскій и синодъ его возымѣли полное довѣріе ко мнѣ и живое желаніе, чтобы сношенія ихъ съ Св. Синодомъ все-россійскимъ, измѣнивъ характеръ разнѣна только однихъ вѣжливостей, сдѣлались постояннѣе, откровеннѣе и серьезнѣе. Они съ радостію готовы были бы принять отъ Св. Синода вызовъ къ разсужденію по поводу обобщенія почитанія святыхъ православной церкви, изъ которыхъ многіе чтутся только въ Россіи, а другіе извѣстны только на Востокаѣ: вопросъ важный, и особенно въ настоящее время; вопросъ чисто церковный. При нѣсколько большей свободѣ въ Іерусалимѣ я долгомъ почту представить Вашему Высокопреосвященству подробнѣйшія свѣдѣнія о моихъ бесѣдахъ касательно этого предмета; 2) патриархъ іерусалимскій, не безъ предубѣжденія смотрѣвшій на новую миссію, въ послѣднее время, какъ кажется, окончателно примирился съ нею. По крайней мѣрѣ, прощаніе ваше было весьма дружелюбно, и послѣдняя бе-

сѣда была преисполнена теплоты и искренности. Держать уновать, что грозившія мнѣ затрудненія въ Іерусалимѣ нѣсколько ослаблены и облегчены; 3) сношенія мои съ патриархією армянскою, питавшею расположеніе къ русскимъ, видимо, скрѣпили эту связь; 4) знакомство мое и свиданіе съ турецкимъ великимъ визиремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, снабдившими меня рекомендательными письмами, произвело въ разныхъ кружкахъ болѣе или менѣе близкихъ къ намъ, впечатлѣніе, благопріятствующее утвержденію самостоятельности миссіи. Сближеніе съ арабами и славянами послужило къ ободренію тѣхъ и другихъ“¹⁾.

Преосв. Кирилль съ миссією своею оставилъ Константинополь 15 января 1858 года. Русское Посольство, полюбившее начальника іерусалимской миссіи, устроило ему и его миссіи самые радужные и торжественные проводы²⁾.

Подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ путешествіи іерусалимской миссіи, продолжавшемся 2 недѣли, сообщаетъ самъ преосв. Кирилль въ письмахъ своихъ къ м. Григорію и петербургскимъ своимъ роднымъ.

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію отъ 15 января 1858 г. № 35 въ бумагахъ м. Никанора, вышеупомянутыхъ нами.

²⁾ Объ этомъ говоритъ самъ преосв. Кирилль въ письмѣ къ своимъ роднымъ отъ 12 февраля 1858 г. изъ Іерусалима. „Посольство привязалось ко мнѣ“, — пишетъ онъ, — „какъ я не ожидалъ. Не осталось человѣка, который бы не старался быть поближе со мною и чѣмъ-нибудь или какъ-нибудь выразить свою любовь и вниманіе; кажется, я писалъ кому-то, что посланникъ выразился нѣсколько Лениноу: „вашего преосвященнаго какъ увидишь, захочешь поговорить съ нимъ; поговоришь, не можешь не полюбить“... Въ день отъѣзда, все семейство посланника и всѣ члены посольства собрались въ церковь молиться за насъ Богу. Послѣ молебна слѣдовало трогательное прощаніе по безъ слезъ. Всѣ чины проводили меня до берега; тутъ опять прощались. Добрые люди. И неловкѣнное шествіе! (Востокъ вообще любитъ церемоніи). Впереди нѣсколько кавасовъ; дальше члены моей миссіи; я въ среднѣхъ, вѣдочный двуля кавасами: правда, и нужно было поддерживать, — снѣгъ замерзъ и было скользко; дальше члены посольства и среди нихъ, для помны, носилки для меня... Добродушныя тѣрки раздвигали рты и поднимали руки отъ сердца ко лбу: знавъ уваженія, благодарности и прочихъ благонаивнѣйшихъ чувствъ“...

„Путь изъ Константинополя“,—пишетъ онъ въ письмѣ къ м. Григорію отъ 26 декабря 1858 года,—„мы совершили такъ же благополучно, какъ и до Константинополя. Бури, на которыя была очень щедро выпѣшная суровая зима, какой не запомнятъ на Востокѣ, предшествовали намъ и слѣдовали за нами, но насъ, по милости Божіей, мпновали. Была только одна бурная ночь, въ продолженіе которой почти непрерывно насъ качало ко всѣмъ сторонамъ такъ, что на палубѣ и въ каютахъ непрестанно слышался стукъ перекачивавшихся съ мѣста на мѣсто вещей, не привыченныя къ стѣнамъ или къ полу: это было между Кипромъ и Бейрутомъ. Но благодареніе Господу, в качка этой ночи на меня не имѣла большаго дѣйствія, и изъ другихъ членовъ миссін въ весьма немногихъ произвела морскую болѣзнь, или въ некоторый страхъ. Эта великая милость къ намъ Божія пролагала путь другой милости, другому великому утѣшенію. Приѣзжая къ мѣстамъ остановокъ совершенно здоровыми и бодрыми, мы имѣли возможность удовлетворить желанію здѣшнихъ христіанъ и потребности своихъ душъ совершеніемъ священнодѣйствія въ здѣшнихъ православныхъ храмахъ“¹⁾).

Первая станція на пути изъ Константинополя до Іерусалима была въ Смирнѣ. Накапунѣ приѣзда туда, съ острова Митилены прибылъ на пароходѣ преосв. Кириллъ, командированный для встрѣчи русской миссін въ Смирнѣ, такъ какъ митрополитъ смирскій, видѣвшійся съ начальникомъ нашей миссін къ Константинополѣ, не успѣлъ еще прибыть въ свою епархію. Въ патріаршую гостиницу и въ митрополитчій домъ для привѣтствія русской миссін собралось почти все православное население Смирны. Смирнскіе граждане упростили преосв. Кирилла отслужить у нихъ литургію²⁾.

¹⁾ См. письмо это въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовн. Вѣстѣхъ 1858 г. № 19.

²⁾ На основаніи письма преосв. Кирилла къ своимъ роднымъ петербургскимъ отъ 12 февраля 1858 года изъ Іерусалима.

„Въ первый разъ, во время морского путешествія изъ Константинополя въ Іерусалимъ“,—рассказываетъ преосв. Кириллъ объ этомъ служеніи въ своемъ письмѣ къ м. Григорію,—„служилъ я въ Смирнѣ, въ церкви св. Фотиніи, при которой, мимоходомъ замѣтить, выстроена повал, первая на Востокѣ, прекраснѣйшей архитектуры колокольня. Это было 18 января въ день памяти святителей александрійскихъ Афанасія и Кирилла и день тезоименитства святѣйшаго патріарха вселенскаго и блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго: по замѣчательному стеченію обстоятельствъ, и преосвященный епископъ, кажется, острова Паргоса, вызванный въ Смирну для моего приѣма, называется Кирилломъ же и 18 числа правдновалъ день своего ангела. Православные жители Смирны, видимо, обрадованные нашимъ прибытіемъ, настоятельно просили меня совершить литургію. Я не имѣлъ причинъ отказать. Всенощную отпѣли на пароходѣ. Утромъ, въ 8 ч. отправились на берегъ, покрытый сплошною массою народа. Дворъ митрополитчій, колокольня, храмъ и въ храмѣ каждый уголокъ, всякая колонна, все было покрыто народомъ. Надобно было видѣть петербургіе, съ какою каждымъ слѣшилъ принять благословеніе, или поцѣловать хоть край рукава ризы и полы мантии моей; надобно было видѣть радость, съ какою вся эта масса принимала общее благословеніе, когда я, поднявшись на лѣстницу и террасу митрополитчьяго дома, преподавалъ благословеніе; надобно было видѣть восторгъ, съ какою народъ провожалъ меня до моей шлюпки, безпрестанно повторяя, что это для него пасха. Для меня это уже былъ не первый опытъ. Я видѣлъ слезы радости, съ какими смотрѣли на насъ въ Константинополѣ, во время служенія, въ сонмѣ 14 архіереевъ, съ святѣйшимъ патріархомъ въ праздники Рождества Христова; я былъ свидѣтелемъ трогательнаго торжества болгаръ, когда служилъ въ ихъ скудной, маленькой церкви св. Стефана 27 декабря прошлаго года. Но и на этотъ разъ, какъ и послѣ, еще невозможно было совершить службу

безъ особеннаго умиленія; нельзя было не растрогаться, смотря на непритворныя выраженія живой любви о Господѣ, связующей между собою чадь единой истинной церкви Вожіей, церкви пранославной“¹⁾.

Отъ Смирны до Родоса миссія проѣхала, во выраженію преосв. Кирилла, „прелестно“²⁾. У острова Родоса пароходъ стоялъ цѣлые сутки; у Кипра тоже была 12-часовая остановка днемъ. Ни въ Родосѣ, ни въ Кипрѣ никто изъ членовъ русской миссіи не сходилъ на берегъ, хотя преосвященный родосскій посѣщалъ русскую миссію и приглашалъ въ свой городъ³⁾. Но,—пишетъ преосв. Кирилль м. Григорію,— „на мой взглядъ не оказывалось особенной нужды въ посѣщеніи города; напротивъ, не принося существенной пользы, оно могло бы только раздражить враговъ православія, которые весьма неравнодушно смотрѣли на насъ и, слѣдя шагъ за шагомъ за нами, весьма неравнодушно выражаются о насъ въ газетахъ, хотя и не имѣютъ ничего, что могли бы поставить намъ въ упрекъ“⁴⁾. На пути отъ Кипра до Бейрута пароходъ, на которомъ ѣхала миссія, долженъ былъ выдержать сильный штормъ. „Ночь“,—писалъ преосв. Кирилль своимъ роднымъ,— „была страшная“⁵⁾. Въ Бейрутѣ миссія позволила себѣ сдѣлать небольшой отдыхъ за время сравнительно продолжительнаго своего морскаго путешествія. „На берегъ я вышелъ“,—пишетъ преосв. Кирилль м. Григорію,— „только въ Бейрутѣ, гдѣ мнѣ необходимо было видѣться съ консуломъ и гдѣ первоначально предполагалось сдѣлать мнѣ нѣсколько болѣе продолжительную остановку, хотя впоследствии обстоятельства

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовн. Вѣстѣ 1858 г. № 19.

²⁾ На основаніи письма преосв. Кирилла къ петербургскимъ роднымъ его отъ 12 февр. 1858 г.

³⁾ На основаніи того же письма.

⁴⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовн. Вѣстѣ 1858 г. № 19.

⁵⁾ На основаніи письма отъ 12 февраля 1858 г.

времени и совѣтъ блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго и измѣнили первоначальныя предположенія. Здѣсь-то Господь сподобялъ меня совершить литургію, вторую во время моего морскаго путешествія, 26 января. Преосвященный бейрутскій, добрѣйшій старецъ самъ по себѣ, тронутый въ особенности моимъ вниманіемъ, тѣмъ, что я предупредилъ его, поспѣшивъ къ нему тотчасъ по прибытіи въ Бейрутъ, просилъ меня отслужить на другой день вмѣстѣ съ нимъ. Собраніе народа, усердіе молящихся и жажда принять благословеніе отъ русскаго архіерея были и здѣсь такъ похожи на то, что видѣлось въ Смирнѣ. Народъ провожалъ меня до моей квартиры, приготовленной въ домѣ одного изъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ гражданъ: вмѣстѣ съ народомъ приняли отъ меня благословеніе и два маронитскихъ священника и притомъ весьма благоговѣнно, что очень порадовало здѣшнихъ православныхъ. Въ тотъ же день меня пригласили на экзамень въ мѣстную народную школу, въ которой обучаются дѣти мѣстныхъ арабовъ—православныхъ,—ихъ больше всего (10: 3: 1),—латинны и магометане. Экзамень произвелъ на меня весьма разнообразныя впечатлѣнія. Дѣти вообще удивительно способны въ противность увѣреніямъ враговъ населенія восточнаго. Но, къ крайнему прискорбію, прекрасная почва эта попала въ руки чуждыхъ дѣлателей. Учитель въ школѣ—маронитъ; главный предметъ преподаванія—французскій языкъ, дѣлающій изумительныя успѣхи на Востоку“¹⁾.

При обсужденіи въ Россіи маршрута путешествія іерусалимской миссіи на Востокъ въ числѣ пунктовъ, которые миссія должна была посѣтить, на пути въ Іерусалимъ, намѣчался, между прочимъ, и Дамаскъ. Находили необходимымъ, чтобы, познакомившись въ Царьградѣ съ двумя восточными патріархами—вселенскимъ и іерусалимскимъ, преосв. Кирилль

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовн. Вѣстѣ 1858 г. № 19.

посѣтилъ въ Дамаскъ и третьяго патріарха—антіохійскаго, тѣмъ болѣе, что съ нимъ начальникъ нашей миссіи долженъ былъ имѣть дѣло впоследствии. Однакоже нѣкоторые обстоятельства и условія, выяснившіяся позже, заставили преосв. Кирилла отступить отъ заранѣе намѣченной программы путешествія. „Путешествіе изъ Бейрута въ Дамаскъ, предполагавшееся при моемъ отправленіи на Востокъ“,—пишетъ преосв. Кириллъ м. Григорію,—„еще въ Константинополѣ возбуждало противъ себя возраженія со стороны патріарха іерусалимскаго, который выразилъ опасеніе, что уклоненіе мое съ прямого пути изъ Царьграда въ Іерусалимъ для свиданія съ третьимъ патріархомъ, послѣ свиданія съ двумя въ Стамбулѣ, могло бы возбудить неосновательныя подозрѣнія съ разныхъ сторонъ. По прибытіи въ Бейрутъ, я узналъ, что это путешествіе было въ то время и невозможно потому, что въ горахъ выпалъ снѣгъ, какого не запомнятъ съ 1812 года. Путешествіе, по симъ причинамъ, отложено до времени послѣ Пасхи, когда предполагаю проѣхать въ Бейрутъ, гдѣ будетъ и патріархъ антіохійскій, а потомъ уже къ Дамаскъ и нѣкоторые его окрестности, * хотя очень немногія потому, что благоразуміе, наконецъ, требуетъ нѣкоторой осторожности въ отношеніи къ личному моему посѣщенію здѣшнихъ мѣстностей и селеній, слишкомъ уже сильно сочувствующихъ русскому архіерею и слишкомъ много возлагающихъ на насъ надеждъ. Всему будетъ время; всему должна быть мѣра. На первый разъ я не разсудилъ оставаться долго и въ Бейрутѣ, хотя консулъ и уговаривалъ и даже устрашалъ трудностію пути послѣ недавнихъ бурь.

Съ упованіемъ на милость Божию, 27 числа вечеромъ пустились мы въ послѣдній переѣздъ отъ Бейрута до Яффы, требовавшій 12 часовъ. Море было очень тихо и пристань, часто вовсе неприступная, чего и на этотъ разъ опасались, ровна и гладка, какъ стекло. По милости блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго, въ Яффѣ приготовленъ уже

былъ намъ пріютъ¹⁾ и столъ; патріархъ армянскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и армянскіе монахи встрѣтили насъ; народъ православный ждалъ уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ нашего прибытія. Отраднo и умилительно такое сочувствіе, хотя мнѣ собственно и не легко потому, что прямо съ дороги я долженъ былъ начать пріемъ посѣтителей, постоянно смѣнявшихъ другъ друга съ утра до ночи впродолженіе двухъ съ половиною дней, прожитыхъ мною въ Яффѣ. Сколько радости выражено, сколько жалобъ и просьбъ, и надеждъ высказано было мнѣ въ эти два дня! Бѣдные, брошенные люди рады были отвести душу, и старики съ дѣтскою простотою спѣшили говорить за всѣхъ, приходя ко мнѣ по нѣскольку разъ. Утѣшительно, что ни безчеловѣчное коварство враговъ, ни холодная безчувственность и безжалостность своихъ не поколебали въ этомъ терпѣливомъ и кроткомъ стадѣ Христовомъ любви къ православію и церкви. Умилительно было смотрѣть на собраніе православныхъ въ храмѣ 30 января въ день памяти трехъ вселенскихъ учителей и святителей, когда литургію совершалъ одинъ изъ моихъ іеромонаховъ, а я, по усиленному прошенію жителей, стоялъ обѣдно среди народа, на архіерейской кафедрѣ, принимая, по здѣшнему обычаю, участіе въ священнодѣйствіи преподаваніемъ мира, чтеніемъ символа вѣры и молитвы Господней, и раздаяніемъ антидора. Невозможно описать радость, съ какою обращены были на меня взоры православныхъ здѣшнихъ, всѣхъ отъ мала до велика; съ какимъ усердіемъ ловилъ народъ каждый мой поклонъ, чтобы раздѣ-

¹⁾ Объ этомъ пріютѣ преосв. Кириллъ писалъ своимъ роднымъ въ письмѣ 12 февраля 1858 года слѣдующее: „Квартира въ Яффѣ была отвѣдена преосв. Кириллу; домъ съ садомъ. Садъ... вы не можете представить, что такое этотъ садъ, гдѣ я сидѣлъ. Изгородь его—натуральный вавтусъ—въ ростъ человека, съ листьями въ три четверти аршина въ длину и въ полъ-аршина въ ширину. Самый садъ весь изъ апельсиновыхъ, лимонныхъ, миндальныхъ, персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ...“

лить его со мною. Это была одна молящаяся семья, въ которой и, хотя и недостойно, занималъ мѣсто отца; и умиленна была молитва этой семьи“¹⁾).

Съ прибытіемъ въ Яффу, окончилось морское путешествіе нашей миссіи. Путешествіе это и само по себѣ и вслѣдствіе непривычки къ нему преосв. Кирилла значительно утомило этого послѣдняго. Но утомленный тѣломъ, съ спокойнымъ, повидимому, духомъ вступалъ преосв. Кирилла въ поцву святой земли и готовъ былъ совершить послѣдній свой переѣздъ до Іерусалима. „Морской путь свой кончилъ я 28 января, прибывъ утромъ въ Яффу“, писалъ онъ 1 марта 1858 года преосв. Макарію. „Ужась, какое разстояніе, какъ подумаешь о немъ, бывало, въ Петербургѣ. Мнѣ не казалось этого, когда, стоя на террасѣ монастырской, подъ стѣною которой море хлещетъ и катитъ волны свои въ необозримую даль, я смотрѣлъ на море въ прекрасную лунную ночь и въ теплый свѣтлый полдень. Такъ ли ужъ сильны впечатлѣнія прежней жизни, такъ ли ужъ легокъ и улаженъ былъ для меня, особенною милостію Божіею, сложный и разнообразный путь мой, что впечатлѣнія долгаго путешествія не вытѣснили изъ души круга дорогихъ обличій и воспоминаній... хлопоты переѣзда и такъ называемаго водворенія (къ моему постоянному двору слово это очень идетъ) въ Іерусалимѣ сокращаютъ немощко и эти пять недѣль“²⁾).

О послѣднемъ своемъ переѣздѣ изъ Яффы до Іерусалима и прибытіи въ св. градъ преосв. Кирилла очень подробно говоритъ въ своемъ письмѣ къ м. Григорію отъ 26 февраля 1858 года. „30 января, въ часъ по полудни“,—пишетъ онъ здѣсь,—„пустились мы, въ сопровожденіи генеральнаго нашего консула и консула яффскаго, греческихъ и армянскихъ монаховъ, и нѣкотораго числа нашихъ поклонниковъ, въ послѣдній путь—до Іерусалима. Прекрасный былъ

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора в ъ Духовн. Бесѣдѣ 1858 г. № 19.

²⁾ См. Русск. Стар. 1889 г., т. LXIV декабрь, стр. 799—800.

день! Прекрасная и дорога довела насъ до Ремли (древней Рамы). Непривычный ѣздохъ верхомъ на лошади, я однакожь былъ настолько спокоенъ, что трогательныя библейскія воспоминанія свободно входили въ мою душу и сердце трепетало отъ умиленной радости. Путешествіе продолжалось четыре часа. За часъ до Ремли встрѣтилъ насъ начальникъ города съ своими кавалерами (баши-бузуками), которые гарцовали подъ звуки турецкаго барабана, удивляя странниковъ своею удалію и необыкновенною быстротою и ловкостію своихъ коней. Призваться, это такъ мало подходило къ настроенію моихъ чувствъ и мыслей, такъ болѣзненно дѣйствовало на мои нервы, такъ дурно укладывалось въ моей душѣ съ библейскими воспоминаніями, что слезы наплывали на мои глаза и я, въ собственномъ смыслѣ слова, страдалъ впродолженіи всего этого времени¹⁾. Но надобно цѣвить усердіе и щадить чувства и понятія другихъ, когда ихъ поправить не въ силахъ; надобно было благодарить за оказанное вниманіе, и я благодарилъ несприворно—потому, что, каковъ бы ни былъ образъ выраженія, но усердіе начальника города и свиты его было искренно: они не знали, какъ бы обязать меня больше; секретарь градоначальника упросилъ меня ѣхать на его прекраснѣйшей, не совсѣмъ по сѣдоку, лошади, которой даже не хотѣлъ взять и обратно. Благодарность, конечно, не ограничивалась словами. На Востокѣ слово пролагаетъ только путь даванію. Должно сознаться, что путей этихъ пролагается уже слишкомъ много, несравненно больше того, сколько обыкновенно предполагается при снаряженіи подобныхъ намъ путешественниковъ. Изъ Ремли, куда іерусалимскій паша выслалъ агу съ десяткомъ своихъ кавалеровъ, патріархія—архимандрита съ своими монахами и армянскій патріархъ также архимандрита съ братіею, выѣхали мы въ 6 ч. у. 31 января. Въ пять съ половиною часовъ вечера въ тотъ же день, послѣ

¹⁾ Ср. письмо преосв. Кирилла къ м. Макарію Вулгакову. Тамъ же стр. 800.

двух непродолжительныхъ остановокъ, прибыли мы въ св. Іерусалимъ, благополучно окончивъ (всѣ, кромѣ только о. Іеромонаха Ювеналія, за три часа до Іерусалима упавшаго вмѣстѣ съ лошадью на одномъ очень крутомъ подъемѣ и ушибшаго себя ногу, хотя и не крайне опасно) трехмѣсячное странствование въ самое дурное время года.

Что сказать объ этомъ послѣднемъ путешествіи? Трудно пайти въ русскомъ языкѣ слова, которыми бы можно было назвать то, что здѣсь называется дорогою въ Іерусалимъ, особенно начиная съ трехъ часовъ отъ Ремля¹⁾, трудно было бы и красками изобразить эти уступы между постоянно возрастающими горами, сложенными изъ камней, одинъ слой на другомъ, выдающихся уступами, подобно ребрамъ остова какого нибудь великана; эту лѣстницу, образованную самою природою изъ выдающихся камней, на которые лошадь должна взбираться съ крайними усилиями (только здѣшнія лошади и мулы и способны къ этому), осторожно выбирая мѣстечко, гдѣ ступить ногою, между обсыпавшимися обломками камней; эти скользящія тропинки, теряющіяся въ горахъ, эти неожиданные повороты на окраинѣ ровъ, эти спуски (однѣ въ особенности), какихъ въ Россіи не создастъ самое пугливое и разстроенное воображеніе; и все это тянется непрерывно до самаго Іерусалима; трудно выразить ощущенія непривычнаго странника по такому пути, обяваннаго просидѣть на лошади почти десять часовъ сряду. Къ концу пути замираетъ всякое ощущеніе, и страхъ угрожающихъ на каждомъ шагѣ опасностей, и даже желаніе конца этому путешествію. Можетъ быть, это и хорошо, въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что къ Іерусалиму для новыхъ впечатлѣній привозишь душу свободную отъ всего искусственнаго и своевольнаго, отъ всякой напряженной и насильственно выжатой мысли, отъ всякихъ преднамѣренныхъ пла-

¹⁾ Ср. А. В. Елѣева. Съ русскими паломниками на святой землѣ СПб. 1885 г. стр. 26.

новъ и предначертаній, отъ всякаго произвольно выжатаго изъ сердца чувства. Таково, по крайней мѣрѣ, было состояніе моей души, когда мы приближались къ Іерусалиму. Я уже не имѣлъ способности пересѣсть съ своей лошади на патриаршую, которую послали для меня за часъ пути до Іерусалима; не имѣли возможности разстроить меня, какъ предъ Ремлею, ни турецкій барабанъ и нарядъ турецкихъ кавасовъ, посланныхъ мнѣ на встрѣчу пашею, ни первый обмѣнъ привѣтствій съ духовенствомъ греческимъ и армянскимъ (отъ котораго была даже рѣчь на русскомъ языкѣ), провожавшимъ меня до Іерусалима.

Іерусалимъ открывается глазамъ вдругъ, когда выѣжаешь изъ-за горы. Въ тотъ разъ, когда мы приближались къ нему, было время захода солнца. „Вотъ и Іерусалимъ“, — сказали мнѣ, и солнце, садившееся въ тучахъ, какъ бы нарочно, бросало въ это мгновеніе нѣсколько послѣднихъ лучей, облило розовымъ свѣтомъ сначала гору Елеонскую, видѣвшуюся мнѣ черезъ городъ, потомъ самый городъ, и — скрылось. Невыразимая минута! Дивная минута небесной радости и мира! Какъ будто и не было этой дикой, невообразимой дороги по ступенямъ скалъ и горъ; какъ будто и не было десятичасоваго труда непривычной ѣзды и крайняго изнеможенія силъ отъ непривычнаго и тяжелаго путешествія. Не было мѣста и размысленію. Душа вся вселилась въ очи, а св. Іерусалимъ подавалъ небесный привѣтъ прямо сердцу, и сладостно было сердцу, и молитва сама собой неслась къ св. гробу и выше — къ горнему Іерусалиму, къ Воскресшему изъ гроба.

Не знаю, въ какой степени правы тѣ, которые предварительно рассказывали мнѣ, что Іерусалимъ угрюмъ и мраченъ. Можетъ быть, примѣчу когда-нибудь это. На первый разъ онъ показался мнѣ свѣтелъ, какъ домъ Божій, любезенъ сердцу, какъ отечество. Благословляю Господа, что сподобилъ меня неожиданнаго утѣшенія видѣть св. градъ и Божій гробъ, —

утѣшенія, выше котораго въ жизни можно указать немного.

Стѣны Иерусалима и врата иѳфскія, которыми намъ должно было вступить въ Иерусалимъ, покрыты были народомъ, ждавшимъ уже нѣсколько часовъ прїѣзда русской мисси. Мѣстные греки и арабы, армяне и франки, русскіе и пришельцы всѣхъ странъ мѣшались между собою въ этой массѣ, сложившейся изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и двигавшейся впередъ по мѣрѣ того, какъ мы приближались ко вратамъ. Нѣкоторымъ господамъ было крайне неприятно смотрѣть на нашу поѣздъ, въ которомъ и армяне, съ епископомъ во главѣ, принимали прямое и открытое участіе; можно было отличить ихъ дышавшія любопытствомъ и не очень радостныя лица: ихъ было не такъ много, какъ, можетъ быть, имъ самимъ желалось. За то трудно перечислить тѣхъ, которые, стоя или идя по обѣимъ сторонамъ дороги, умиленно просили и съ жадностію ловили благословеніе отъ русскаго архіерея; трудно описать чувства этихъ тысячъ православныхъ, между которыми у однихъ лились неудержимыя слезы, у другихъ вырывались крики восторга, у иныхъ вырывались трогательныя выраженія благодарности къ Господу, положившему на сердце православнаго царя русскаго послать во св. градъ архіерей русскаго. Я не смѣлъ дѣлать сравненій; можетъ быть, и не могъ дѣлать въ эти минуты; но приходилось не разъ слышать, что многимъ наглядно напоминался входъ Господень въ Иерусалимъ, и, смотря на нашу въѣздъ, какого не припомнятъ самые жители Иерусалима, многіе проливали слезы умиленія.

Во вратахъ св. града насъ огласила громогласная православная пѣсь: „Достойно есть“. Ее пѣли русскіе поклонники, во главѣ которыхъ одинъ русскій іеромонахъ встрѣтилъ меня въ епитрахили и съ крестомъ. Потрясающія минуты! Пѣвчіе наши—поклонники—съ радости не щадили голоса и груди, точно такъ же, какъ другіе не щадили своихъ костей, пробиваясь сквозь сплошную массу ко мнѣ, чтобы хоть прикоснуться къ моей рясѣ. Богородичны оглашали весь путь

отъ вратъ до моей квартиры, гдѣ канасы едва въ состояніи были вырвать меня изъ толпы, готовой, казалось, отъ усердія разорвать меня на части. Свещеникъ съ крестомъ, уже въ фелоні, съ діакономъ въ стихарѣ, а пѣвчіе съ пѣвчими: „Спаси, Господи, люди твоя“ звели меня въ отведенный мнѣ домъ, совершили коротенькую литію и возгласили многолѣтіе Благочестивѣйшему Государю Императору со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ и Святѣйшему правительствующему все-россійскому Синоду. Возвратный путь къ монастырямъ, гдѣ жили, поклонники также оглашали торжественнымъ пѣніемъ... Не умѣю выразить оцущеній, какія испытывалъ я въ эти минуты, первыя въ Иерусалимѣ, прислушиваясь къ терющемуся вдали въ почую уже пору, русскому пѣнію¹⁾.

Такъ окончилось болѣе, чѣмъ трехмѣсячное, и трудное путешествіе русской духовной іерусалимской мисси. Она при- была въ Иерусалимъ 31 января 1858 года и преосв. Кириллы тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, которое ему было поручено.

¹⁾ См. въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовной бесѣдѣ 1858 г. № 19 ср. Русск. Стар. 1889 г. т. LXIV, декабрь, стр. 800—801.

VIII.

Первоначальные шаги дѣятельности миссіи преосв. Кирилла
на православномъ Востокѣ.

Первое время своего пребыванія въ св. градѣ преосв. Кирилль посвящать преимущественно ознакомленію съ лицами, среди которыхъ ему нужно было дѣйствовать, и вообще съ обстановкою, въ какой онъ долженъ былъ проходить свое новое служеніе, равно какъ и устройству своей миссіи въ отношеніи помѣщенія и содержанія и своихъ отношеній къ греческому духовенству, особенно къ іерусалимскому православному патріарху.

Прежде всего, преосв. Кирилль счелъ своимъ долгомъ ближайшимъ образомъ познакомиться съ намѣстниками патріарха и съ другими представителями греческаго духовенства въ Іерусалимѣ, съ которыми ему чаще всего предстояло соприкасаться въ своей дѣятельности. На другой день послѣ своего прибытія въ Іерусалимъ, преосв. Кирилль посѣтилъ высшихъ представителей православнаго духовенства, подъ руководствомъ которыхъ наша миссія впервые имѣла возможность посѣтить храмъ Воскресенія Христова и поклониться животворящему Гробу Господню. Вотъ какъ описы-

ваетъ это представленіе высшей греческой іерархіи и первое поклоненіе главнѣйшимъ святынямъ іерусалимскимъ преосв. Кирилль въ своемъ письмѣ къ петербургскому митрополиту Григорію отъ 26 февраля 1858 года: „1 февраля, въ полдень, были мы у преосвященныхъ епископовъ здѣшнихъ, пригласившихъ меня въ полномъ собраніи Синода: я доставилъ грамоту блаженнѣйшаго патріарха и преосвященному Мелетію¹⁾ письмо отъ имени Вашего Высокопреосвященства. Съ любовью и радушіемъ принявъ меня, преосвященнѣйшіе епископы тотчасъ же распорядились открытіемъ вратъ храма, и сами соутствовали мнѣ, въ качествѣ руководителей, при посѣщеніи св. мѣстъ. Счелъ бы своимъ долгомъ дать вашему высокопреосвященству отчетъ въ первой молитвѣ за православную церковь и боголюбивое отечество, принесенную мною у св. гроба и на Голгофѣ,—если-бы это было возможно. Но подобныя минуты можно пережить, помнить, радостно плакать, когда вспомнишь ихъ, надѣяться, что встрѣтишь, можетъ быть, еще такія же, или и счастивѣйшія, въ день общаго воскресенія; описывать же нѣтъ возможности. Вотъ все, что можно припомнить и передать изъ окружающаго и изъ оцущеній, произведенныхъ окружающимъ: старецъ-святитель и все мы съ возжженными свѣчами, русское пѣніе, то пасхальное, то крестопоклонное, слезы и рыданія среди торжественныхъ звуковъ православныхъ пѣсногубій, въ душѣ—ощущеніе великаго цѣлка и Пасхи въѣсть, мысль о далекомъ отечествѣ земномъ и близости отечества небеснаго, молитвы покаянія и благодаренія, прошеній и славословія, чувство довольства жизнью земною, никогда въ такой степени неиспытаннаго, жажда благъ отечества небеснаго, никогда доселѣ

¹⁾ Намѣстникъ іерусалимскаго патріарха, митрополитъ Петра Арабійской. См. м. Филарета, Собраніе мѣстій и отзывовъ по дѣламъ православной церкви на Востокѣ. СПб. 1886 г. стр. 438

такъ не томившая души: что изъ такихъ сочетаній и сліяній можетъ едѣлаться, то и есть безраздѣльное достояніе минутъ перваго посѣщенія Христова Гроба и Голгоома¹⁾.

Обошедши всѣ свѣтлыя храма, русскіе поклонники—члены миссіи пришли къ алтарю храма Воскресенія Христова. Одни изъ намѣстниковъ патріарха, преосв. Мелетій возложили на себя епитрахиль и омофоръ и стали въ царскихъ вратахъ. Архидіаконы возглашаютъ ектенію, на которой были поминуты имена Государя Императора со всѣмъ Его Домомъ, святѣйшій всероссійскій синодъ и преосв. Кирилль, начальникъ русскої миссіи. Преосв. Мелетій прочиталъ молитву, въ которой повторилъ поминованіе.

„Воистину живоносенъ Гробъ Христовъ, источникъ нашего воскресенія“, замѣчалъ преосв. Кирилль въ заключеніе описанія своего перваго поклоненія іерусалимскимъ свѣтлынямъ. „Куда дѣвалась наша немощь? Откуда взялась бодрость и сила—тотчасъ же положить начало служенія Господу, по указанію преднославшей насъ власти“²⁾.

Слѣдовавшіе за тѣмъ дни были посвящены наипаче миссіею преимущественно совершенію церковнаго богослуженія въ различныхъ храмахъ св. града, въ чемъ, какъ мы знаемъ, полагалась, согласно инструкціи, одна изъ главныхъ цѣлей учрежденія миссіи въ Іерусалимѣ. Черезъ часъ послѣ посѣщенія св. Гроба и Голгоома члены миссіи во главѣ съ своимъ начальникомъ совершили богослуженіе въ Архангельскомъ монастырѣ, который былъ предоставленъ патріархіею нашей миссіи для постояннаго совершенія богослуженія. „Часъ отдыха“,—писалъ 26 февраля 1858 года преосв. Кирилль м. Григорію, „и мы опять въ церкви, полагаяемъ начало своихъ постоянныхъ службъ въ Архангельскомъ монастырѣ. Отправили наканунѣ Срѣтенія Господня торжественную всенощную: я выходилъ на литію и самъ читалъ шестопсалміе. Благо-

¹⁾ См. письмо въ вышеупомянутыхъ бумагахъ м. Пиканора.

²⁾ См. тамъ же.

говѣніе службы произвело съ перваго раза сильное впечатлѣніе на всѣхъ и умалило многихъ. Утромъ (т. е. 2 февраля) отслужили литургію и я сказалъ своимъ землякамъ—поклонникамъ—первое слово, вырвавшееся изъ трепетавшей отъ множества чувствъ души... Минуты для отдыха дома не находилось какъ въ этотъ день, такъ и во всѣ слѣдующіе продолженіе всей недѣли,—можно сказать, почти до настоящихъ дней, когда, почувствовавъ нѣкоторое ослабленіе силъ и разстройство здоровья, рѣшился я посидѣть нѣсколько дней дома, никого не принимая и занимаясь только письменными дѣлами, но Богъ далъ силу перенести труды первыхъ самыхъ тяжелыхъ дней. Службы первой седмицы поста отправляемы были у насъ съ возможною исправностію: отъ 8 до 12 ч. у. продолжалась утренняя и часы,—на шестомъ, вмѣсто каонимы, я говорилъ поученіе; въ 4 ч. в. начиналось повечеріе, продолжавшееся обыкновенно до половины 7-го часа“¹⁾.

Въ субботу первой недѣли великаго поста²⁾ преосв. Кирилль служилъ первую литургію на Голгообѣ. Служба совершалась рано, такъ какъ въ этотъ день предполагалось много церемоній въ храмѣ. Вотъ какъ самъ преосв. Кирилль описывалъ эту службу м. Григорію: „многіе изъ папашниковъ пошли туда, т. е. на Голгооу, почевать. Я пришелъ утромъ въ 6-мъ часу, и тотчасъ началъ литургію. Церковь маленькая, но удивительно хороша. Служить въ ней, совершая таинство на престолѣ, утвержденномъ надъ самымъ мѣстомъ распятія Господня, въ высшей степени умилительно. По мѣстному обычаю, на Голгообѣ никогда не служатъ въ митрахъ, а въ камлавкахъ и клобукахъ,—обычай, совершенно соот-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Въ письмѣ къ своимъ петербургскимъ роднымъ отъ 5 февраля 1858 года преосв. Кирилль, кромѣ того, замѣчалъ: „въ пятницу, какъ и въ среду первой недѣли, я служилъ литургію. Послѣ обѣдни началъ тотчасъ же исповѣдывать: здѣсь таковой порядокъ, всѣ исповѣдываются у Архіереевъ, и многіе захотѣли у меня. Съ 12 ч. у. до 10 ч. в. я почти непрерывно былъ въ мантии, и для перваго раза исповѣдалъ челоуѣкъ 70“.—Изъ невзданнаго письма.

гвѣтствующій и чувствамъ молящихся. Многіе изъ поклонниковъ, русскихъ и болгаръ, пріобщались за этою литургіею съ видимымъ чувствомъ умиленія¹⁾.

Въ тотъ же день вечеромъ и въ слѣдующій утромъ начальникъ русской миссіи снова принималъ участіе въ торжественномъ богослуженіи, по случаю недѣли православн, которая празднуется въ св. градѣ съ нѣкоторыми особенностями. Послѣдній подробно описываетъ преосв. Кирилъ въ своемъ письмѣ къ м. Григорію отъ 15 апрѣля 1858 года. „Въ полдень (т. е. субботы первой недѣли великаго поста),—говоритъ онъ здѣсь,—я получилъ официальное приглашеніе отъ намѣстниковъ блаженнѣйшаго патріарха и отъ всего Синода совершить службу въ недѣлю православія. Я съ благодарностію принялъ приглашеніе. Въ половинѣ второго часа по полудни архидіаконъ пришелъ за мною и повелъ въ патріархію. Въ патріаршей церкви, въ притворѣ, выслушали мы 9-й часъ и пошли къ храму. При входѣ, у мѣста митрополита св. тѣла Господня, встрѣтили насъ пѣвчіе съ пѣніемъ, діаконы съ дидиріями и трикиріями, священники съ евангелиемъ, иконами, крестомъ. Когда мы приложились къ камню помазанія, діаконы въ стихаряхъ съ узлами, какъ у нашихъ подрывниковъ, руками возложили на меня великолѣпную и величественную мантию изъ патріаршей ризницы, дали въ лѣвую руку драгоценный посохъ, а въ правую—крестъ. Шествіе двинулось среди толпы народа, съ пѣніемъ, къ Христову Гробу. Преосвященные шли вмѣстѣ со мною и вмѣстѣ вошли въ кувуклію гроба приложиться къ живоносной свѣтиль. Отъ гроба шествіе направилось въ (прекраснѣйшій) храмъ Воскресенія. Преосвященные остановились вмѣстѣ со мною посреди храма противъ каедръ—патріаршей съ правой стороны и архіерейской—съ лѣвой. Помолвившись, я обшарилъ крестомъ на четыре стороны и пошелъ къ архіерейской ка-

¹⁾ См. въ вышеупомянутыхъ бумагахъ и. Пиланора.

оедрѣ, а преосвященные въ алтарѣ. Постѣ разныхъ перелюновъ, началась вечерня, которую всю я долженъ былъ простоять съ жезломъ въ рукахъ на очень возвышенной каедрѣ, по временамъ принимая участіе въ службѣ. Постѣ начального благословенія священническаго, прочиталъ я вслухъ псаломъ: „благослови, душе моя, Господа“ по-славянски.—Черезъ нѣсколько времени, предъ стихирами и продолженіе пѣнія ихъ, сначала діаконы, а потомъ архимандриты, іеромонахи, священники приходили по-парно принимать благословеніе на облаченіе и выходъ. Священниковъ было на сей разъ болѣе 80. Все это дѣлается весьма чинно и благоговѣнно. „Сподоби, Господи“, прочиталъ я по-гречески. Предъ литіею возложили на меня омофоръ и дали свѣчу. Молитву „Услыши ны Боже“, прочиталъ я по-гречески; „Владыко, многомилостиве Господи“, по-русски; молитву на благословеніе хлѣбовъ по-гречески,—все стоя на каедрѣ. Участвовали и наши пѣвчіе-поклонники, хотя на этотъ разъ немного.

Всенощную отпразднили у себя, въ Архангельскомъ монастырѣ. На другой день я пошелъ въ храмъ въ 5 ч. утра¹⁾. Въ скоромъ времени начали звонить, а по окончаніи звона, на меня возложили мантию и повели къ архіерейской каедрѣ. Народу было столько, что не оставалось мѣста ни въ храмѣ Воскресенія, ни около кувукліи гроба, какъ, говорятъ, въ Пасху бываетъ. Служащіе священники и діаконы,—ихъ было у меня въ сослуженіи 36 человекъ,—вышли изъ алтаря и, послѣ поклона къ каедрѣ патріаршей, приняли отъ меня благословеніе на облаченіе. Когда они облачились, діаконы подошли ко мнѣ со свѣчами и пригласили меня совершить входную молитву. Молитва эта совершается, какъ и у насъ, у царскихъ вратъ, только при вратахъ отвергнутыхъ. Къ приготовленному среди храма мѣсту облаченія моего священники вынесли все принадлежности архіерейскаго облаченія. Все

¹⁾ Ср. Русск. Стар. изд. 1889 г. т. LXVI, декабрь, стр. 802.

облачение возложено было на меня изъ патриаршей ризницы; только на время литургіи митру надѣвалъ я свою. Тотчасъ по окончаніи облаченія, продолженіе котораго русскіе поклонники пѣли Богородиченъ, началась литургія. Часовъ здѣсь не читають: по справкѣ въ нашемъ учительномъ пѣніи, по мѣщаемомъ въ концѣ священническихъ служебниковъ, оказалось, что тамъ положено служащимъ іерею и діакону вычитывать часы дома, а причастникамъ, если они есть, выслушивать ихъ предъ литургіею. Храмъ Воскресенія, равно какъ и кувуклія св. гроба, украшенъ былъ по иконостасамъ—главному и боковымъ, и въ куполѣ тысячами разноцвѣтныхъ лампадъ. Пѣли греки и русскіе: русскимъ досталось больше. Апостолъ читали по-гречески и по-славянски; евангеліе—на 4 яввахъ: греческомъ, славянскомъ, молдавскомъ и арабскомъ. Точно Пасха! Въ веселіи духа, и я, съ своей стороны, счелъ долгомъ утѣшить грековъ, доставившихъ намъ такое великое утѣшеніе: нѣкоторые возгласы говорили и по-гречески. Особенно пріятно изъ было, когда, въ свое время, возгласивъ сначала по-гречески: „Κόρια, Κόρια ἐπιβλεψον εἰς ὄρανον...“, а потомъ уже два раза, по здѣшнему и вообще восточному обычаю, обращаясь къ правому и лѣвому клиросу, по-славянски: „привари съ небесе, Боже...“.

По окончаніи литургіи, на мнѣ перемѣнили саккосъ, возложивъ другой, очень древній, весь въ иконахъ, и митру изъ патриаршей ризницы; другіе преосвященные возложили поверхъ своихъ рясы епитрахили и омофоры, оставаясь въ клобукахъ. И архіерей, и священники, которыхъ въ постыи было 105, имѣли каждый въ рукахъ икону и свѣчу. У меня, сверхъ того, былъ жезлъ. Шествіе двинулось прямо къ кувуклію св. гроба, которую обонли триады съ пѣніемъ, непрерывнымъ и весьма торжественнымъ, среди сплошной массы народа, едва сдерживаемой турецкою стражею, которая однакожь была скромна и вѣжлива, за что я въ тотъ же день особенно благодарилъ нашу. Обошедши потомъ св. Гол-

гоу, мы снова подошли къ кувуклію св. гроба. Въ гробѣ вошли только архіерей. Приложившись, мы снова вышли ко входу въ кувуклію. Два служащаго архіерея приготовлено было особенное возвышенное мѣсто. Я прочелъ воскресное евангеліе по-гречески. Потомъ началось чтеніе литійныхъ ектеній. Мой іеродіаконъ прочиталъ ектецію, въ которой поминуть Государя Императора, весь царствующій Домъ и св. Синодъ. Греки отвѣтили на это многократнымъ русскимъ: „Господи помилуй“. По окончаніи ектеній, я прочиталъ молитвы: „Услыши ны Боже“, и „Владыко многомилостиве“—по-славянски. Потомъ шествіе возвратилось опять въ храмъ Воскресенія. Такъ-то—заключая свое допесеніе преосв. Кирилль, „совершили мы торжество православія въ Иерусалимѣ¹⁾. У православныхъ восторгъ былъ общій и нескрываемый. Священнослуженіе русскаго архіерея въ такой день среди грековъ, славянъ и арабовъ, при Гробѣ Господнемъ, умляло всѣхъ, начиная съ русскаго недостойнаго епископа, енодобивагося такъ радостно праздновать въ св. градѣ день православія²⁾. Единъ степенъ тьмы предстатель и развнгалъ яростію очи и наполняязъ словами ронота уста слугъ своихъ; по этого надобно было и ожидать: тутъ такъ уже привыкли къ шнѣнью древняго змія, у подножія Голгофы снльнаго только яростію шнѣть—для своей собственной муки³⁾“.

На второй недѣлѣ великаго поста преосв. Кирилль служилъ—въ пустыню у себя, въ Архангельскомъ монастырѣ,

¹⁾ Какъ видно, преосв. Кирилль былъ доволенъ своимъ служеніемъ въ недѣлю православія, въ качествѣ предстателя. Но патриархъ іерусалимскій, у котораго не было спрошено согласіе на это, постигъ послѣдствіи это ему въ вину, но крайней мѣрѣ, по словамъ архим. Порфирія (Успенскаго). См. собраніе мѣній и справокъ м. Филарета. Томъ дополнительный. СПб. 1887 г. стр. 456.

²⁾ Въ письмѣ къ своимъ истербургскимъ роднымъ отъ 15 февраля 1858 г. преосв. Кирилль такъ закончилъ свое описаніе (въ общемъ согласное съ приведеннымъ нами) службы въ недѣлю православія: „весь Іерусалимъ заговорилъ объ этой службѣ; всѣ наши православные восхищались, весьма многіе плакали отъ радости, болгаре ликовали“. Изъ позаданнаго письма.

³⁾ См. письмо въ вышеупомянутыхъ нами бумагахъ м. Никанора.

въ субботу—въ Геосимаин, на гробѣ Богоматери, въ воскресенье—на св. Гробѣ Господнемъ, отпраиввъ всенощную подѣ этотъ день на Голгооѣ¹⁾. „Дивные, незабвенные дни“! писалъ преосв. Кирилль м. Григорію 26 февраля 1858 года о своемъ душевномъ состояніи въ это время пребыванія своего въ св. градѣ. „То восторгаешься почти до самозабвенія радостію пасхальныхъ дней, то умиляешься какъ будто въ праздники Успенія Богоматери, то плачешь и рыдаешь, какъ въ день великаго пытка надъ плащаницею. Изъ Геосимаин, послѣ службы тамъ, двинулись мы на гору Елеонскую. Боже мой, какія воспоминанія и какъ они живы и умилительны здѣсь! Тутъ указываютъ мѣсто молитвы Господа до кровавого пота; тамъ мѣсто предательства; здѣсь мѣсто явленія воскресшаго Господа ученикамъ. Надъ веѣмъ этимъ высится гора Вознесенія. Умиленно мы лобызали стоцу Спасителя, обращенную къ сѣверу; сопровождавше меня русскіе поклонники одушевили нашу молитву усерднымъ и стройнымъ гвѣномъ гвѣногвѣннѣй: „Вознесся еси во славу, Христе Боже нашъ“... и „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ“... Благодареніе Христу Спасителю за все, и за великія святыни, оставленныя Имъ на землѣ къ утѣшенію и назиданію душъ, спасающихся о имени Его, и за Его неизреченную милость къ намъ грѣшнымъ и недостойнымъ, милостію Его удостоеннымъ видѣть и лобызать святыя памятники Его жизни во плоти, смерти, воскресенія и вознесенія во славу²⁾“.

18 февраля было днемъ кончины Государя Императора Николая Павловича, столько благодѣннѣй совершившаго для православнаго Востока. День этотъ, равно какъ и слѣдующій день, когда праздновалось восшествіе на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, были ознаменованы въ Иерусалимѣ совершеніемъ богослуженія членами русской мис-

¹⁾ На основаніи письма преосв. Кирилла къ м. Григорію отъ 26 февраля 1858 года.—См. тамъ же.

²⁾ См. тамъ же.

сіи безъ участія представителей высшей греческой іерархіи. 18 февраля начальникъ русской миссіи служилъ литургію преждеосвященныхъ даровъ и послѣ нея панихиду о упокоеніи Императора Николая Павловича въ Архангельскомъ монастырѣ, а 19 февраля—литургію св. Иоанна Злат. и молебны на Голгооѣ. „На Голгооѣ“,—загвѣчаетъ по поводу послѣдней службы преосв. Кирилль въ своемъ письмѣ къ м. Григорію, — „потрясающую силу имѣетъ гвѣнь: „Спаси, Господи, люди твои“,—истинно царская гвѣнь, которую мы и возглашали многократно въ благословенный день вцаренія нашего Монарха,—да спасетъ Его Господь! Преосв. Мелетій (одинъ изъ намѣстниковъ патріарха) располагалъ было служить вмѣстѣ со мною. Но, поразсудивъ, мы признали за лучшее на этотъ разъ не дѣлать слишкомъ много, чтобы безъ нужды не волновать безпокойные умы и не подавать повода къ разнымъ толкамъ, отъ которыхъ пользы и добра не будетъ. Порѣшили, что лучше устроить торжественный праздникъ 30 августа, подобно тому какъ бывало прежде 6 декабря, когда совершалось торжество, похожее на Пасху. Впрочемъ, и въ этотъ разъ все было сдѣлано очень торжественно: храмъ былъ великолѣпно освѣщенъ и народу—грековъ и славянъ, о русскыхъ и говорить не нужно, собралось очень много, и все молвилось съ горячимъ усердіемъ¹⁾“.

Въ недѣлю крестопоклонную преосв. Кирилль служилъ литургію въ Архангельскомъ монастырѣ, а послѣ литургіи, по пригласенію, участвовалъ въ престномъ ходѣ, совершавшемся въ храмѣ Воскресенія Христова, къ удовольствію всего православнаго іерусалимскаго населенія, которое „жаждало видѣть русскаго архіерея и радовалось, когда видѣло его среди греческихъ святителей²⁾“. Крестный ходъ вокругъ кулукии и Голгооы совершался и въ этотъ день точно такъ же, какъ и въ недѣлю православія, съ тою только разницею, что все

¹⁾ См. тамъ же

²⁾ См. тамъ же

архіереи и священники держали въ рукахъ не иконы, а кресты, и служащій митрополитъ оаворскій несъ на головѣ большой величій крестъ съ частію животворящаго древа⁴¹⁾.

Вскрѣсѣ затѣмъ наступившіе великіе дни страстной и пасхальной седмицы были проведены преосв. Кирилломъ и членами его миссіи также преимущественно въ совершеніи богослуженія, которое въ Иерусалимѣ, на самыхъ мѣстахъ великихъ событій, воспоминаемыхъ въ эти дни, совершается съ особенною торжественностію. Къ сожалѣнію, розни и даже вражда, издавна существующая между представителями различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и съ особенною силой проявляющаяся въ св. градѣ, омрачила глубоко-благоговѣйное настроеніе, какое переживали въ эти дни члены миссіи преосв. Кирилла въ первый годъ своего пребыванія въ Иерусалимѣ.

Должно при этомъ замѣтить, что латинскій іерусалимскій патріархъ, уже извѣстный намъ изъ прежнихъ разсказовъ, Валерга оказался единственнымъ изъ представителей инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, отнесшимся враждебно къ преосв. Кириллу и русской миссіи, съ самаго прибытія ихъ въ св. градъ. „Патріархъ армянскій и епископъ англиканскій, консулы-англійскій, австрійскій, французскій и прусскій, аббатъ францисканскій съ братією, епископъ сирійцевъ, священникъ греко-уніатскій, ²⁾“ — всѣ, каждый по своему, привѣтствовали русскую миссію еще въ первые дни послѣ прибытія ей и выражали ей свое сочувствіе. Одинъ только Валерга, рѣшившійся не дѣлать перваго шага для сближенія съ преосв. Кирилломъ и увѣрившій своихъ приближенныхъ, что онъ не слышалъ о пріѣздѣ русскаго епископа въ Иерусалимъ, таинъ безпричинную ненависть противъ русской миссіи³⁾. Этого-то Валерга, по словамъ самого преосв. Кирилла въ его писемъ

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ Ср. Рус. Стар. изд. 1889 г. декабрь, LXIV стр. 801—802.

къ м. Григорію отъ 15 апрѣля 1858 года, „неожиданно разразился интригою—но случаю чтенія русскими страстныхъ евангелій на Голгоѣ въ великій четвертокъ, когда латинны праздновали своимъ опрѣсенокамъ и, по дашней практикѣ, пользовались на эту ночь преимуществомъ оставаться однимъ у св. гроба“. Когда патріархія послала узнать у латиниговъ, можно ли русскому епископу пойти съ нѣсколькими поклонниками на (свободную отъ службъ) Голгоѣу, латинны изъявили согласіе; патріархъ Валерга не противорѣчилъ, но, выходя изъ церкви, онъ сдѣлалъ распоряженіе не впускать русскаго епископа. Хотѣлось ему, чтобы послѣдній на глазахъ пяти тысячъ зрителей отошелъ отъ дверей храма, не имѣя возможности войти. Но, къ счастью, интрига не удалась. Самы латиняне, именно францискане, прислали къ дверямъ храма своего драгомана, чтобы онъ приказалъ отворить входъ. Патріарха это еще болѣе ожесточило. Онъ повелъ, хотя и очень неудачно, другую интригу. Къ несчастію, въ дѣло вмѣшался французскій консулъ, забывшійся не мегѣ патріарха. Патріархъ Валерга потребовалъ, чтобы наша іерусалимскій прогналъ русскіхъ съ Голгоѣы; наша отказалась исполнить подобное требованіе. Тогда французскій консулъ, очевидно, по внушенію латинскаго патріарха, сталъ требовать, чтобы наша наказалъ врагачей храма, но наша и въ этомъ отказалъ¹⁾. Тѣмъ и окончилась попытка латинскаго патріарха унизить въ глазахъ всѣхъ русскую духовную миссію.

Изъ другихъ торжественныхъ церковныхъ служеній, въ которыхъ принималъ участіе преосв. Кириллъ съ своею миссією на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Иерусалимѣ, заслуживаетъ быть отмѣченною торжественная служба, которою былъ ознаменованъ день тезоименитства русскаго государя, 30 августа 1858 года. Мы знаемъ, что преосв. Кириллъ велъ объ этомъ предметѣ нарочитую бесѣду съ іеру-

¹⁾ См. въ вышеупомянутыхъ нами бумагахъ м. Никанора.

салимскимъ патриархомъ еще въ Константинополь. Знаемъ также, что въ февраль 1858 года уже предѣлано было отпраздновать 30 августа съ особенною торжественностію.

Русскому царскому дню въ Иерусалимѣ придавалось особенное политическое значеніе. Это былъ день торжества въ честь высокаго Покровителя всего православнаго Востока; съ другой стороны, степень торжественности, съ какою праздновался этотъ день въ Иерусалимѣ, служила для всѣхъ выразительнымъ показателемъ значенія и вліянія Россіи на православномъ Востоке, частію, въ Сиріи и Палестинѣ. До крымской войны день тезоименитства русскаго Государя, падшій на 6 декабря, праздновался съ величайшею, исключительною торжественностію. Но окончаніи же ея и до 1858 года день этотъ проходилъ почти незамѣтнымъ для всѣхъ, неизменною и неизменною особеннымъ торжествомъ, что немало огорчало всѣхъ искреннихъ сторонниковъ преобладанія русскаго вліянія на православномъ Востоке.

Преосв. Кирилъ, главнѣйшею задачею дѣятельности котораго на Востоке было содѣйствіе возможно большому возвышенію значенія и вліянія здѣсь Россіи, употребилъ всѣ мѣры и усилія къ тому, чтобы въ первый же годъ своего пребыванія въ Иерусалимѣ день тезоименитства русскаго Государя (30 августа) былъ отпразднованъ съ прежнею торжественностію. И усилія эти въ значительной степени увѣнчались успѣхомъ. Празднованіе русскаго царскаго дня совершилось въ Иерусалимѣ на этотъ разъ, къ великому утѣшенію всѣхъ русскіхъ и къ радости всего православнаго населенія іерусалимскаго, съ такою торжественностію, какую Иерусалимъ, по словамъ преосв. Кирилла, впервые видѣлъ у себя.

„За нѣсколько еще времени“,—писалъ преосв. Кирилъ русскому послу въ Константинополь А. П. Бутеневу 1 сен-

тября 1858 года,—„мы условились съ его Блаженствомъ¹⁾ относительно празднованія дня св. Александра Невскаго торжественнымъ служеніемъ въ храмѣ. Патриархъ, при свиданіи моемъ съ нимъ 23 августа, получивъ отъ меня извѣщеніе, что г. консулъ къ празднику не успеетъ прибыть, выразилъ желаніе, чтобы присутствовать при торжествѣ, но крайней мѣрѣ, г. ифесій вице-консулъ. Я не имѣлъ препятствій къ исполненію желанія блаженнѣйшаго и просилъ г. Марабутти прибыть въ Иерусалимъ. Г. Марабутти прибылъ 28 числа. Начиная съ патриарха, у всѣхъ, вмѣстѣ съ соизволеніемъ о непрібытіи г. консула къ драгоценному для православныхъ дню, соединилось желаніе и ожиданіе, что во всякомъ случаѣ въ нынѣшній разъ день тезоименитства Государя Императора будетъ чѣмъ либо ознаменованъ. Патриархъ, объявивъ мнѣ свое намѣреніе сдѣлать въ честь Государя большой обѣдъ, прибавилъ, что назначаетъ этотъ обѣдъ на 31 число, такъ какъ въ самый праздникъ и долженъ быть занятъ приемомъ визитовъ. Должно сознаться, несомнѣнно было и у меня на сердцѣ. Жаль было бы, если бы этотъ первый день торжества Царя православнаго въ Иерусалимѣ, въ который русскіи архіереи раздѣляли молитву за царя съ патриархомъ (что особенно важно, по причинѣ рѣдкихъ посѣщеній патриархомъ его епархіи), прошелъ, какъ будничъ день, въ глазахъ народа, привыкшаго быть свидѣтелемъ торжествъ въ честь другихъ державныхъ Особъ. Не скрою, наконецъ, и другихъ движеній моей мысли: было тайное желаніе добиться нѣкотораго удовлетворенія чести нашего отечества, весьма дерзко оскорбленной въ глазахъ народа нѣкоторыми безразсудными и грубыми дѣйствіями инновѣрцевъ въ періодъ минувшей войны, особенно по полученіи извѣстія объ очищеніи Севастополя“²⁾.

¹⁾ Разумѣется іерусалимскій патриархъ Кирилъ, который, какъ скоро увидимъ, съ іюля 1858 года находился въ Иерусалимѣ.

²⁾ См. это донесеніе въ С.-Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1857 г. д. № 10 ч. 7.

Вотъ тѣ побужденія, по которымъ преосв. Кирилль старался приготовить возможно болѣе торжественное празднованіе дня 30 августа въ Иерусалимѣ. Воспользовавшись обстоятельствомъ недавняго возвращенія наши въ Иерусалимъ, онъ сдѣлалъ ему визитъ и, во время этого свиданія, заговорилъ о предстоящемъ праздникѣ, прося его высказать свое мнѣніе на счетъ того, должно ли этотъ праздникъ скрывать отъ постороннихъ, или же можно придать ему приличный внѣшній видъ. Папа, замѣтивъ, что отсутствіе русскаго флага въ Иерусалимѣ (въздѣвствіе отсутствія консула) осложняетъ дѣло, высказался затѣмъ въ томъ смыслѣ, что присутствіе русскаго архіерея въ Иерусалима въ качествѣ начальника духовной миссіи дѣлаетъ вопросъ о торжествѣ весьма резоннымъ и заслуживающимъ вниманія. Онъ изъявилъ полную готовность содѣйствовать предложенному торжеству и просилъ преосв. Кирилла, чтобы онъ предварительно спесся и съ иностранными консулами. Эти послѣдніе, съ своей стороны, выразили сочувствіе предложенію преосв. Кирилла и изъявили готовность раздѣлится съ русскою миссіею ея торжество. Они расходились только во мнѣніяхъ на счетъ именной сообщенія объ имѣющемъ быть у русскихъ торжествѣ, при чемъ одни желали имѣть его отъ начальника духовной миссіи, а—другіе отъ яфскаго русскаго вице-консула. Папа турецкій на другой день послѣ свиданія съ преосв. Кирилломъ также прислалъ ему извѣстіе, что онъ совершенно готовъ содѣйствовать русскому торжеству, и просилъ только о томъ, чтобы извѣщеніе о праздникѣ было сообщено ему отъ имени вице-консула—„для того“,—прибавляя онъ,—„чтобы впоследствии латинскій патріархъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, какъ прецедентомъ, и не сталъ требовать чего нибудь подобнаго въ какое либо изъ нашихъ торжествъ“. Сообщеніе о предстоящемъ торжествѣ было разослано, дѣйствительно, отъ имени яфскаго вице-консула Россіи¹⁾.

¹⁾ См. тамъ же; здѣсь же приведенъ и самый текстъ извѣщенія на французскомъ языкѣ.

Самое празднество, подготовлявшееся съ такою осторожностью, совершилось слѣдующимъ образомъ. 29 августа (въ пятницу), въ два съ половиною часа по полудни іерусалимскій православный патріархъ отправился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ архіереевъ, въ храмъ Воскресенія, и самъ служилъ вечеромъ въ сослуженіи 40 священниковъ. Храмъ былъ украшенъ лампадами и горящими паникадилами, „хотя и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ ожидали“. Пришедши отъ вечерни, русская миссія отправилась съ вечера утрено у себя въ Архангельскомъ монастырѣ и послѣ утрени—молебенъ въ томъ предположеніи, что на слѣдующій день не будетъ имѣть къ тому удобства, такъ какъ у грековъ нѣтъ подобныхъ нашимъ молебновъ.

30 августа патріархъ слушалъ утрено въ Воскресенскомъ храмѣ и въ концѣ ея, облачившись въ алтарь этого храма, онъ, въ сопровожденіи 5 архіереевъ, поднялся на Голгофу, гдѣ храмъ былъ великолѣпно украшенъ и освященъ. Патріархъ позволилъ, чтобы лѣвый клиросъ занимали нѣкоторые русскіе миссіи и чтобы служба совершалась попеременно на греческомъ и славянскомъ языкахъ, какъ и чтеніе апостола и евангелія. „Во время херувимской пѣсни“,—замѣчаетъ при этомъ преосв. Кирилль въ своемъ описаніи данной службы,—„умилительно было смотрѣть на блаженнѣйшаго патріарха, когда онъ, преклонивъ предъ св. дарами колѣна на подушку, сталъ читать разрывительную молитву, помня августѣйшія имена, и когда потомъ одинъ за другимъ греческіе владыки возглаголали надъ чашею священное имя благочестивѣйшаго Автократа, супруги его, матери, наследника, всего Дома—со всею папатою и воинствомъ ихъ, со всеми православными, обитающими въ Россіи. Это импровизированное поминованіе, разнообразившееся въ устахъ владыкъ, производило весьма умилительное дѣйствіе на предстоявшихъ“.

Послѣ литургіи, сверхъ всякаго ожиданія, патріархъ началъ молебенъ св. Александру по чину, совершенно русскому.

Къ концу молебна патриархъ, по мѣстному обычаю, началъ раздавать антидоръ, а начальникъ русской миссiи, преосв. Кирилъ заканчивалъ молебенъ. Едва только гвѣзди начали гнѣть многолѣтiе, раздались пушечные выстрѣлы—первыя выстрѣлы въ честь русскаго царя въ Иерусалимѣ. „Нужно было“,—замѣчаетъ по этому поводу въ своемъ донесенiи преосв. Кирилъ,—„быть въ Иерусалимѣ въ это мiновенiе! Нужно было видѣть восторгъ народа! Вотъ уже третiй день проходить, а въ Иерусалимѣ только и толковъ, что о празднiи русскаго царя. Сколько восторговъ! Сколько молитвъ!“

По окончанiи богослуженiя, начальникъ русской миссiи въ Иерусалимѣ посетилъ патриарха, всѣ иностранные консулы и представители различныхъ вѣроисповѣданiй и народностей для принесенiя поздравленiя съ русскимъ праздникомъ. „Турки и латинъ (разумѣю францисканскiй монастырь)“,—замѣчаетъ по этому поводу преосв. Кирилъ,—„армяне, копты, египтяны, абиссинцы,—всѣ перебывали въ нашемъ домѣ, каждый по своему выражая благодарность. Императору всероссiйскому, или надежды свои на Него 1)“.

Итакъ, первое время своего пребыванiя въ Иерусалимѣ русская миссiя посвящала по преимуществу поклоненiю свѣтынямъ и совершенiю въ нихъ богослуженiя. Свободныя дни, остававшiеся отъ совершенiя божественныхъ службъ въ иерусалимскихъ храмахъ и отъ исполненiя текущихъ, неотложныхъ дѣлъ, преосв. Кирилъ употреблялъ въ первые мѣсяцы своего пребыванiя въ Иерусалимѣ главнымъ образомъ на устройство своей миссiи въ отношенiи ея помѣщенiя и содержанiя.

Для помѣщенiя второй русской миссiи въ св. градѣ былъ отведенъ особый домъ, выстроенный, кажется, по инициативѣ

1) Описание празднованiя 30 августа 1858 года въ Иерусалимѣ составлено преимущественно на основанiи собственноручныхъ донесенiй преосв. Кирилла русскому послу въ Константинополь А. П. Бутеневу, хранящихся въ с.-петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1857 годъ д. № 10, ч. 7.

архим. Порфирiя (Успенскаго) и потому бывшiй извѣстнымъ въ Иерусалимѣ подъ его именемъ. Объ этомъ, только еще предполагавшемся тогда, помѣщенiи для миссiи нашъ генеральный консулъ въ Вѣнрѣ г. Мухинъ писалъ 30 апрѣля 1857 года русскому послу въ Константинополь А. П. Бутеневу слѣдующее: „зданiе, назначенное для жительства нашихъ духовныхъ лицъ, служило мнѣ квартирою во время моего пребыванiя въ Иерусалимѣ и я могъ осмотрѣть его во всѣхъ подробностяхъ. Постройка оная началась еще при нахожденiи тамъ архим. Порфирiя и окончена по выработанному этимъ архимандритомъ и патриархомъ Кирилломъ плану. Оно вообще извѣстно въ Иерусалимѣ подъ именемъ дома архимандрита Порфирiя и считается собственностiю русскаго правительсва. Домъ этотъ, по внутреннему расположенiю, по размѣрамъ свѣтлыхъ и свободно провѣваемыхъ комнатъ, составляетъ одно изъ лучшихъ и удобнѣйшихъ жилищъ въ Иерусалимѣ. Онъ, конечно, будетъ достаточенъ для помѣщенiя духовной миссiи въ прежнемъ составѣ ея, для какой цѣли онъ и былъ построенъ. Въ случаѣ же тѣсноты его, предоставляемый патриархомъ въ распоряженiе миссiи Архангельскiй монастырь представляетъ сравнительно съ нимъ поразительную противоположность. Въ этомъ послѣднемъ, построенномъ по старинному обычаю страны, сообщенiе между жилищами помѣщенiями, разблѣнными на террасахъ въ разныхъ этажахъ, весьма неудобно; самыя келiи тѣсны и темны“. 1).

Вѣроятно, послѣдствiе этого отзыва генеральнаго консула, миссiя была помѣщена въ домъ архим. Порфирiя, а монастырь Архангельскiй былъ предоставленъ ей только для совершенiя богослуженiя. Самъ преосв. Кирилъ былъ совершенно доволенъ помѣщенiемъ для миссiи и, въ частности, помѣщенiемъ, которое пришлось занять ему, какъ начальнику миссiи, и которое онъ такъ описывалъ своимъ петербургскимъ род-

1) Арх. Св. Спи. по Канцелярiи Оберъ-Прокурора за 1857 г. д. № 373.

нымъ въ письмѣ 12 февраля 1858 года: „мой домъ, дѣйствительно, лучший во всемъ Иерусалимѣ, пока австрійцы не окончили своего великолѣпнаго отеля, который показывалъ намъ консуль австрійскій. Прекрасѣйшій подъездъ ведетъ (нижній этажъ пока миную: тамъ только кухня и помѣщеніе для пѣвчихъ и слугъ) въ великолѣпную залу; направо—гостинная и комната для драгомана... кабинетъ въ три окна, аршинъ 12 въ длину и 8 въ ширину, бібліотека“... 1)

Но удобный и помѣстительный домъ, отведенный для миссіи, все таки не удовлетворялъ преосв. Кирилла воиолгѣ. Прежде всего, тягостно чувствовалась,—особенно въ періодъ натянутыхъ отношеній,—зависимость отъ патриархин. На это именно намекаетъ преосв. Кириллъ въ своемъ письмѣ къ преосв. Макарію (Булгакову) отъ 1 марта 1858 года, когда говоритъ: „домъ мой весьма хорошъ. Обаче и дружескія объятія бывають иногда тѣсны и неудобны. Затѣваю нѣчто свое, болѣе самостоятельное и просторное“ 2).

Впрочемъ, нагѣрненіе преосв. Кирилла устроить собственное помѣщеніе специально для русской миссіи въ Иерусалимѣ, совершенно независимое ни въ чемъ отъ греческаго духовенства, не было осуществлено имъ. Не большимъ усиліемъ сопровождалась забота преосв. Кирилла объ устройствѣ приличной постоянной обстановки въ домъ, отведенномъ для миссіи, не смотря на то, что это было необходимо и резонно. „По прибытіи миссіи въ Иерусалимъ“,—писалъ преосв. Кириллъ въ своемъ первомъ официальному донесеніи министерству иностранныхъ дѣлъ 11 марта 1858 года,—„мы нашли свой домъ подготовленнымъ, по приказанію іерусалимскаго патриарха, къ помѣщенію на первый разъ. Патриархъ былъ такъ милостивъ, что даже обезпечивалъ миссію въ продолженіе 15 дней пищею и другими необходимыми потребностями жизни. Къ исходу этого срока оказалась не-

1) Изъ неизданнаго письма.

2) См. Рус. Стар. Изд. 1889 г. т. LXIV декабрь стр. 803.

отражая необходимость заводить все свое, тѣмъ болѣе, что, въ первый же день по пріѣздѣ въ Иерусалимъ, миссіи получила неприятную вѣсть, что архим. Порфирій въ письмѣ своемъ къ прежнему игумену Архангельскаго монастыря іеродіакону Проконію приказалъ не выдавать ничего изъ оставшихся носгѣ прежней миссіи венцей, которая онъ признаетъ исключительно своими, новому обществу лицъ русскихъ, удостоенныхъ отъ него въ письмѣ только названія: „ἡμετέρα λογικὰ ζῶα“ (наши словесныя животныя). Къ счастью, встрѣтившаяся въ Иерусалимѣ нужда предугадала была мною зарангѣе и средства мои еще не истощились. Необходимѣйшія принадлежности стола—бѣлье столовое, столовая и кухонная посуда, чайные приборы и пр., печи (числомъ пока до 7), оказавшіяся необходимыми и здѣсь,—все это было запасено въ необходимой на первый разъ пропорціи частію въ Россіи, частію въ Константинополѣ, и для начала достаточно и прилично обезпечило миссію въ важнѣйшихъ и неотложныхъ нуждахъ, которымъ сами мои сослуживцы удовлетворить были уже не въ состояніи. Все это потребовало отъ меня издержекъ до 850 руб. сер.“ 1).

Но чѣмъ можно было ограничиться на самыхъ первыхъ порахъ пребыванія въ Иерусалимѣ, того, разумѣется, было недостаточно для болѣе или менѣе продолжительнаго жительства миссіи, которая къ тому же была единственной представительницею могущественной Россіи и великой русской церкви въ св. градѣ и должна была поддерживать значеніе Россіи на православномъ Востоку. Поэтому, въ своемъ донесеніи министерству иностранныхъ дѣлъ отъ 11 марта 1858 года преосв. Кириллъ настаивалъ на рѣшительной необходимости обставить возможно приличнѣе помѣщеніе русской миссіи въ Иерусалимѣ, при чемъ здѣсь же старался доказать не-

1) См. арх. Св. Сино. по канцеляріи г. Оберъ-Прокурора за 1858 г. д. № 389.

возможности устроить какой либо порядокъ въ домѣ миссіи въ томъ случаѣ, если бы каждый членъ ея вынужденъ былъ заводить все необходимое для себя на собственные средства. Съ другой стороны, преосв. Кирилль рѣшительно отказывался и отъ возможности воспользоваться въ данномъ случаѣ услугами іерусалимской патриархіи. „Патриархія, судя по ея отношеніямъ ко мнѣ“,—писалъ преосв. Кирилль въ министерство иностранныхъ дѣлъ,—„можетъ быть, и готова была бы принять участіе въ убранствѣ дома, который она предоставила для нашего помѣщенія. Но это такая мѣра, мысль о которой не можетъ ни одной минуты держаться въ моей головѣ, послѣ тѣхъ опытовъ вкуса, которые греки показали въ приготовленномъ убранствѣ комнатъ, гдѣ мы должны принимать разныхъ лицъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія способныхъ строго осуждать жалкій видъ помѣщенія русской миссіи, а главнѣйшее значеніе имѣеть въ этомъ дѣлѣ та тяжелая, унизительная и вредная для нашего дѣла зависимость, отъ которой намъ всемѣрно и всесторонне необходимо освободиться“¹⁾.

На основаніи вѣсхъ этихъ соображеній, преосв. Кирилль просилъ министерство иностранныхъ дѣлъ о денежномъ пособіи на приведеніе въ порядокъ дома русской миссіи въ Іерусалимѣ, при чемъ къ ходатайству своему прилагалъ и смету на устроеніе необходимой обстановки въ помѣщеніи миссіи всего на 3,560 руб. Но министерство оставило эту просьбу преосв. Кирилля, кажется, безъ всякаго отвѣта²⁾.

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Просьба эта, вмѣстѣ со всѣмъ отчетомъ преосв. Кирилля отъ 11 марта 1858 года, была сообщена оберъ-прокуроромъ Св. Синода, гр. А. П. Толстымъ м. Филарету (Дроздову), который написалъ въ отвѣтъ гр. Толстому: „одно notable (т. е. въ отвѣтъ) выраженное съ точностью: требованіе 3560 руб. на мебель для дома миссіи. Незвѣстенъ іерусалимскій цѣны: но, вѣроятно, это мебель не монашескихъ келій“. См. письма м. Филарета къ Высоч. Особ. и др. лицамъ. Тверь. 1888 г. стр. 80.

Послѣ устройства своей миссіи въ отношеніи помѣщенія и содержанія¹⁾, самымъ главнымъ предметомъ заботъ для преосв. Кирилля было установленіе правильныхъ, по возможности, искреннихъ и дружелюбныхъ отношеній къ греческому духовенству и, прежде всего, къ іерусалимскому патриарху. Здѣсь ему пришлось на первыхъ порахъ преодолѣть немало затрудненій.

Хотя, какъ мы уже знаемъ, іерусалимскій патриархъ къ концу пребыванія преосв. Кирилля въ Царьградѣ, повидимому, совсѣмъ примирился съ его назначеніемъ въ Іерусалимѣ, и простился съ нимъ, повидимому, мирно и даже дружелюбно; но вскорѣ, быть можетъ, подъ влияніемъ окружающихъ и подчиненныхъ ему лицъ, а главное—подъ влияніемъ возбужденнаго доходившими изъ Іерусалима вѣстями страха за уменьшеніе доходовъ іерусалимской патриархіи, съ полнымъ водвореніемъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, эти отношенія измѣнились къ худшему. Уже 15 апрѣля 1858 года преосв. Кирилль писалъ м. Григорію по этому поводу слѣдующее: „отношенія мои къ патриарху, съ видной стороны, становятся лучше и лучше. Но изъ-за видимаго начинаетъ обнаруживаться нѣчто, чего не желалось бы видѣть. Недовѣріе и подозрѣнія, съ какими съ перваго раза встрѣтилъ меня патриархъ, начинаютъ снова возникать подъ влияніемъ извѣстій изъ Іерусалима. Патриархія, или вѣрнѣе самъ патриархъ сталъ въ оборонительное положеніе, въ каждую минуту ожидая нападенія и въ каждомъ словѣ подзвывая уже начало нападенія. Не подавая, съ своей стороны, ни малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, внаку отчасти жалкую трусость, съ какою слѣдятъ за моими наблюденіями за здѣшнимъ порядкомъ, или лучше, крайнимъ безпорядкомъ,

¹⁾ Въ этомъ послѣднемъ отношеніи миссіи преосв. Кирилля на первыхъ порахъ, особенно вслѣдствіе несвоевременнаго полученія жалованья, испытывала крайнія затрудненія, о которыхъ начальникъ ея подробно доносилъ министерству въ своемъ первомъ отчетѣ.

сдѣлать,—едва только мнѣ скажетъ кто хотя одно слово жалобы,—тогда же поправлять дѣло, которое прежде не могли поправить никакія жалобы, ни просьбы: такой случай былъ недавно. Въ народномъ училищѣ былъ учителемъ негодный человекъ, которому никто не хотѣлъ вѣрить своихъ дѣтей; были даже покушенія застрѣлить его. Народъ кричалъ и жаловался; патріархія упрямилась и держала того учителя. Но едва только здѣшніе старшины побывали у меня и рассказали мнѣ дѣло, патріархія въ тотъ же вечеръ уволила негоднаго учителя, выбрала попечителей училища изъ мѣстныхъ христіанъ и подослала ко мнѣ нашего вице-консула довести до моего свѣдѣнія о такомъ важномъ событіи и такихъ милостивыхъ распоряженіяхъ въ пользу желаній народа. Отчасти же вижу, что принято за правило—мѣшать мнѣ во всемъ, что могло бы имѣть тѣнь покушенія утвердиться въ Иерусалимѣ, стать въ независимое положеніе, открытъ сносы къ лучшему веномощствованію здѣшними христіанами. Весьма неожиданно узналъ я чрезъ константинопольское посольство, что одно слово мое о томъ, у кого должны храниться ключи отъ церкви въ Архангельскомъ монастырѣ—у меня, или у игумена, который въ такомъ случаѣ долженъ отвѣчать за цѣлостъ нашей ризницы, хранищейся въ храмѣ, принято было уже за настойчивую притязательность, возбудило неудовольствіе въ патріархѣ, вызвало жалобы его посланнику. Мое письмо, привезенное именно въ этотъ разъ посланникомъ, тотчасъ же показало, что патріархъ или обманутъ, или обмануется. Патріархъ сдался, но все такъ намель нужнымъ бросить слово объ опасеніяхъ, какъ бы я не поссорился съ патріархіей изъ-за поклонниковъ. По поводу жалобы патріарха, я тотчасъ же объяснился съ намѣстниками его и просилъ ихъ успокоить владыку; написать письмо и къ самому патріарху: дѣло, конечно, уладится... Но тутъ было еще одно весьма важное обстоятельство. Въ то время, какъ была рѣчь о ключахъ, я говорилъ съ намѣстниками и о землѣ—

на случай какихъ нибудь построекъ и просилъ ихъ узнать у патріарха—на что мы можемъ надѣяться со стороны патріархія, если пожелаемъ приобрести землю и сдѣлать что нибудь для своихъ поклонниковъ. Патріархъ, видимо, ободилъ этотъ предметъ и, когда не безъ нѣкотораго раздраженія велъ съ г. посланникомъ рѣчь о ключахъ, не намель нужнымъ даже намекомъ коснуться рѣчи о землѣ, что по важности ключей и патріарха занимаетъ больше. Я тоже не получало никакого отвѣта отъ намѣстниковъ и уже приступилъ къ другимъ распоряженіямъ, въ которыхъ патріархія прямо вредить мнѣ не можетъ“¹⁾.

Дѣятельность преосв. Кирилла въ этомъ направленіи вскорѣ возбудила такія опасенія и подозрѣнія въ патріархѣ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, покинуть Константинополь, еще съ XVI в. сдѣлавшійся мѣстомъ постоянного пребыванія іерусалимскихъ патріарховъ²⁾, для префекціи св. града, который весьма рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, видѣлъ у себя первосвятителей престола св. Такова. Патріархъ Кириллъ прибылъ въ Иерусалимъ въ іюль 1858 года³⁾, сильно настроенный противъ русской духовной миссіи и, въ частности, противъ ея начальника⁴⁾. Послѣдній 19 августа 1858 года писалъ русскому посланнику въ Константинополь слѣдующее: „конфиденціально частнымъ путемъ, или правильнѣе частными путями полученныя мною предъ самымъ прїѣздомъ патріарха свѣдѣнія мною оправдались первоначальными дѣйствіями патріарха и частію еще доселѣ оправдываются... Не

¹⁾ См. въ вышеупомянутыхъ бумагахъ и. Никанора.

²⁾ См. Православный Палестинскій Сборникъ. Т. I, вып. 1. СПб. 1881 г. стр. 52—53.

³⁾ На основаніи письма преосв. Кирилла въ петербургскимъ роднымъ отъ 2 октября 1853 г.

⁴⁾ В. П. Малеевъ нѣсколько позже (11 мая 1859 года) писалъ: „Іерусалимскій патріархъ внезапно отправился въ Иерусалимъ, какъ онъ самъ публично высказался, чтобы умирить русскаго епископа, и получилъ отъ визиря строжайшее наставленіе не дѣлать русскимъ уступокъ“. См. Собраніе линій и отзывовъ и. Филарета, т. IV. М. 1886 г. стр. 410.

говору уже о крайне неосторожномъ образѣ его дѣйствій въ отношеніи къ прибытію въ Іерусалимъ почти внезапно, о чемъ онъ теперь и самъ сожалѣетъ, узнавъ, къ какимъ толкамъ и безпорядкамъ подалъ онъ поводъ своимъ страннымъ поступкомъ... Патріархъ нисколько не скрывалъ своихъ чувствъ и намѣреній въ отношеніи къ миссіи. Онъ началъ съ Яффы, гдѣ прежде всего сталъ спрашивать съ улыбкою, какъ поживаетъ Мелитопольскій (т. е. начальникъ русской миссіи), какъ преуспѣваетъ его школа и разныя другія заведенія? По пріѣздѣ въ Іерусалимъ, онъ былъ такъ неостороженъ въ словахъ съ своими подчиненными и разными посѣтителями особенно изъ турокъ, что первые, позволивъ себѣ даже некоторое нарушение приличій въ отношеніи ко мнѣ (весьма недолго, впрочемъ, продолжавшееся), чуть не на площадяхъ стали кричать, что русская миссія теперь получитъ другой видъ; а послѣдніе не только между собою толковали о нашей враждѣ и устраниеніи даже консула, котораго все уже ожидали, но и ко мнѣ стали адресоваться съ разнаго рода предложеніями въ полной увѣренности, что между мною и патріархомъ все уже кончено. Имя „русскихъ“, имя „друзей русскихъ“—то и дѣло повторялось съ различными угрозами, или даже съ торжествующимъ хвостовствомъ¹⁾. Съ начальникомъ русской миссіи патріархъ былъ вѣжливъ, но очень холоденъ. Одинъ разъ онъ позволилъ себѣ даже упрекнуть преосв. Кирилла „домомъ, за который заплатилъ деньги“, а въ другой разъ „недвусмысленно коснулся причинъ, отъ чего у него борода посѣдѣла прежде времени“²⁾.

Неизвѣстно, при помощи какихъ именно средствъ, но только преосв. Кириллъ успѣлъ въ скоромъ времени достигнута значительнаго улучшенія во взаимныхъ отношеніяхъ между іерусалимскимъ патріархомъ и русскою духовною миссіею.

¹⁾ См. С.-Петербургск. архива министерства иностранныхъ дѣлъ за 1857 г. д. № 10, ч. 2. Ср. арх. Св. Синода по канцелярш г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1858 г. д. № 389.

²⁾ См. тамъ же.

Изъ одного мѣста въ донесеніи преосв. Кирилла русскому посланнику въ Константинополь отъ 19 августа 1858 года можно заключать, что главное изъ этихъ средствъ заключалось въ томъ, что начальники русской миссіи только предлагали (черезъ яффскаго вице-консула) патріарху самому лично приемотрѣться къ дѣйствіямъ русской миссіи, а не полагаться въ своихъ сужденіяхъ и отзывавъ на донесенія окружавшихъ его лицъ. Тактика преосв. Кирилла сопровождалась скорымъ и замѣтнымъ успѣхомъ. „Мои предложенія, пишетъ онъ посланнику,—оправдались совершенно. Патріархъ остановилъ потокъ своихъ грозныхъ рѣчей и сталъ внимательнѣе вмаатриваться въ окружающія его обстоятельства. Тонъ нашихъ отношеній совершенно измѣнился: мы сдѣлались взаимно любезны. Слѣдствіемъ этого было то, что приближенные патріарха возвратили мнѣ прежнее почтеніе, а патріархъ, не раздражаемый болѣе своими клеветами, могъ спокойно разсмотрѣть, по крайней мѣрѣ, то, что ему лично никакія бѣды и козни не угрожаютъ“¹⁾.

Но и послѣ того, подъ покровомъ „взаимнаго вниманія и предупредительности“, продолжался прежній антигонимъ и недружелюбное отношеніе патріарха къ русской миссіи. Патріархъ вскорѣ вызвалъ въ Іерусалимъ преосв. Тинальдоса, митрополита ставропольскаго, ректора халкинскаго училища²⁾, именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы воспользоваться его совѣтами и дѣятельностію въ задуманномъ имъ устройствѣ мѣстныхъ школъ и тѣмъ самымъ устранить всякое участіе русскаго архіерея въ этомъ дѣлѣ. Преосв. Тинальдосъ, съ своей стороны, по словамъ преосв. Кирилла, „пронувѣдывалъ въ своемъ кругу, что патріархъ прислалъ Портою именно для того, чтобы ослабить силу и вліяніе русскаго епископа“³⁾. Самъ же патрі-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. собраніе мѣстій и отзывовъ м. Филарета по дѣламъ православной церкви на Востоцѣ. СПб. 1886 г. стр. 193, прим. 2.

³⁾ См. С.-Петербургскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ за 1857 г. д. № 10, ч. 2.

архъ Кирилль, по утверждению начальника русской миссиі, употреблялъ въ это время дѣятельнѣйшія мѣры къ тому, чтобы вооружить противъ пріеутетія русской миссиі на Востокъ антиохійскаго патріарха, какъ вооружилъ предъ тѣмъ александрійскаго ¹⁾).

Все это внушало преосв. Кириллу самыя печальныя мысли относительно его будущаго служенія при такихъ условіяхъ. Вѣроятно, подъ влияніемъ подобныхъ думъ и предубрежденія противъ іерусалимскаго патріарха, преосв. Кирилль сталъ помышлять о совершенномъ освобожденіи русской миссиі отъ патріархіи и о болѣе точномъ опредѣленіи сферы дѣятельности начальника русской миссиі въ Іерусалимѣ. По крайней мѣрѣ, 19 августа 1858 года преосв. Кирилль писалъ русскому посланнику въ Константинополь, между прочимъ, слѣдующее: „миѣ представлялось-бы необходимымъ утвердить за мною права, данныя визиріальнымъ писемомъ, и, устранивъ отговорку, за которою патріархъ укрываетъ свои намѣренія, ссылаясь постоянно на Порту, заявить меня лицомъ, отвѣтственнымъ непосредственно предъ посольствомъ, которое лучше патріарха можетъ обьяснить мои дѣйствія. Было-бы также хорошо, если бы открылся случай приобрести намъ право на самостоятельное служеніе на св. гробѣ, тѣмъ болѣе, что раньше или позже, съ водвореніемъ консула, съ устройствомъ отдѣльнаго помѣщенія и управленія для нашихъ поклонниковъ, сдѣлать то и другое будетъ необходимо“ ²⁾).

Къ счастью, въ самомъ непродолжительномъ времени отношенія между іерусалимскимъ патріархомъ и русскою духовною миссіею настолько измѣнились къ лучшему, что преосв. Кирилль могъ значительно успокоиться относительно своего будущаго служенія на Востокъ и оставить свои прежнія намѣренія о совершенномъ отдѣленіи миссиі отъ патріархіи. Уже 13 сентября 1858 года преосв. Кирилль доносилъ рус-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. тамъ же.

скому посланнику въ Константинополь, между прочимъ, слѣдующее: „въ настоящее время дѣла наши въ Іерусалимѣ получили направленіе лучшее, какого только желать было можно“ ¹⁾).

Примиреніе между патріархомъ и начальникомъ русской миссиі произошло въ первой половинѣ сентября 1858 года при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 5 сентября преосв. Кирилль былъ у патріарха для совѣщанія по вопросу о времени пребыванія русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ, причемъ, — говоритъ преосв. Кирилль, — „мы сошлись съ блаженнѣйшимъ въ мнѣніяхъ, чего, кажется, его блаженство не предполагалъ прежде, думая, что, если и не вмѣшивалось, какъ увидѣлъ блаженнѣйшій своими очами, въ дѣла его управленія, то, по крайней мѣрѣ, по вопросамъ о поклонникахъ буду противъ него“ ²⁾. 9 сентября, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича, патріархъ посетилъ начальника русской миссиі, при чемъ начавшаяся перемѣна въ ихъ отношеніяхъ на этотъ разъ еще болѣе закрѣпилась. Вотъ какъ описываетъ это свиданіе съ патріархомъ преосв. Кирилль въ своемъ донесеніи посольству 13 сентября 1858 года: „трудно представить себѣ общество болѣе дружественное, чѣмъ то, которое собралось у меня 9 числа, транезу, одушевленную дружескимъ довѣріемъ и открытою веселостію болѣе той, какую мы имѣли. Блаженнѣйшій пожаловалъ ко миѣ въ сопровожденіи своихъ архіереевъ и другихъ членовъ патріархіи въ весьма веселомъ расположеніи духа и оставался въ этомъ расположеніи впродолженіе всего времени своего пребыванія у насъ. Почтенный всевозможнымъ вниманіемъ съ нашей стороны, онъ, видимо довольный, держалъ себя такъ просто, былъ такъ веселъ, какъ того никогда еще не видѣли его приближенные. Видимо, онъ былъ свободенъ въ эти часы отъ всякихъ предубѣжденій и находилъ удовольствіе въ обществѣ и бесѣдѣ нашей, которую оживлялъ самъ своимъ остроуміемъ и рѣдкими у него выражені-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. тамъ же.

или непритворной веселости. Многие были изумлены; все было довольно нашимъ праздникомъ“ ¹⁾).

12 сентября преосв. Кирилль снова отправился къ патриарху, чтобы поблагодарить его за участие въ русскомъ праздникѣ и посѣщеніе русской миссіи. Во время этого свиданія между патриархомъ и начальникомъ русской миссіи произошелъ слѣдующій любопытный разговоръ, приведшій къ сближенію, повидимому, къ полному примиренію между собою. Преосв. Кирилль напомнилъ патриарху о томъ, что онъ представилъ, какъ тебѣ, достаточныя доказательства своей благонамѣренности и искренняго желанія содѣйствовать установленію мирныхъ взаимныхъ отношеній. Патриархъ отвѣтилъ ему на это: „мнѣ не нужно никакихъ доказательствъ благонамѣренности Мелитопольскаго; я вижу ясно, что мнѣ остается только вполнѣ вѣрить ему. Напротивъ, мнѣя принципъ не вѣрить нѣкоторымъ другимъ, я желалъ бы, чтобы Мелитопольскій откровенно говорилъ мнѣ о злоупотребленіяхъ, какія при-²⁾мѣтитъ, чтобы я могъ исправить ихъ. Я съ искреннею благодарностію принимаю и буду принимать всякое его слово“ ²⁾).

Пользуясь такимъ расположеніемъ патриарха, преосв. Кирилль позволилъ себѣ указать на нѣкоторыя нежелательныя явленія въ положеніи русскихъ монашескихъ общинъ въ Иерусалимѣ, именно слѣдующія. Во 1) вопреки обвиненіямъ патриарха, русскіе монахи были размѣщены не въ опредѣленныхъ мѣстахъ, а по всемъ монастырямъ, что крайне затруднило начальника миссіи въ надзорѣ и управленіи монахами. Патриархъ принялъ это заявленіе весьма близко къ сердцу и тотчасъ же распорядился, чтобы русскіе монахи помѣщались исключительно въ Архангельскомъ монастырѣ, а монахи въ другомъ монастырѣ, по выбору самого преосв. Кирилла. Во 2) многимъ изъ желавшихъ оставаться въ Иерусалимѣ надлежало отводить помѣщенія, не давая знать о томъ русской миссіи, и, въ случаѣ капризовъ

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. тамъ же.

со стороны виновныхъ поклонниковъ, греческіе монастыри всегда готовы были принимать въ нихъ участіе и оказывать покровительство крайнимъ злоупотребленіямъ. Патриархъ объ-¹⁾явилъ приказать, чтобы въ отношеніи къ русскимъ монахамъ никто не позволялъ впредь дѣлать никакихъ распоряженій безъ согласенія съ начальникомъ русской миссіи. Кроме того, по просьбѣ самого патриарха, преосв. Кирилль рассказалъ ему о слѣдующихъ, замѣченныхъ имъ, злоупотребленіяхъ: а) со стороны низшаго духовенства патриархіи, послушниковъ и диаконовъ, которые обирали у нашихъ монаховъ послѣдніе деньги, увѣряя ихъ, что тотъ, кто унесетъ изъ Иерусалима назадъ хотя одну паричку въ кармафѣ, будетъ пестить на себѣ вѣчное и неизгладимое проклятіе; б) со стороны игуменовъ монастырскихъ, которые, собирая деньги за помѣщеніе, настойчиво требуютъ прибавки себѣ „на молитвы“ отъ рубля серебромъ (никакъ не менѣе) до полуимперіала; в) со стороны архіереевъ, которые то и дѣло ходятъ по монастырямъ совершать елеосвященіе надъ здоровыми, не оповѣстивъ съ вечера, и приводятъ чрезъ своихъ диаконовъ, часа въ 2 ночи, поклонниковъ и поклонницъ прямо съ постели нездоровыхъ и больныхъ въ церковь, гдѣ мажутъ масломъ желавшихъ и нежелающихъ, здѣсь же отбирая и плату за трудъ.

Патриархъ благодарилъ преосв. Кирилла, по словамъ этого послѣдняго, за открытіе ему всѣхъ этихъ злоупотребленій, и обѣщалъ все это исправить. Начальникъ русской миссіи, съ своей стороны, выразилъ радость по поводу того, что патриархъ самъ пожаловалъ въ Иерусалимъ и собственными глазами увидѣлъ въ истинномъ свѣтѣ все то, что въ ложномъ видѣ представляли ему другіе. Патриархъ на это, по словамъ преосв. Кирилла, замѣтилъ слѣдующее: „видитъ Богъ, какъ я радъ, что рѣшился поѣхать сюда; для меня величайшее утѣшеніе состоитъ въ томъ, что я лично увѣрился въ вашей искренности и благонамѣренности. Много враговъ у васъ и у меня; но теперь слава Богу“.

Преосв. Кирилль, съ своей стороны, былъ весьма доволенъ тѣмъ, что такія хорошія и мирныя отношенія установились у него съ патриархомъ. „Благодарю Господа Бога“, — писалъ онъ русскому посланнику въ Константинополь 13 сентября 1858 года, — „за миръ, котораго мы теперь достигли, и молю Его, да утвердитъ. Онъ миръ нашъ. Идемъ медленно, но за то, можетъ быть, вѣрнѣе будетъ успѣхъ, когда самъ патриархъ будетъ наводить на мысли сдѣлать для насъ то или другое, а не мы будемъ выпрашивать у него одолженій. Дай только Богъ, чтобы довѣріе, которое питаетъ теперь патриархъ лично ко мнѣ, распространилось и на все наше дѣло на Востоцѣ и на вѣсѣхъ другихъ русскихъ дѣятелей въ Іерусалимѣ, чтобы не было у него задней мысли сдѣлать изъ меня орудіе своей защиты противъ русскихъ же, что могло бы повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ“¹⁾.

Установившіяся въ 1858 году добрыя отношенія между преосв. Кирилломъ и патриархомъ іерусалимскимъ оставались, кажется, безъ переменъ, но крайней мѣрѣ, существенной до самаго конца пребыванія перваго изъ нихъ на Востоцѣ. По крайней мѣрѣ, 28 декабря 1861 года преосв. Кирилль писалъ своему дядѣ, протоіерею І. М. Наумову въ С.-Петербургъ слѣдующее: „около двухъ мѣсяцевъ назадъ прѣхалъ сюда патриархъ. Слава Богу, мы встрѣтились съ нимъ самымъ дружественнымъ образомъ, что и доселѣ сохраняется, и не только сохраняется, но и растетъ“²⁾. А когда въ 1863 году преосв. Кирилль былъ отозванъ изъ Іерусалима, то патриархъ сожалѣлъ объ этомъ и даже пытался было удержать его въ св. градѣ³⁾.

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Изъ незадачнаго письма.

³⁾ См. арх. Св. Синод. по канцеляріи Оберъ-Прокурора за 1863 г. д. № 160.

IX.

Первыя наблюденія преосв. Кирилла на православномъ Востоцѣ и предположенія его относительно дальнѣйшей дѣятельности второй русской миссіи въ Іерусалимѣ.

Съ первыми наблюденіями начальника второй русской іерусалимской миссіи надъ положеніемъ дѣлъ на православномъ Востоцѣ и съ первыми его соображеніями относительно дальнѣйшей дѣятельности миссіи мы знакомимся, кромѣ многочисленныхъ писемъ преосв. Кирилла къ его роднымъ, преимущественно по двумъ отчетамъ его, представленнымъ имъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ 11 марта 1858 года и 10 февраля 1859 года¹⁾.

Само собою понятно, что наблюденія эти, какъ сдѣланныя лицомъ, которое было поставлено въ сравнительно благопріятныя условія для того, и какъ провѣренныя путемъ общіяя мысли съ нѣсколькими лицами—членами миссіи, которые также могли близко знать истинное положеніе дѣлъ на православномъ Востоцѣ, должны представлять для насъ по

¹⁾ Настоящая (IX-я) глава и составлена преимущественно на основаніи этихъ отчетовъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода (въ копіяхъ) по канцеляріи г. оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 289. Отзывъ м. Филарета (Дроздова) о нихъ см. въ Собраніи мисій и отзывовъ его по дѣламъ правосл. церкви на Востоцѣ СПБ. 1886 г. стр. 377—384.

тому самому особенно важное значеніе. Съ другой стороны, наблюденія эти представляют немаловажный интерес и въ томъ отношеніи, что они, касаясь различныхъ сторонъ со-временнаго наблюдателя состоянія православной церкви на Востокъ, даютъ сравнительно полную, живо и рельефно изображаемую въ данномъ случаѣ, говоритъ отчасти и то обстоятельство, что отчеты начальника русской миссіи въ Иерусалимъ, которые мы имѣемъ въ виду, предварительно просматривались и провѣрялись въ нашемъ константинопольскомъ посольствѣ и только тогда уже представлялись въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ объясненіями и замѣчаніями русскаго посла въ Константинополь А. П. Бутенева. Что же касается собственно личныхъ соображеній и заключеній, какія дѣлали, на основаніи своихъ наблюденій, преосв. Кирилль, то они имѣютъ, разумѣется, меньшій сравнительно историческій интересъ, хотя также важны для насъ, потому что восполняютъ наши свѣдѣнія о дѣятельности второй русской миссіи въ Иерусалимъ и объясняютъ внутреннюю сторону исторіи ея.

Первыя наблюденія преосв. Кирилла на православномъ Востокѣ касались преимущественно двухъ предметовъ: значенія Россіи на Востокѣ вообще и въ Иерусалимѣ особенно и внутренняго состоянія православной церкви на Востокѣ, при чемъ эти послѣднія наблюденія касались преимущественно иерусалимскаго и антіохійскаго патріархатовъ, но иногда распространялись и на другіе патріархаты, напр., константинопольскій, и только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ въ виду всю вообще православную церковь Востока.

Мы уже знаемъ¹⁾, что однимъ изъ важнѣйшихъ побужденій для русскаго правительства къ учрежденію въ Иерусалимѣ второй духовной миссіи было желаніе возстановить

¹⁾ См. выше, стр. 113.

сколько-нибудь поколебленное крымскою войною положеніе Россіи на православномъ Востокѣ. Само собою понятію теперь, что преосв. Кирилль, прежде всего, долженъ былъ опредѣлить, каково было дѣйствительное положеніе Россіи на Востокѣ послѣ войны 1853/4 г.г. и какъ Востокъ относился въ то время къ намъ?

Близкаѣйшее наблюденіе преосв. Кирилла надъ этимъ дало частію благопріятный, частію же неблагопріятный и неутѣшительный результатъ.

Православное населеніе Востока въ громадномъ большинствѣ, при всякомъ непосредственномъ соприкосновеніи преосв. Кирилла съ нимъ, выражало живое сочувствіе Россіи и всему русскому. „Не весьма довѣрчивый къ восточнымъ любезностямъ“,—писалъ онъ объ этомъ въ своемъ отчетѣ 11 марта 1858 года.—„я не могъ однако же не чувствовать особеннаго удовольствія, встрѣчая по всему протяженію пути отъ Константинополя до Иерусалима одинаковыя выраженія чувствъ благоговѣнія (иначе не могу выразиться, не измѣняя истины) къ имени Государи Императора, любви и довѣрія къ Россіи. Я бывалъ въ весьма различныхъ между собою кругахъ, сложенныхъ изъ лицъ разныхъ націй и различныхъ степеней общественныхъ; входилъ въ сношенія съ этими кружками не безъ предварительныхъ свѣдѣній о событіяхъ времени минувшей войны (для меня не тайна—разныя толки и проч. въ патріархіяхъ константинопольской и іерусалимской, въ Константинополь, торжество въ Иерусалимѣ по случаю взятія, какъ здѣсь выражались, Сенастополя и пр. и пр., чего не хочется писать на бумагѣ),—и во всѣхъ видѣлъ одно и то же. Оффиціальныя лица забывали; но крайней мѣрѣ, на мгновеніе, свою, обыкновенную на Востокѣ, осторожность и не могли удержаться—не бросить хотя по нѣскольку словъ, въ которыхъ звучали правда и вѣсть съ горемъ. Тысячи частныхъ лицъ, весьма немногія тайно, болѣею же частію явно несли мнѣ на встрѣчу открытую радость

и надежды, слезы и мольбы. Имя Государя русскаго слышалось въ церквахъ и изъ устъ толпы народной на улицахъ и площадяхъ, гдѣ мнѣ проходить случалось; слезамъ, предомно проштымъ, и ласкамъ, мнѣ оказаннымъ, пѣть мѣри“.

Замѣчательно, что сочувствіе Россіи выражалось на глазахъ нашей миссіи не только православное, но также и иноверное население Востока. На ряду съ православными арабами и болгарами, и турки выражали свои чувства преданности и довѣрія Россіи, равно какъ и армяне, „слышякомъ уже смѣлые въ изъявленіи своихъ чувствъ къ Россіи“, и сирійцы, греко-уніаты и марониты,—все съ довѣріемъ обращались къ начальнику русскої миссіи, не стѣняясь принимать благословеніе отъ русскаго архіерея; все возлагали надежды на Россію, страхась ближайшихъ, новыхъ друзей своихъ, такъ ужь близко прижимавшихъ ихъ къ своей холодной груди, что имъ становилось душно и тяжело.

Но внимательный наблюдатель не могъ не замѣтить и другої, обратной стороны въ настроеніи населенія православнаго Востока и въ его отношеніи къ Россіи. Было совершенно ясно и очевидно, что, если Россія за время минувшей, т. е. крымской войны не потеряла еще ничего особенно важнаго, за то другіе, западно-европейскіе народы приобрѣли очень много и при томъ прямо въ ущербъ вліянію Россіи на Востокъ. Было замѣтно, что если извѣстный исходъ крымской войны далъ Россіи еще болѣе вѣрныхъ, чѣмъ когда-нибудь прежде, друзей, то она въ продолженіе войны нажила себѣ на Востокъ и враговъ новыхъ, такихъ, какихъ прежде не имѣла, или они, по крайней мѣрѣ, не были замѣтны.

Въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, между архипастырями Востока, по наблюденіямъ преосв. Кирилла, можно было встрѣтить такихъ („я видѣлъ и слышалъ ихъ“,—говоритъ въ своемъ отчетѣ преосв. Кириллъ,—„собственными глазами и ушами“), которые чувствовали и выражали, что имѣютъ довольно сильный голосъ въ противодѣйствіи Россіи;

которые знали дорогу въ посольство католическое, не зная дороги въ посольство русское—православное; которые не пожелали посѣтить русскаго архіерея, при чемъ одинъ изъ членовъ синода константинопольскаго патріарха, желая выслужиться предъ турецкимъ правительствомъ, послалъ объ этомъ даже особое донесеніе въ Порту, которое, по странной случайности, пришло туда въ тотъ самый день, когда начальнику русскої миссіи было принять турецкимъ визиремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ самомъ простомъ населеніи православнаго Востока замѣчалось уже раздѣленіе и, къ глубокому сожалѣнію преосв. Кирилла, по его наблюденіямъ, предвидѣлось склоненіе большинства не на сторону Россіи. Въ школахъ и сколько нибудь образованномъ обществѣ начиналъ преобладать французскій языкъ; воспитаніе юношества перешло въ руки латинскихъ монаховъ и сестеръ милосердія; въ официальныхъ рѣчахъ, въ которыхъ православные святители и вселенскіе учителя поставились ниже блаж. Августина, св. Амвросія и блаж. Иеронима, ставились рядомъ имена двухъ императоровъ и т. п. Въ бейрутской православной школѣ была публично произнесена рѣчь, направленная противъ православія, и затѣмъ, послѣ акта, православнымъ воспитанникамъ въ награду за усерхіи и поведеніе были розданы латинскіе молитвенники.

Такимъ образомъ народонаселеніе православнаго Востока въ своихъ мнѣніяхъ о Россіи, по наблюденіямъ преосв. Кирилла, дѣлилось на двѣ партіи, которыя обѣ тогда (т. е. въ 1858—1859 г.г.) находились въ напряженнѣйшемъ состояніи. Партія чисто русская въ исходѣ крымской войны видѣла лучшее и сильнѣйшее доказательство могущества Россіи, какъ царства, котораго не могли побѣдить соединенными силами четыре государства. Эта партія пламенно желала и нетерпѣливо ждала, что Россія слова покажетъ свою силу и вліяніе на судьбы православнаго Востока, заставитъ уважать свой авторитетъ, вѣковыми заслугами приобретенный, первой

и законной покровительницы православныхъ обитателей Востока. Въ доказательство своихъ послѣднихъ наблюдений преосв. Кирилль ссылался на энтузіазмъ, проявленный населеніемъ православнаго Востока во время путешествія русской миссіи отъ Константинополя до Иерусалима, при чемъ въ иныхъ мѣстахъ энтузіазмъ проявлялся съ такою силою и такъ выразительно, что русская миссія даже нарочито должна была уклоняться отъ восторженнаго приѣма жителей тѣхъ городовъ, черезъ которые она проѣзжала, и даже совсѣмъ не выходила на берегъ, какъ это было сдѣлано, напр., на островахъ Родосъ и Кипръ и др. Кроме того, преосв. Кирилль указывалъ еще на слѣдующее обстоятельство, какъ на лучшій и краснорѣчивый примѣръ обнаруженія горячихъ надеждъ и сочувствія нѣкоторой части православнаго населенія Востока къ Россіи. Турецкое правительство, еще до прибытія второй русской миссіи въ Иерусалимъ, сдѣлало распоряженіе¹⁾ объ устройствѣ турецкаго госпиталя на 120 кроватей на мѣстѣ дома, близъ храма Воскресенія, гдѣ помѣщались кожевенные заводы. Вскорѣ по своемъ прибытіи въ Иерусалимъ, миссія получила положительныя и подробныя свѣдѣнія о предположеніяхъ турецкаго правительства и только ожидала, когда оно приступитъ къ очисткѣ мѣста. Вдругъ приходятъ къ начальнику русской миссіи съ торжественною вѣстію, что кожевниковъ выгоняютъ изъ дома и что толпы народа сбѣгаются смотреть на это, радуясь, что, наконецъ, *русскіе* выгнали кожевниковъ. Народъ былъ твердо убѣжденъ, что именно прибытіе русской миссіи въ Иерусалимъ было причиною давно желаннаго событія, и партію, расположенную къ Россіи, ничто не могло переувѣрить въ этомъ, тѣмъ болѣе, что и противная партія была поражена совпаденіемъ двухъ событій—прибытія

¹⁾ Противъ этого мѣста въ отчетѣ преосв. Кирилла рукою русскаго посланника въ Константинополь А. П. Бутенева отмѣчено: „распоряженія идутъ очень медленно; досель продолжаются соорженія о постройкѣ“.

русской миссіи и раззоренія кожевенныхъ заводовъ. Партія, враждебная къ Россіи, по наблюдениямъ преосв. Кирилла, была убѣждена, что русская миссія имѣла весьма важныя и серьезныя намѣренія по отношенію къ Иерусалиму и съ боязливю, плохо скрываемою, ожидала, когда миссія обнаружитъ свои планы. Скрытое положеніе и образъ дѣйствій русской миссіи не только не успокаивали сторонниковъ этой партіи, но какъ будто еще болѣе устранили и раздражали. Вездѣ шли толпы о русскихъ, со всѣхъ сторонъ употреблялись усилія проникнуть въ предположенія русской миссіи; эти послѣднія составляли предметъ всеобщаго вниманія, смѣлыхъ надеждъ со стороны одной половины населенія, боязливыхъ опасеній со стороны другой. „Объ половинѣ“,—говоритъ по этому поводу преосв. Кирилль въ своемъ отчетѣ 11 марта 1858 года,—„петербургово ждутъ исхода, чтобы порѣшить, которая изъ нихъ права, и установить сколько-нибудь правильныя взаимныя отношенія. Мы теперь на точкѣ отправления; стоять на одномъ мѣстѣ не можемъ; можемъ только двинуться—или впередъ, къ чести своего имени и ко благу православнаго, или назадъ—къ торжеству враговъ русскаго имени и славы православной церкви и вѣры. Остановить такое движеніе умовъ не въ нашей силѣ; даже ослабить видное напряженіе здѣшнихъ надеждъ и опасеній нѣтъ возможности. Остается только ожидать (конечно, не сложа руки), что принесетъ Востоку будущее: восторжествуетъ ли и утвердится, и получитъ ли преобладаніе партія руссофиловъ, или враги наши, воспользовавшись нашею слабостію, унижатъ насъ въ глазахъ нашихъ братьевъ и увлекутъ съ собою весь Востокъ подъ сѣнь другого покровительства, на пастбище иноверное и враждебное православію“.

Однако рѣшенія этого великаго сложнаго историческаго „восточнаго“ вопроса преосв. Кириллу не суждено было дождаться; да и досель этотъ вопросъ, можно сказать, остается нерѣшеннымъ, открытымъ.

Другимъ важнѣйшимъ, послѣ положенія Россіи на православномъ Востоку, предметомъ наблюденій преосв. Кирилла и членовъ его миссіи было, какъ сказано выше, внутреннее состояніе православной церкви Востока. Первое, что прежде всего остановило на себѣ вниманіе нашей второй іерусалимской миссіи въ этомъ послѣднемъ отношеніи,—это было печальное раздѣленіе православнаго населенія Востока на два лагери—противоположныхъ и даже прямо враждебныхъ между собою. Съ одной стороны, стояли греки, которые, благодаря тому, что изъ нихъ избирались члены высшей церковной іерархіи во всѣхъ восточныхъ патріархатахъ, пользовались всѣми правами и привилегіями, а съ другой—оставшія православныя народности, находившіяся въ подчиненіи у нервыхъ. „Путешествующаго по Востоку,“ — писалъ преосв. Кирилль 11 марта 1858 года, между прочимъ, въ министертво иностранныхъ дѣлъ, — „болѣзненно поражаютъ жалобныя вопли, начинающіеся у входа въ великую церковь константинопольскую и не оканчивающіеся еще у вратъ св. Іерусалима... Съ переменною мѣста, переменяясь въѣшній видъ жалующихся и ропщущихъ, не переменится только предметъ ропота и воплей. Если языкъ арабовъ на дальнемъ Востоку не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ болгаръ, живущихъ на европейскомъ предметѣ греко-восточной великой церкви, то скорбь этихъ двухъ подавляемыхъ народностей и общая у нихъ, ожесточенная ненависть къ грекамъ выражается въ русскомъ переводѣ почти однимъ и тѣми же словами“.

Невозможно было, по отзыву преосв. Кирилла, равнодушно смотрѣть со стороны на то нравственное униженіе, на тотъ упадокъ внутреннихъ жизненныхъ началъ, какія поражали взоръ наблюдателя въ церквахъ—болгарской и арабской,—на тѣ страшные признаки начавшагося уже распадена составныхъ началъ церковнаго общества, какіе на каждомъ шагу встрѣчались въ тѣхъ церквахъ, внутренняя жизнь которыхъ всецѣло сосредоточивалась, казалось, на борьбѣ между

преобладаніемъ и успѣхами подавить народныя начала со стороны пастырей и ожесточенною ненавистію за то къ нимъ со стороны насомыхъ. Дѣло шло уже тогда такъ далеко, что, съ одной стороны, въ пастыряхъ замѣтна была холодность къ дѣлу вѣры и церкви, страшная для посторонняго наблюдателя жестокость, съ какою духовенство греческое (по происхожденію) намѣренію отталкивало отъ себя желавшихъ присоединиться къ православной церкви, отговариваясь тѣмъ, что эти новоприсоединенные потребуютъ только лишнихъ хлопотъ и расходовъ; а съ другой стороны, непреодолимое въ народѣ презрѣніе и ненависть къ греческому духовенству.

Въ подтвержденіе своихъ послѣднихъ наблюденій начальникъ русской миссіи въ Іерусалимѣ ссылался, съ одной стороны, на письма сирійскихъ греко-униатовъ къ нему, которые сильно желали воссоединиться съ православною церковью, но отъ исполненія этого своего желанія удерживались единственно боязнію попасть подъ тяжелую руку греческаго духовенства; а съ другой стороны, на жалобы болгаръ, которые тогда открыли сильную полемику противъ грековъ съ цѣлію приобрѣтенія церковной независимости. Нельзя при этомъ не замѣтить, что настоящій отзывъ преосв. Кирилла о крайне угнетенномъ положеніи православныхъ народностей Востока у грековъ, сдѣланный имъ отчасти подъ вліяніемъ свидѣній, полученныхъ имъ еще въ Петербургѣ, предъ отправленіемъ на Востокъ, въ министертвѣ иностранныхъ дѣлъ, о чемъ онъ самъ говоритъ ¹⁾, не чужды были крайности и преувеличеній. Даже изъ послѣдующихъ наблюденій и дѣятельности самого преосв. Кирилла видно будетъ, что 1) за-

¹⁾ Вотъ эти слова въ отчетѣ отъ 11 марта 1858 года: „отъ министертва пленно, прежде всего, узналъ я, постоянный до того и уединенный житель своего скромнаго кабинета, объ этихъ жалобахъ и вопляхъ (разумѣется, православныхъ народностей Востока на Грековъ), послужавшихъ, между прочимъ, и причиною устройства миссіи іерусалимской“.

зависимость православныхъ народностей Востока отъ грековъ вытекала изъ всего хода исторіи православія на Востокъ, и 2) эта зависимость во многихъ отношеніяхъ была даже необходимою и спасительною для православія на Востокъ. Если бы инославная западно-европейская пропаганда не встрѣтилась на Востокъ съ такими борцами—некускими, опытными и умными—за православіе, какъ греки, то православіе въ иныхъ мѣстахъ, быть можетъ, давно перестало бы уже именоваться. Въ подтвержденіе послѣднихъ нашихъ словъ позволимъ себѣ будетъ, кажется, привести здѣсь слова другого лица, немалое время прожившаго на Востокъ, хорошо знавшаго внутреннее состояніе его и высоко цѣнившаго заслуги грековъ предъ православною церковью, именно архимандрита (впоследствии епископа) Петра (Троицкаго), который говоритъ: „во многихъ и многихъ дѣлахъ церковныхъ предъ греками мы—дѣти, и православіе на Востокъ весьма многимъ обязано именно грекамъ“¹⁾.

Но тѣмъ не менѣе самъ по себѣ подмѣченный преосв. Кирилломъ фактъ раздѣленія между высшимъ греческимъ (по происхожденію) духовенствомъ и паствою православнаго Востока, принадлежавшаго къ негреческимъ племенамъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ оное совершенно подтверждается и другими тогочасными свидѣтельствами.

И раздѣленіе это было опасно не столько само по себѣ, сколько по тому, что имъ легко пользовались дѣятели инославной пропаганды на Востокъ для своихъ цѣлей и во вредъ православію. Къ внутреннему злу, къ печальному раздѣленію между пастырями и паствою, къ ужасному невѣжеству и нищетѣ приходскаго духовенства, между которыми въ патріархіи іерусалимской, по наблюденіямъ начальника русской духовной миссіи, можно было встрѣчать и такихъ, ко-

¹⁾ См. его записку въ музейной библіотекѣ Киевской дух. Академіи, вышеупомянутую нами на стр. 34.

которые только за два мѣсяца до посвященія начали учиться грамотѣ и выучились только читать псалтирь, а съ другой стороны, можно было видѣть весьма немного такихъ, у которыхъ бѣлье, платье и обувь были бы похожи на человѣческія, ко всѣмъ видамъ нравственнаго и вѣщнаго разстройства въ паствѣ, присоединились еще практическіе навіты. Протестантскія общества, раздражая жалобы, усиливали ненависть къ православнымъ и подавали утѣшеніе въ своихъ школахъ, госпиталихъ и въ различныхъ кабинетахъ, гдѣ давали деньги подъ роменскіи на суммы въ 1000 разъ большія того, что давалось въ руки, и откуда вели только двѣ дороги: или къ Риму, или къ англійскому покровительству. Если въ этомъ отношеніи и была нѣкоторая разность въ судьбѣ православія на далекомъ Востокѣ и въ европейскомъ преддверіи великой константинопольской церкви, то развѣ только въ томъ, что Сирія и Палестина уже тогда совершенно „офранцузились“ по языку и обычаямъ, но крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ пунктахъ ихъ, а Болгарія только еще начинала склоняться на сторону европейскаго запада, будучи еще не въ состояніи отказаться отъ праѣдовскихъ надеждъ на Россію.

Причина всего зла тамъ и здѣсь, по наблюденіямъ преосв. Кирилла, была одна и та же, именно: преобладаніе грековъ, захватившихъ въ свои руки всю духовную власть. Въ ихъ распоряженіи находились тогда три патріархіи восточной церкви, населенныя чисто арабскими племенами. Константинопольскій синодъ, по своему усмотрѣнію, располагалъ патріаршими престолами въ Іерусалимѣ, Антиохіи и Александріи. А патріархи—іерусалимскій, антиохійскій и александрійскій, съ своей стороны, дѣйствовали въ отношеніи къ епископскимъ каедамъ своихъ патріархатовъ точно такъ же, какъ и константинопольскій патріархъ въ отношеніи къ болгарской церкви, т. е. ставили епископами по преимуществу грековъ, которымъ вѣнялось въ обязанность всѣмъ

мѣрами стараться искоренить употребленіе народныхъ языковъ и замѣнить ихъ греческимъ. Арабское населеніе Востока было въ этомъ отношеніи, пожалуй, еще нѣсколько счастливѣе болгаръ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ антиохійскомъ патріархатѣ насчитывалось тогда до шести епископовъ изъ арабовъ. Но и эти архіереи, по наблюденіямъ Преосв. Кирилла, находились въ совершенной власти грековъ, будучи разсыяны по отдаленнымъ концамъ патріархіи, согласно съ напередъ обдуманнѣшими планами греческихъ іерарховъ, а съ другой стороны, оставаясь на той же степени невѣжества, на какой стояли вообще народъ и низшее духовенство. Краснорѣчивѣйшій опытъ своей недалекновидности и несообразительности эти архіереи показали при назначеніи тоговременнаго антиохійскаго патріарха. Не рѣшившись предостановить чести высшаго управленія одному изъ своей среды, они положили просить вселенскій престолъ прислать имъ патріарха изъ Константинополя, и прислать быть, разумѣется, грекъ.

Впрочемъ, и преосв. Кириллъ самъ здѣсь же признавалъ, что на сторонѣ грековъ была не одна только вѣднѣйшая сила, какъ бы случайно пріобрѣтенная, но также и преимущества нравственныя, или, точнѣе, умственныя. Зависимое положеніе извонило ихъ изворотливый по природѣ умъ, и, если просвѣщеніе у грековъ тогда было не высоко, однакоже и между простецами обстоятельства нерѣдко развивали такія политическія способности, которыя невольно бросались въ глаза стороннему наблюдателю. При своихъ разнообразныхъ сношеніяхъ съ греками въ Константинополѣ и Іерусалимѣ, преосв. Кириллъ имѣлъ возможность убѣдиться, что между ними люди ученые считались единицами, люди умные и благонамѣренные десятками, а люди столько же ловкіе, сколько и недобросовѣстные сотнями. Всѣ они вмѣстѣ, по его наблюденіямъ, весьма обдуманно и систематически вели дѣло, остававшееся общимъ, не смотря на интриги, которыя дѣлали одну патріархію до оз-

лобленія враждебною другой. Всѣ они умѣли, когда нужно было, прикрыться за нѣсколькими, на показъ подставленными образчиками пастырской попечительности о православіи и просвѣщеніи народа; умѣли, когда нужно было, укрыться подъ покровомъ ближайшей и сильнѣйшей власти, смотря по тому, какая казалась болѣе выгодною и обѣщала скорѣйшее вѣднѣйствованіе: двѣ причины, которыя заставляли, напр., іерусалимскаго патріарха сидѣть въ Константинополѣ, гдѣ онъ устроилъ и лично показывалъ членамъ русской духовной миссіи училище для 250 дѣвочекъ—гречанокъ, и гдѣ ему удобно было, въ случаяхъ нужды, обращаться къ великому визирю съ цѣлю расширенія власти или защиты іерархическихъ правъ. Такимъ образомъ, противъ „несчастныхъ націй, исповѣдывавшихъ православіе и находившихся подъ руководствомъ иноязычной іерархіи“,—говоритъ преосв. Кириллъ,—„была не только сила вѣднѣйшихъ правъ, но и сила утопчивагося въ лукавствѣ ума въ людяхъ державныхъ кормило правленія въ своихъ рукахъ“.

Неутѣшительное зрѣлище представляла для наблюдателя и другая половина православнаго населенія Востока, которую преосв. Кириллъ называетъ „угнетенною, подавленною“. Вражда всеобщая, ожесточенная и упорная, которая „опыняла“ тогда угнетенныя національности, и въ однихъ, особенно въ Болгаріи, пробуждала преждевременные и безразсудные вопли, а въ другихъ, по преимуществу на дальнемъ Востокѣ, развивала тайную рѣшимость перебѣгать отъ іерархіи иноязычной, но единовѣрной, къ іерархіи иновѣрной,—эта вражда, по наблюденіямъ преосв. Кирилла, служила скорѣе признакомъ слабости угнетенныхъ, чѣмъ противодѣйствія ихъ угнетающимъ, и составляла единственный признакъ внутренней самостоятельной жизни частей, управлявшихся пастырями, чуждыми имъ по языку и правамъ. Сами угнетенныя національности инстинктивно чувствовали, что онѣ не имѣли еще въ себѣ заговѣвъ благоустройства, и обращали свои робкія

надежды къ единовѣрной Россіи, такъ какъ, дѣйствительно, собственныхъ средствъ къ благоустройству внутренней жизни въ этихъ народностяхъ было крайне мало: одни изъ жизненныхъ началъ уже были истощены, другія еще не были сознаны.

Тѣ же самыя борьба и раздѣленіе между двумя противоположными элементами—греческимъ—господствующимъ и—негреческимъ, подчиненнымъ, которыя составляли основу церковной жизни на всемъ православномъ Востоку, проявлялись во всей своей силѣ и въ патріархатахъ—іерусалимскомъ и антиохійскомъ, которые съ особеннымъ удобствомъ могли наблюдать начальникъ нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ.

Іерархія іерусалимскаго патріархата, по отзыву преосв. Кирилла, слагалась въ его время изъ трехъ элементовъ: 1) патріарха, который тогда, замѣщая всѣми суммами свято-гробскаго братства, издали управлялъ своимъ синодомъ съ неограниченнымъ самовластіемъ; 2) синода, состоявшаго изъ архіереевъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновъ, исключительно грековъ, и находившагося въ безусловной зависимости отъ произвола патріаршаго, чему содѣйствовало и то обстоятельство, что всѣ архіерен, кромѣ двухъ (не говоря уже о другихъ чинахъ), безвыходно сидѣли въ патріархіи на скудномъ содержаніи отъ патріарха, дававшего имъ только изрѣдка какую нибудь денежную помощь, постоянно же квартиру, пищу, одежду и право—отслужить иногда заказную литургію, или сходить къ поклонникамъ для совершения надъ ними елеосвященія; и 3) блага духовенства исключительно изъ арабовъ, въ Іерусалимѣ состоявшаго на содержаніи патріархіи и находившагося въ положеніи худшемъ послѣдняго прислужника греческаго монастыря, а въ другихъ мѣстахъ бѣдствовавшего отъ скудости и крайней нужды, безграмотнаго, безгласнаго, безпомощнаго.

Послѣдніе два элемента, по наблюденіямъ преосв. Кирилла, были подавлены тогда до послѣдней степени униженія. Исключеній изъ общаго правила было весьма мало, именно: одинъ изъ патріаршихъ намѣстниковъ (тогда какъ другой едва только начиналъ понимать гнетъ) и одинъ священникъ въ Акрѣ, который, идя на своей сторонѣ мѣстныхъ бедуиновъ, служилъ въ продолженіе всей крымской войны молебны за успѣхъ русскаго оружія и не могъ быть ничѣмъ тронутъ. Въ остальной массѣ единственный признакъ человеческого достоинства проявлялся только въ томъ, что иной архіерей позволялъ себѣ не послушаться патріарха послѣ троекратнаго приказанія, какъ это сдѣлалъ, напр., акрскій, или настойчиво выпрашивалъ себѣ единовременное пособіе рублей въ 100 сер., какъ сдѣлалъ это одинъ изъ архіереевъ, жившихъ въ Іерусалимѣ; что священники, какъ это было въ Виллеемѣ, отправлялись иногда къ латинскому патріарху просить себѣ хлѣба и жаловаться на своего патріарха, который былъ безсиленъ наказывать виновныхъ даже церковною епитиміею.

Патріархъ тоговременный іерусалимскій¹⁾, по наблюденіямъ преосв. Кирилла, былъ человекъ безъ всякаго образованія, но не безъ природнаго ума, который ставилъ его много выше окружающаго его большинства, человекъ съ самолюбіемъ, иногда мелочнымъ, всегда сильнымъ и нескотливымъ, проявлялъ нѣкотораго рода дѣятельность, „если не на истинную пользу церкви, то на славу своего имени“: завелъ и поддерживалъ типографію, устроилъ въ Крестномъ монастырѣ нѣчто въ родѣ духовной семинаріи, или академіи. Оба эти учрежденія пресѣдовали одностороннія и тепденціозныя цѣли. Типографія была занята только перепечаткою греческихъ книгъ; для арабскихъ удѣлялось едва нѣсколько недель въ году и то развѣ уже по какимъ-либо особеннымъ побужденіямъ. Правда, кладовыя типографіи на всякій случай, для

¹⁾ Кириллъ II См. о немъ выше стр. 122 прим. 1.

виду были набиты арабскими псалтирями и катихизисами, которые лежали неподвижно, такъ какъ даромъ патріархія ихъ никому не давала, а за деньги арабы не покупали, хотя, по замѣчанію преосв. Кирилла, за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ было еще хуже того: тогда жили арабскія богослужебныя книги. Академія, или семинарія крестная представляла тогда чисто греческую школу, въ которой три принимавшихъ грека считались на одного араба, да и этимъ бѣднымъ арабамъ то старались внушать, что они—не арабы, а греки, забывшіе свое происхожденіе, то на дѣлѣ успивались показать, что лучше выдавать себя за грека, чтобы имѣть какой-либо почетъ и вниманіе, нежели оставаться арабомъ—„въ причинномъ этому племенн пренебреженіи“. „Богъ вѣдаетъ“,—за мѣчалъ по этому поводу преосв. Кириллъ,—„къ чему приведетъ эта школа, вовсе не соответствующая потребностямъ мѣстной церкви: добраго не предвидится. Что будутъ дѣлать съ этими „учеными арабами“, при существующемъ здѣсь правилѣ—не допускать, по возможности, арабовъ до принятія обѣтовъ монашества? Что будутъ дѣлать эти самые ученые арабы, когда ихъ разсыютъ по бѣднымъ селамъ учителями, или священниками? Болѣе образованные, будутъ-ли они болѣе терпѣливы, или, при болѣе развитомъ самолюбіи, будутъ только болѣе рѣшительны въ борьбѣ съ греками, или въ продажѣ православія? Страшно подумать о послѣдствіяхъ этихъ предпріятій патріарха, задуманныхъ болѣе съ цѣлію устранивъ участіе русской духовной миссіи въ просвѣщеніи арабовъ, нежели съ желаніемъ цѣлной пользы для церкви“.

Что касается самой паствы іерусалимскаго патріархата, то она, по наблюденіямъ преосв. Кирилла, представляла почву хотя и не совсѣмъ неблагоприятную, но въ то же время и совершенно не подготовленную. Среди іерусалимской паствы, преимущественно арабской, было, правда, сильно развито стремленіе къ школьному образованію, къ устроенію училищъ въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ. Но при ближайшемъ

наблюденіи, это стремленіе оказывалось явленіемъ искусственнымъ, возникшимъ подъ влияніемъ внославнои пропаганды. Наблюденія преосв. Кирилла, которыми онъ дѣлился съ начальствомъ своимъ въ отчетѣ 10 февраля 1859 года, надъ существовавшими уже народными школами въ Палестинѣ, казалось, вполнѣ подтверждали такое его сужденіе. „Въ греко-арабскихъ школахъ“,—говоритъ онъ здѣсь,—„постоянно повторяется печальное явленіе, на которое жаловался мнѣ и патріархъ,—что христіане то отдають своихъ дѣтей въ школы, то берутъ ихъ назадъ совершенно безвременно. Патріархъ рѣшился, наконецъ, принимать дѣтей въ школы только по контрактамъ, которыми отцы обязываются не брать дѣтей изъ училища до истеченія пяти лѣтъ: мѣра на мой взглядъ не довольно обдуманная, но во всякомъ случаѣ показывающая, что христіане, много крича о школахъ по подражанію, въ существѣ дѣла, цѣвятъ ихъ весьма мало. Школы иновѣрныхъ болѣе православныхъ благоустроены, но за то существованіе ихъ еще болѣе искусственно и, въ отношеніи къ намъ, не можетъ служить слишкомъ сильнымъ поощреніемъ къ намѣренному размноженію школъ повсюду въ Палестинѣ“.

Прежде чѣмъ перейти, далѣе, къ изложенію наблюденій преосв. Кирилла надъ патріархатомъ антиохійскимъ, считаемъ необходимымъ сказать, какимъ образомъ онъ пріобрѣталъ свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи этого послѣдняго. Мы знаемъ, что однимъ (именно двѣнадцатымъ) изъ пунктовъ инструкціи, врученной начальнику нашей іерусалимской духовной миссіи, ему прямо вѣзвилось въ обязанность распространять свою дѣятельность и свои наблюденія и на антиохійскій патріархатъ и слѣдить тамъ за дѣйствіями патріарха греческаго, не всегда благопріятнаго арабамъ. При этомъ въ инструкціи прямо замѣчалось, что „побѣды нѣкоторыхъ лицъ нашей духовной миссіи въ Дамаскъ и въ Горную Хазбетъ и на поморіе сидонское могутъ быть весьма полезны“¹⁾.

¹⁾ См. арх. Сл. Сп. по канцеляр'и г. оберъ-прокурора за 1858 г. № 373. Преосв. Кириллъ Наумовъ.

Имѣя въ виду свою обязанность, прямо выраженную въ приведенныхъ сейчасъ словахъ инструкціи, а съ другой стороны, пользуясь приглашеніемъ антиохійскаго патріарха и русскаго генеральнаго консула въ Бейрутъ, преосв. Кириллъ въ первый же годъ своего служенія на Востоку рѣшилъ лично посѣтить предѣлы антиохійскаго патріархата, что и сдѣлать въ промежутокъ времени между 9 ноября и 23 декабря 1858 года. Встрѣченный имъ при этомъ въ Сиріи пріемъ поразилъ его своею неожиданностію. „Описывать пріемы, какіе дѣлаемы были имъ въ Сиріи по всему протяженію моего пути и православными и греко-уніатами восточными и даже друзьями¹⁾ и частію маронитами“²⁾,—доноситъ объ этомъ преосв. Кириллъ 30 декабря 1858 года кн. Лобанову-Ростовскому³⁾,—„я не беру съ ихъ лучше очертить однимъ выраженіемъ: безграничный энтузіазмъ, тѣмъ дать какое-либо опредѣлительное описаніе. Маршелье и Захля, наполненный греко-уніатами, Дамаскъ, встрѣтившій меня съ торжествомъ, какого давно тамъ не видали, если только когда либо видѣли Ратей и Хазбея, гдѣ мусульмане, друзья и христіане оспаривали другъ друга въ выраженіи имъ своего сочувствія, напоенные греко-уніатами Сайда и Суріъ, не говоря уже объ Аурѣ, Назаретѣ и Напрузѣ,—громко и задумчиво высказывали живѣйшее сочувствіе Россіи, какого въ Россіи, вѣроятно, не предпологаютъ. Много разъ я былъ потрясенъ до глубины души выраженіемъ восторга, любви и вѣры со стороны тѣхъ, для которыхъ мы съ своей стороны много и сдѣлали? Сердце обливается кровію при мысли: неужели мы и теперь ничего не сдѣлаемъ? еще разъ обманемъ вѣру

¹⁾ Друзья—народъ живущій на южн. Ливанѣ и Антиливанѣ, вѣновѣдавшій религію, представляющую смѣсь христ., евр. и магометан. ученій.

²⁾ Марониты—христіанскіе сектанты, отдѣлившіеся отъ монофизитовъ и жившіе въ ливанск. горахъ.

³⁾ Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій, бывшій съ 1856—1859 г. совѣтникомъ, а съ 1859—1863 г. русскимъ посланникомъ въ Константинополь; † 1896 г.

народовъ? еще разъ попытаемся задушить своими руками любовь къ намъ, возникшую безъ нашихъ усилій“¹⁾

Результатомъ 1½ мѣсячнаго путешествія преосв. Кирилла по Сиріи были слѣдующія свѣдѣнія и наблюденія, собранныя имъ и касавшіяся внутренняго состоянія антиохійскаго патріархата.

Иерархія этого послѣдняго патріархата, раздѣленная, какъ и въ Иерусалимѣ, на двѣ неравныя—и по численности и по правамъ—половины—греческую и арабскую, тѣмъ не менѣе значительно отличалась отъ іерусалимской іерархіи въ другихъ отношеніяхъ.

Тоговременный патріархъ антиохійскій,²⁾ по наблюденіямъ преосв. Кирилла, былъ человѣкъ добрый, хотя и слабый, способный подчиняться всякому вліянію, былъ любимъ настою за доброту, но осуждался многими за слабость. Патріарха окружали слѣдующія лица, болѣе или менѣе имѣвшіе вліяніе на него: 1) братъ его, архидіаконъ Петръ, человѣкъ взаимонный, но тѣмъ не менѣе державшій въ своихъ рукахъ всю патріархію и поддерживавшій въ ней хотя кажущійся порядокъ; въ отношеніи къ Россіи и русскимъ онъ могъ быть одинаково полезенъ и вреденъ, смотря по тому, какое направленіе могъ получить. 2) Консульскій агентъ

¹⁾ См. въ арх. министерства иностранныхъ дѣлъ за 1853 г. между дѣлами второй іерусалимской миссіи базъ №. О томъ же самомъ путешествіи своемъ по Сиріи преосв. Кириллъ писалъ къ своимъ петербургскимъ роднымъ 17 декабря 1858 г. изъ Сайды (древ. Сидона) слѣдующее: „съ 10 ноября по сію пору совершилъ я порядочное путешествіе: изъ Бейрута, чрезъ ливанскіи и антиливанскіи горы, въ Дамаскъ; изъ Дамаска потъ уже опять добрался до морского берега, чтобы снова обратиться въ Иерусалимъ по лѣвскимъ востокамъ, которые теперь, я думаю, покажутся мнѣ просто бульваромъ, или тротуаромъ послѣ тѣхъ страшныхъ висотъ и т. н. дорогъ, по которымъ я странствовалъ теперь. Все такъ-то подъѣдешь къ горѣ—голова ломится, а смотришь, въѣдешь,—сиди только спокойно на лошади, да держись“. Изъ нападанаго письма.

²⁾ Героевъ, избранный въ 1851 г. изъ архіепископовъ оаворскихъ † 1885 г. См. Собраніе мѣній и отъзововъ и. Филарета по дѣламъ правосл. церкви на Востоку, стр. 26.

греческаго королевства, ибико Спартан, женатый на племянницѣ патриарха; онъ дѣйствовалъ постоянно подъ влияніемъ и въ видахъ французскаго консула, направляя и дѣятельность патриарха сообразно желаніямъ этого послѣдняго.

3) Русскій агентъ Телятиниди, который не способенъ былъ имѣть прямое влияніе на кого бы то ни было, но могъ дѣйствовать подъ руководствомъ другихъ, какъ онъ и дѣйствовалъ по отношенію къ патриарху въ совершенномъ не только согласіи съ греческимъ агентомъ, но и въ слѣпомъ подчиненіи его видамъ.

Архіереи антиохійскаго патриархата были—на-половину греки, на-половину арабы. Ни тѣ, ни другіе не принимали никакого участія въ дѣлахъ патриархіи, за исключеніемъ временнаго патриаршаго намѣстника, епископа аркадійскаго, который жилъ тогда, во время отсутствія патриарха, въ Дамаскѣ, но въ совершенной зависимости, чтобъ не сказать пренебреженія со стороны архидіакона Цароенія, патриаршаго брата. Нѣкоторые архіереи жили, а другіе, не имѣвшіе постоянного пристанища, скитались по своимъ епархіямъ, и все находились внѣ Дамаска, резиденціи патриарха: обстоятельство, отличавшее антиохійскій патриархатъ отъ іерусалимскаго и константинопольскаго и имѣвшее свою хорошую и дурную сторону,—хорошую въ томъ, что архіереи были все таки на своихъ мѣстахъ и чрезъ нихъ можно было дѣйствовать на все, самыя отдаленныя части патриархата; дурную въ томъ, что патриархія дѣйствовала уже совершенно самостоятельно, не стѣняясь даже кажущимся участіемъ въ дѣлахъ церкви со стороны архіереевъ, какъ это было, напр., въ Іерусалимѣ.

Все архіереи антиохійскаго патриархата жили между собою недружелюбно, что наблюдалось не только между греками и арабами, но даже и между самими греками; но крайней мѣрѣ, бейрутскій епископъ находился постоянно въ оппозиціи патриарху и его намѣстникамъ. Что же касается отношеній между архіереями—греками и архіереями—арабами,

то между ними, по наблюденіямъ начальника нашей миссіи, цариза непримиримая вражда. При всей своей симпатіи къ арабскому, „угнетенному“ элементу, преосв. Кирилъ однако отдавалъ предпочтеніе архіереямъ изъ грековъ предъ архіереями изъ арабовъ. „Между арабами, которыхъ я лично узналъ“,—говоритъ преосв. Кирилъ,—„я нашелъ только одного архіерея умнаго и вполне достойнаго своего званія, преосвященнаго Герасима, который, вѣроятно, по этой именно причинѣ и состоялъ безъ епархіи и подъ опалю патриарха. Остальные, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ которыхъ я видѣлъ, такъ ужь плохи, что всякаго снисхожденія для нихъ мало, хотя винить ни ихъ, ни арабское племя за нихъ нельзя: патриархіею принято за правило—поставлять на архіерейскія мѣста тѣхъ изъ арабовъ, которые меньше всего къ тому годны, съ тою цѣлю, чтобы самихъ арабовъ убѣдить опытомъ, что изъ арабовъ дѣлать архіереевъ нельзя и что все спасеніе въ грекахъ“.

Положеніе всехъ архіереевъ антиохійскаго патриархата, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыхъ видѣлъ начальникъ нашей іерусалимской духовной миссіи, за исключеніемъ бейрутскаго преосвященнаго, было самое горестное и жалкое. Такъ, напр., патриаршій намѣстникъ, преосвященный аркадіискій Іосифъ, убѣжалъ изъ своей епархіи, испугавшись нападенія бедуиновъ, и не имѣлъ никакого пристанища. Онъ съ ужасомъ представлялъ себѣ, что его ожидало, если бы осталось безъ успѣха ходатайство патриарха предъ русскимъ Св. Синодомъ о вывозѣ его на антиохійское подворье въ Москвѣ. Въ Дамаскѣ ему жить не позволили, а если бы и позволили, то это было бы для него хуже ссылки; на епархію ѣхать, по его словамъ, было невозможно, а если и возможно было бы, то не съ чѣмъ: жалованье его равнялось полутора, двумъ, много тремъ тысячамъ піастровъ (140—280 руб. сер.); ризницы онъ не имѣлъ никакой, такъ что начальникъ русской миссіи въ Іеру-

сазимиъ долженъ былъ дать ему парчи на саккосъ и подарить свою маггію.

Преосвященный селевкійскій Меодій былъ изгнанъ изъ Захлю и не нашелъ никакого пристанища нигдѣ и никакого участія въ патриархіи. Преосв. Кирилъ самъ отвезъ его въ Захлю, примирилъ съ православными, а также и съ греко-униатскимъ архіереемъ и его паствою, далъ пособіе преосвященному и назначилъ нѣкоторую сумму на содержаніе архіерейскаго дома.

Преосвященный Герасимъ, пользовавшійся прежде особеннымъ довѣріемъ патриарха, въ то время, т. е. въ 1858 году разошелся съ нимъ, получилъ бѣдливую епархію, гдѣ невозможно было существовать, и потому оставилъ ее, но не получилъ другой епархіи, не получивъ даже позволенія жить въ Дамаскъ, хотя присутствіе его тамъ было весьма необходимо, по мнѣнію преосв. Кирилла, особенно для дѣла греко-униатскаго. Въ то же самое время появившій въ опалу архіерей не получилъ никакого пособія отъ патриархіи, которая предложила было ему только помѣщеніе, иначе ссылку въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей. Начальникъ русской миссіи, во время своего свиданія съ антиохійскимъ патриархомъ, старался примирить его съ этимъ преосвященнымъ, но безъ всякаго успѣха. Патриархъ только обѣщавъ дать ему со временемъ Тиро-сидонскую епархію и затѣмъ сдать его на руки преосв. Кириллу, позволивъ этому послѣднему взять его съ собою въ Дамаскъ и употребить, по своему усмотрѣнію, въ греко-униатскомъ дѣлѣ, что тотъ и сдѣлалъ, положивъ преосвященному денежное пособіе изъ суммъ миссіи.

Въ Хавзеѣ начальникъ русской миссіи нашелъ преосвященнаго тиро-сидонскаго Исаію. „Трудно было бы найти человека“,—говоритъ о немъ преосв. Кирилъ,—„менѣе соответствующаго потребностямъ этой обширной и важной епархіи, въ составъ которой входятъ Ратей, Хавзея, Суръ

(Тиръ), Сайда (Сидонъ) и др. города, гдѣ преобладаетъ униа, и начинаетъ усиленно распространяться протестанство. Но и положеніе его таково, что и при способности онъ едва ли бы могъ что нибудь сдѣлать въ пользу православія. Онъ едва имѣетъ 3000 піастровъ (около 150 руб. сер.) годоваго дохода. Онъ не имѣетъ діакона для служенія въ церкви и служитъ съ двумя священниками, получая за заказную литургію піастровъ 10—12: такого жалкаго явленія и доселѣ не встрѣчалъ, да признаться и не думалъ встрѣтить“.

Приходское духовенство антиохійскаго патриархата произвело на преосв. Кирилла болѣе отрадное впечатлѣніе. Въ самомъ Дамаскѣ приходское духовенство, по его отзыву, было даже достойно всякаго уваженія. Между священниками были люди очень умные, и все они вообще не были такими невѣждами, какъ въ іерусалимскомъ патриархатѣ, и держали себя весьма прилично: причина этого, быть можетъ, заключалась, по объявленію преосв. Кирилла, и въ томъ, что они болѣею частью были люди очень достаточные, такъ какъ семья ихъ занималась различными промыслами. И въ Дамаскѣ, во всѣхъ мѣстахъ, которыя посетилъ преосв. Кирилъ, духовенство арабское не производило на него того безотраднaго впечатлѣнія, какое снова стало поражать его, едва только онъ вступилъ въ предѣлы іерусалимскаго патриархата. Правда, оно было бѣдно, скудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишено смысла, не забито. Болѣе другихъ терпѣли въ матеріальномъ отношеніи священники изъ новообратившихся греко-униатовъ, къ которымъ патриархія относилась непростительно холодно.

Въ народонаселеніи православнымъ антиохійскаго патриархата преосв. Кирилъ подмѣтилъ нѣсколько весьма характеристическихъ, но его мнѣнію, чертъ. По мѣстамъ оно было богато, но мѣстамъ бѣдно и стѣснено, но вездѣ довольно живо и самостоятельно, обнаруживало здравое стремленіе къ образованію и умѣло стоять за свою народность. „Эта первая черта“,—замѣчаетъ преосв. Кирилъ,—„которая постоянно

бросалась въ глаза мнѣ во время путешествія по Сиріи,— черта весьма отрадная, подающая добрыя надежды для будущаго“.

Другая, еще болѣе замѣтно выдававшаяся, по наблюдѣніямъ преосв. Кирилла, черта состояла въ особаго рода отношеніяхъ народа къ іерархіи. Высшее духовенство почти вездѣ уже потеряло довѣріе и уваженіе въ глазахъ народа: здѣсь не было различія между архіереями изъ грековъ и архіереями изъ арабовъ; грековъ не любили, какъ грековъ, а арабовъ за то, что они, какъ люди неспособные (замѣчено уже было, что патріархія нарочито выбирала такихъ), не поднимали собою, а окончательно ропяли арабское населеніе въ глазахъ единовѣрцевъ и иновѣрцевъ. Но отношенія мірянъ къ приходскому духовенству здѣсь были такъ хороши, какъ только можно было желать того. Эти два элемента были связаны между собою крѣпкимъ взаимнымъ довѣріемъ и любовью: „что было бы“.—замѣчаетъ по этому поводу преосв. Кириллъ,—„если бы духовенство было еще образовано, какъ должно“!

Третья черта, подмѣченная преосв. Кирилломъ въ православіи населеніи антиохійскаго патріархата и особенно знаменательная для русскаго дѣла на Востоку, заключалась во мнѣніи народа о Россіи, въ его чувствахъ къ Россіи. „Я не боюсь утверждать“,—говоритъ преосв. Кириллъ по этому поводу,—„что весь этотъ народъ живетъ только вѣрою въ Россію, надеждою на Россію. Онъ убѣжденъ, что престолъ православія теперь въ Россіи: туда и обращаетъ онъ свои заветныя вѣрованія; отсюда влечетъ къ себѣ успокоительныя надежды. Онъ вѣритъ только въ духовенство русское и по этой вѣрѣ снисходитъ къ своему. Выраженіи этой вѣры, встрѣчавшія и сопровождавшія меня по всему пути отъ горъ ливанскихъ до горъ іудейскихъ, поражали меня, потрясали все существо мое. Право, мнѣ кажется, не иначе принимали Апостоловъ Господнихъ, когда они посѣщали

свои паствы: такъ много евангельскаго было въ этихъ вопляхъ радости, смѣшанныхъ со слезами умиленія, съ какими одно другому передавали меня христіанскія сирійскія селенія, въ этихъ массахъ, которыя тѣснили меня отовсюду, которыя по нѣскольку часовъ держали меня въ своей средѣ, докогда я не благословлю вѣхъ, докогда не осѣню крестнымъ знаменемъ вѣхъ до одной чашечки съ масломъ или водою, подносящійся мнѣ каждою матерью семейства. Вместе съ тѣмъ какая безграничная и какъ поразительно высказывалась любовь и благоговѣніе къ священному имени Государя Императора нашего! За Него у вѣхъ здѣсь молитва пламенная! На Него у вѣхъ здѣсь надежда! Онъ царствуетъ здѣсь во вѣхъ сердцахъ безраздѣльно! За него вѣхъ готовы положить души; отъ Него и отъ Него одного ждутъ жизни!“

Такимъ образомъ, по наблюдѣніямъ преосв. Кирилла, въ антиохійскомъ патріархатѣ народная жизнь была пробуждена болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Православнаго Востока. Пробужденіе это проявлялось въ живой жаждѣ, въ усиленныхъ порывахъ сдѣлать что нибудь на пользу православія, для распространенія образованія и т. п.

Понимая такія потребности народа и сочувствуя имъ, патріархъ антиохійскій, съ своей стороны, старался дѣлать кое-что и при этомъ не только не чуждался и не отказывался отъ русскои помощи, какъ это было, напр., въ іерусалимскомъ патріархатѣ, но даже самъ желалъ ея. Архіереи, въ свою очередь, каждый въ своей епархіи заботились о благоустройствѣ церквей, о заведеніи школъ и охотно шли на встрѣчу русскои помощи. Наконецъ, весь вообще народъ готовъ былъ на всякую возможную жертву для своего утвержденія въ вѣрѣ, для своего образованія наукою.

Правда, вѣхъ, докогда начатія, предпріятія на пользу благоустройства церковной жизни въ антиохійскомъ патріархатѣ, оставались какъ-то недоконченными. Церкви, вповь построенныя, оставались безъ половъ, безъ потолковъ, безъ

иконостаса, который временно замѣнялся 5—6 деревянными неотдѣланными столбиками, между которыми иногда бывали повѣшены, какъ приходилось самолично наблюдать это начальнику русской миссии въ Иерусалимѣ, напр., въ Хазбетъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, листы съ лубочными изображеніями нашихъ суздальскихъ живописцевъ; иныя же церкви оставались совершенно недостроенными, по недостатку средствъ.

Школы антиохійскаго патріархата также казались жалкими, по отсутствію въ нихъ всякаго порядка и всякаго благоустройства, что особенно рѣзко бросалось въ Дамаскѣ, гдѣ было нѣсколько отдѣльныхъ школъ съ нѣсколькими сотнями учениковъ; но все эти школы были одинаково ничтожны и неустроены, между тѣмъ какъ здѣсь же рядомъ лазаретскія заведенія блестящимъ порядкомъ и разнообразіемъ и обширностію преподававшихся въ нихъ предметовъ.

Касательно человеколюбивыхъ заведеній антиохійскаго патріархата преосв. Кирилль сдѣлалъ въ своемъ отчетѣ слѣдующее замѣчаніе: „я видѣлъ одно изъ нихъ въ Дамаскѣ и, признаюсь, жалю, что видѣлъ эту безчеловѣчную насмѣшку надъ горемъ человѣческимъ: такъ отвратительны эти конуры, въ развалившемся домишкѣ, гдѣ больные, преимущественно неизлѣчимые, лежатъ въ грязи и во тьмѣ, безъ всякаго призора, даже безъ хлѣба“.

Что касается монастырей, какіе имѣли возможность видѣть и наблюдать преосв. Кирилль въ антиохійскомъ патріархатѣ, то они, по его мнѣнію, поддерживались только номинально, только для сборовъ, а монаховъ на самомъ дѣлѣ не было въ нихъ. Въ единственномъ же на всемъ православномъ Востокѣ женскомъ монастырѣ нужда побудила установить особый чинъ, по которому монахини въ одинъ день ѣли только одинъ хлѣбъ, а въ другой—одну чечевичу. Древняя же величественная (нѣкогда) церковь этого монастыря оставалась безъ оконъ и съ проваливающимся по мѣстамъ крышею. „Впрочемъ“,—замѣчалъ по этому поводу преосв. Ки-

рилль,—„все это еще существуетъ, не брошено совсемъ, обо всемъ этомъ еще болитъ сердце народа. Тутъ есть еще что дѣлать и многое можно сдѣлать“.

Съ своей стороны, во время путешествія по Сиріи, пользуясь указаніемъ инструкціи „раздавать милостыню“, преосв. Кирилль охотно своими пожертвованіями содѣйствовалъ добрымъ начинаніямъ и совокунными усиліями патріарха, архіереевъ, низшаго духовенства и народа, направившимся къ возвышенію православія въ Сиріи. Кромѣ незначительныхъ пожертвованій на церкви въ Даръ-Исалиѣ, въ Каффоринѣ, Захлѣ, Джубъ-Дженитѣ, Салиѣ и другихъ мѣстахъ, а также на школы въ Ирбинѣ, Рагетѣ и пр., онъ рѣшился, по указанію и при содѣйствіи нашего генеральнаго консула въ Бейрутѣ, 1) поддержать постройку церкви православной въ Сурѣ, гдѣ православіе уже исчезло и могло быть восстановлено только подъ условіемъ существованія церкви, а церковь никогда не была бы устроена безъ русской помощи; 2) устроить помѣщеніе для преосвященнаго селевкійскаго въ Захлѣ, что не потребовало отъ миссии большихъ расходовъ, а между тѣмъ для поднятія православія въ краѣ было рѣшительно необходимо; 3) устроить школу въ Триполѣ, куда недавно проникла протестантская пропаганда и откуда тотчасъ же исчезла школа протестантская, какъ только появилась православная; 4) принять на свое содержаніе учителя катихизиса для бейрутской школы, гдѣ до того времени всему обучалъ одинъ маронитъ, безцеремонно вносившій латинское ученіе въ православную школу; 5) приобрести участокъ земли въ одномъ селеніи близъ Бейрута для устройства тамъ, въ будущемъ, центральной русско-арабской школы, что составляло насущную потребность края, по мнѣнію преосв. Кирилла, и предметъ горячихъ и душевныхъ заботъ антиохійскаго патріарха и русскаго генеральнаго консула въ Сиріи.

Кромѣ того, начальникъ русской духовной миссии въ Иерусалимѣ вступилъ въ переговоры съ антиохійскою патріар-

хією и попечителями школъ въ Дамаскъ касательно училищъ дамаскскихъ, способовъ содержанія ихъ, образа устройства и управленія ихъ; а имѣя въ виду улучшить въ будущемъ челоѣколюбивыя учрежденія въ Сиріи, онъ выгодно приобрѣлъ въ Дамаскъ домъ. Что же касается сирійскихъ монастырей, то преосв. Кирилъ особенное вниманіе обратилъ на два изъ нихъ, въ которыхъ были школы, именно: на мужской Пелементскій, архимандриту котораго передалъ денежное пособие, и на женскій Сайданайскій, въ который онъ отправилъ съ денежнымъ пособіемъ одну изъ русскихъ поклонницъ, царскосельскую мѣщанку Марію Иванцкую, женщину благочестивую и вмѣстѣ способную съ тѣмъ, чтобы она, изучивъ на мѣстѣ нужды обители, могла впоследствии послужить монастырю сборами по Россіи вмѣстѣ съ одною изъ сестеръ обители, разумѣется, съ разрѣшенія русскаго правительства.

Таковы были наблюденія, сдѣланныя начальникомъ русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ надъ состояніемъ и нуждами православія въ двухъ значительныхъ патріархатахъ Востока—іерусалимскомъ и антиохійскомъ. Наблюденія эти, независимо отъ тѣхъ частныхъ мѣръ, какія онъ, на основаніи и въ силу своей инструкціи, принималъ на мѣстѣ немедленно и о какихъ сейчасъ было сказано у насъ, приводили его къ слѣдующимъ соображеніямъ касательно дальнѣйшей дѣятельности его миссіи на Востокъ и вообще урегулированія отношеній Россіи къ православному Востоку.

Ревнителямъ православія на Востокѣ, по его мнѣнію, предстояла двойная борьба: съ вѣковымъ преобладаніемъ грековъ и съ ежеминутно возрастающимъ вліяніемъ иновѣрцевъ; двойной трудъ въ отношеніи, съ одной стороны, къ требовавшимся защитѣ отъ иновѣрцевъ, а съ другой стороны, къ подавленнымъ своимъ же единовѣрцами національностямъ. Поддержатъ и усилить тѣхъ и другихъ, не раздражая одна-коже ихъ страстей и даже принимая всѣ мѣры къ водворе-

нію возможнаго мира между ними, который самъ по себѣ служилъ уже значительною преградой для злонамѣренныхъ дѣйствій иновѣрцевъ, пользовавшихся въ своихъ видахъ смутами Востока, вотъ въ чемъ состояла, по убѣжденію преосв. Кирилла, главнѣйшая задача дальнѣйшей дѣятельности его миссіи и вмѣстѣ конечная цѣль благотворительно-умиротворяющихъ отношеній Россіи къ православному Востоку.

Какія же средства могли быть употребляемы и миссіею и Россіею вообще для достиженія этой послѣдней цѣли?

Открытая борьба съ греками, по мнѣнію преосв. Кирилла, была немыслима и невозможна, потому что они были очень сильны, какъ одна господствовавшая надъ всѣмъ Востокомъ община, умѣвшая цѣлѣю выгоды своего, вѣками приобрѣтеннаго, положенія, когда они могли въ разныхъ случаяхъ съ одинаковою увѣренностью опираться то на православныхъ, то на турецкое правительство.

Единственнымъ средствомъ къ ослабленію этой силы было, по мнѣнію преосв. Кирилла, изъятіе изъ-подъ власти греческой іерархіи патріархій: іерусалимской, антиохійской и александрійской, или, по крайней мѣрѣ, двухъ послѣднихъ, на которыя греки не имѣли уже ни малѣйшаго—ни каноническаго, ни историческаго, ни правственнаго права. Это же освобожденіе, или, точнѣе, изъятіе патріархій дальняго Востока изъ-подъ рукъ грековъ было возможно только подъ условіемъ участія Порты въ дѣлѣ. Ни слезныя мольбы самихъ арабовъ, ни ходатайство со стороны не могли бы склонить грековъ къ тому, чтобы выпустить изъ рукъ свое достоинствіе. Одно только настояніе Порты, для которой арабское населеніе должно быть столько же дорого, какъ и греческій народъ, и которая могла бы понять, если бы ей было разъяснено, какъ слѣдуетъ, что народъ, владѣющій въ турецкой имперіи всѣмъ православнымъ населеніемъ Востока, слишкомъ ужъ силенъ и даже опасенъ, какъ *status in statu*,—одно только настояніе Порты могло преодолѣть систематиче-

скія усилія грековъ поддержать свой народъ на счетъ другихъ народностей и уравнять права подчиненныхъ ей национальностей.

Съ другой стороны, Россія въ лицѣ своихъ дѣятелей на Востокъ должна была, по мнѣнію преосв. Кирилла, поддерживать, сколько можно, Константинопольскую патриархію, которая сама по себѣ была совершенно законна на своемъ мѣстѣ, въ отношеніи къ Россіи занимала высокое положеніе матери по вѣрѣ, а въ отношеніи къ цѣлому составу православной церкви имѣла значеніе и достоинство перваго престола, противъ котораго направлены были преимущественно все усилія Рима. Это была патриархія, прежде всего, бѣднѣйшая, которая по необходимости держалась обѣими руками за свои скудные и жалкіе доходы съ архіерейскихъ введуръ. Это, съ другой стороны, была патриархія, менѣе всѣхъ другихъ пользовавшаяся благоуваженіемъ Россіи, въ которыхъ она между тѣмъ болѣе другихъ нуждалась. Поэтому, по мнѣнію преосв. Кирилла, Россіи было бы лучше и, особенно при тогочасныхъ обстоятельствахъ, полезнѣе для дѣла православія поддержать денежными пособіями константинопольскаго патриарха, чѣмъ іерусалимскаго, или антиохійскаго. Необходима была со стороны Россіи также и нравственная поддержка константинопольской патриархін.

Съ другой стороны, по мнѣнію преосв. Кирилла, и таковыя вспоможенія подавленнымъ греками народностямъ не достигали своей цѣли, а иногда даже вели въ противоположную сторону отъ цѣли. Россія принимала къ себѣ болгаръ и арабовъ для обученія въ русскихъ духовныхъ училищахъ. „Веня,—замѣчаетъ по этому поводу преосв. Кирилла,—„поишдимому, хорошая; но въ существѣ дѣла это, какъ показываетъ дѣйствительность, ведетъ только ко злу, поскольку мы дѣйствуемъ въ подобныхъ случаяхъ отдѣльно отъ грековъ и тайно. Принимая молодыхъ людей путемъ неофициальнымъ, мы и отпускаемъ ихъ безъ обезпеченія яв-

наго и прочнаго. Отсюда выходитъ, что большая часть русскихъ воспитанниковъ восточнаго происхожденія, по окончаніи курса обученія, усиливается остаться въ Россіи, что, можетъ быть, не составляетъ еще самаго большаго зла: по крайней мѣрѣ, эти люди не подаютъ на сторонѣ повода къ глумленію надъ Россіею. Тѣ, которые возвращаются на родину, ни себѣ не находятъ тамъ пріюта, ни намъ не дѣлаютъ чести. На своей родинѣ они, какъ были, такъ и остаются людьми ничтожными. Болгары по преимуществу бѣжали въ Константинополь, спасаясь отъ униженій и бѣдствій въ своемъ отечествѣ. Константинопольскія власти не только не хотѣли ихъ знать, но принятымъ уже началамъ, но и дѣйствительно часто не знали, что это за люди, кто ихъ посылалъ въ Россію, зачѣмъ Россія воспитывала ихъ и, наконецъ, какія обязанности въ отношеніи къ нимъ имѣетъ константинопольская патриархія, перѣдко въ первый разъ при этомъ видящая ихъ. Поэтому, мѣста имъ въ Константинополь не оказывалось, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда за кого нибудь изъ нихъ ходатайствовало русское посольство, и тогда патриархія изъ вѣжливости давала ему какое-нибудь мѣсто. Брошенная на произволъ судьбы молодежь, не зная, что предпринять, не знала на кого и жаловаться. На долю Россіи выпадала частица роюга, иногда весьма значительная. И неудивительно, если иногда изъ среды подобныхъ людей выходили недоброжелатели Россіи, а еще чаще люди, не вносившіе достойные, укрывались за именемъ Россіи. А между тѣмъ высшая духовная власть восточной церкви оскорблялась болѣе или менѣе настоятельнымъ участіемъ Россіи въ судьбѣ людей, недовольно и намъ извѣстныхъ; турецкое правительство, въ свою очередь, подозрительно смотрѣло на нашу двусмысленный образъ дѣйствій; наконецъ, народъ, который видѣлъ только полумѣры—робкіи и бесполезныя, скорбѣлъ и недоумѣвалъ, боясь положиться на Россію, хотя еще болѣе страшился отказаться и потерять всякую надежду на

Россію. „Казалось бы“,—говоритъ преосв. Кирилль,—„намъ приличіе и полезіе было бы (особенно въ настоящее время,—разумѣется 1858—59 годъ,—когда открыто нѣсколько опредѣленныхъ вакансій для воспитанія болгаръ и арабовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ, и русскому церковному правительству открытъ свободный путь примыхъ сношеній съ константинопольскою патриархією) дѣйствовать прямодушными сношеніями съ константинопольскимъ и прочими патриархами. На всякій случай, я подготовилъ царьградскую патриархію къ подобнаго рода сношеніямъ касательно образованія болгаръ и арабовъ“. Вообще, въ видахъ урегулированія этой столь важной стороны въ отношеніяхъ Россіи къ православному Востоку преосв. Кирилль предлагалъ русскому правительству принять слѣдующія мѣры: во 1) продолжать русскую субвенцію халкинскому училищу съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ училище были выписаны и впоследствии выписывались для воспитанія молодые люди—два изъ Антиохіи, по одному—изъ Александріи, Кипра, Тирнова, Силистріи, Видина, Веспіи, Герцоговины, Охриды, Солуни и Кесаріи, имена которыхъ должны быть сообщаемы русскимъ мѣстнымъ консуламъ и чрезъ нихъ министерству иностранныхъ дѣлъ, а также и Св. Синоду чрезъ непосредственное отношеніе патриархій къ нему; во 2) просить восточныхъ патриарховъ отъ имени Св. Синода, чрезъ посредство константинопольскаго посольства, іерусалимской миссіи, или мѣстныхъ консуловъ, чтобы они ежегодно высылали въ Россію известное число молодыхъ людей для образованія въ духовныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы впоследствии патриархія имѣла возможность употребить ихъ на служеніе церкви православной, согласно съ свидѣтельствами, какия они получаютъ въ Россіи. „Тогда“,—говоритъ преосв. Кирилль,—„мы будемъ имѣть право слѣдить за судьбою этихъ молодыхъ людей и быть требовательными въ отношеніи патриархій касательно устройства образованныхъ юношей и улучшенія школы. И та-

кой порядокъ сношеній, самъ по себѣ законный, правильный и прямой былъ бы существенно полезенъ и въ томъ отношеніи, что не подавалъ бы повода простодушнымъ или безразсуднымъ преувеличиваніемъ надежды, выходить изъ границъ благоразумія въ требованіяхъ и раздражать власти безвременнымъ и крайне петербургскимъ ропотомъ и осужденіемъ чужихъ дѣйствій. То, что есть справедливаго въ желаніяхъ націй, не подготовленныхъ еще къ совершенно самостоятельному быту,—кажда имѣть утѣшеніе въ видѣ нѣсколькихъ епископовъ изъ среды своихъ соплеменниковъ,—съ перваго раза удобно могло бы быть достигнуто чрезъ патриархію (другого пути нѣтъ), коль скоро они будутъ убѣждены, что мы не ведемъ никакихъ дѣлъ помимо ихъ. Поэтому, необходимо, чтобы сношенія о предметахъ подобнаго рода велись чрезъ Св. Синодъ, отсутствіе участія котораго въ сношеніяхъ съ Востокомъ, по дѣламъ церковнымъ, усилью дѣла мѣшаетъ, и придаетъ сношеніямъ не довольно выгодный для насъ характеръ—чисто политическій“.

Постоянно возрастающее тогда, т. е. въ концѣ 50-хъ годовъ истекающаго столѣтія, влияние на Востокъ западноевропейской инославной пропаганды могло имѣть противодѣйствіе въ пользу православія, по мнѣнію преосв. Кирилла, только со стороны Россіи. Это противодѣйствіе—скромное, но вѣрное, особенно при существовавшемъ тогда тѣготный православнаго народонаселенія Востока къ Россіи, могло бы состоять въ томъ, чтобы Россія, не отставая отъ другихъ, пользовалась умѣло силою реакціи, которая, хотя дотолѣ и бесплодно, обнаруживалась въ православномъ населеніи Востока противъ иновѣрія. Первымъ шагомъ на пути къ достиженію этой цѣли могло бы служить устройство въ Іерусалимѣ странноприимнаго дома и госпиталя, которые въ дѣтнее время, когда не было русскихъ поклонниковъ, могли бы служить для призванія нуждавшихся во врачебной помощи мѣстныхъ жителей и для устройства неофициальнаго училища въ ви-

дахъ распростраенія, между прочимъ, употребленія русскаго языка въ народѣ параллельно съ французскимъ.

Второю мѣрою, направленною къ достиженію той же цѣли, преосв. Кирилль признавалъ устройство консульствъ въ важнѣйшихъ пунктахъ Востока изъ лицъ русскихъ и непременно православнаго исповѣданія, и при консульствахъ православныхъ церквей, хотя бы съ небольшими причтами, и при церквахъ училищъ, въ которыхъ могли бы обучаться дѣти мѣстныхъ жителей своему и русскому языкамъ и закону Божію, а дѣвочки, кромѣ того, и рукодѣлю. „Матини тѣмъ и берутъ“,—замѣчаетъ при этомъ преосв. Кирилль,—„что у нихъ вездѣ устроены пріюты для пуждающихся, или просто желающихъ. Намъ это было бы тѣмъ болѣе удобно устроить, что сами мѣстные православные жители, болѣе достаточные, съ радостію поддержали бы учрежденія подобнаго рода, требуя съ нашей стороны только вспоможенія, главнѣйшимъ же образомъ правственнаго поддержанія“.

Третью мѣру къ достиженію той же цѣли преосв. Кирилль видѣлъ въ свободномъ доступѣ въ страны православнаго Востока нашихъ русскихъ ремесленниковъ, которые могли бы тамъ найти себѣ весьма много выгодной работы. „Такъ уже начали“,—говоритъ онъ,—„дѣйствовать Англія и Пруссія, заводятъ свои колоніи и устрояютъ пріюты для своихъ ремесленниковъ подъ кровомъ консульствъ. Такъ полезно было бы поступить и намъ: мы пустили бы сей народный элементъ въ здѣшній низкій слой и помогли бы ему подняться на ноги при помощи пріобрѣтенія навыковъ къ полезнымъ ремесламъ“.

Что касается до возстановленія арабскаго духовенства, устройства или улучшенія духовныхъ школъ арабскихъ, то преосв. Кирилль, на основаніи своихъ первоначальныхъ наблюденій, приходитъ къ тому заключенію, что разсадникомъ будущихъ національныхъ пастырей и архипастырей Востока могла быть только одна антиохійская патріархія, или, быть

можетъ, александрійская, но іерусалимская патріархія ни въ какомъ случаѣ, вслѣдствіе придуманнаго патріархією закліятія на арабовъ.

Въ отношеніи къ антиохійскому патріархату, который произвелъ на преосв. Кирилла сравнительно благопріятное впечатлѣніе, онъ, на основаніи своихъ наблюденій надъ нимъ, предполагалъ въ своей дальнѣйшей дѣятельности обратить особенное вниманіе на слѣдующія два дѣла: 1) устройство центральной русско-арабской школы на Ливанѣ. Дѣло это, по его мнѣнію, не обѣщало въ будущемъ особенныхъ затрудненій для своего осуществленія. Турецкое правительство не должно было здѣсь возражать, такъ какъ школа предполагалась въ селеніи, принадлежавшемъ православному эмиру; антиохійскій патріархъ, съ своей стороны, былъ согласенъ; учениковъ могло явиться больше, чѣмъ сколько нужно было для перваго раза; наконецъ, и учителей можно было, по крайней мѣрѣ, нѣсколько принесть на первыхъ порахъ, а впоследствии сама школа могла бы поставить себѣ учителей и въ будущемъ могла бы сдѣлаться даже, по мнѣнію преосв. Кирилла, колебелью арабской православной литературы; 2) дѣло греко-уніатское, которому преосв. Кирилль придавалъ особенно важное значеніе и которому онъ, дѣйствительно, какъ скоро увидимъ, посвятилъ много заботъ и труда не безъ значительнаго успѣха.

Вообще же дѣятельность іерусалимской миссіи въ отношеніи къ антиохійскому патріархату могла сопровождаться успѣхомъ, по мнѣнію преосв. Кирилла, только при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1) при учрежденіи тамъ русскаго консульства, на каковомъ посту преосв. Кирилль особенно желалъ бы видѣть тоговременнаго секретаря генеральнаго консула русскаго въ Бейрутѣ г. Макаева, какъ человека, который могъ принести существенную пользу дѣлу; 2) при устройствѣ въ Сиріи, при консульствѣ, церкви и маленькаго отдѣленія духовной миссіи тѣмъ болѣе, что и патріархъ антио-

хитрости выражали желание иметь при себѣ общество русскихъ духовныхъ лицъ. Эта маленькая сирійская миссія могла бы быть вспомогательнымъ органомъ въ отношеніи къ нашей іерусалимской духовной миссіи.

Для изысканія средствъ, требовавшихся на устройство миссіи въ Сиріи и вообще на расширение дѣятельности русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, преосв. Кирилль предлагалъ свой собственный проектъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ. Онъ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ неходатайствовать іерусалимской миссіи привилегію надѣлать каждаго новокрещаемого въ Россіи младенца крестикомъ изъ Іерусалима, а новообручаемыхъ—кольцами. Это могло бы доставить въ распоряженіе миссіи довольно значительную сумму, которая еще болѣе возвышалась вслѣдствіе той правительственной пользы, которая при этомъ достигалась бы сама собою. „Крестники и кольца (по двѣ копейки стоимостью)“,—говоритъ преосв. Кирилль,—„высылались бы изъ Іерусалима всѣ одинаковые, самые простые, всѣ освященные—крестники въ Іорданѣ, а кольца въ Назаретѣ, у источника Божіей Матери. Контроля здѣсь не нужно никакого: по первому календарю можно было бы провѣрить сумму. Между тѣмъ мы могли бы доставить такимъ образомъ 1) миссіи средства для дѣятельности, 2) Россіи постоянное напоминаніе о святыхъ Востока, и 3) Виолетту и Назарету работу, которая, будучи предоставлена исключительно православнымъ, могла бы служить значительнымъ противодѣйствіемъ пропагандѣ латинства“¹⁾.

¹⁾ Этотъ послѣдній проектъ однакоже не нашелъ одобренія у московскаго митрополита Физарета, который по главѣ своихъ замѣчаній на него поставилъ то, что „преосв. Кирилль изобрѣлъ проектъ, который долженъ быть исполненъ во всѣхъ церквахъ Россіи, но обратился съ нимъ проектомъ не къ Св. Синоду“. См. собраніе мѣній и отзывовъ его по дѣламъ правосл. церкви на Востокѣ, стр. 380—381.

Х.

Возсоединеніе сирійско-египетскихъ уніатовъ съ православною церковью, при участіи начальника второй іерусалимской русской миссіи.

Мы выше видѣли, что въ антиохійскомъ патріархатѣ особенное вниманіе преосвященнаго Кирилла остановило на себѣ уніатское дѣло. Этимъ дѣломъ онъ рѣшилъ заняться прежде и болѣе всего, такъ какъ придавалъ ему въ высшей степени важное значеніе, тѣмъ болѣе, что и самая инструкция, данная миссіи, обращала вниманіе послѣдней на уніатское дѣло въ Сиріи²⁾.

Обстоятельства времени или, точнѣе, тогочасное состояніе сирійской уніи, въ свою очередь, располагало начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ энергично взяться за это дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно облегчало и ему и его сотрудникамъ достиженіе положительной доброй цѣли.

Изъ предыдущей нашей рѣчи намъ извѣстно, что унія не имѣла прочныхъ основаній для себя въ Сиріи. Она, по выраженію архимандрита Порфирія (Успенскаго), „сама въ себѣ носила зародыши разрушенія“³⁾. Унія возникла и утвер-

¹⁾ См. гл. IX настоящаго сочиненія.

²⁾ См. выше § 12 инструкции.

³⁾ См. его „Книгу моего бытія“ ч. III, стр. 489.

дilasъ въ Сиріи преимущественно на почвѣ разлада между высшимъ духовенствомъ, греческимъ по происхожденію, и паствою—арабскою. Достаточно было только устранить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить этотъ разладъ, и унія въ Сиріи терпела всякую почву для дальнѣйшаго развитія и даже для самаго существованія своего здѣсь. Вотъ почему преосв. Кирилль, во время своего посѣщенія антиохійскаго патриархата и путешествія по Сиріи въ 1851 году, особенно заботился о примиреніи мѣстной высшей православной іерархіи и представителей униатской общины.

Съ другой стороны, унія въ Сиріи распространялась отчасти еще и потому, что здѣшній простой народъ долгое время не различалъ строго между православною и униатскою церквами, которыя были совершенно согласны между собою въ догматахъ и обрядахъ, равно какъ и между православнымъ и униатскимъ духовенствомъ, которое, по вѣрности, ничѣмъ не отличалось одно отъ другого. „Простой народъ,—говоритъ Базили,—не видя никакого вѣрнѣяго отличія (разумѣется, униатовъ отъ православныхъ) легко вдавался въ обманъ, вѣряясь униатамъ, которые выдавали себя за истинныхъ представителей православія“¹⁾. Многие изъ понадавшихъ въ сѣти униатскія были въ дѣйствительности ревностными послѣдователями православной вѣры и въ уніи и униатской общинѣ видѣли не болѣе, какъ протестъ противъ греческой іерархіи, противъ греческаго духовнаго господства въ Сиріи. Тотъ же Базили, имѣвшій возможность близко и непосредственно наблюдать сирійскихъ униатовъ, говоритъ: „въ существѣ мірянъ можно считать православными и весьма приверженными къ своей церкви, но отложившимися отъ греческаго духовенства“²⁾.

¹⁾ См. его Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ. Одесса. 1862 г. стр. 278.

²⁾ См. тамъ же, стр. 280.

Такимъ смѣшеніемъ понятій у простаго православнаго населенія антиохійскаго патриархата весьма ловко пользовались дѣятели католической пропаганды, старавшіеся тѣхъ изъ православныхъ сирійцевъ, которые не желали переходить прямо въ католичество, замечъ, по крайней мѣрѣ, въ унію.

Последнее обстоятельство не было тайною и для нѣкоторыхъ изъ среды православныхъ, въ частности, для православною іерархіи антиохійскаго патриархата. Для того, чтобы разоблачить козни дѣятелей католической пропаганды и явню въ глазахъ народа отличіе уніи отъ православія, антиохійскій патриархъ Меодій въ 40-хъ годахъ негекатолическаго столѣтія задумалъ было добиться предъ египетскимъ турецкимъ правительствомъ, которому тогда была подчинена Сирія, установленія особаго клобука для униатскаго духовенства¹⁾. Но по совершенно противоположнымъ побужденіямъ, тогочасный униатскій патриархъ Максимъ всячески усиливался отстоять одежду и клобукъ, присвоенные греческому православному духовенству и принятые униатами съ того времени, когда они были признаны Портою, между тѣмъ какъ прежде того они носили въ городахъ черную чалму. Споръ о формѣ клобука, важность котораго можетъ вполнѣ понять только тотъ, кто хорошо знакомъ со внутреннимъ управленіемъ народовъ въ Оттоманской имперіи и съ образомъ народнаго міросозерцанія здѣсь, затянулся надолго и, только благодаря посредничеству русскаго и французскаго посольствъ въ Константинополь, окончился установленіемъ особаго восьмиугольнаго клобука для униатскаго духовенства.

Съ того времени, равно какъ и вообще со времени нетактичной дѣятельности униатскаго патриарха Максима, видимо для всѣхъ стремившагося къ полному превращенію сирійской уніи въ чистое католичество, особенно когда, не безъ участія патр. Максима, въ 1858 году было обнародо-

¹⁾ Подробности см. у Базили въ цитов. сочин. стр. 278—279.

вано папское распоряженіе о введеніи въ Сиріи григоріанскаго календаря и другихъ отступленій римской церкви отъ православія ¹⁾), унія въ Сиріи начала замѣтно падать. Уніаты сирійскіе, какъ видимъ, искусственно попали въ унію, ожидали только благоприятнаго повода къ тому, чтобы бросить унію, на которую теперь они и сами смотрѣли, какъ на мостъ, черезъ который желали перевести ихъ въ независимую имъ католическую церковь, и воссоединиться съ православною церковью.

Такимъ благоприятнымъ поводомъ и было прибытіе второй русской миссіи на Востокъ и, въ частности, путешествіе преосв. Кирилла по Сиріи, вызвавшее, какъ мы видѣли, сильный энтузіазмъ среди всего вообще сирійскаго населенія и, между прочимъ, среди сирійскихъ уніатовъ ²⁾.

Предъ самымъ прибытіемъ преосв. Кирилла въ Сирію началось сильное броженіе среди сирійскихъ уніатовъ, вызванное, кромѣ обнародованія вышеуказанныхъ католическихъ нововведеній, быть можетъ, еще и дѣятельностію тайнаго общества ликонидитовъ, о которомъ у насъ была рѣчь выше ²⁾. Однимъ изъ слѣдствій этого броженія было отреченіе того-временнаго уніатскаго патріарха Климента отъ своего престола. Это послѣднее обстоятельство, разумѣется, не могло не повліять благоприятно на обнаружившееся стремленіе уніатовъ къ воссоединенію съ православною церковью. Это прекрасно понималъ и самъ преосв. Кирилль, который рѣшился дѣйствовать какъ можно энергичнѣе и настойчивѣе, чему, какъ увидимъ сейчасъ, сочувствовало и наше высшее правительство. Уже въ своемъ первомъ донесеніи кн. Лобанову-

¹⁾ См. у архим. Арсенія. Лѣтопись церкви. событій. Изд. 2-о Сиб. 1880 г. стр. 821. Папское распоряженіе о введеніи въ Сиріи григоріанскаго календаря вызвало среди сирійскихъ уніатовъ раздѣленіе и образованіе особой партіи „восточныхъ“, которая не признала григоріанскаго календаря и о которой у насъ будетъ упоминаніе ниже.

²⁾ См. т. III-я настоящаго сочиненія.

Ростовскому о своемъ путешествіи по Сиріи отъ 30 декабря 1858 года преосв. Кирилль писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „въ Дамаскѣ... главнымъ образомъ вниманіе мое было обращено на дѣло греко-уніатовъ. Усиѣхъ дѣла въ рукахъ Божиихъ. Но что требовалось съ нашей стороны, сдѣлано все: вся партія восточная, примиренная мною и съ патріархіею, привязалась ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и трогательною любовью. Избранный склонными къ православію пятью архіереями наместникъ патріаршіи въ Дамаскѣ—умный священникъ, состоитъ на моемъ жалованьи и въ моемъ распоряженіи, чего хотѣлъ и патріархъ Іеросей, сказавшій мнѣ прямо: „отдаю вамъ этого Гури-Ханцу и все дѣло греко-уніатское“ ¹⁾.

Изъ другихъ мѣстъ того же самаго донесенія преосв. Кирилла видно, что сами сирійскіе уніаты проявляли восторженное сочувствіе русскому архіерею и съ полною готовностію рѣшились вручить ему свою судьбу и свое дѣло воссоединенія съ православною церковью, при чемъ ихъ, видимо, располагала къ тому тайная надежда найти въ лицѣ русскаго архіерея защитника отъ устранившаго ихъ гнета со стороны греческой іерархіи. „Въ Набатѣ“,—писалъ, между прочимъ, преосв. Кирилль,—„греко-уніаты еякою взяли мой поѣздъ и заставили меня ночевать у нихъ. Скрѣпивъ тамъ связь ихъ съ благонамѣреннымъ эмиромъ, который со мною подружился, я имѣлъ утѣшеніе вывезти оттуда приятную надежду, что 160 семействъ скоро сдѣлаются православными“.

Считаемъ необходимымъ здѣсь отмѣтить высокой важности фактъ, именно тотъ, что на настоящемъ донесеніи преосв. Кирилла о его путешествіи по Сиріи и сношеніяхъ его съ уніатами Государь Императоръ Александръ II изволилъ собственноручно написать: „дай Богъ ему усиѣха въ

¹⁾ См. въ Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1858 г. д. безъ № о русской миссіи въ Іерусалимѣ.

обращеніи униатовъ“. Несомнѣнно, что такое Высочайшее одобреніе дѣятельности преосв. Кирилла по вопросу униатскому въ Сиріи побудило и наше гражданское правительство обратить свое особенное вниманіе на это дѣло, и начальнику русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ придало больше энергій въ дѣятельности.

Въ официальномъ своемъ отчетѣ отъ 10 февраля 1859 года преосв. Кириллъ сообщалъ русскому правительству болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи униатскаго дѣла въ Сиріи и о своихъ собственныхъ соображеніяхъ по этому вопросу „Ко времени моего пріѣзда въ Бейрутъ“, — писалъ онъ здѣсь, — „начинался кризисъ въ этомъ трудномъ и многосложномъ дѣлѣ. Латины употребили свои мѣры къ возстановленію отречнагося отъ сама греко-униатскаго патріарха Климента и, по полученіи папскихъ приказаній, рѣшились торжественно возвратитъ его паствѣ, для чего и латинскій патріархъ Валерга отправился изъ Иерусалима въ Бейрутъ. Дѣло не удалось: вся партія такъ называемыхъ „восточныхъ“, т. е. не принявшихъ западнаго календаря, рѣшительно отказалась отъ всякихъ сношеній съ ексъ-патріархомъ. Онъ удалился на Кармиль. А между его защитниками—патріархомъ Валергою, кардиналомъ Бруно и французскимъ консуломъ въ Бейрутѣ, и его противниками—архіереями и мірянами восточной партіи начались споры, доходившіе до раздраженія и крайностей съ обѣихъ сторонъ: самыя горячія конференціи у патріарха Валерги съ бейрутскимъ греко-униатскимъ архіереемъ происходили въ то время, когда я былъ въ Бейрутѣ. Этотъ преосвященный, какъ и его партія, не замедлилъ познакомиться со мною въ домѣ нашего консула. Не входя въ дѣло, я не могъ однакоже не выразитъ предъ преосвященнымъ сочувствія твердости его убѣжденій и послалъ въ его церковь, на память моего посѣщенія, на престольный крестъ.

Съ этой стороны дѣло шло хорошо; дурно—съ другой. Патріархъ антиохійскій (православный), сначала взявшійся было за греко-униатскій вопросъ съ пастырскимъ усердіемъ и надлежащею энергіею, къ тому времени уже остылъ и запуталъ дѣло. По личнымъ расчетамъ и побужденіямъ, онъ удалилъ изъ Дамаска преосвященнаго Герасима, въ которомъ „восточные“ имѣли сильную опору, и, не смотря ни на какія просьбы, не хотѣлъ возвращать его въ Дамаскъ: это произвело недоброе впечатлѣніе на восточныхъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ патріархъ не сдержалъ своего слова и, отказавъ въ обѣщанной прежде ничтожной суммѣ, поддержанной по дѣлу въ с. Махрѣ, предубѣдилъ противъ себя окончательно приматовъ восточной партіи; а братъ его, управляющій патріархіею, дѣлалъ между тѣмъ личные оскорбленія этимъ приматамъ. Все это повело къ тому, что довѣрія между патріархомъ и восточными уже не стало, а возродилась, вмѣсто него, непримиримая ненависть къ духовенству православному во всѣхъ членахъ партіи восточныхъ.

Когда я заговорилъ съ патріархомъ объ этомъ дѣлѣ, ясно было видно, что совѣсть его была не совѣемъ спокойна, а должное участіе въ дѣлѣ чѣмъ-то затруднялось. Послѣдующія наблюденія въ Дамаскѣ привели меня къ убѣжденію, что вся бѣда была во внушеніяхъ г. Спартали, греческаго агента, и патріархаго племянника по жемѣ, который дѣйствовалъ подъ вліяніемъ французскаго консула и просто застранилъ патріарха. Какъ бы то ни было, но только патріархъ, прежде еще рекомендовавшій приматамъ восточнымъ обратитъ ко мнѣ за уплатою 2000 піастровъ, израсходованныхъ по махрскому дѣлу, хотя я не принимаю въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшаго участія, чуть не на третьемъ словѣ нашей бесѣды „сдасть мнѣ на руки все греко-униатское дѣло“. Повторивъ ту-же самую фразу еще дважды, онъ отдалъ на мое попеченіе и въ мое распоряженіе преосвященнаго Герасима

и Гури-Ханну (греко-униатскаго священника, главнаго двигателя дѣла).

Когда я прибылъ въ Дамаскъ, въ сопровожденіи преосв. Герасима и Гури-Ханны, энтузіазмъ партіи „восточныхъ“ не зналъ границъ: такъ, впрочемъ, было и въ Захлѣ, гдѣ также трудно было опредѣлить, чей восторгъ былъ сильнее— православныхъ-ли, или греко-униатовъ. Съ перваго же мгновенія вся партія сгруппировалась около меня. Бесѣды мои съ приматами показали мнѣ, что 1) по внутреннему убѣжденію, восточная партія готова принять православіе; но 2) образъ дѣйствіи патріархіи по отношенію уже къ приившимъ православіе и вообще поведеніе его во всемъ этомъ дѣлѣ служатъ рѣшительнымъ препятствіемъ къ воссоединенію, почему вся партія боялась подпасть подъ мертвящее вліяніе управленіемъ архидіакономъ Паросіемъ патріархіи и слишкомъ мало заботившейся о дѣлѣ вѣры, и считала за лучшее оставаться въ состояніи колебанія совѣсти, нежели вносить въ православную церковь сознательно вѣсть съ клятвою вѣрности ей непреодолимую ненависть къ ея іерархіи¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію преосв. Кирилла, дѣло греко-униатское не было еще совсѣмъ потеряно. Всѣ „восточные“ изъ сирійскихъ униатовъ въ душѣ желали воссоединенія съ православною церковью. Для того, чтобы избѣжать пугавшаго ихъ гнета со стороны греческой іерархіи, они умоляли преосв. Кирилла, чтобы онъ принялъ, или содѣйствовалъ принятію, всѣхъ, желавшихъ и искавшихъ воссоединенія, подъ защиту и покровительство русскаго правительства и русской церкви. Они поставляли это необходимымъ условіемъ, подъ которымъ считали возможнымъ воссоединеніе свое съ православною церковью. „На первый разъ“,—говоритъ самъ преосв. Кириллъ въ своемъ отчетѣ,—„и принялъ участіе въ дѣлѣ, какое мнѣ и должно было принять, помня единственно то, что

¹⁾ См. арх. св. Спн. по канцел. оберъ-прокурора за 1858 г. № 389.

здѣсь дѣло идетъ о спасеніи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ и о сохраненіи, можетъ быть, самого патріархата антиохійскаго, который такъ уже оскудѣлъ, что, не будь участія со стороны Россіи, можетъ и совсѣмъ исчезнуть“.

Руководясь такими соображеніями и согласно съ желаніями патріарха, начальники русской миссіи въ Іерусалимѣ взяли на свое попеченіе и преосв. Герасима и Гури-Ханну, положивъ тому и другому пособіе на содержаніе, условились съ приматами на счетъ издержекъ по дѣлу греко-униатскому; наконецъ, по указанію нашего генеральнаго консула въ Бейрутѣ, назначилъ пособіе архимандриту Гавріилу и его брату, которые самоотверженно дѣйствовали въ Сайдѣ въ пользу воссоединенія сирійскихъ униатовъ съ православною церковью.

Всѣ такіа дѣйствія и распоряженія преосв. Кирилла по униатскому дѣлу въ Сиріи сопровождались успѣхами. Еще во время пребыванія его въ Сиріи, вышеупомянутый Гури-Ханна успѣлъ привлечь къ себѣ общее довѣріе и отъ пяти униатскихъ архіереевъ получить согласіе на то, чтобы онъ былъ патріаршимъ мѣсто-блгоупителемъ въ Дамаскѣ и отъ лица всего общества завѣдывалъ дѣлами всей партіи „восточныхъ“.

На пути изъ Дамаска въ Іерусалимъ преосв. Кириллу пришлось наблюдать нѣсколько поразительныхъ случаевъ проявленія симпатій и довѣрія сирійскихъ униатовъ къ Россіи, что, съ одной стороны, было ближайшимъ результатомъ его поѣздки по Сиріи, а, съ другой стороны, еще болѣе побуждало его энергію. По дорогѣ изъ Хазбенъ въ Сайдъ селеніе Набатей, населенное исключительно униатами, восторженно приняло русскаго архіерея и умоляло его принять ихъ подъ свое покровительство и содѣйствовать ихъ воссоединенію съ православною церковью. Въ другихъ мѣстахъ происходило то же самое, или что-либо подобное сему.

Однимъ словомъ, одно только путешествіе преосв. Кирилла по Сиріи, его ласковое и простое обращеніе какъ

вообще со всем населением Сиріи, такъ и, въ частности, съ униатами весьма много и сильно содѣйствовало благопріятному теченію униатскаго вопроса. Самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ объ этомъ служила та чрезвычайная тревога, какую вызвала поѣздка преосв. Кирилла по Сиріи и его дѣятельность тамъ во враждебномъ лагерѣ, среди дѣятелей католической пропаганды. „Не удивляюсь“, — писалъ преосв. Кирилл въ заключеніе своей рѣчи объ униатскомъ вопросѣ въ Сиріи, — „что все это подняло тревогу въ станѣ проповѣдниковъ латинства и вызвало тысячи разнообразныхъ воплей и донесеній у враговъ православія. Но съ народомъ догвариваться нельзя, нельзя и пренебрегать чувствами народа“¹⁾.

1) А что преосв. Кирилл не преувеличивалъ въ изображеніи силы впечатлѣній, произведеннаго имъ на мѣстное населеніе, преимущественно православное, Сиріи, во время поѣздки его по ней въ 1858 г., и что онъ имъ мало по заблуждался относительно искренности чувствъ, проявленныхъ въ отношеніи къ нему населеніемъ Сиріи, лучше доказательно этого мы видимъ въ отзывѣ профессора Г. А. Муркоса о поѣздкѣ преосв. Кирилла по Сиріи. „По поводу дѣятельности русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ (и смежномъ антиохійскомъ патриархатѣ)“, — говоритъ проф. Муркосъ на основаніи словъ непосредственныхъ очевидцевъ-свидѣтелей, — „мы желали лишь передать фактъ весьма извѣстный на Востокахъ и перешедшей изъ рода въ родъ. Мы разумѣемъ поѣздку некоего изъ начальнаго іерусалимскаго миссіона Кирилла мезитопольскаго и тотъ необычайный, трудно вообразимый восторгъ, съ которымъ онъ былъ принятъ всюду въ Сиріи и особенно въ Дамаскѣ, каведрѣ антиохійскаго патриархата. Три митрополита изъ арабовъ сопровождали русскаго епископа въ Дамаскѣ, принявъ его съ парскими почестями: далеко за городомъ встрѣтили его именитые православные граждане Дамаска съ кансами и нѣсколькими жандармскими офицерами въ полной парадной формѣ. Дѣти всѣхъ школъ въ праздничной одеждѣ, съ масличными вѣтвями въ рукахъ, пѣли нарочно для этого сочиненныя гимны. Члены семействъ тѣхъ домовъ, мимо которыхъ долженъ былъ пройти кортежъ, стояли съ зажженными свѣчами у воротъ своихъ домовъ, около накрытыхъ столиковъ съ курительницами, цвѣтами и розовою водою, которую окропили густую толпу восторженно ожидавшую русскаго епископа и толпу любителей. Чтобы судить о дамахъ на улицахъ, по которымъ долженъ былъ пройти кортежъ, достаточно сказать, что для проезда разстояніи не болѣе версты, отъ городскихъ воротъ до собора, пришлось употребить битыхъ 4 часа. Наконецъ, кортежъ достигаетъ собора, который былъ весь убранъ и освѣщенъ, какъ на праздникъ Пасхи. Духовенство съ хоругвями и пѣніемъ встрѣчаетъ русскаго епископа, который, по

Скорому положительному разрѣшенію обнаружившагося среди сирійскихъ униатовъ стремленія къ воссоединенію съ православною церковью больше всего препятствовала вражда между іерархіею—греческою и папскою—арабскою. Вражда эта была настолько сильна, что униаты сирійскіе изъявляли желаніе возвратиться въ православную церковь подъ единственнымъ условіемъ, чтобы имъ не быть въ подчиненіи у антиохійскаго патриарха, и, наоборотъ, быть въ союзѣ и подъ покровительствомъ всероссійскаго Св. Синода.

Исполненіе этого желанія сирійскихъ униатовъ, разумѣется, было невозможно, такъ какъ это могло бы быть истолковано въ смыслѣ противокатолическаго вмѣшательства русской церкви во внутренній дѣла другой самостоятельной церкви—антиохійской. Вотъ почему не безъ смущенія и боязни подходить къ дѣлу воссоединенія сирійскихъ униатовъ съ православною церковью преосв. Кириллъ, всею душой сочувствовавшій ему, но въ то же время предвидѣвшій возможность обвиненія его самого въ нарушеніи церковныхъ канонныхъ. „Я считаю себя обязаннымъ“, — писалъ онъ въ отчетѣ 10 февраля 1859 года, — „употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы не упустить этихъ 15—20, 100 дупръ, которые видятъ для себя единственный залогъ спасенія въ союзѣ съ церковью русскою. Напрасно сталъ бы кто либо опасаться нарушенія мною правилъ церковныхъ, которые умѣлъ я уважать прежде еще, чѣмъ ихъ узналъ и изучилъ. Сохраню и

приглашенію отсутствовавшего тогда патриарха, занимаетъ патриаршій тронъ среди церкви. Краснорѣчивый, тогда еще юный и восторженный монахъ Герасимъ Ирель говоритъ съ амона призывающую рѣчь, въ которой проводитъ параллель между Спасителемъ, посѣтившимъ Іерусалимъ на ослѣ, и русскимъ святителемъ, прибавившимъ для восстановленія угасающаго православія въ прежнемъ полнотѣ. Мы не станемъ распространяться объ этомъ посѣщеніи русскаго епископа; скажемъ только, что... самъ Кириллъ очаровалъ всѣхъ своею любезностію и находчивостію, такъ что и по настоящее время въ Дамаскѣ и Сиріи ходитъ рассказъ объ его посѣщеніи“. См. Интересы Россіи въ Палестинѣ. Г. Муркоса. М. 1882 г. стр. 12.

церковныя правила и не нарушу долга предъ Государемъ. Я уже примирилъ восточную партію съ антиохійскою патриархіей, насколько могъ: она дала мнѣ слово терпѣть все отъ патриархин, лишь бы только знать, что надъ ними бдитъ внимательное око. Больше требовать нельзя: для этого нужно бы пересоздать весь Востокъ. Новоприсоединяющіеся никогда не составятъ особой епархін и какого либо отдѣльнаго управления, всегда будутъ чадами антиохійскаго престола, но никогда не видать ихъ у своего подножія антиохійскому престолу, если Святейшій Синодъ Всероссійскій не возьметъ на себя посредничества между ними и патриархією, которой не вѣрнѣе имѣютъ они полное право, не дастъ покровительства и защиты, въ случаѣ притѣвленій, обидъ и злоупотребленій, которыя, по принятому здѣсь порядку, не замедлятъ явиться“¹⁾.

Изъ послѣднихъ словъ преосв. Кирилла можно заключить, что онъ и самъ въ душѣ сочувствовалъ желанію сирійскихъ униатовъ стать подъ покровительство русской церкви, не выходя изъ-подъ непосредственной зависимости отъ антиохійскаго патриарха. Къ такому сочувствію его располагали, по всей вѣроятности, его личныя наблюденія надъ антиохійскимъ патриархатомъ, которыя дѣлали для него совершенно очевидно невозможность полного примиренія между греческою іерархією и арабскою паствою, безъ существенной перемѣны въ отношеніяхъ между ними.

Мы должны здѣсь сказать, что точно также думали и другіе агенты русскаго правительства, бывшіе на Востокѣ и имѣвшіе возможность близко и непосредственно наблюдать взаимныя отношенія между греческою іерархією и арабскою паствою не только въ антиохійскомъ патриархатѣ, но и въ другихъ мѣстахъ православнаго Востока. Такъ, напр., по мнѣнію нашего генеральнаго консула въ Египтѣ А. Е. Ла-

¹⁾ См. арх. св. Синода по канцеляріи оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 389.

говскаго¹⁾, воссоединеніе египетскихъ униатовъ, о которыхъ у насъ сейчасъ будетъ особая рѣчь, съ православною церковью совершилось бы скоро и безпрепятственно, если бы греческая высшая іерархія отдавала должную честь національному арабскому элементу. „Къ сожалѣнію“,—замѣчаетъ онъ въ своемъ донесеніи кн. Лобанову-Ростовскому отъ 15—27 октября 1859 года,—„до сихъ поръ греческая іерархія, какъ кажется, держалась діаметрально противоположнаго образа дѣйствія“²⁾. На этомъ основаніи и Лаговскій сочувствовалъ восточнымъ униатамъ, искавшимъ покровительства русской церкви.

Между тѣмъ наше правительство—и духовное и гражданское—не раздѣляло подобныхъ воззрѣній и безусловно отклоняло отъ себя малѣйшее внимательство во внутреннія дѣла и жизнь антиохійскаго патриархата, опасаясь этимъ самымъ еще болѣе запутать и безъ того крайне осложнившееся дѣло воссоединенія сирійскихъ униатовъ съ православною церковью. Такимъ это дѣло считалъ, впрочемъ, и самъ преосв. Кириллъ, когда ближе познакомился съ нимъ. 16 іюля 1859 года, не получивъ еще отвѣта отъ министерства на свое донесеніе отъ 10 февраля того же года,—отвѣта, который бы могъ служить для него руководствомъ въ дальнѣйшей дѣятельности по отношенію къ униатскому дѣлу въ Сиріи, преосв. Кириллъ такъ изображалъ ходъ этого дѣла въ одномъ изъ своихъ писемъ: „дѣло греко-унитское—крайней важности, развѣ только вѣхами повторяющееся, но теперь оно такъ запутано со всѣхъ сторонъ, что не знаешь иногда, за что взяться и что дѣлать. Путають его и латинцы въ нашу пользу, возобновляя систему угнетенія и преслѣдованія, которая окончательно ожесточаетъ іерархію и паству

¹⁾ См. Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Фларета, т. IV, М. 1886 г. стр. 483 прим. 3.

²⁾ См. арх. св. Синода по описи № 74 докум. №№ 1—3.

Преосв. Кириллъ Наумовъ.

такъ называемой восточной партіи греко-униатовъ. Путаешь дѣло и православная антиохійская патриархія—ко вреду православіи¹⁾. Невольнымъ чутьемъ и православные и ищущіе православія греко-униаты понимаютъ что единственная надежда на установленіе лучшаго порядка заключается въ посредничествѣ русской церкви и, на этой только надеждѣ основываясь, первые не отрекаются еще отъ своей іерархін, а вторые продолжаютъ искать соединенія съ православною церковью. Къ несчастью, и тутъ врагъ всеяля не мало плелевъ. И съ нашей стороны возникаютъ затрудненія, особенно чувствительныя для меня и собенно усилившіяся въ послѣднее время.

Силою неотразимыхъ обстоятельствъ вовлечены мы въ это вѣковое дѣло—греко-униатское,—думаю, что по особенному дѣйствию Промысла Божія, ко благу отечественной нашей церкви. Обстоятельства намъ благопріятствуютъ: самъ патриархъ антиохійскій сдалъ на мои руки это важное дѣло, вмѣстѣ съ нѣсколькими архіереями и другими двигателями дѣла, которые и состоятъ теперь на моемъ издивеніи. Я долженъ былъ пользоваться этими обстоятельствами, вполнѣ благопріятствовавшими моему инструктору, и направляя дѣло такъ, чтобы оказывая помощь и услугу греческой іерархін, найти почву и для своихъ дѣйствій вполнѣдствіи—въ пользу угнетенной національности, близкой къ отпаденію отъ православной церкви. Мнѣ удалось, насколько это возможно, примирить православное дамасское населеніе съ патриархомъ, который былъ уже не твердъ на своемъ престолѣ; мнѣ удалось склонить греко-униатовъ къ готовности забыть прежде того внушенныя имъ патриархіею чувства и присоединиться къ антиохійской цаствѣ. Тутъ уже былъ зародышъ посред-

¹⁾ При этомъ преосв. Кириллъ прилагалъ переводъ письма къ нему отъ дамаскаго православнаго населенія, которое жаловалось на патриархію, но, киндому, не только не привлекающую, но, наоборотъ, какъ будто усиливавшую оттолкнуть отъ себя греко-униатовъ.

ничества русской іерархін въ восточномъ дѣлѣ, одинаково признаннаго и принятаго съ благодарностію и православными и греко-униатами, и греками и арабами. И вдругъ начинаютъ возникать слухи (повторенные мнѣ въ глаза въ самомъ Іерусалимѣ) о томъ, что я ссорюсь съ греками, я, который единственно своими личными отношеніями поддерживаю еще довѣріе грековъ къ русскимъ здѣсь; зарождаются опасенія, какъ бы я не перевернулъ вверхъ дномъ церковныя правила, тревога по поводу, будто бы, мечтаній греко-униатовъ составить особую церковь арабско-русскую; возникаетъ мысль, будто вѣковую вражду между племенами можно угасить увѣщаніями,—будто двадцати тысячамъ народа, свободнаго въ избраніи вѣры, можно закрыть глаза, или показать вѣковые безпорядки и злоупотребленія небеснымъ совершенствомъ и райскимъ блаженствомъ. Невозможно! Этотъ народъ не по слуху знаетъ все горе страны; помнить, что онъ терпѣлъ 70 лѣтъ назадъ, когда нашелся вынужденнымъ стать подъ сѣнь палатки тиары; на православныхъ онъ видитъ, какъ мало измѣнилось время страданія народа. Я уже писалъ однажды и опять повторю: если русская церковь, своимъ посредничествомъ, не обезнечитъ спокойствія и безопасности этихъ новоприсоединяющихся къ нѣдра православной церкви, она никогда не сдѣлается православными, предпочитая мученія колеблющейся совѣсти искусительнымъ страданіямъ отъ своихъ пастырей, слишкомъ уже извѣстнымъ и знакомымъ здѣсь каждому. Что бы ни говорили, я не перестану твердить одно и то же, слагая съ себя всякую отвѣтственность за дурной исходъ дѣла: воли 20,000 душъ найдутъ виноватаго предъ Богомъ. Пока буду здѣсь, я останусь вѣренъ своимъ обязанностямъ до конца, по крайней мѣрѣ, словомъ своимъ²⁾.

²⁾ См. въ петербургскомъ арх. министерства иностр. дѣлъ за 1859 г. дѣло о русской миссіи въ Іерусалимѣ.

Въ виду всего этого, особенно въ виду того, что въ Петербургѣ не знали доподлинно настоящаго положенія дѣла въ Сиріи, преосв. Кириллы выражали желаніе и даже прямо просили позволенія прѣхать въ Россію, чтобы, какъ онъ самъ выражается въ томъ же письмѣ, „предстать лично живымъ свидѣтелемъ фактовъ и событій предъ тѣми, кто призракамъ страха готовъ былъ жертвовать совѣстію и спасеніемъ десятковъ тысячъ людей, желавшихъ возвратиться въ истинную церковь“. Нельзя не пожалѣть о томъ, что это путешествіе преосв. Кирилла въ Петербургъ не было ему разрѣшено, такъ какъ самъ онъ желалъ быть въ Россіи преимущественно съ цѣлью возможно большаго уясненія „данныхъ ему инструкцій“.

Между тѣмъ вскорѣ, въ томъ же самомъ 1859 году дѣло воссоединенія сирійскихъ униатовъ значительно осложнилось. Осложненіе произошло отъ того, что къ движенію собственно сирійскихъ униатовъ въ пользу воссоединенія съ православною церковью примкнули также и египетскіе униаты¹⁾, которые привнесли въ это дѣло новыя стремленія и новыя требованія. Объ этомъ, равно какъ и вообще о ходѣ униатскаго дѣла на Востокѣ, мы получаемъ подробныя свѣдѣнія, между прочимъ, изъ переписки нашего посланника въ Константинополь кн. Лобанова-Ростовскаго съ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ²⁾.

Изъ этой переписки мы, прежде всего, узнаемъ, что желаніе сирійскихъ униатовъ быть принятыми подъ покровительство и защиту русской церкви было безусловно отклонено нашимъ правительствомъ—духовнымъ и гражданскимъ.

¹⁾ О времени и обстоятельствахъ подлженія униі въ Египтѣ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ историческихъ свѣдѣній. По мнѣнію Базилі, униаты явились въ Египтѣ, какъ выходцы изъ Сиріи. Въ 1860-хъ годахъ ихъ насчитывалось въ Египтѣ до 500 семействъ (См. Цяг. соч. ч. II, стр. 282).

²⁾ Генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ тогда былъ Ал. Е. Логовскій. См. Собраніе мѣстныхъ и отъѣздовъ м. Филарета, т. IV, М. 1886 г. стр. 483.

Съ другой стороны, отсюда видно, что въ то время, какъ сирійскіе униаты желали образованія церкви, находящейся подъ покровительствомъ русской православной церкви, египетскіе униаты стремились къ образованію особой самостоятельной церкви, которая бы имѣла своего представителя у Порты.

„Гавриилъ Джибара, викарій и президентъ греко-униатскій въ Египтѣ“,—писалъ 25 сентября 1859 года кн. Лобанову-Ростовскій Логовскому,—„только что передалъ мнѣ прошеніе, которое представители націи мельхитовъ подаютъ султану съ тѣмъ, чтобы получить разрѣшеніе выбрать новаго патріарха вмѣсто Климента, авторитетъ котораго они не хотятъ болѣе признавать. Вамъ не безызвѣстна точка зрѣнія, съ которой наше правительство смотритъ на этотъ важный греко-униатскій вопросъ въ Сиріи и въ Египтѣ. Оно не желаетъ оказывать оффиціальной поддержки предъ Портою, ни прямо вмѣшиваться въ раздоры, которые возникли въ средѣ членовъ этой общины, благодаря латинскимъ тенденціямъ патріарха Климента. Дѣйствія нашихъ политическихъ агентовъ на Востокѣ должны ограничиваться оказаніемъ народу и духовенству греко-униатскому оффиціальной помощи болѣе или менѣе существенной, сообразно обстоятельствамъ времени и имѣя въ виду преимущественно покровительствовать стремленіямъ ихъ къ соединенію съ православною церковью, которыя обнаружались раньше всего въ восточной фракціи этой общины.“

Теперь греко-униаты, отрѣшившись отъ своего перваго порыва, который, если бы былъ поддержанъ, имѣлъ бы своимъ результатомъ полное соединеніе ихъ съ православною церковью, кажется, питаютъ тайную надежду образовать отдѣльную церковь какъ отъ Рима, такъ и отъ восточныхъ греческихъ патріарховъ. Различные проекты, которые они представляли въ послѣднее время, веди къ этой именно цѣли. Сначала у нихъ была мысль основаться въ Сиріи подъ непо-

средственнымъ покровительствомъ русскаго Св. Синода съ признаніемъ исключительнаго главенства русской церкви. Въ этомъ смыслѣ они дѣлали предложенія какъ начальнику нашей духовной миссіи въ Иерусалимѣ, такъ и генеральному консулу въ Бейрутѣ, которыя были отклонены, какъ несогласныя съ каноническими правами патріарховъ и братскимъ союзомъ, соединяющимъ нашу церковь съ восточною.

Принужденные отказаться отъ этого проекта, делегаты мелхитовъ въ Сиріи придумали другую комбинацію, которая состоятъ въ томъ, чтобы не выбирать новаго патріарха, но поручить управленіе вакантныхъ епархій четверемъ епископамъ: бейрутскому, сайдскому, захлскому и дамасскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ получить разрѣшеніе вмѣстѣ представители ихъ церкви при Портѣ. Для достиженія этой цѣли они желали бы избрать пятого епископа, который бы былъ представителемъ націи въ Константинополь и былъ бы снабженъ бератомъ отъ Порты¹⁾.

Далѣе кн. Лобановъ-Ростовскій поручалъ генеральному консулу въ Египтѣ разъяснить викарію Джибарѣ, представителю египетскихъ униатовъ, что русское правительство и агенты его на Востокѣ не могутъ содѣйствовать стремленіямъ униатовъ, противорѣчающимъ традиціонной примирительной миссіи Россіи на православномъ Востокѣ. Кроме того, консулу внушалось указать представителю египетскихъ униатовъ на страшный разладъ, замѣчавшійся въ самой греко-униатской восточной общинѣ, ибо въ то время какъ ихъ делегаты въ Сиріи отклонили выборъ новаго патріарха во имя своихъ единовѣрцевъ въ Александрію, Каирѣ, Саурѣ и Дамаскѣ¹⁾,

¹⁾ См. арх. св. Синода по описи № 74 докум. №№ 1—3.

²⁾ Изъ донесенія кн. Лобанова Ростовскаго кн. Горчакову отъ 29 августа 1859 года № 279 видно, что незадолго предъ тѣмъ въ Захлѣ между епископами и выборными мирянами отъ греко-униатской общины въ Сиріи происходило народное собраніе. Члены народнаго собранія рѣшили тогда не приступать къ выбору новаго патріарха, вмѣсто отвергнутаго ими Климента, и управленіе ихъ

представители этихъ же епархій въ Египтѣ изъявляютъ желаніе диаметрально противоположное ихъ соотечественникамъ въ Сиріи. Въ виду все болѣе и болѣе наступательнаго положенія, какое принимала католическая церковь относительно восточныхъ униатовъ, равно какъ и въ виду разногласій, какія начали возникать среди ихъ общины, единственнымъ нашимъ средствомъ обезпечить ихъ будущее на законномъ основаніи было подчиненіе ихъ православною восточною церковью, въ лонѣ которой они могли бы найти и покровительство русской церкви и самую вѣрную защиту отъ латинства. Въ самаго тѣснаго и полнаго единенія съ восточною православною церковью, отъ которой они нѣкогда отдѣлились, имъ трудно было спасти истинныя догматы и отеческія преданія, къ которымъ такъ легко относится римская курия... По всему этому проектъ установленія автокефальной греко-униатской церкви долженъ быть совершенно и безусловно оставленъ, какъ неисполнимая мечта, и униатамъ необходимо было откровенно избрать между католичествомъ, куда ихъ влечетъ латинская пропаганда, и православіемъ, куда ихъ призываетъ ихъ совѣсть и вся прошедшая исторія, т. е. между угнетеніемъ и свободою вѣры. Такой совѣтъ русской императорской миссіи на Востокѣ долженъ быть разсматриваемъ униатами, какъ совершенно вѣрный отголосокъ чувствъ живого попеченія, какое русскій Монархъ непрестанно оказывалъ и оказываетъ православнымъ народностямъ Оттоманской имперіи.

Все это долженъ былъ русскій генеральный консулъ въ Египтѣ выяснить викарію Джибарѣ, представителю египетскихъ униатовъ, при чемъ консулу внушалось отъ русскаго посланника въ Константинополь горячо отстаивать дѣло греко-униатовъ предъ православнымъ духовенствомъ, обращая его

церкви, какъ въ Сиріи, такъ и въ Египтѣ поручить четверемъ епархіальнымъ архіереямъ ихъ исповѣданіи, и въ то же время домогаться у Порты независимаго представительства ихъ церкви и народа предъ турецкимъ правительствомъ. См. арх. св. Син. по описи № 74 докум. №№ 1—3.

вниманіе на несправимый вредъ, который былъ бы причиненъ церкви, если бы излишнею нетерпимостію были отчуждены и потеряны навсегда для православной церкви тысячи вѣрующіихъ, желавшихъ возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ¹⁾.

Исполняя порученіе русскаго посланника въ Константинополь, генеральный консулъ Лаговскій вѣдѣлся съ представителемъ египетскихъ униатовъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ по вопросу о воссоединеніи его еднотѣрцевъ съ православною церковью. Объ этихъ переговорахъ Лаговскаго съ викаріемъ Гаврииломъ Джибарою мы узнаемъ изъ донесенія перваго кн. Лобанову-Ростовскому отъ 15/27 октября 1859 года.

Указавъ Джибарѣ на полную невозможность осуществленія желанія униатовъ образовать автокефальную церковь, генеральный консулъ Лаговскій сказалъ ему: „ваша община исповѣдуетъ тѣ-же догматы, что и православная церковь, отъ которой вы отдѣлились когда-то вслѣдствіе несчастныхъ политическихъ обстоятельствъ, нынѣ болѣе не существующихъ. Ваша община добровольно надумала обратиться къ посредничеству Россіи: почему бы вамъ не послѣдовать ей дружественному совѣту и не воссоединиться искренно съ православною церковью, что дало бы Россіи прямое право принять васъ подъ свое покровительство“? При этомъ Лаговскій указалъ своему собесѣднику на разнотіе, возникшее въ средѣ самихъ униатовъ, и прибавилъ, что русское правительство, въ лицѣ своихъ политическихъ агентовъ на Востокѣ, хорошо понимало и знало всю бесполезность стремленія униатовъ образовать независимую церковь и не желало отклонять ихъ отъ этого единственно съ тою цѣлію, чтобы дать имъ возможность самимъ убѣдиться въ необходимости избрать между восточною и западною церковью.

¹⁾ См. тамъ же.

Въ отвѣтъ на это Гавриилъ Джибара, прежде всего, поспѣшилъ замѣтить, что между сирійскими и египетскими греко-униатами не существуетъ разнотіе, что прошеніе египетскихъ униатовъ турецкому правительству было подписано прежде рѣшенія сирійскихъ епископовъ, и самъ онъ избралъ, какъ представитель мельхитовъ, для того, чтобы ходатайствовать въ Константинополь по дѣлу всей общины ихъ. По утвержденію Гавриила Джибары, всѣ восточные униаты тогда (т. е. въ 1859 году) желали одного и того же, т. е., чтобы быть имъ подъ протекціей Россіи, въ какомъ смыслѣ они заявили свое желаніе и великому князю Константину Николаевичу, во время его пребыванія въ Иерусалимѣ. Ко всему этому Гавриилъ Джибара прибавлялъ, что, если униаты восточные колеблются слиться съ православною церковью, то единственно изъ боязни, что исчезнетъ ихъ національный элементъ. „Когда мы соединимся съ православною церковью“, — спрашивалъ Гавриилъ Джибара своего собесѣдника, — „то будемъ ли мы имѣть своихъ епископовъ, своихъ священниковъ и свои церкви“?

Стараясь успокоить его, генеральный консулъ Лаговскій сказалъ, что православная церковь далека отъ нетерпимаго отношенія къ національному элементу племени, котораго пребываютъ въ ея лошѣ, даже, напротивъ, она покровительствуетъ развитію національнаго начала, дозволяя переводъ Св. Писанія и совершеніе богослуженія на мѣстныхъ народныхъ языкахъ; а если доселѣ высшія духовныя должности на Востокѣ замѣщались исключительно греками, то это дѣлалось не преднамѣренно, а вызывалось необходимостію, такъ какъ высшее духовенство набиралось изъ лицъ, обучавшихся въ духовныхъ школахъ, которыя существовали въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладалъ греческій элементъ.

Въ заключеніе своей бесѣды съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ представитель египетскихъ униатовъ сказалъ, что онъ долженъ будетъ переговорить съ сирійскими

епископамъ, послѣ чего обѣщали дать письменный отзывъ консулу о результатѣ своихъ переговоровъ¹⁾.

Получивъ подробное донесеніе отъ русскаго генеральнаго консула обо всемъ этомъ, нашъ посланникъ въ Константинополь кн. Лобановъ-Ростовскій, зная, что антиохійскій патріархъ и вообще высшее духовенство антиохійскаго патріархата не особенно сочувствовали воссоединенію униатовъ съ православною церковью²⁾, поручилъ первому драгоману своего посольства Аргиропуло объясниться съ alexandрійскимъ патріархомъ Калишикомъ, находившимся тогда въ Константинополь, и узнать его мнѣніе объ условіяхъ, на которыхъ alexandрійская церковь согласилась бы принять египетскихъ униатовъ въ свое лоно и до какой степени, но мнѣнію alexandрійскаго патріарха, можно было бы удовлетворить желаніе мельхитовъ сохранить свое народное духовенство, по воссоединеніи съ православною церковью. Обратиться съ подобными вопросами именно къ alexandрійскому, а не другому какому либо патріарху, побуждало кн. Лобанова Ростов-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Въ своемъ донесеніи министру иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчакову отъ 7 ноября 1859 года кн. Лобановъ Ростовскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «опасенія мельхитовъ, что воссоединеніе ихъ съ православною церковью неминуемо повлечетъ за собой стѣсненіе ихъ національнаго элемента въ управленіи церковномъ и они должны будутъ пожертвовать своимъ народнымъ духовенствомъ, не соотвѣтъ лишимъ основанію. Изъ донесенія моего отъ 22 августа 1859 года уже извѣстно нашему сіятельству, что мельхиты съ самаго начала не встрѣтили со стороны антиохійскаго патріарха того ободряющаго сочувствія, которое болѣе всего могло бы поощрить ихъ къ братскому воссоединенію съ православною церковью; напротивъ, униатское духовенство, къ сожалѣнію, сдѣлалось предметомъ недоброязвительства и зависти со стороны греческаго духовенства, подвѣдомственнаго антиохійскому престолу; что отъ патріарха Героеел, если онъ будетъ предоставлять собственному влеченію и внушеніямъ приближенныхъ къ нему содѣльниковъ, трудно ожидать необходимыхъ уступокъ національному чувству униатовъ, особенно же обезпеченіе будущей участи ихъ епископовъ, безъ сохраненія коихъ преданный имъ мельхитскій народъ, въ свою очередь, не пожелаетъ возвратиться въ лоно восточной церкви. См. арх. св. Синода по описи № 74 докум. №№ 1—3.

скаго главнымъ образомъ то соображеніе, что примѣръ alexandрійскаго патріарха, если бы онъ оказался склоннымъ къ нѣкоторымъ уступкамъ въ пользу униатовъ, могъ бы благотворно подѣйствовать и на другихъ его собратьевъ, между прочимъ, и на антиохійскаго патріарха, такъ что представитель униатовъ, викарій Гавриилъ Джибара, имѣвшій прибыть въ Константинополь для переговоровъ по этому дѣлу, не встрѣтилъ бы уже тѣхъ непреодолимыхъ затрудненій къ воссоединенію униатовъ съ православною церковью, какія дотогъ препятствовали исполненію этого благочестиваго дѣла. Надежды нашего посланника въ Константинополь на alexandрійскаго патріарха вполнѣ оправдались. Блаженнѣйшій Калишикъ, въ бесѣдѣ съ Аргиропуло, выразилъ свою полную готовность даровать униатамъ все уступки, совмѣстныя съ достоинствомъ церкви и неприкосновенностію ея догматическаго ученія. При этомъ патріархъ Калишикъ напомнилъ о томъ, что онъ, еще въ бытность свою въ Египтѣ, заботился о возможномъ облегченіи участи гонимыхъ мельхитовъ и не безъ успѣха ходатайствовалъ предъ французскимъ генеральнымъ консуломъ Собатье о прекращеніи насильственныхъ мѣръ, къ которымъ западные агенты въ Александрію прибѣгали для побужденія униатовъ къ принятію новаго (разумѣется, григоріанскаго) календаря.

Выразивъ, такимъ образомъ, свое полное сочувствіе желанію униатовъ воссоединиться съ православною церковью, патріархъ Калишикъ высказался далѣе въ томъ смыслѣ, что вопросъ объ условіяхъ принятія униатовъ въ лоно православной церкви можетъ быть окончательно рѣшенъ только всеенскою патріархіею. Сущность возрѣнія самаго блаженнѣйшаго Калишика на этотъ предметъ заключалась въ слѣдующемъ.

Когда представители сирійскихъ и египетскихъ униатовъ придутъ въ Константинополь и предъявятъ полномочіе отъ своего народа на искреннее и совершенное воссоединеніе съ православною церковью, безъ всякаго упоминанія о незави-

симою мельхитской церкви, то восточные патриархи должны будут прибѣгнуть къ посредничеству русской императорской миссіи для доверенія этого благого дѣла.

Тогда, прежде всего, нужно будетъ разсмотрѣть, до какой степени уніатская община могла уклониться и отступитъ отъ догматовъ и основныхъ уставовъ православной церкви. Не допуская ни малѣйшаго уклоненія и послабленія въ догматахъ, восточная церковь, по мнѣнію александрійскаго патриарха, могла дать уніатамъ, при ихъ воссоединеніи, значительныя льготы и облегченія въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ, несвязанныхъ съ сущностію православія, ибо церковь, строго разборчивая въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, ищущимъ обращенія въ православную вѣру, оказываетъ несравненно большую терпимость, когда дѣло идетъ о принятіи въ лоно церкви православной цѣлыхъ народовъ.

Поэтому, патриархъ Калининскій полагалъ, что, если только уніаты не отступили отъ чистоты православно-догматическаго ученія, то они могли бы быть приняты безъ всякаго ограниченія ихъ наличныхъ правъ, съ ихъ епископами и прочимъ духовенствомъ, при томъ, однакожь, непремѣнномъ условіи чтобы, послѣ воссоединенія съ православною церковью, они не заявляли уже своихъ притязаній на сохраненіе своихъ отличій отъ православной вселенской церкви. Такъ, напримѣръ, за наличными уніатскими священниками могли бы быть признаны всѣ ихъ права; но за то когда впередъ будетъ предстоять надобность въ поставленіи священниковъ для уніатовъ, то посвященіе ихъ можетъ совершаться безразлично арабскимъ или греческимъ епископомъ, но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ по чину православной церкви. Точно также, если бы въ чинѣ совершенія таинства крещенія въ общинахъ уніатовъ вкрался какія либо отступленія отъ практики православной церкви, то на будущее время всѣ, имѣвшія вновь рождатьса, дѣти должны быть крещаемы по чинупослѣдованію православной церкви безъ всякихъ отступленій.

Условіе это, по мнѣнію патриарха Калининскаго, было рѣшительно необходимо для огражденія единства церкви и предупрежденія раскола.

Въ заключеніе своей бесѣды съ драгоманомъ русскаго посольства въ Константинополь патриархъ Калининскій высказалъ, впрочемъ, какъ свое личное мнѣніе, пожеланіе, чтобы въ совѣщаніяхъ синода великой константинопольской церкви, имѣвшихъ открыться по столь важному дѣлу, присутствовалъ и принималъ участіе представитель русской церкви и именно преосв. Кирилль мелитопольскій, такъ какъ онъ, по мнѣнію патриарха, былъ ближе всего знакомъ съ греко-уніатскимъ вопросомъ¹⁾.

Заручившись такимъ отвѣтомъ александрійскаго патриарха, кн. Лобановъ Ростовскій обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ за совѣтомъ и указаніями на тотъ разъ, если бы восточные уніаты, дѣйствительно, пожелали воссоединиться съ православною церковью на условіяхъ, какія признавалъ возможнымъ патриархъ Калининскій. Министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. А. М. Горчаковъ передалъ всю переписку по дѣлу восточныхъ уніатовъ, для свѣдѣнія и отзыва, тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода гр. А. П. Толстому. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, находитъ участіе представителя русской церкви въ совѣщаніяхъ вселенской патриархіи о присоединеніи греко-уніатовъ небывалымъ для русской церкви, а также затрудняясь, по разнымъ причинамъ²⁾, допустить

¹⁾ См. арх. св. Синода по описи № 74 докум. №№ 1—3.

²⁾ Какъ видно изъ недавно напечатаннаго письма гр. А. П. Толстого къ м. Фларету отъ 6 декабря 1859 года, оберъ-прокуроръ находилъ неудобнымъ назначеніе преосв. Кирилла въ качествѣ представителя русской церкви, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: 1) опасаясь, что преосв. Кирилль въ Константинополь „будетъ въ дѣйствіяхъ своихъ слѣдовать открытому имъ среднему пути, пролегающему мимо сироній и кротестя“ и 2) потому, что уже въ то время относительно преосв. Кирилла и его пребыванія въ Іерусалимѣ „открылось сильное разногласіе между двумя министерствами, пьющими вліаніе на іерусалимскія дѣла“. (См. Христ. Чт. 1899 года, сентябрь, стр. 431).

преосв. Кирилл мелитопольскаго, какъ того желалъ патріархъ Калининскій, къ участию въ совѣщаніяхъ синода восточныхъ іерарховъ по греко-унитскому дѣлу, просилъ 6 декабря 1859 года „весьма конфиденціальнымъ“ письмомъ московскаго митрополита Филарета высказать свое мнѣніе по этому дѣлу на тотъ случай, если бы министерство иностранныхъ дѣлъ пожелало знать мнѣніе Св. Синода по тому же вопросу.

М. Филаретъ отвѣчалъ (вѣроятно, въ январѣ 1860 г.) на этотъ запросъ очень обстоятельнымъ и подробнымъ отзывомъ, въ которомъ сначала высказывалъ свои сужденія по вопросу о воссоединеніи восточныхъ уніатовъ и въ заключеніе давалъ отвѣтъ на тотъ вопросъ, съ которымъ собственно обращался къ нему оберъ-прокуроръ Св. Синода. Любопытно мнѣніе мудраго архимандрита по такому важному дѣлу, какимъ было подготовившееся съ великими затрудненіями воссоединеніе восточныхъ уніатовъ съ православною церковью.

М. Филаретъ очень скептически относился къ этому дѣлу, которое онъ называлъ въ своемъ отзывѣ прямо „страннымъ“, „неудобнымъ“, „ненадежнымъ“, усматривая въ немъ даже „темныя стороны“. Темныя стороны дѣла м. Филаретъ видѣлъ въ томъ, что, съ одной стороны, между самими мельхитами не было полнаго единомыслія въ пониманіи цѣли, къ осуществленію которой они стремились, а съ другой стороны, православная іерархія восточная, особенно антіохійскаго патріархата мало проявляла сочувствія къ дѣлу греко-унитскому, при чемъ опасеніе мельхитовъ за возможность стѣсненія ихъ національныхъ правъ м. Филаретъ признавалъ вполне основательнымъ. Посредничеству александрійскаго патріарха, который изъявилъ готовность даровать уніатамъ все уступки, совмѣстныя съ достоинствомъ церкви и неприкосновенностію ея догмата, м. Филаретъ придавалъ мало значенія, такъ какъ оно было сдѣлано только на словахъ и

при томъ въ выраженіяхъ крайне неопредѣленныхъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже совсѣмъ непонятно.

Съ своей стороны, м. Филаретъ единственно благопріятный исходъ дѣла представлялъ въ слѣдующемъ видѣ. Мельхитовъ, какъ скоро они признали бы все догматы, соборныя постановленія и существенныя въ таинствахъ обряды православной церкви, можно было бы принять въ общеніе православной вселенской церкви, съ сохраненіемъ нераздѣльности ихъ частной церкви въ Сиріи и Египтѣ, подъ главенствомъ митрополита, который долженъ быть признанъ *αὐτοκέφαλος*, примѣнительно къ 8 правилу III вселенскаго собора, съ предоставленіемъ ихъ церкви внутренняго избранія и рукоположенія епископовъ и самого митрополита, который, по своему рукоположенію, долженъ былъ бы послать къ патріархамъ и всероссійскому синоду свое исповѣданіе вѣры и посланіе общенія церковнаго. Что же касается назначенія официального представителя русской церкви въ дѣлѣ воссоединенія восточныхъ уніатовъ, то м. Филаретъ призналъ это неудобнымъ и совѣтовалъ частнымъ образомъ употребить въ этомъ дѣлѣ „краткую мѣру, которая однако, могла бы быть дѣйствительна и при томъ безопасна“, въ видѣ порученія архим. Антонину (Капустину) неофициально и частнымъ образомъ дѣйствовать примирительно по отношенію къ восточнымъ патріархамъ, съ одной стороны, и мельхитамъ, съ другой. Объ участіи же преосв. Кирилла въ дѣлѣ греко-унитскомъ, равно какъ и о всей вообще дѣятельности его на Востокѣ м. Филаретъ отзывался не совсѣмъ благопріятно, даже, можно сказать, рѣзко. „Преосвященный мелитопольскій“, — писалъ онъ въ своемъ отзывѣ гр. А. П. Толстому, — „съ сирійскими уніатами вошелъ въ сношеніе на мѣстѣ. Въслѣдствіе того, чтобы дѣйствовать скромно и, по возможности, сокрыто, но свѣдѣніямъ, достойнымъ довѣрія, онъ старался дать своему дѣйствованію гласность и даже торжественность; и, съ одной стороны, въ уніатахъ возбуждалъ преувеличенныя

надежды, а съ другой—въ западныхъ тамъ агентахъ, духовныхъ и свѣтскихъ, возбудить усиленное противодѣйствіе противъ сихъ униатовъ. Теперь Россіи затруднительно войти въ ихъ дѣло: и если не войдетъ, сіе можетъ произвестъ неблагопріятное для нея впечатлѣніе на Востокъ между православными“¹⁾).

Въ то время, когда шла вся эта переписка между русскимъ правительствомъ и его агентами на православномъ Востокъ по дѣлу греко-униатскому, самъ преосв. Кирилль, который хотя, быть можетъ, и ошибался иногда, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ кто нибудь другой, содѣйствовалъ сколько нибудь благопріятному теченію греко-униатскаго вопроса на Востокъ, находился въ крайне неопредѣленномъ положеніи. Какъ видно изъ письма его къ министру иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчакову отъ 30 мая 1860 года, онъ еще въ это время не получилъ отвѣта на свой отчетъ отъ 10 февраля 1859 года, и, слѣдовательно, все это время оставался безъ всякихъ начальственныхъ указаній на счетъ дальнѣйшей его дѣятельности въ греко-униатскомъ вопросѣ.

Между тѣмъ греко-униаты, которыхъ преосв. Кирилль, дѣйствительно, успѣлъ привлечь къ себѣ своею добротою и простотою своего обращенія съ ними, попрежнему со всѣми своими нуждами обращались именно къ начальнику русской миссіи въ Иерусалимѣ. 19 февраля 1860 года преосв. Кирилла посѣтилъ въ Иерусалимѣ Гавріилъ Джибара, представитель египетскихъ униатовъ, побывавъ предварительно въ Сиріи, гдѣ, какъ онъ обѣщалъ въ свое время русскому консулу въ Египтѣ, совѣщался съ представителями сирійскихъ униатовъ по общему ихъ дѣлу. Свиданіе представителя египетскихъ униатовъ съ начальникомъ русской миссіи въ Иерусалимѣ имѣло весьма важное значеніе въ исторіи воссоеди-

¹⁾ См. Собраніе мѣній и отзывовъ м. Физарета. М. 1886 г. т. IV стр. 482—491.

ненія восточныхъ униатовъ съ православною церковью, какъ это показало и ближайшее будущее.

„Продолжительныя бесѣды наши съ о. Джибарою“,—писалъ преосв. Кирилль кн. Горчакову объ этомъ свиданіи,—„уяснили для меня и дали мнѣ возможность прояснить всю несостоятельность новоиздуманнаго плана устройства греко-униатской общины“¹⁾. По возвращеніи Джибары въ Бейрутъ, дѣло пошло быстро, мѣняя, впрочемъ, свой видъ съ каждымъ днемъ. Результатомъ было представленное мнѣ и генеральному консулу нашему въ Бейрутѣ прошеніе отъ 14 апрѣля о соединеніи униатовъ съ православіемъ. Къ прошенію отъ лица общины бейрутской присоединила свое и сурская. Прошенія эти имѣютъ важное значеніе, какъ первое письменное изъясненіе желанія греко-униатовъ соединиться съ православною церковью“²⁾.

Но такъ какъ условія, на которыхъ греко-униаты выражали желаніе воссоединиться съ православною церковью, въ прошеніяхъ ихъ излагались очень неопредѣленно, то преосв. Кирилль, по соглашенію съ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бейрутѣ, рѣшилъ отправиться въ Сирію, чтобы лично, по соглашенію съ консуломъ, вести переговоры съ греко-униатами.

Положеніе, въ какомъ нашелъ теперь преосв. Кирилль сирійскую униатскую общину, было весьма печальное. Съ одной стороны, ее угнетали и пресѣдовали дѣятели римско-католической пропаганды, а съ другой—народъ никакъ не могъ, очевидно, изгнать изъ своей памяти прежнихъ злоупотребленій и гнета греческой православной іерархіи, равно какъ и опасенія за будущее. Угрожала даже опасность, что тысячи людей, отдѣлившись отъ одной церкви и неприставившихъ къ

¹⁾ Разумѣется, въ видѣ совершенно независимой церкви, каковая идея возникла именно среди египетскихъ униатовъ.

²⁾ См. въ петербургскомъ архивѣ министерства иностр. дѣлъ за 1860 г. дѣла объ иерусалимской духовной миссіи.

другой, потерявъ всякое терпѣніе, уйдутъ въ протестантство. Начальникъ русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ и бейрутскій консулъ употребляли все мѣры увѣщанія и убѣжденія къ тому, чтобы, сколько возможно, примирить крайности. Усилія ихъ увѣщались хотя нѣкоторымъ успѣхомъ. Прежде всего, была выяснена догматическая сторона вопроса, при чемъ уніатская община рѣшила положительно отречься отъ заблужденій папства и признать символическою книгою своего вѣроисповѣданія православный катихизисъ, напечатанный въ Бейрутѣ на арабскомъ языкѣ (переводъ съ русскаго), по благословенію антиохійскаго православнаго патріарха Меодія.

Съ другой стороны, хотя уніатская община и просила себя независимости управления, т. е. права выбора и рукоположенія своихъ епископовъ и митрополита, но митрополита она согласилась поставить въ связь съ православными патріархами, имена которыхъ онъ былъ обязанъ поминать при богослуженіи. Въ такомъ смыслѣ 12 мая 1860 года было представлено преосв. Кириллу и русскому генеральному консулу въ Бейрутѣ, отъ лица греко-уніатской общины, прошеніе.

Такой походъ своего путешествія въ Сирію и личныхъ переговоровъ съ уніатами преосв. Кириллъ считалъ значительнымъ успѣхомъ, особенно при тогочасныхъ обстоятельствахъ въ Сиріи, о которыхъ будетъ сейчасъ сказано и которыя могли дать дѣлу совершенно обратное направленіе.

Кромѣ того, преосв. Кириллъ выражалъ надежду, что дальнѣйшіе переговоры съ православными патріархами, для чего, между прочимъ, отправился тогда же въ Константинополь представитель дамасской уніатской общины, священникъ Гури-Ханна, пользовавшійся расположеніемъ и антиохійскаго патріарха, а съ другой стороны, время и событія могли смягчить и предложенныя уніатскою общиною условія воссоединенія ея съ православною церковью¹⁾.

¹⁾ (и. въ петербургскомъ архивѣ мн. иностр. дѣла за 1860 г. дѣла объ іерусалимской миссіи.

Вспыхнувшее въ Сиріи въ мартѣ 1860 года избіеніе христіанъ мусульманами, безъ сомнѣнія, задержало благоприятное теченіе греко-уніатскаго вопроса¹⁾. Отчасти влѣдствіе этого печальнаго событія, а еще больше для того, чтобы имѣть ближайшее наблюденіе за дальнѣйшимъ ходомъ греко-уніатскаго дѣла, преосв. Кириллъ въ сентябрѣ 1860 года снова рѣшился предпринять путешествіе въ Сирію, гдѣ въ то время находился нашъ чрезвычайный комиссаръ и гдѣ, на бейрутскомъ рейдѣ, было сосредоточено нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ. Преосв. Кириллъ въ путешествіи по Сиріи цѣловалъ время съ 18 сентября по 13 октября 1860 года, при чемъ большую часть этого времени посвятилъ именно греко-уніатскому дѣлу.

25 сентября онъ совершилъ богослуженіе на фрегатѣ „Генералъ-Адмиралъ“, въ присутствіи не только команды этого фрегата, равно какъ и части команды фрегата „Громобой“, но и значительнаго количества мѣстныхъ жителей, между прочимъ, и греко-уніатовъ, на которыхъ служеніе русскаго православнаго архіерея произвело сильное и весьма благоприятное для дѣла ихъ воссоединенія съ православною церковью впечатлѣніе.

За нѣсколько времени до пріѣзда преосв. Кирилла въ Бейрутъ, бывшій греко-уніатскій патріархъ Климентъ насиль-

¹⁾ Ближайшимъ поводомъ сирійской рѣзни были проски католическихъ миссіонерозъ, которые внушили христіанскому населенію Сиріи преувеличенную надежду на покровительство Франціи и, влѣдствіе того, быть можетъ излишнюю притязательность въ домогательствахъ различныхъ политическихъ правъ, на основаніи султанскаго татти-гумаона 1856 года. Возмущенные этимъ, турецкіе фанатики, во главѣ которыхъ стоялъ дамасскій генералъ-губернаторъ, на тайномъ совѣщаніи, въ мартѣ 1860 года признали султанскую грамоту противною корану и рѣшили — всеобщимъ избіеніемъ христіан оживить умирающее уже тогда мусульманство. Послѣдовавшее затѣмъ избіеніе христіанъ едва было превращено къ концу года влѣдствіемъ европейскихъ державъ, особенно Россіи и Франціи. Изъ Россіи, кромѣ того, были отправлены въ Сирію значительныя пожертвованія въ пользу пострадавшихъ православныхъ христіанъ. Всего было избито христіанъ до 20.000 чел. См. у Арсенія архим. Цит. соч. стр. 820—821.

ственно занять, при помощи французскаго консула, церкви и митрополичье подворье. Обстоятельство это, при общемъ смутномъ положеніи страны, могло имѣть многообразныя послѣдствія. Тѣмъ не менѣе преосв. Кирилль, къ своему утѣшенію, при первыхъ же своихъ сношеніяхъ съ греко-уніатами убѣдился, что настроеніе умовъ въ бейрутской общинѣ было гораздо болѣе благопріятно для православія, чѣмъ можно было ожидать. Община перенесла причиненное ей оскорбленіе сравнительно спокойно и тотчасъ же по приѣздѣ преосв. Кирилла въ Бейрутъ, при посредствѣ его и генеральнаго консула нашего въ Бейрутъ, вошла въ сношенія съ греческимъ митрополитомъ и православною общиною, которые, въ свою очередь, дѣйствовали въ духѣ петинской христіанской любви. Преосв. Кирилль болѣе всего опасался извѣстныхъ притязаній со стороны греко-уніатской общины на устройство особой церкви и особеннаго богослуженія. Но подобныхъ притязаній не оказалось съ перваго же раза вовсе. Въ первый же воскресный день нѣсколько десятковъ лицъ греко-уніатскаго исповѣданія присутствовали при богослуженіи въ православной церкви, между тѣмъ какъ другіе слушали литургію на фрегатѣ „Генераль-Адмиралъ“, совершенную преосв. Кирилломъ. Въ слѣдующее воскресенье во время литургіи въ православной церкви было уже болѣе 100 членовъ изъ греко-уніатской общины и болѣе знатные изъ нихъ послѣ службы посетили митрополита вмѣстѣ съ православными. Одинъ только разъ небольшая депутація отъ греко-уніатской общины обратилась къ преосв. Кириллу съ словомъ объ особой церкви т. е. храмѣ. Но и на этотъ разъ рѣчь была ведена весьма скромно, условно, въ видѣ только совѣщанія съ преосв. Кирилломъ. Особенно замѣчательно было при этомъ то, что, какъ узналъ потомъ преосв. Кирилль, депутація выражала желаніе имѣть особую церковь съ согласіемъ мѣстнаго православнаго митрополита и съ условіемъ, чтобы при богослуженіи было поминаемо имя митрополита. По мнѣнію начальника

русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, это было весьма значительнымъ шагомъ впередъ въ отношеніи условій соединенія греко-уніатовъ съ православною церковью сравнительно съ тѣмъ, что было въ маѣ 1860 года, когда преосв. Кирилль и нашъ генеральный консулъ въ Бейрутѣ получили первое письменное заявленіе о желаніи греко-уніатской общины соединиться съ православною церковью¹⁾. Преосв. Кириллу, какъ самъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ Горчакову отъ 8 ноября 1860 года, небольшого труда стоило убѣдить депутацію греко-уніатовъ въ неблаговременности и бесполезности устройства особаго храма.

Вообще, пользуясь благопріятнымъ настроеніемъ умовъ, начальникъ русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ и русскій генеральный консулъ въ Бейрутѣ вслѣдствіи старались сблизать греко-уніатовъ съ православными и, сколько было возможно, ослаблять силу условій присоединенія, заявленныхъ имъ греко-уніатами въ маѣ 1860 года.

Значительное содѣйствіе себѣ и пособіе они нашли, прежде всего, въ участіи приматовъ греко-уніатской дамасской общины, которые, собравшись въ Бейрутѣ, и сами были склонны къ безусловному соединенію съ православною церковью и другіе старались усердно склонить къ тому же. Одинъ изъ этихъ приматовъ, отправившись, по своимъ дѣламъ, въ Александрію, охотно принялъ просьбу преосв. Кирилла о томъ, чтобы онъ попытался побесѣдовать въ духѣ совершеннаго примиренія съ представителями египетской греко-уніатской общины, и, дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, съ большою пользою для дѣла возсоединенія греко-уніатовъ, провелъ нѣкоторое время въ Александріи.

Съ другой стороны, усиливъ преосв. Кирилла и нашего генеральнаго консула въ Бейрутѣ, направленнымъ къ скорѣйшему желательному рѣшенію греко-уніатскаго вопроса,

¹⁾ См. Рус. Стар. 1890 г. т. LXVI, апрѣль, стр. 212—213.

немало содѣйствовала благодушная готовность мѣстнаго православнаго митрополита сдѣлать все, возможное для него, къ облегченію входа греко-уніатовъ въ православную церковь. Во время своего послѣдняго пребыванія въ Бейрутѣ преосв. Кирилль успѣлъ особенно сблизиться съ митрополитомъ здѣшнимъ Героеемъ, согласившимся даже выѣхать съ преосв. Кириллемъ отправиться въ Иерусалимъ и провести у него нѣсколько дней. Продолжительная, исполненная братскаго довѣрія и искренности, бесѣда начальника русской духовной миссіи съ бейрутскимъ митрополитомъ совершенно разсѣяли подозрѣнія этого послѣдняго на счетъ будущности греко-уніатовъ, изгнанныхъ воссоединиться съ православною церковью, и еще болѣе оживили его ревности, съ какою онъ и прежде относился къ этому дѣлу.

Наконецъ, успѣху дѣла, о которомъ съ такимъ усердіемъ заботился преосв. Кирилль въѣхавъ съ бейрутскимъ генеральнымъ консуломъ, немало содѣйствовало также, съ одной стороны, отпаденіе большей части греко-уніатскихъ епископовъ отъ своихъ наставъ, нежелающихъ принимать католическихъ нововведеній, благодаря чему вопросъ каерикальнимъ—о правахъ духовенства дѣлался вопросомъ народнымъ—о вѣрѣ, а съ другой стороны, упорство латинскаго патріарха Иосифа Валерга, недопускавшаго восточной партіи греко-уніатовъ въ уніатскую церковь безъ принятія ею западнаго календаря.

Разсказавъ о всѣхъ этихъ своихъ заботахъ и трудахъ на пользу православной церкви и греко-уніатской общины, преосв. Кирилль такъ заканчивалъ свой докладъ объ этомъ дѣлѣ министру иностранныхъ дѣлъ: „теперь дальнѣйшій ходъ и успѣхъ дѣла зависить отъ отеческой благоснисходительности православныхъ патріарховъ и сговорчивости представителей греко-уніатской общины въ Константинополь“¹⁾.

¹⁾ См. въ петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1860 г. дѣла с русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ.

Ко благу церкви и къ радости преосв. Кирилля, который горько сожалѣлъ только объ одномъ, что онъ не могъ быть непосредственнымъ свидѣтелемъ завершительнаго акта въ значительной части подготовленнаго имъ дѣла, вопросъ греко-уніатскій рѣшился благопріятно и такъ скоро, какъ даже трудно было ожидать. 13 октября 1860 года преосв. Кирилль оставилъ Сирію, а 23 октября представители восточныхъ уніатовъ были уже въ Константинополь и вручили православнымъ патріархамъ свои условія, на которыхъ они желали воссоединиться съ православною церковью. Главнѣйшимъ изъ этихъ условій было то, чтобы въ сирійскихъ церквяхъ епископы и священники ставились изъ арабовъ, а не изъ грековъ. 9 ноября патріархи и синодъ вселенской патріархіи приняли эти условія и одобрили. 26 ноября 1860 года представители греко-уніатскихъ общинъ, отъ имени пяти тысячъ бывшихъ уніатовъ, въ присутствіи 4 патріарховъ: Иоанна константинопольскаго, Калиника александрійскаго, Героея антиохійскаго и Кирилля іерусалимскаго, патріархаго синода и многочисленнаго собранія народа, торжественно произнесли православное исповѣданіе вѣры и прочтали актъ отреченія своего отъ католическихъ заблужденій и своего воссоединенія съ православною церковью. Прочтанный актъ гласилъ слѣдующее: „во имя Отца, и Сына и Святаго Духа. Нижнеподписавшіеся, послѣ подобающей сердечной нашей благодарности всеблагодару Богу, смиренно изъявляемъ признательность и досточтимому собору вашему, свѣтлѣйшіе четыре патріарха и всесвятѣйшіе архіереи! По несомнѣнному внушенію Святаго Духа, соизволенію святаго собора въ 9 число настоящаго мѣсяца на принятіе представленныхъ нами въ 23 день прошлаго октября требованій исполнило сердце наше величайшею радостію и несказаннымъ утѣшеніемъ. Потому и восклицаемъ предъ честнымъ соборомъ симъ: *возвемичи Господь сотворити съ нами, и быхоль утѣшени!* Поелику же святому и священному со-

бору угодно было, чтобы все мы воссоединяющиеся были помазаны святымъ мѣромъ для большаго освященія и дѣйствительнаго показанія единства нашего съ членами Восточной церкви, то мы какъ отъ себя лично, такъ и во имя единомысленнаго съ нами народа, съ величайшею радостію пріемаемъ и это. Затѣмъ, взирая на настоящее дѣло, какъ на дѣло Господа, которымъ управляются стоны всякаго человѣка, теперь мы спѣшно притекаемъ со всякою некрепностію, и чрезъ настоящее наше рукописаніе велегласно неповѣдуемъ предъ симъ честнымъ собраніемъ: 1) что совершенно отрекаемся отъ общенія съ епископомъ ветхаго Рима, никомъ образомъ не признаемъ его верховнѣйшею и единственною главою Церкви, коей глава, по апостолу, есть Господь нашъ Исусъ Христосъ, и съ неизреченнымъ желаніемъ пріемаемъ навсегда все священные догматы православной восточной церкви, подчиняясь законнымъ (каноническимъ) ея духовнымъ вождямъ; 2) сохраняемъ неизмѣннымъ и непоколебимымъ символомъ вѣры, то есть—безъ всякаго прибавленія или убавленія, какъ онъ составленъ святыми великими соборами, первымъ и вторымъ, и подтвержденъ прочими шестью святыми вселенскими соборами. Почему, отвергая сдѣланную латинскою церковью концуптвенную опую и противоевангельскую прибавку—*и отъ Сына*—подвергаемъ анаемѣ всякаго, дерзающаго приложить что или убавить отъ священнаго сего символа, какъ подвергаютъ такового и боговдохновенные отцы наши; 3) твердо блюдемъ постановленія божественныхъ и священныхъ канонѣвъ апостольскихъ святыхъ семи вселенскихъ соборовъ, такъ же мысли, какъ и православная восточная церковь, а противное сему отвергая. И такимъ образомъ съ готовностію и добровольно, по собственному желанію, пріемаемъ написанное нами, обѣщая, что желаемъ блюсти то непоколебимо и неповѣдывать до послѣдняго нашего издыханія. Посему для достовѣрнѣйшаго подтвержденія сего всего мы написали настоящее рукописаніе (ἑγγράφον) собственно-

ручно нами написанное, съ приложеніемъ собственной печати каждаго, по образцу святой великой церкви Христовой, да хранится оно въ патріаршихъ священныхъ кодексахъ¹⁾.

Актъ этотъ былъ подписанъ уже извѣстными намъ Ханною Хабибомъ и Гаврииломъ Джибаромъ, которые были главными дѣятелями по воссоединенію восточныхъ униатовъ и, при воссоединеніи, были сдѣланы архимандритами. Въ письмѣ отъ 6 февраля 1861 года къ кн. Горчакову преосв. Кириллъ ходатайствовалъ о награжденіи ихъ, по хиротоніи во епископы, брилліантовыми панагіями, „въ вознагражденіе за понесенные ими труды и для ободренія къ будущимъ заслугамъ“²⁾.

¹⁾ См. Дѣтонисъ архим. Арсенія стр. 821—822.

²⁾ См. въ петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1861 годъ дѣло о русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ.

XI.

Начало присоединения сиро-халдейских несторианъ къ русской православной церкви, при участіи преосв. Кирилла Наумова ¹⁾.

Въ 1898 году, 25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы совершилось въ Петербургской Александро-Невской Лаврѣ радостное для всего православно-христіанскаго міра событіе. Разумѣемъ присоединеніе сиро-халдейскихъ несторианъ къ русской православной церкви, въ лицѣ нарочито явившейся депутаціи отъ сиро-халдейскаго несторианскаго общества во главѣ съ епископомъ Маръ-Іоною. Наша церковно-историческая литература тогда же признала это событіе имѣющимъ весьма важное значеніе ²⁾. И послѣдствія этого событія, безъ сомнѣнія, могутъ быть великими и русской православной церкви, въ лицѣ миссіонеровъ ея, предстоитъ еще весьма широкое и плодотворное поприще среди новоприсоединеннаго общества.

Но событіе это вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и всѣ вообще историческія явленія, совершилось не неожиданно, не безъ предварительной—продолжительной и серьезной—подготовки. Русская

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ почти исключительно на основаніи подлинныхъ рукописныхъ, невзданныхъ, документовъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода въ д. № 3118 за 1859 г.

²⁾ См. Церк. Вѣсти. 1898 г. № 13, стр. 449.

православная церковь, хотя и позже другихъ христіанскихъ инославныхъ обществъ, по все-таки давно уже вступила въ непосредственныя сношенія съ сиро-халдейскими несторианами. Такъ что событіе 25 марта 1898 года явилось только исполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ этихъ сношеній ¹⁾.

Начало этимъ сношеніямъ положили сами же сиро-халдейцы, которые, подобно всѣмъ христіанскимъ народамъ Востока, всегда смотрѣли на Россію, какъ на самую надежную и желательную покровительницу и защитницу ихъ отъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ фанатичныхъ, нерѣдко къ тому же дикихъ послѣдователей ислама. Еще въ концѣ XVIII в. сиро-халдейскіе несториане искали покровительства себѣ у Россіи, но безплодно, такъ какъ русскому правительству, занятому тогда внѣшними войнами, было не до

¹⁾ Сиро-халдейцы, называемые также иногда просто халдеями, или по-мѣстному айсорани, представляютъ пережитокъ, или ничтожный остатокъ древняго и нѣкогда славнаго народа. Впрочемъ, въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи сиро-халдейцевъ ученые расходятся, прозводя ихъ—одни отъ древнихъ халдеевъ, а другіе отъ тѣхъ израильтянъ, которые были отведены въ плѣнъ въ Месопотамію ассирійскими царями Тиглатъ-Палассаромъ и Салманассаромъ. Среди сиро-халдейцевъ, или айсоранъ, живущихъ въ верховьяхъ рѣкъ Тигра и Евфрата, въ предѣлахъ персидскаго и турецкаго государствъ, христіанство распространилось весьма рано, въ первомъ вѣкѣ нашей вѣры, по ихъ преданію, отъ тѣхъ самыхъ волхвовъ восточныхъ, которые приходили въ Влолеамъ поклониться Спасителю и которые происходили, будто бы, изъ ихъ народа, въ частности изъ ихъ главнаго города Урміи. Къ IV в. нашей эры сиро-халдейцы составили уже многочисленную христіанскую общину, находившуюся въ зависимости отъ антиохійскаго патріарха и, къ сожалѣнію, усвоившую несторианскую ересь, осужденную третьимъ вселенскимъ соборомъ (431 г). Наибольше цѣлущаго состоянія, особенно въ количественномъ и пространственномъ отношеніи, сиро-халдейская церковная община достигла въ XI—XII в.в., когда обнимала почти всю Азію включительно съ Индією и даже Китаемъ. Но послѣ страшнаго разгрома сиро-халдейской несторианской общины, произведеннаго въ XIV в. новѣстными завоевателями Востока, Тамерланомъ, отъ нея уцѣлѣлъ самый жалкій остатокъ нѣкогда сильной общины, около 500 лѣтъ уже находящійся подъ гнетомъ турецкаго и персидскаго иновѣрныхъ правительствъ, но болѣе всего терпящій отъ обуржуазившихъ дикихъ курдовъ, и управляемый своимъ духовнымъ владыкою—„епаеолносомъ“, или патріархомъ...

сиро-халдейцевъ. Но эта неудача несколько не ослабила въ несторіанахъ сиро-халдейскихъ сочувствія къ Россіи. Постъ персидской войны въ 1829 году стремленіе сиро-халдейскихъ несторіанъ найти покровительство у Россіи приняло болѣе реальную форму, выразившись въ заявленномъ ими желаніи присоединиться къ русской православной церкви. Это желаніе было настолько сильно, что часть несторіанъ тогда же, подъ влияніемъ именно подобнаго стремленія къ церковному соединенію съ русскимъ народомъ, переселилась изъ Персіи въ Россію и здѣсь, дѣйствительно, приняла православіе. Эти новообращенные переселенцы, безъ сомнѣнія, еще болѣе содѣйствовали оживленію давней склонности сиро-халдейскихъ несторіанъ къ соединенію съ русскою православною церковью. При ихъ вѣкоторомъ участіи въ концѣ 1850 годовъ возникла новая попытка со стороны сиро-халдейцевъ найти себѣ защиту и покровительство у Россіи и, прежде всего, соединиться съ русскою православною церковью. Попытка эта, хотя и не сопровождалась полнымъ благопріятнымъ исходомъ, но, безъ сомнѣнія, имѣла весьма важное значеніе въ общей исторіи при соединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ съ русскою православною церковью. Объ этомъ моментѣ исторіи сношеній между русскою церковью и сиро-халдейцами у насъ и будетъ рѣчь.

Сношенія сиро-халдейскихъ несторіанъ съ русскимъ правительствомъ церковнымъ и гражданскимъ—на сей разъ началось черезъ посредство начальника русской второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ преосв. Кирилла Наумова, имя котораго и особенно благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на всѣхъ христіанскихъ обитателей Востока—не только православныхъ, но даже и инославныхъ, также, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовало возникновенію въ это именно время среди сиро-халдейскихъ несторіанъ стремленія къ соединенію съ русскою православною церковью.

Передъ праздникомъ Пасхи, въ 1859 году, явился въ Іерусалимъ изъ Константинополя одинъ сиро-халдейскій священникъ, по имени Михаилъ. Принятый ласково и радушно начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, халдейскій священникъ Михаилъ объявилъ ему, что онъ прибылъ сюда, по совѣту трехъ патріарховъ—вселенскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, для переговоровъ съ преосв. Кирилломъ по поводу предпринятаго имъ дѣла—присоединенія къ православною церкви 30.000 семействъ, находящихся въ персидской провинціи, называемой Руми-сехиръ (Рومی-сэхиръ, т. е. мѣсто грековъ, мѣсто православныхъ). Священникъ Михаилъ увѣрялъ, что эти семейства, какъ и онъ самъ, православнаго исповѣданія, по несчастію только отпавшія отъ видимаго общенія съ православною церковью, что продолжалось уже 400 лѣтъ.

Іерусалимскій патріархъ (Кириллъ II), бывшій въ то время въ Іерусалимѣ, съ своей стороны, подтвердилъ заявленіе сиро-халдейскаго священника, сказавъ, что священникъ Михаилъ, дѣйствительно, получилъ въ Константинополѣ совѣтъ отправиться въ Іерусалимъ для свиданія и переговоровъ съ начальникомъ русской духовной миссіи. Патріархъ при этомъ отъ себя прибавилъ, что дѣло, начатое священникомъ Михаиломъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и его можетъ взять на себя только русская Церковь. Но въ то же самое время патріархъ іерусалимскій высказался, что онъ не вѣрнъ православію ни священника Михаила, ни названныхъ имъ 30.000 семействъ, считая ихъ несторіанами, почему онъ и не разрѣшилъ священнику Михаилу участвовать въ богослуженіи и пріобщаться св. Таинъ въ праздникъ Пасхи.

Бесѣды самого начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ съ халдейскимъ священникомъ Михаиломъ не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ ни по отношенію къ опредѣленію его вѣроисповѣданія, ни въ отношеніи уясненія его желаній. Тогда преосв. Кириллъ Наумовъ предложилъ

халдейскому священнику Михаилу изложить историю и сущность своего дѣла на бумагѣ. Бумага эта (на греческомъ языкѣ) скоро была представлена. Въ ней заключалось слѣдующее.

„Въ епархіи, называемой Руми-Сехиръ, принадлежавшей нынѣ Персіи,—писалъ халдейскій священникъ Михаилъ,—находится 30.000 христіанъ, насомыхъ четырьмя архіереями—двумя митрополитами и двумя епископами (митрополиты называются—ердисей (ердисейская) и гевилентъ (гевиленская), а епископы—ада (адасская) и гкіутафа (гкіутафская). Такіе же христіане есть и въ русской Персіи, въ епархіи Эриванской, въ трехъ селеніяхъ: Куласаръ, Дуіунъ и Гкіюли.

Къ этимъ христіанамъ принадлежу и я, носящій у нихъ званіе священника. Отправившись изъ своего отечества для поклоненія св. мѣстамъ и посѣщая во многихъ странахъ православныя церкви, я нашелъ много сходства (πολλήν ὁμοιότητα) между священнодѣйствіями, которыя въ нихъ совершаются, и между нашими священнодѣйствіями и чиноположеніемъ. Размысливши, съ другой стороны, о томъ, какимъ опасностямъ подвергаются наши христіане отъ католиковъ и протестантовъ, различными способами усиливающимися распространить среди насъ свое исповѣданіе, и возжелавъ обратить вниманіе православной восточной церкви на бѣдствія нашего народа, точнѣе же—исходатайствовать покровительство ему со стороны всероссійскаго Святѣйшаго Правительствующаго Синода, который имѣетъ возможность возстановить опять сіявшую нѣкогда въ Персіи восточно-православную церковь, по несчастнымъ обстоятельствамъ упавшую и угрожаемую скорымъ уничтоженіемъ, если какая либо рука не прострется, чтобы спасти ее отъ належащихъ бѣдъ.

Такъ какъ впродолженіе четырехъ сотъ и болѣе лѣтъ мы не входили въ общеніе съ другими православными церквями, то легко можетъ быть, что въ нашихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ нѣкое потерпѣло какую либо перемѣну

въ отношеніи къ образу совершенія, или въ отношеніи къ благолѣпію. Сюда должно отнести недостатокъ богослужебныхъ книгъ и необразованность церковныхъ предстоятелей нашего народа. Если бы церковь русская благоволила соединить насъ съ православными, то у насъ удобно были бы исправлены измѣненія и отступленія, и церковь наша была бы возведена въ состояніе первоначальной своей чистоты“.

Въ заключеніе всего священникъ Михаилъ просилъ преосв. Кирилла довести объ этомъ до свѣдѣнія Св. Синода и ходатайствовать, чтобы онъ, обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе халдейскаго народа, съ свойственною ему апостольскою ревностію принять его подъ свое покровительство и на будущее время оградить его отъ пагѣтовъ вражескихъ извѣстными ему и доступными для него пастырскими средствами.

Получивъ письменное заявленіе, преосв. Кириллъ, черезъ посредство іерусалимскаго патріарха Кирилла II-го, довелъ дѣло халдейскаго священника Михаила до свѣдѣнія великаго князя Константина Николаевича, бывшаго тогда въ Іерусалімѣ. Великій князь изволилъ выразить желаніе, чтобы отъ халдейскаго священника была взята записка о его дѣлѣ.

Тогда священникъ Михаилъ 7 мая 1859 года подалъ великому князю прошеніе слѣдующаго содержанія.

„Съ давняго времени“,—писалъ онъ,—„существуетъ подъ державою персидскаго государства одна епархія, называемая Руми-Сехиръ, въ которой живетъ около 30.000 единоплеменныхъ православныхъ христіанъ, оставшихся однакоже внѣ всякихъ сношеній съ прочими православными церквями. Единоплеменники и единовѣрцы ихъ находятся и въ русской Персіи, занимая три селенія близъ Эривани, называемыя: Куласаръ, Дуіунъ и Гкіюли. Хотя эти православные христіане персидской епархіи отдѣлены отъ другихъ, лишены всякаго высшаго духовнаго покровительства и естественно, впродолженіе столь долгаго времени, много потерпѣли и пере-

страдали, — однако же, Божию милостию, они и доселѣ сохранили свою православную вѣру неповрежденною, совершая церковныя чинослѣдованія на родномъ своемъ (халдейскомъ) языкѣ. Пасутся они двумя митрополитами и двумя епископами... Съ нѣкотораго же времени, частію не имѣя силъ терпѣть дальшее отчужденіе и отдаленіе отъ прочихъ единовѣрныхъ церквей, частію же слыша о пролаганіи католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, и опасаясь, какъ бы они, проникнувъ, наконецъ, и въ ихъ страну, не распространили ереси и среди нихъ и не совратили народа ихъ, христіане указанной епархіи начали съ болѣе горячимъ усердіемъ молиться Богу и пламенно желать церковнаго соединенія съ какою-либо изъ православныхъ церквей, отъ которой бы могли они получить духовную помощь и покровительство. Но такъ какъ ни одинъ изъ находящихся въ Турціи патріарховъ не имѣетъ удобства простереть къ нимъ руку помощи и только одна церковь русская можетъ принять ихъ подъ свою сѣнь и оказать имъ дѣйствительное покровительство, то, со слезами прибѣгая къ Вашему Императорскому Высочеству черезъ меня смиреннаго предстоящаго, соплеменнаго имъ іерея, христіане умоляютъ Васъ именемъ всемилостиваго Бога Господа нашего Иисуса Христа, чтобы, сжалившись надъ бѣдственнымъ ихъ состояніемъ, Ваше Высочество сообщили эту усердную просьбу Св. Синоду всероссійскому, дабы онъ, съ апостольскою его попечительностію обративъ внимательный взоръ на это дѣло, изслѣдовалъ доступными ему средствами обстоятельства ихъ и благоволилъ принять ихъ подъ духовное свое покровительство и такимъ образомъ оградить отъ всякой опасности духовной это беззащитное немалочисленное общество христіанъ“.

Великій князь передалъ это прошеніе и все дѣло начальнику же русской миссіи въ Іерусалимѣ для дознанія, что можно и должно сдѣлать по нему.

Тогда преосв. Кирилль приступилъ къ всестороннему обсужденію прошенія халдейскаго священника Михаила, причемъ его особенно заняли слѣдующіе три вопроса: 1) въ отношеніи къ нему самому, какъ ходатаю отъ лица цѣлаго общества христіанъ—достаточно ли было его посредничества для начала такого дѣла, какое онъ предпринялъ и, въ частности, чѣмъ онъ могъ засвидѣтельствовать даннаго ему отъ общества полномочія? Въ прошеніи, поданномъ преосв. Кириллу, онъ выражался, что пришелъ къ желанію сблизить свою церковь съ одною изъ православныхъ церквей во время путешествія по Востоку, а въ прошеніи, представленномъ великому князю, онъ говорилъ уже о желаніи всего народа и выражалъ мольбу народную, какъ уполномоченный представитель всего общества; 2) въ отношеніи къ исповѣданію общества, отъ лица котораго дѣйствовалъ священникъ Михаилъ: было ли это православное исповѣданіе, какъ увѣрялъ священникъ Михаилъ, или же несторіанское, какъ думалъ іерусалимскій патріархъ, который и въ прощальной своей бесѣдѣ съ начальникомъ русской миссіи, предъ выѣздомъ изъ Яффы въ Константинополь, рѣшительно утверждалъ, что халдейскій священникъ Михаилъ—несторіанинъ, или же это исповѣданіе было православнымъ въ основѣ и только въ частности было искажено, на что намекалъ и самъ священникъ Михаилъ въ своемъ прошеніи къ преосв. Кириллу? Наконецъ, 3) въ отношеніи къ будущему положенію епархіи спро-халдейской, именно: вступивъ въ общеніе съ православною церковію, къ какому изъ центровъ православія могло бы примкнуть это общество христіанъ, не имѣвше возможности (по мнѣнію преосв. Кирилла) составить самостоятельную церковь? По поводу этого послѣдняго недоумѣнія преосв. Кирилль говорилъ и съ патріархомъ іерусалимскимъ, поставляя ему на видъ, съ одной стороны, необходимость подчиненія новоприсоединяемаго общества христіанъ какому либо изъ православныхъ центровъ, а съ другой—кажущееся право

антиохійскаго патріарха на власть надъ этимъ обществомъ, такъ какъ предѣлы антиохійскаго патріархата доходили, по крайней мѣрѣ, въ прежнія времена до тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили сиро-халдейцы. Но іерусалимскій патріархъ, съ своей стороны, рѣшительно высказался противъ мысли о подчиненіи сиро-халдейскихъ христіанъ антиохійскому, или другому какому-либо восточному патріаршему престолу, признавая это даже невозможнымъ. Съ такою же рѣшительностію онъ выразилъ мысль, что сиро-халдейскіе христіане, если бы они соединились съ православною церковью, должны были состоять въ зависимости отъ Св. Синода всероссійскаго.

По арѣломъ обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ, преосв. Кирилль, съ одобренія іерусалимскаго патріарха, далъ такой отвѣтъ халдейскому священнику Михаилу: „просьба ваша будетъ доведена до свѣдѣнія Св. Синода. И я увѣренъ, что, ради святой вѣры и спасенія 30.000 душъ, церковь русская готова будетъ сдѣлать все возможное. Но для правильного начала дѣла необходимо, чтобы управляющіе вашею паствою архипастыри сами вошли въ сношеніе съ Св. Синодомъ, изложивъ письменно какъ свои нужды и желанія, такъ и свое исповѣданіе вѣры“.

И, дѣйствительно, преосв. Кирилль донесъ обо всемъ этомъ дѣлѣ Св. Синоду 16 іюня 1859 года. Св. Синодъ, по обсужденіи всего дѣла, ^{17 іюня} _{6 августа} 1859 года рѣшилъ сообщить о содержаніи донесенія преосв. Кирилла министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о томъ, чтобы всѣ, изложенныя начальникомъ іерусалимской миссіи, обстоятельства дѣла были разсѣдованы, и чтобы, въ особенности, были отобраны положительныя свѣдѣнія отъ всѣхъ названныхъ халдейскимъ священникомъ Михаиломъ архіереевъ о вѣроисповѣданіи урмійскихъ христіанъ и о томъ, какой высшей іерархіи они желали бы быть подчинены послѣ присоединенія къ православной церкви.

Министерство иностранныхъ дѣлъ 23 ноября 1859 года сообщило Св. Синоду, чрезъ оберъ-прокурора, что оно, вслѣдствіе отношенія оберъ-прокурора Св. Синода отъ 12 августа 1859 г., поручало русскому генеральному консулу въ Тавризѣ собрать возможно болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія о находившихся около города Урміи несторіанахъ. Генеральный консулъ исполнить это порученіе и донесъ министерству слѣдующее.

„Около Урміи“,—писалъ онъ 23 ноября 1859 года,— „въ 50 или 60 деревняхъ живетъ до 8.000 семействъ несторіанъ; но, вѣроятно, являвшійся къ преосв. Кириллу священникъ Михаилъ подразумѣвалъ и несторіанъ, живущихъ въ турецкихъ предѣлахъ. Около 4.000 семействъ урмійскихъ несторіанъ находятся подъ влияніемъ американскихъ протестантскихъ миссіонеровъ, около 100 семействъ—подъ влияніемъ миссіонеровъ католическихъ, а остальные подчинены своему патріарху и епископамъ. Протестанты въ особенности обязаны своими усѣхами заведенной ими типографіи для печатанія евангелій, а также заботливости своей о матеріальномъ благосостояніи народа“.

Тоговременный несторіанскій патріархъ Маръ-Шелакъ, по донесенію консула, жилъ въ турецкихъ владѣніяхъ, близъ города Джумамерга; названія четырехъ епархій, кромѣ одной, вполне соответствовали показаніямъ священника Михаила.

По окончаніи послѣдней персидской войны, около 80 семействъ урмійскихъ несторіанъ, дѣйствительно, переселились въ Эриванскую губернію и присоединились къ православію, продолжая и послѣ того поддерживать постоянныя сношенія съ своими соотечественниками.

Въ послѣднее время, по справкамъ, наведеннымъ консуломъ, между урмійскими несторіанами проявилось желаніе присоединиться къ православной русской церкви, съ каковою цѣлію они и намѣревались вызвать въ Урмію нѣсколькихъ

духовныхъ лицъ изъ эриванскихъ новообращенныхъ своихъ соотечественниковъ.

Къ этому консулъ нашъ прибавлялъ, что всѣ свѣдѣнія о сиро-халдеяхъ онъ долженъ былъ собирать съ крайнею осторожностію, а потому и не могъ еще пока навести справки о сношеніяхъ священника Михаила съ несторіанскими архіереями и о томъ, въ чемъ собственно заключается ихъ отступленіе отъ православной церкви.

На основаніи этихъ свѣдѣній, полученныхъ отъ консула, министерство иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, признало наиболее цѣлесообразнымъ и необходимымъ отправить въ Персію, для собранія основательныхъ и точныхъ свѣдѣній о сиро-халдеяхъ урмійскихъ и ихъ единовѣрцахъ, жившихъ въ предѣлахъ Турціи, довѣренное духовное лицо, которое могло бы привлечь на себя меньше подозрѣній отъ персидскаго и турецкаго правительствъ, чѣмъ гражданскій чиновникъ. Это духовное лицо, пользуясь полнымъ содѣйствіемъ агентовъ русскаго правительства, могло бы, по мнѣнію министерства, съ наибольшою пользою и успѣхомъ совершить это дѣло, отправившись черезъ закавказскій нашъ край и сблизившись съ эриванскими новообращенными сиро-халдеями, что облегчило бы миссіонеру заведеніе сношеній съ ихъ прежними единовѣрцами. Отправленіе же православнаго русскаго миссіонера къ урмійскимъ несторіанамъ министерство во всякомъ случаѣ находило безусловно необходимымъ, опасаясь, въ противномъ случаѣ, чтобы протестантскіе миссіонеры не распространили своего вліянія на всѣхъ несторіанъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ ходѣ дѣла, такъ, повидимому, усибнѣно начавшагося, произошла остановка, продолжавшаяся около двухъ лѣтъ... Чѣмъ она была вызвана, не можемъ сказать. Мы имѣемъ только свѣдѣнія, что въ это время въ С.-Петербургѣ пріѣзжалъ халдейскій священникъ Михаилъ, который и началъ все дѣло въ 1859 году. Но мы ничего не знаемъ

объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось это путешествіе священника Михаила съ далекаго Востока въ северную столицу Россіи: самъ ли онъ предпринялъ его, или же, быть можетъ, онъ явился въ Россію по вызову Св. Синода, переданному ему чрезъ начальника русской миссіи въ Иерусалимѣ или чрезъ кого другого.

Несомнѣнно, повторяемъ, только то, что халдейскій священникъ Михаилъ былъ въ С.-Петербургѣ въ 1861 году и увѣрялъ здѣсь наше правительство въ томъ, что не только персидскіе несторіане, но и тѣ, которые жили въ азиатской Турціи, числомъ до 20000 семействъ, съ патріархомъ и со всею подчиненною ему іерархіею во главѣ, расположены къ соединенію и, дѣйствительно, соединятся съ православною церковью, если русское правительство пошлетъ къ нимъ избранное и довѣренное лицо для предварительныхъ переговоровъ¹⁾.

Тогда Св. Синодъ, принявъ во вниманіе то, что заявленное халдейскимъ священникомъ Михаиломъ всеобщее расположеніе несторіанскаго общества соединиться съ православною церковью требуетъ точнѣйшаго удостовѣренія и приведенія въ ясность и извѣстность всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ столь важному и серьезному дѣлу 15/27 сентября 1861 года рѣшилъ послать на Востокъ, согласно съ мнѣніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, архимандрита Софонію, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ и сиро-халдейскаго священника Михаила.

Архим. Софонія²⁾, предъ отправленіемъ его на Востокъ, была вручена петербургскимъ митрополитомъ Иси-

¹⁾ См. Церковн. Вѣсти. 1898 г. № 12, стр. 412 прим.

²⁾ Софонія Соколовскій, магистръ VII курса С.-Петербургской духовной академіи; съ 1848 по 1853 г. настоятель посольскихъ церквей въ Константинополѣ и Рязѣ; съ 13 марта 1863 г. епископъ новониргородскій, викарій херсонской епархіи; съ 12 ноября 1878 г. епископъ туркестанскій и тамкентскій; † 1877 г. въ санѣ архіепископа. См. и Филаретъ. Собр. мнѣній и оглавленъ, т. V М. 1887 г., стр. 325, прим. 1.

дородъ 1 октября 1861 года особая инструкция, нарочно составленная въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

По смыслу этой инструкции, главною цѣлію миссіи архим. Софонія было собраніе предварительныхъ свѣдѣній объ урмійскихъ несторіанахъ, выразившихъ желаніе соединиться съ православною церковью. Мѣстомъ постоянного его пребыванія, во время исполненія возложеннаго на него порученія, былъ назначенъ г. Эривань, какъ пунктъ наиболѣе удобный по близости къ нему мѣстечка Кюйлассаръ, населеннаго сиро-халдейцами, высланными изъ Персіи и принявшими православіе, и по безпренятственности сношеній съ экзархомъ Грузинъ, въ вѣдѣніи котораго состояла миссія, и съ сиро-халдейскими несторіанами.

Въ частности, архим. Софонію поручалось, негласно и съ возможною осторожностію, для того, чтобы ни въ комъ не возбудить подозрѣнія— ни въ персахъ, опасавшихся вліянія Россіи, ни въ инославныхъ миссіонерахъ, съ давняго времени дѣйствовавшихъ среди урмійскихъ несторіанъ, собрать слѣдующія, возможно болѣе вѣрныя и подробныя, свѣдѣнія: 1) точно ли іерархія урмійскихъ несторіанъ, священники и народъ имѣли расположеніе къ принятію православія, и если это справедливо, до какой степени созрѣла эта готовность? Кто изъ епископовъ и вообще высшихъ духовныхъ лицъ раздѣлялъ это желаніе, и кто не раздѣлялъ, и зналъ ли объ этомъ желаніи патріархъ несторіанскій?

2) не соединяли ли несторіане съ такимъ желаніемъ какихъ либо политическихъ видовъ, напр.: переселенія въ предѣлы Россіи, чего они прежде домогались и не могли достигнуть, потому что дополнительными статьями къ туркмангоискому трактату съ Персіею воспрещалось всякое переселеніе изъ Россіи въ Персію и наоборотъ, безъ согласія мѣстныхъ правительствъ?

3) не рассчитываютъ ли несторіане, по принятіи православія, просить у Россіи матеріальнаго пособія на устрой-

ство церковей, содержаніе духовенства, заведеніе школъ и т. п.?

4) какого они держались исповѣданія вѣры, т. е. кромѣ кореннаго пункта ученія Несторіева, осужденнаго вселенскимъ соборомъ, не усвоены ли этою сектою съ теченіемъ времени еще какія либо мнѣнія, несогласныя съ православною догматикою; для этого желательно было бы знать: а) символъ вѣры, употреблявшійся въ несторіанской церкви; б) толкованіе символа общепринятое или по преданію устно передаваемое; в) обрядность и соединившееся съ нею значеніе, какъ выраженіе исповѣдуемой вѣры; г) ученіе о почитаніи святыхъ, поклоненіи св. иконамъ, постахъ, праздникахъ, таинствахъ—матеріи ихъ, числѣ и порядкѣ совершенія, о порядкѣ всенедельныхъ службъ церковныхъ;

5) сколько было у несторіанъ степеней іерархіи, какая существовала у нихъ организація церковнаго управленія, сколько было епархій и кто ими управлялъ? 6) на какомъ языкѣ совершалось у несторіанъ богослуженіе и какія у нихъ употреблялись богослужебныя книги; 7) были ли у несторіанъ духовныя училища, какія преподавались въ нихъ науки и въ какихъ епархіяхъ они находились? 8) сколько въ урмійской области было заведено училищъ миссіонерами сѣверо-американскими и западно-европейскими, имѣли ли несторіане довѣріе къ нимъ, или же отдавали туда дѣтей только потому, что не имѣли другихъ способовъ для воспитанія дѣтей? На какихъ условіяхъ принимались несторіанскіи дѣти въ училища, съ платою за содержаніе и обученію, или безъ платы, и какія науки преподавались въ нихъ; 9) каковы были вообще успѣхи католической и протестантской миссіи въ Урміи, какъ дѣйствовали эти миссіонеры—тайно, или же открыто и съ вѣдома и дозволенія правительства, и были ли среди обращенныхъ ими духовныя лица несторіанскія?

Такъ широка и сложна была задача, возложенная на архим. Софонію. Безъ сомнѣнія, исполнить эту задачу одно-

му человѣку и при томъ еще въ сравнительно короткій—пестимѣсячный—промежутокъ времени было весьма трудно и даже едва ли возможно, особенно если принять во вниманіе то, что архим. Софонія былъ незнакомъ ни съ мѣстомъ, ни съ людьми, среди которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, и даже совѣтъ не зналъ сиро-халдейскаго языка, которому онъ сталъ учиться уже на пути въ Эривань¹⁾.

Это сознавало, повидимому, и само начальство, которое назначило въ помощ. архим. Софоніи двухъ лицъ: халдейскаго священника Михаила и обратившагося изъ несторіанства кюйассарскаго священника Іоанна Ильина.

Первый изъ нихъ, т. е. халдейскій священникъ Михаилъ, долженъ былъ, подъ руководствомъ и по указаніямъ архим. Софоніи, войти въ сношенія съ несторіанскими епископами съ цѣлію узнать ихъ расположеніе къ принятію православной вѣры и условія, на которыхъ они желали бы присоединиться къ православной церкви; отъ второго же, т. е. священника Іоанна Ильина, архим. Софонія долженъ былъ незамѣтно, подъ видомъ человѣка желающаго узнать это для себя лично, получить свѣдѣнія о вѣрѣ, богослуженіи, обрядности и внутреннемъ устройствѣ несторіанскаго сиро-халдейскаго общества.

Къ сожалѣнію, оба эти помощника архим. Софоніи, къ тому же назначенные не официально, а только частнымъ образомъ прикомандированные къ миссіи архим. Софоніи, оказались не вполне подготовленными и пригодными для того важнаго дѣла, для котораго пришлось имъ потрудиться, какъ это видно и изъ переписки между архим. Софоніемъ и главнымъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ г. Черныевымъ.

Отъ священника Іоанна Ильина самъ Софонія ожидалъ мало пользы для дѣла, о чемъ онъ прямо говоритъ въ пись-

мѣ къ консулу отъ 28 декабря 1861 г. Что же касается несторіанскаго священника Михаила, то, по отзыву консула Черныева, ему нельзя было отказать въ живости и предпримчивости характера, но за то въ немъ были два качества весьма нежелательныя въ человѣкѣ, призванномъ участвовать въ столь важномъ дѣлѣ, какъ миссія архим. Софоніи, а именно: излишняя торопливость и невольность на языкъ, доходившая до хвастливости. „Опъ“,—говоритъ консулъ Черныевъ въ своемъ письмѣ къ архим. Софоніи отъ 20 января 1862 года,—„слишкомъ много болталъ здѣсь (т. е. въ Тавризѣ) вездѣ и при всѣхъ случаяхъ о вниманіи оказанномъ ему высокими особами въ Петербургѣ, слишкомъ явно провозглашалъ себя новообращеннымъ изъ несторіанства въ православіе духовнымъ лицомъ“, т. е. другими словами, дѣйствовалъ совершенно вопреки тому, какъ требовалось инструкціею, данною архим. Софоніи, о чемъ ему и вынужденъ былъ замѣтить главный генеральный консулъ въ Тавризѣ.

Это обстоятельство, т. е., неподготовленность и ненадежность помощниковъ, указанныхъ самимъ правительствомъ, заставило архим. Софонію искать себѣ содѣйствія у другихъ лицъ. Такими сотрудниками его были, прежде всего, упомянутый выше генеральный консулъ нашъ въ Тавризѣ и затѣмъ два жителя м. Кюйассаръ братья Мелики—Саядъ и Николай, обращенные изъ несторіанства въ православіе.

Первый своимъ совѣтами и нравственною поддержкою, а послѣдніе—самымъ дѣломъ значительно облегчили архим. Софоніи выполненіе весьма труднаго и отвѣтственнаго порученія, даннаго ему правительствомъ, особенно на первыхъ порахъ, когда пришлось ему жить и дѣйствовать въ совершенно незнакомой мѣстности и среди совершенно новыхъ людей.

Въ частности, кюйассарскіе жители, братья Мелики оказались весьма полезными для архим. Софоніи при соби-

Проесъ Кирилъ Наумовъ.

¹⁾ См. у митрополита Филарета. Собраніе мѣсяцъ и отзывы т. V, ч. I М. 1887 г., стр. 326.

раніи имъ свѣдѣній касательно расположенія всего несторіанскаго общества къ переходу въ православіе. Съ этою цѣлію Софонія посылалъ Меликовъ въ самую Урмію, центръ несторіанскаго поселенія, при чемъ поручалъ имъ, въ частности, собрать свѣдѣнія касательно, съ одной стороны, расположенія несторіанъ къ переходу въ православіе и, съ другой стороны, дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди сиро-халдеевъ. При этомъ, хотя инструкція, данная архим. Софонію, ограничивала кругъ его дѣятельности собственно только урмійскими, т. е. персидскими несторіанами, но архим. Софонія рѣшился нѣсколько расширить на сей разъ кругъ своей дѣятельности, поручивъ Меликамъ узнать о степени расположенія къ переходу въ православіе и среди турецкихъ несторіанъ.

Поводомъ къ этому послѣднему дѣйствию архим. Софоніи послужили слѣдующія два обстоятельства: 1) увѣреніе одного изъ несторіанскихъ епископовъ, Маръ-Денхи¹⁾, приходившаго изъ Турціи, гдѣ онъ былъ викаріемъ при митранѣ (митрополитѣ), въ Кюйлассаръ въ декабрѣ 1861 года, — увѣреніе его въ томъ, что несторіане, жившіе въ предѣлахъ восточной Турціи, были весьма расположены къ принятію православія и что онъ самъ, Маръ-Денха, между прочимъ, затѣмъ и прибылъ къ архим. Софонію, чтобы, согласно съ волею своихъ матрановъ (митрополитовъ), заявить ему объ этомъ; и 2) письмо, полученное архим. Софонію 25 января 1862 года отъ матрановъ Маръ-Хнанишу и Маръ-Іосифа, въ которомъ они умоляли именемъ Іисуса Христа и страшнымъ судомъ Его вступиться за нихъ и вѣрить словамъ викарія ихъ (т. е. Маръ-Денхи) до того, что „уста его пусть будутъ устами ихъ“, хотя они не говорили ясно о томъ, въ чемъ именно нужно было вѣрить Маръ-Денхѣ. Поэтому,

¹⁾ См. у митрополита Филарета. Собраніе мѣній и отзывовъ т. V, ч. 1-я стр. 831.

Мелики, собравъ свѣдѣнія объ урмійскихъ несторіанахъ, должны были, по указанію архим. Софоніи, отправиться въ Азіатскую Турцію для личныхъ объясненій съ обоими матранами и даже, если возможно будетъ, съ самимъ Маръ-Шимомъ, т. е. несторіанскимъ патриархомъ.

Но выполнивъ данное имъ порученіе относительно урмійскихъ несторіанъ, Мелики не могли проникнуть въ Турцію, по причинѣ множества снѣговъ на горахъ, черезъ которыя имъ необходимо было переѣзжать, и отправили туда вмѣсто себя пѣшими двухъ айсоровъ урмійскихъ и одного священника (Лазаря, изъ самаго города Урміи) съ письменнымъ извѣстіемъ матранамъ, что вся Урмія изъявила согласіе на принятіе православія и что, если и они желаютъ того же, то пусть дадутъ знать объ этомъ.

Отвѣтъ на это письмо отъ матрановъ должны были принести въ Кюйлассаръ урмійскіе айсоры, а священникъ Лазарь имѣлъ идти далѣе, къ несторіанскому патриарху Маръ-Шимону, чтобы вывѣдать образъ мыслей и расположеніе къ православію какъ его самого, такъ и окружавшей его родни, и объ этомъ дать знать въ Кюйлассаръ письменно, или лично архим. Софонію. 10 апрѣля 1862 года архим. Софонія общилъ, что въ Кюйлассаръ пришли урмійскіе айсоры и принесли отъ несторіанскихъ матрановъ въ Турцію письменныя извѣстія. Прибывъ туда 11 апрѣля, архим. Софонія, дѣйствительно, нашелъ тамъ айсоровъ и два письма, принесенныя ими: одно отъ матрановъ, а другое отъ несторіанскаго епископа гиверской епархіи въ Турціи — Маръ-Слывы¹⁾.

¹⁾ По замѣчанію самого архим. Софоніи, подлинность перваго письма была несомнѣнна. Приписка о согласіи матрановъ принять православіе была сдѣлана, но увѣренію несторіанскаго епископа Маръ-Денхи, рукою самого Іосифа, молодого матрана, который своевременно писалъ ему и паспортъ. И дѣйствительно приписка и паспортъ Маръ-Денхи были написаны одною рукою. Другое же письмо отъ имени епископа Маръ-Слывы (см. у митрополита Филарета въ Собр. мѣ. и отв. т. V, ч. 1, стр. 129) не было скрѣплено никакою печатью, несмотря на то,

Содержаніе того и другого письма было слѣдующее. Матраны, послѣ обычнаго привѣтствія и благожеланія, извѣщали, что осенью (въ ноябрѣ) прошедшаго года они послали въ Россію довѣреннаго отъ себя, епископа Маръ-Денху съ тѣмъ, чтобы вѣрили его словамъ, какъ ихъ собственнымъ, и затѣмъ сообщали краткія свѣдѣнія о томъ, сколько всѣхъ христіанъ жило въ ихъ участкѣ Ноджію. „Въ нашемъ участкѣ“,—писали они,—„до 2000 домовъ христіанскихъ, а если соединимся все вмѣстѣ, то будетъ въ шесть разъ больше. Церквей у насъ около 300, митрополитовъ 2, епископовъ 4, священниковъ и диаконовъ очень много“. Наконецъ, послѣ описанія насилій и притѣсненій со стороны мусульманъ и просьбы какъ можно скорѣе придти къ нимъ „въ силѣ Божіей“ и освободить ихъ изъ рукъ враговъ, несторіанскіе матраны вручали себя и своихъ пасомыхъ всецѣло въ волю русскихъ, говоря: „освободите ли только насъ изъ рукъ враговъ, оставя на прежнемъ мѣстѣ жительства, или возьмете къ себѣ, т. е. переселите въ Россію? Какъ вы захотите и какъ положите, такъ мы и сдѣлаемъ“¹⁾.

что въ немъ было поименовано, кромѣ епископа, до 30 человекъ: священниковъ, меликовъ и старшинъ участка. По объясненію епископа Маръ-Денхи это произошло отъ того, что въ Турціи среди несторіанъ ни епископа, ни священника, ни мелика.—словомъ, никто, кромѣ патриарха и матрановъ, не имѣлъ печати и тѣмъ болѣе не могъ приложить (ославъ даже и выдѣлать) ее къ актовой бумагѣ.

¹⁾ Тотъ же письма, по вѣдомому, наводила на мысль о томъ, что несторіане искали соединенія съ православною церковью не по признанію неправоты своего вѣрованія и не изъ желанія обрести истину, а по сознанію невозможности дала переносить насилія и притѣсненія отъ мусульманъ и изъ желанія найти защиту въ Россіи. Отчасти это была правда; но, по мнѣнію архим. Софонія, этого нельзя было считать несторіанамъ въ упрекъ, а тѣмъ болѣе за это отказывать имъ въ участіи. Неправильное сопоставленіе ими различныхъ цѣлей отнимало у дѣла характеръ чисто церковный, но и не дѣлало его актомъ одной только политики. Кромѣ того, неправильность въ сужденіи цѣлей находила оправданіе и оправданіе, съ одной стороны, въ ихъ необразованности и неумѣніи понимать вещи правильно и выражать ихъ въ надлежащей связи и порядкѣ, а съ другой стороны, въ продолжительномъ страданіи ихъ подъ игомъ рабства, изнурившаго душишки ихъ силы до того, что они сдѣлались какъ бы неспособны къ ому-

Письмо это было скрѣплено двумя печатами—большою матраною Іосифа, приложенною въ двухъ мѣстахъ, и малою—матраною Маръ-Хнанциу. На правой сторонѣ текста, на полулиствѣ было написано другою рукою: „мы оба митрополита турецкой страны, Маръ-Хнанциу и Маръ-Іосифъ въ согласіи принятія нами православной вѣры, Меликамъ Саяду и Николаю, которые прислали къ намъ бумагу изъ Эривани, дали руку“...

Въ письмѣ отъ епископа Маръ-Слывы заключался, главнымъ образомъ, перечень домовъ (3600), селеній (62) и церквей (105, но изъ нихъ 60 были разорены и обращены въ дома мусульманскіе), находившихся въ его епархіи¹⁾, а

цѣлямъ и оцѣнкѣ благъ чисто духовныхъ. Кромѣ того, заключительныя слова матрановъ: „освободите ли только насъ изъ рукъ враговъ, оставя на прежнемъ мѣстѣ жительства, или возьмете къ себѣ“... и т. д. съ очевидностію показывали, что хотя несторіане, по крайней мѣрѣ, турціи и соединили съ политикомъ о православіи мысль о переселеніи въ предѣлы русскія, но только не оставляли ее непреходимымъ условіемъ своего согласія на принятіе православія; упоминали же они объ этомъ скорѣе для того, чтобы залить предъ нашимъ правительствомъ свою всецѣлую преданность ему. Очень вѣроятно, впрочемъ, что несторіане надѣялись получить отъ Россіи, послѣ принятія православія, и нѣкоторыя матеріальныя блага, напр., средства на заведеніе школъ, устроеніе храмовъ, обезпеченіе духовенства и т. п. „Духовенство наше“,—говорилъ несторіанскій епископъ Маръ-Денха архим. Софонію, распрашивавшему его объ этомъ,—„могло бы безбѣдно жить, если бы мусульмане не грабили и насъ и ирривъ нашихъ. Церкви у насъ есть и содержатся нескудно; училища также мы могли бы завести и сами. Впрочемъ, если бы въ чемъ либо мы и обратились къ Россіи, какъ, напр., при заведеніи школъ, то, надѣюсь, она не отказала бы и намъ въ томъ, въ чемъ помогаетъ всемъ своимъ единовѣрцамъ. Но—главное—мы ожидаемъ и желаемъ отъ русскихъ защиты и покровительства, чтобы и мы могли быть увѣрены и обезпечены въ нашей жизни“.

¹⁾ Цифры, опредѣлявшія количество несторіанскихъ домовъ, церквей, селеній и пр., въ томъ же другомъ письмѣ самъ архим. Софонія признавалъ сомнительными. Въ первомъ письмѣ говорилось, что несторіанъ въ участкѣ поджію-скомъ было до 2000 домовъ, а всѣхъ, по соединеніи, будетъ болѣе 12000; во второмъ епископъ Маръ-Слыва говорилъ, что въ его епархіи (Гяверской) было до 3600 домовъ. Но какъ нельзя было допустить, по мнѣнію архим. Софонія, чтобы епархіа Маръ-Слывы была столь обширна, такъ и 2000 домовъ нельзя было отнести къ одному поджіюскому участку, составлявшему епархію матрана, потому

въ концѣ письма, не скрѣпленнаго ни печатью, ни подписомъ, было сказано: „а о принятіи нами православія мы дали слово Меликамъ—Саяду и Николаю“.

Вообще, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софоніемъ чрезъ посланныхъ имъ сотрудниковъ, оказывалось, что на присоединеніе къ православной русской церкви были согласны въ урмійскомъ (въ Персіи) несторіанскомъ округѣ матраны Гавріилъ, подчиненные ему епископы: Маръ-Іоаннъ, Маръ-Іосифъ и Маръ-Илія и кандидатъ на епископство Маръ-Іона, и въ сурдійскомъ (въ Турціи) несторіанскомъ округѣ: матраны Маръ-Хянишу и Маръ-Іосифъ, епископы ихъ: Маръ-Слыва и Маръ-Саркисъ; викаріи: Маръ-Денха и Маръ-Іоаннъ, т. е. три матрана, шесть епархіальныхъ епископовъ (со включеніемъ сюда Маръ-Іоны) и 2 викарія, а всего 11 абуговъ, или, что то же, всѣ несторіанскіе архіереи со всѣмъ ихъ клиромъ и народомъ, исключая пока патріарха несторіанскаго Маръ-Шимона и его епархіи.

Впрочемъ, скоро было выяснено болѣе или менѣе достаточно и отношеніе Маръ-Шимона, патріарха несторіанскаго, къ дѣлу соединенія несторіанской общины съ православною церковью. Выше было сказано, что кюлассарскими братьями Меликами, предъ выѣздомъ ихъ изъ Урміи въ первыхъ числахъ марта 1862 года, былъ отправленъ въ Турцію одинъ священникъ (Лазаръ) съ тѣмъ, чтобы онъ побывалъ и переговорилъ о дѣлѣ сначала съ матранами, а потомъ и съ самимъ Маръ-Шимономъ. Съ другой стороны, почти въ то же самое время и архим. Софонія отправилъ изъ Эривани своего особаго посла прямо въ Кудганусъ къ Маръ-Шимону. Поводомъ къ отправленію особаго посольства въ резиденцію

что дальѣ говорилось: „митрополитовъ у насъ 2, епископовъ 4, церквей около 300“ и проч. Очевидно, что здѣсь рѣчь шла о цѣломъ округѣ, находившемся въ вѣдѣніи матрана Маръ-Хянишу, а не объ одной его епархіи, въ которой, по словамъ епископа Маръ-Денхи, было домовъ не болѣе 800, церквей 29, а священниковъ только 18.

несторіанскаго патріарха послужило стеченіе слѣдующихъ обстоятельствъ.

Прежде всего, взятъ на себя миссію къ Маръ-Шимону вызвался сынъ православнаго айсора, бывшаго когда-то діакономъ въ Урміи, а въ то время проживавшаго въ Кюлассарѣ, по имени Ілія. Этотъ Ілія выдавалъ себя за священника, рукоположеннаго, будто бы, самимъ патріархомъ Маръ-Шимономъ, въ бытность сего послѣдняго еще коадьюторомъ при прежнемъ патріархѣ, дядѣ его, но грамоты на поставленіе не имѣлъ. Экзархъ Грузіи¹⁾ зналъ объ этомъ Іліи по письмамъ архим. Софоніи и, имѣя въ виду дать ему между православными айсорами Эриванской губерніи какое-либо мѣсто, требовалъ, чтобы онъ представилъ свою ставленническую грамоту. Съ другой стороны, синодальный оберъ-прокуроръ препроводилъ незадолго передъ тѣмъ (8 февраля) къ архим. Софоніи прошеніе двухъ несторіанскихъ священниковъ—Даніила и Шимуна, поданное ими на имя московскаго митрополита Филарета, и поручалъ ему собрать точныя свѣдѣнія о просителяхъ. Но такъ какъ ни епископъ Маръ-Денха, ни священникъ Іоаннъ Ильинъ и никто другой въ Эривани и Кюлассарѣ не знали и даже не слышали о вышеупомянутыхъ священникахъ, то не оставалось никакого другого средства собрать о нихъ свѣдѣнія, какъ только на мѣстѣ ихъ жительства чрезъ какого либо посланца.

Въ виду сейчасъ сказаннаго, архим. Софонія и рѣшили послать къ Маръ-Шимону вышеупомянутаго Ілію, который долженъ былъ получить отъ патріарха несторіанскаго грамоту о своемъ поставленіи, разузнать о священникахъ—Даніилѣ и Шимунѣ, которые, по соображеніямъ Маръ-Денхи, должны были принадлежать къ епархіи патріаршей, и, главнымъ образомъ, собрать возможно болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей патріарха и расположеніи его къ православію.

¹⁾ Архіеп. Евсеѣй (Ильинскій) † въ 1879 г. на Тверской кафедрѣ

Оба посланные къ несторіанскому патріарху, т. е. Лазарь и Ілія должны были, по расчетамъ архим. Софонія, возвратиться къ нему въ послѣднихъ числахъ марта 1862 года. Между тѣмъ проходили уже и апрѣль, а ихъ не было. Такъ какъ приближался срокъ, назначенный для исполненія порученія, даннаго архим. Софонію, то онъ рѣшился выѣхать и, дѣйствительно, 27 апрѣля выѣхалъ изъ Эривани, распорядившись, чтобы, если посланные возвратятся скоро по его отъѣздѣ, то бумаги, которыя они принесутъ съ собою, выслать къ нему въ Тифлисъ; если же не скоро, то прислать въ Петербургъ.

Между тѣмъ 11 мая 1862 года, когда архим. Софонія находился еще въ Тифлисѣ, къ нему явился самъ священникъ Лазарь и сообщилъ слѣдующее. Несторіанскій патріархъ Маръ-Шимонъ принялъ его весьма радушно и, когда узналъ о цѣли его прихода въ Кудчанусъ, то заплакавъ и, воздѣвъ руки, сказалъ: „наконецъ, наступаетъ время избавленія нашего отъ враговъ нашихъ. Но письменнаго отзыва о своемъ согласіи присоединиться къ православной церкви несторіанскій патріархъ не далъ никакого, сказавъ, что онъ боится, какъ бы его печать не попала въ руки мусульманъ. Впрочемъ, онъ обѣщавъ, что, если найдетъ удобный поводъ и случай, то постарается прислать свое письменное согласіе съ кѣмъ либо изъ своихъ.“

Наконецъ, вскорѣ послѣ того, именно 24 мая 1862 года три кюйлаассарскихъ айсора принесли архим. Софонію въ Тифлисъ письмо отъ несторіанскаго епископа Маръ-Денхи, который извѣщавъ его, что вышеупомянутый Ілія возвратился отъ Маръ-Шимона и потому всѣ ожидаютъ Софонію въ Кюйлаассаръ; но никакихъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что принесъ съ собою Ілія отъ несторіанскаго патріарха, въ письмѣ не сообщалось; архим. Софонія, который въ то время предполагалъ скоро выѣхать въ Петербургъ, не нашелъ для себя возможнымъ возвратиться въ Кюйлаассаръ...

Итакъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софонію различными путями, дѣло по вопросу о расположеніи несторіанъ къ принятію православія представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Всѣ несторіанскіе митрополиты и епископы, священники и старшины приходовъ и большая часть несторіанскаго народа, состоявшаго въ ихъ завѣдываніи и жившаго въ предѣлахъ Персіи и Турціи, были согласны принять православіе и присоединиться къ русской церкви. Несторіанскій сиро-халдейскій патріархъ не только зналъ объ этомъ, но, по увѣренію нѣкоторыхъ, и самъ былъ согласенъ вступить въ общеніе съ православною русскою церковью, а чрезъ нее и со всею вселенскою.

Выше было сказано, что архим. Софонія, чрезъ посланныхъ своихъ и особенно чрезъ братьевъ Меликовъ изъ Кюйлаассара, стараясь собрать точныя свѣдѣнія не только о степени расположенія сиро-халдейскихъ несторіанъ къ принятію православія, но также и о дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди айсоровъ. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ предметѣ, доставленныя архим. Софонію, были такою рода, что заставили Софонію ходатайствовать предъ нашимъ правительствомъ о возможно скорѣйшемъ удовлетвореніи стремленія сиро-халдейцевъ къ соединенію съ православною церковью.

Оказывалось, что въ персидскихъ владѣніяхъ протестантскіе и католическіе миссіонеры поселились еще въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX в. и жили постоянно въ самомъ городѣ Урмін. Персидское правительство знало какъ объ ихъ пребываніи въ предѣлахъ Персіи, такъ и о цѣли ихъ дѣятельности среди сиро-халдейцевъ. Миссіонеры протестантскіе дѣйствовали энергичнѣе и усгѣшнѣе, чѣмъ католическіе. Главная причина ихъ большихъ успѣховъ заключалась въ томъ, что они свою дѣятельность сопровождали широкою благотворительностію. Обладая большими матеріальными средствами, они входили въ семейныя и вообще житейскія нуж-

ды бѣдныхъ несторіанъ: за однихъ платили подати, другимъ помогали въ содержаніи и прокормленіи семьи, оспротѣвшихъ дѣвицъ выдавали въ замужество, престарѣлыхъ и больныхъ снабжали пицею и лѣкарствами и пр.

Но кромѣ этихъ видовъ, такъ сказать, частной благотворительности, у нихъ были виды благотворенія болѣе общіе и болѣе замѣчательные. Сюда относилось заведеніе ими типографій, аптекъ и школъ.

Типографія была заведена ими въ Урміи. Въ ней печатались книги на языкахъ персидскомъ, арабскомъ, сиро-халдейскомъ старомъ и новомъ, всякаго рода: библіи, евангелія, историческіе синонѣсы, священныя исторіи, грамматикки, ариметики, географіи, логики, философій, разные рассказы и брошюрки нравственно-историческаго содержанія, въ родѣ разсказа „Арабъ—невольникъ“, наконецъ, прописи и буквари. По множеству заготовленныхъ и еще не употребленныхъ въ дѣло запасовъ всякаго рода книгъ, въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, книгопечатаніе ограничивалось одними учебниками, букварями, исторіями, ариметиками и т. п., которые непрерывно раздавались всѣмъ учащимся бесплатно; точно также бесплатно раздавались всѣмъ айсорамъ библіи, евангелія и т. п.

Аптекъ, устроенныхъ сѣверо-американскими миссіонерами, было тогда двѣ: одна въ самомъ городѣ Урміи, а другая въ селеніи Сира. При каждой изъ нихъ, кромѣ аптекарей, было еще по одному врачу. Какъ лѣкарство, такъ и лѣченіе всѣмъ сиро-халдейцамъ предлагались даромъ. Больницъ не было ни одной и всѣ больные были приходящими, или же лѣчились на дому.

Элементарныхъ школъ тѣми же протестантскими миссіонерами было заведено въ 1840—50 годахъ, въ разныхъ мѣстахъ урмійскаго округа, около 50. Онѣ раздѣлялись на два участка, изъ коихъ каждый заключалъ въ себѣ по 25 училищъ и находился въ завѣдываніи особаго смотрителя изъ грамот-

ныхъ айсоровъ. Получая хорошее содержаніе и жалованье, смотрители наблюдали за дѣйствіями преподавателей айсоровъ и зданіями, а за усиліями учащихся слѣдили сами миссіонеры. Однимъ изъ такихъ наблюдателей былъ некогда кюйласарскій священникъ Ильнигъ, въ бытность его въ Урміи. Въ школы принимались безмездно и мальчики и дѣвочки (первыхъ всегда было больше), но учились тѣ и другія отдѣльно. Въ школахъ было по два класса, изъ коихъ въ одномъ обучались собственно грамотности, т. е. читать и писать, а въ другомъ преподавались и нѣкоторые предметы, какъ-то: священная исторія, ариметика и грамматика. Кромѣ того, въ селеніи Сардагъ было заведено училище, въ родѣ высшаго или центральнаго, въ которомъ предполагали преподавать ученикамъ географію, гражданскую исторію, логику и философію. Въ этомъ училищѣ предполагалось воспитывать тѣхъ изъ молодыхъ айсоровъ, которые предназначались въ учителя для другихъ школъ.

Впрочемъ, такъ дѣло обстояло съ школами только въ началѣ дѣятельности шосславныхъ миссіонеровъ среди сиро-халдейскихъ несторіанъ. Вскорѣ все это стало слабѣть и падать. Въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, изъ вышеупомянутаго числа школъ едва ли осталась и половина. Кругъ самыхъ предметовъ обученія въ школахъ несторіанскихъ настолько сократился, что въ большей части ихъ стали обучать только чтенію, письму и священной исторіи, или ариметикѣ, все же прочее было оставлено и замѣнилось чтеніемъ пророческихъ и новозавѣтныхъ книгъ. Сардагское училище, правда, еще продолжало существовать, но у айсоровъ, видимо, было мало охоты изучать заморскую мудрость.

Главнѣйшая причина охлажденія сиро-халдейцевъ къ школамъ и обученію дѣтей заключалась въ томъ, что въ началѣ открытія школъ многіе изъ айсоровъ не понимали тайныхъ цѣлей, съ какими онѣ собственно заводились, и потому, не имѣя никакихъ другихъ средствъ къ обученію

дѣтей, отдавали ихъ туда охотно и во множествѣ. Когда же они увидѣли, что молодые школьники мало-по-малу теряли въ миссіонерскихъ школахъ народный духъ и вѣрованія отеческія и становились протестантами, всѣ, кто не желалъ протестантизма ни для себя, ни для своего потомства, тотчасъ же перестали отдавать дѣтей своихъ въ школы, въ которыхъ остались только дѣти айсоровъ, уже совратившихся въ протестанство.

Впрочемъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ съ теченіемъ времени начали разочаровываться и охлаждать къ своимъ наставникамъ и принятой отъ нихъ вѣрѣ. Иные же и вовсе оставляли протестанство и возвращались къ вѣрѣ своихъ отцовъ. И это дѣлали не только простолюдины, но и священники, изъ коихъ иные состояли даже на содержаніи миссіонеровъ. Таковы были, напр., священникъ Израиль изъ селенія Широбатъ и священникъ Юхана изъ селенія Чамакій. Оба они немалое время были протестантами и пользовались особеннымъ вниманіемъ миссіонеровъ—своихъ руководителей, а одинъ изъ нихъ—Израиль имѣлъ даже и должность при типографіи съ полученіемъ хорошаго содержанія; но, понявъ ближе сущность новой вѣры и стремленія миссіонеровъ, оба они отказались отъ всего и возвратились къ родной вѣрѣ. Оба они, будучи священниками на прежнихъ своихъ приходахъ, заявили архим. Софоніи согласіе на принятіе православія.

Замѣчательно, что протестантскіе миссіонеры пытались было совратить даже одного изъ несторіанскихъ епископовъ, но безуспѣшно. Извѣстный уже намъ халдейскій священникъ Михаилъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, утверждалъ, что одинъ изъ несторіанскихъ епископовъ, по имени Іоаннъ (Маръ-Юхананъ) сдѣлался протестантомъ, женился и, оставивъ свою прежнюю паству, поселился въ г. Урмію. Но по собраннѣмъ архим. Софоніею точнымъ справкамъ, оказалось, что Іоаннъ, дѣйствительно, былъ обольщаемъ миссіонерами и

хотѣлъ принять протестанство; но затѣмъ раздумалъ и не принять его (по крайней мѣрѣ, до 1862 года), а тѣмъ болѣе не женился, не оставлялъ своей епархіи и не переѣзжалъ въ Урмію. Замѣчательнъ отзывъ этого епископа о протестанствѣ, показывающій, между прочимъ, и то, къ какимъ средствамъ прибѣгали иногда протестантскіе миссіонеры для пропаганды своего исповѣданія между обитателями далекаго Востока. Отзывъ этотъ былъ сдѣланъ имъ въ присутствіи священника халдейскаго Михаила, двухъ протестантскихъ миссіонеровъ и братьевъ Меликовъ, предъ которыми Маръ-Юхананъ какъ бы жаловался. „Они меня увѣрили“,—говорилъ Маръ-Юхананъ, указывая на своихъ недавнихъ друзей,—„что ихъ вѣра—совершенно та же, что и православно-русская. Между тѣмъ оказалось, что у нихъ нѣтъ ни иконъ, ни постовъ, ни молитвословій“. Изъ этого видно, что миссіонеры, привлекая въ свои сѣти неопытныхъ и необразованныхъ несторіанъ, между прочими убѣжденіями, не пренебрегали и тѣмъ, что выдавали свое вѣроисповѣданіе за православно-русское.

Не менѣе замѣчательнъ и отзывъ матрана (митрополита) Гавріила о протестантскихъ миссіонерахъ и ихъ дѣйствіяхъ между айсорами. По увѣренію Меликовъ, матранъ Гавріиль неоднократно повторялъ передъ ними, что протестанство, видимо, слабѣетъ и падаетъ между ихъ народомъ, и сами миссіонеры протестантскіе давно уже замѣтили, что едва ли не напрасно усиливается насадить между айсорами свое вѣроученіе, слишкомъ далекое отъ нихъ по началамъ религіознымъ и слишкомъ недоступное по духу страны, скованной деспотизмомъ. А потому,—продолжалъ матранъ,—сами же миссіонеры нерѣдко говорили и говорятъ, что какъ только явятся здѣсь русскіе миссіонеры, то протестанство и католичество падутъ совершенно. „До какой степени истинны и вѣрны сужденія миссіонеровъ о самихъ себѣ и о дѣлѣ рукъ своихъ, покажетъ время“,—замѣчаетъ, съ своей сто-

роны, архим. Софонія,—„но уже и нынѣ можно видѣть какъ бы проявленіе того, о чемъ они прорекають“. Дѣйствительно, какъ только посланные архим. Софоніи, братья Меллики появились среди айсоровъ, то не смотря на то, что они всячески и тщательно скрывали отъ всѣхъ истинную цѣль своего путешествія, айсоры—протестанты узнали объ этомъ и иногда цѣлыми селеніями заявляли свое согласіе и желаніе принять православіе.

Что же касается католическихъ миссіонеровъ, то дѣятельность ихъ среди айсоровъ была много слабѣе и менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность протестантовъ. Католическая миссія не имѣла здѣсь ни школъ, ни больницъ, ни аптекъ, ни типографій. Къ тому же католическіе миссіонеры были не такъ и щедры на дѣла благотворительности, какъ ихъ соперники. А потому католики были весьма непопулярны вслѣдствіе вообще айсорскимъ народомъ, среди котораго жива еще была память о тѣхъ жестокихъ насиліяхъ, при помощи которыхъ католическіе миссіонеры обратили въ латинство около 100 семействъ несторіанъ, жившихъ въ долигѣ при подошвѣ Курдскихъ горъ. Собственныхъ храмовъ не было ни у протестантовъ, ни у католиковъ, занимавшихся пропагандою среди айсоровъ. Но у католиковъ за то было два ксендза, которые совершали иногда свои мессы и говорили даже проповѣди въ храмахъ несторіанскихъ, за что у нихъ нерѣдко возникали съ несторіанскимъ духовенствомъ пренія, оканчивавшіяся иногда даже рукопашнымъ боемъ.

Таковы были собранныя архим. Софоніею свѣдѣнія о расположеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ соединенію съ православною церковью и о дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди нихъ. Свѣдѣнія эти, какъ сказано, архим. Софонія собиралъ преимущественно чрезъ своихъ сотрудниковъ, особенно двухъ братьевъ Меликовъ, Кюйлаассарскихъ жителей, и только отчасти самъ путемъ бесѣды съ нѣкото-

рыми несторіанами, посѣщавшими его въ Эривани и Кюйлаассарѣ.

Особенное же вниманіе самъ архим. Софонія обратилъ на изученіе вѣрученія, богослуженія, обрядности и церковнаго устройства несторіанской общины. Онъ много потрудился надъ этимъ и собралъ обширныя свѣдѣнія, имѣющія и нынѣ, когда обращеніе несторіанъ сиро-халдейскихъ собственно говоря еще только началось, весьма важное значеніе и представляющія большой интересъ.

Къ рѣчи объ этомъ мы и переходимъ, при чемъ оговариваемся напередъ, что вездѣ мы будемъ имѣть въ виду время начала шестидесятыхъ годовъ XIX в. и что свѣдѣнія объ айсорахъ-несторіанахъ, ниже излагаемыя, тщательно проверены нами при посредствѣ одного изъ членовъ сиро-халдейскаго духовенства, обратившагося въ православіе и воспитывающагося нынѣ въ одномъ изъ нашихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Состояніе несторіанской сиро-халдейской церкви, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софоніею, было таково.

Иерархію ея составляли патріархъ, митрополиты и епископы, которые всѣ называются у сиро-халдеевъ общимъ именемъ абунъ¹⁾.

Патріархъ былъ высшимъ правительственнымъ лицомъ. Рѣшенія его въ дѣлахъ вѣры и церкви признавались окончательными и не подлежали ни пересмотру, ни измѣненію. Онъ всегда былъ одинъ и назывался Маръ²⁾ Шимономъ³⁾,

¹⁾ Абуна значитъ по-русски: „отецъ нашъ“.

²⁾ Слово „Маръ“ соответствуетъ греческому „χρ“ и чрезъ усѣченіе обрадовалось изъ слова: „Марья“—Господь, какъ греческое слово „χρ“ изъ „χρῖος“.

³⁾ Патріархи несторіанскіе именовали себя Шимонами согласно своему вѣрованію и для того, чтобы сохранить память о томъ, что Церковь Христова на востоцѣ была основана ап. Петромъ, который между сиро-халдейцами былъ именованъ болѣе подъ именемъ Шимона, чѣмъ подъ именемъ Петра.

точно такъ же, какъ іаковитскій патріархъ Марь-Игнатіемъ. Имя Шимона принималось несторіанскими патріархами при вступленіи ихъ на патріаршество. Оно не замѣняло, а тѣмъ болѣе не унижало прежняго ихъ имени, но, соединяясь съ нимъ, предшествовало ему въ полномъ титулѣ, при чемъ собственное имя служило къ различенію каждаго отдѣльнаго Марь Шимона отъ всѣхъ другихъ—его предшественниковъ. Въ то время сиро-халдейскимъ патріархомъ былъ Марь Шимонъ Рувимъ, а предшественникъ его и вмѣстѣ родной дядя назывался Марь Шимономъ Авраамомъ.

Марь Шимонъ Рувимъ патріаршествовалъ съ 1861 года и имѣлъ около 20 лѣтъ отъ роду. Причина столь юнаго возраста патріарха заключалась въ томъ, что санъ епископа, митрополита и патріарха у несторіанъ болѣею частію переходитъ по наслѣдству. Всякій архіерей у нихъ можетъ выбирать себѣ преемника изъ родственниковъ и представляетъ его патріарху на утвержденіе и даже иногда для рукоположенія на мѣсто свое при жизни. Такимъ образомъ, и патріархъ Марь Шимонъ Рувимъ за два года до смерти дяди своего былъ рукоположенъ имъ во епископа, съ правомъ наслѣдованія патріаршества.

Обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія несторіанскаго патріарха служило небольшое селеніе Кудганусъ, находившееся въ участкѣ Джулаберга, въ предѣлахъ восточной Турціи. Селеніе Кудганусъ состояло изъ однихъ служителей патріарха, въ родѣ бывшихъ у насъ штатныхъ монастырскихъ и архіерейскихъ сель, и имѣло три церкви. Одна изъ нихъ, во имя Марь-Шалиты, была первопрестольною: въ ней находилась кафедра патріарха; въ ней рукополагались всѣ епископы; въ ней же происходило и поставленіе самого патріарха и совершалось муровареніе. Свита патріарха Марь Шимона Рувима, жившая частію въ одномъ съ нимъ домѣ, частію въ отдѣльныхъ, между церквами, состояла изъ трехъ

священниковъ и шести діаконовъ, изъ этихъ послѣднихъ трое были его дяди, а четвертый—отецъ.

Управленіе патріарха было общее и частное. Первое обнимало всю церковь и состояло въ томъ, что патріархъ 1) утверждалъ представлявшіеся ему епархіальными архіереями кандидатовъ на епископство; въ случаѣ же непредставленія кандидата, или неодобренія представленнаго, 2) самъ избиралъ, кого признавалъ достойнымъ и способнымъ къ тому, и рукополагалъ его; 3) возводилъ епископовъ въ достоинство митрополитовъ; 4) награждалъ особенно заслуженныхъ изъ нихъ наперсными крестами; 5) расширялъ, или же сокращалъ предѣлы епархій и даже открывалъ новыя; 6) назначалъ время для муроваренія, созывалъ для этого епископовъ и священниковъ и освящалъ муро, и, наконецъ 7) утверждалъ расторженіе браковъ, по представленіямъ епископовъ.

Частное управленіе патріарха простиралось на одну его епархію, состоявшую въ упомянутомъ участкѣ Джулаберга, и ничѣмъ не отличалось отъ управленія другихъ епископовъ.

Второе мѣсто въ іерархіи сиро-халдейской несторіанской церкви занимали митрополиты, называвшіеся обыкновенно матранами. Ихъ было два: одинъ въ турецкихъ владѣніяхъ, другой въ персидскихъ. Оба они, кромѣ своихъ епархій, которыми управляли, какъ мѣстные епископы, болѣе или мене завѣдывали еще цѣлыми округами, которыхъ было также два—сардійскій (въ Турціи) и урмійскій (въ Персіи). Матраны относительно подчиненныхъ имъ епископовъ и епархій занимали почти такое же положеніе, какъ митрополиты эфоры въ константинопольскомъ патріархатѣ.

Матранъ сардійскій, кромѣ общихъ ему съ матраномъ урмійскимъ правъ и преимуществъ, пользовался еще особеными правами, состоявшими въ томъ, что онъ 1) поставлялъ самого патріарха и находился къ нему, по понятіямъ

сиро-халдейцевъ, въ такомъ же отношеніи, какъ Іоаннъ Предтеча къ Іисусу Христу; 2) дѣлался матраномъ, онъ, какъ и патріархъ, принималъ особое имя и назывался Маръ Хнанишу¹⁾, 3) имѣлъ особую круглую печать, которая, по объему своему, почти равнялась печати патріарха и въ которой онъ титуловался начальникомъ, или главнымъ (Шаманъ) восточныхъ христіанъ Сарда; наконецъ, 4) ему одному было предоставлено право имѣть при себѣ викаріевъ.

Означенныя преимущества матрана сардійскаго служили причиною того, что всякій Маръ-Хнанишу имѣлъ большее предъ другими вліяніе на управленіе церковію, а потому пользовался и большимъ почетомъ между своими соплеменниками.

Но тогочасовенный Маръ-Хнанишу, какъ маститый старецъ, какъ сверстникъ и другъ покойнаго патріарха и какъ кроткій и благочестивый архипастырь, имѣлъ особенное вліяніе на дѣла церковныя и пользовался непререкаемымъ уваженіемъ не только въ народѣ, но и среди самыхъ епископовъ. По преклонности лѣтъ своихъ, онъ уже не управлялъ своею епархіею, а имѣлъ при себѣ, кромѣ двухъ викаріевъ, еще особаго коадъ-ютора, племянника своего, который, будучи рукоположенъ во епископа еще въ 1857 году, былъ возведенъ даже и въ достоинство митрополита, но не принялъ еще имени Маръ-Хнанишу, а назывался просто Маръ Іосифъ.

Епархію матрана Маръ-Хнанишу составляли участки поджійскаго, а каедрa его находилась въ селеніи Беджеви. Одинъ изъ викаріевъ матрана—Маръ Денха прежде имѣлъ мѣстопробываніе въ селеніи Тиссъ (въ томъ же участкѣ), но съ разграбленіемъ и опустошеніемъ въ 1861 году этого селенія мусульманами, Маръ Денха оставилъ родину и съ

¹⁾ Слово „Хнанишу“ состоитъ изъ 1) Хнанъ, или Хананъ=благословенный, и 2) Ишу=Іисусъ, и значитъ: благословенный Іисусомъ.

22 декабря 1861 года сталъ жить въ русскихъ предѣлахъ въ селеніи Кюйлассаръ Эриванской губерніи. Другой викарій, епископъ Маръ Іохананъ имѣлъ свою каедрu въ селеніи Деріа, гдѣ и жилъ постоянно.

Епархія матрана урмійскаго обнимала весь участокъ Барендугъ и заключала въ себѣ болѣе 50 селеній и часть г. Урмін, называемую Гель Паталиханъ; по каедрa и постоянное мѣстопробываніе его находились въ селеніи Ардышай.

За матранами слѣдовали епископы, коихъ было семь: пять епархіальныхъ, изъ коихъ два были въ Турціи и три въ Персіи, и два викарія, состоявшихъ при матранѣ Маръ Хнанишу.

Въ Турціи находились несторіанскіе епископы: Маръ-Слыва и Маръ-Саркисъ; первый имѣлъ епархію въ участкѣ Гяверъ, а каедрu и мѣстопробываніе въ селеніи Бажерья; епархія второго находилась въ участкѣ Джилой, а каедрa—въ селеніи Храмусть. Въ Персіи жили епископы: Маръ-Іохананъ, Маръ-Іосифъ и Маръ-Ілія; епархія Маръ-Іоханана была одною изъ обширнѣйшихъ, такъ какъ въ ней находилось болѣе 30 селеній, а каедрu онъ имѣлъ въ селеніи Гивилагъ. Епископы: Маръ-Іосифъ и Маръ-Ілія имѣли въ своемъ вѣдѣніи по одному только селенію, которыя и составляли ихъ епархій: селеніе Ада, въ участкѣ Назлучай, управлялось Маръ-Іосифомъ, а селеніе Гюйтапа, въ томъ же участкѣ, Маръ-Іліею; первое имѣло 184, а второе 200 домовъ.

Главная причина неравномѣрности несторіанскихъ епархій заключалась въ томъ, что пространство и объемъ всякой епархій опредѣлялись достоинствомъ епарха, а достоинство этого послѣдняго, въ свою очередь, опредѣлялось числомъ предшествовавшихъ ему епископовъ изъ его рода. Епископы Іосифъ и Ілія первые изъ своего рода сдѣлались абупами, а къ тому же ихъ епархій наиболѣе пострадали отъ распро-

страненія въ нихъ протестантизма; епископъ же Маръ-Юхананъ насчитывалъ въ своемъ родѣ болѣе 10 абунъ.

Кромѣ означенныхъ несторіанскихъ епископовъ, въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, готовился къ рукоположенію въ санъ епископа аркянъ (т. е. архимандритъ) Баба, съ принятіемъ новаго имени Маръ Іоны¹⁾. Ему имѣла быть дана особая епархія, но какая,—еще не было рѣшено. Въ то время онъ жилъ въ селеніи Супарганъ, принадлежавшемъ къ епархіи патріарха, и управлялъ имъ въ качествѣ епарха²⁾.

Итакъ, высшую іерархію сиро-халдейской несторіанской церкви составляли въ данное время слѣдующія лица: одинъ патріархъ Маръ-Шимонъ-Рувимъ, три матрона: Маръ-Хнаишу, Маръ-Іосифъ и Маръ-Гавріилъ, шесть епархіяльных епископовъ: Маръ-Слыва, Маръ-Саркисъ, Маръ-Юхананъ, Маръ-Іосифъ, Маръ-Илія и Маръ-Іона; два епископа викарныхъ: Маръ-Денха и Маръ-Іоаннъ и одинъ кандидатъ на епископскій санъ—аркянъ Іона.

Низшую іерархію сиро-халдейской несторіанской церкви составляли: священники, архидіаконъ и діаконъ. Архимандритовъ и игуменовъ у несторіанъ сиро-халдейскихъ не было, потому что съ давняго времени у нихъ не существовало ни одного монастыря. Монастыри были упразднены не вслѣдствіе какого либо каноническаго постановленія церкви, которая всегда ихъ почитала и почитаетъ, но по невозможности ихъ существованія, вслѣдствіе непрерывныхъ мусульман-

¹⁾ Изъ этого отчасти можно заключать, что у сиро-халдейцевъ былъ обычай, чтобы посланцы ко епископа принимали новое имя; но было ли на то какое постановленіе у нихъ, распространявшееся на всѣхъ, или же это зависѣло отъ произвола, неясно.

²⁾ Это, какъ видно изъ текста, и есть тотъ Маръ Іона, епископъ супарганскій и урмійскій, который былъ во главѣ депутаціи сиро-халдейцевъ, присоединившихъ торжественно къ православной церкви 25 марта 1898 года въ Александровской лаврѣ. См. Церков. Вѣст. 1898 г. № 13 стр. 453 и слѣд.; ср. тамъ же № 15 стр. 530.

скихъ нападѣній и разграбленій, которымъ всегда подвергались прежде всего монастыри. Впрочемъ, архимандритовъ не было у сиро-халдейскихъ несторіанъ только какъ настоятелей монастырскихъ; званіе же архимандрита у нихъ сохранилось и давалось некоторымъ заслуженнымъ духовнымъ лицамъ.

Все низшее духовенство несторіанское должно было находиться въ брачномъ состояніи, при чемъ, если у священника или діакона умирала жена, то ему позволялось вступить не только во второй, но и въ третій и четвертый бракъ, лишь бы только онъ всегда былъ *единнымъ женою мужемъ*. Но изъ этого правила исключались тѣ родственники абунъ (иногда даже и не родственники), которые назначались ими въ преемники. Такіе заблаговременно отдѣлялись отъ своихъ семействъ и воспитывались особо подъ наблюденіемъ самихъ абунъ, и, если оказывались способными къ жизни духовной, то производились въ діаконъ и священникъ безъ вступленія въ бракъ. Имъ-то незадолго до рукоположенія во епископа давался титулъ аркана, что, по понятіямъ айсоровъ, означало челоуѣка, ведущаго монашескую жизнь и готовящагося быть епископомъ, такъ что всякій аркянъ былъ уже утвержденнымъ кандидатомъ на епископство, и наименованіе аркянъ у нихъ было то же, что у насъ нареченіе во епископа.

Между священниками несторіанскими не было ни степеней, ни званія протоіерея. Всѣ они безъ различія называются капа или кашша (по книжному „капа“, что значитъ преподобный).

Между діаконами (шамшана) различались первенствующіе, которые назывались архидіаконами. А такъ какъ архидіаконами дѣлались болѣею частію родственники, или приближенные абунъ, то естественно, что они всегда и отъ владыкъ пользовались особеннымъ вниманіемъ къ себѣ и отъ клира большимъ почетомъ. Отсюда образовалось въ народѣ,

понятіе, что архидіаконы въ несторіанской церкви выше и важнѣе священниковъ и что они занимаютъ въ ней мѣсто протоіереевъ и архимандритовъ въ греческой и русской церкви.

Священство у сиро-халдейскихъ несторіанъ пользовалось очень большимъ почетомъ и потому большою частію удерживалось въ родѣ, передаваясь по прямой линіи, какъ это было прежде и у насъ. Поставленіе священника изъ постороннихъ бывало очень рѣдкимъ явленіемъ, вызывавшимся какими либо особенно уважительными обстоятельствами. Изъ мірянъ во священники могли поступать только благородные (мелики), или учившіеся особенно и много. Священники, дѣти священниковъ, или меликовъ старались обозначать это даже въ титулахъ своихъ, напр., каша Орагамъ, сынъ каши Лазари, или каша Іедгеръ-меликъ.

Званіе діаконовъ¹⁾, за исключеніемъ тѣхъ, которые были при абунахъ, не пользовалось у сиро-халдейскихъ несторіанъ особеннымъ значеніемъ и уваженіемъ. Но какъ достиженіе діаконскаго званія было невозможно для простолюдиновъ, хотя бы и грамотныхъ, такъ и сдѣлавшіеся діаконами почти не возвышались надъ классомъ чернорабочихъ. Архим. Софонія лично видѣлъ въ Эривани урмійскаго діакона Ошану, который ежегодно приходилъ въ Эривань для заработковъ и цѣлую зиму плотничалъ, какъ обыкновенный чернорабочій, за малую цѣну.

Отличительныя особенности вѣроученія сиро-халдейскихъ несторіанъ, насколько могъ узнать ихъ архим. Софонія, заключались въ слѣдующемъ.

Основаніемъ вѣроученія сиро-халдейскихъ несторіанъ служилъ никейскій символъ, или, говоря словами ихъ, „вѣрованіе, составленное 318 отцами, епископами, собранными въ

¹⁾ Изъ писемъ русскаго миссіонера священника В. Спасскаго видно, что въ сиро-халдейской несторіанской общинѣ до послѣдняго времени сохранилось званіе *діакониссъ*. См. Церк. Вѣст. 1898 г. № 13 стр. 457.

Никей, городъ воинскою, во времена Константина благочестиваго, противу Арія еретика“. Но какъ никейскій символъ въ послѣдствіи былъ дополненъ изложеніемъ православнаго вѣроученія о Третьемъ Лицѣ Пресв. Троицы на второмъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ Константинополь, то и сиро-халдеи нашли необходимымъ сдѣлать восполненіе того же члена, и сдѣлали это, только не совсемъ точными словами собора, а измѣнивъ ихъ, по своему разумѣнію, такъ: „и во единого Духа Святаго, Духа истиннаго, иже отъ Отца исходитъ, Духа животворящаго“. Отсюда произошла первая и болѣе оцутительная разность между символомъ православнымъ и несторіанскимъ.

Другія разности въ символѣ, состояція частію въ прибавленіи, частію въ опущеніи нѣкоторыхъ словъ и выраженій, а частію въ отличномъ (отъ православнаго) выраженіи одного и того же, явились, какъ слѣдствіе вліянія на сирийскихъ и месопотамскихъ христіанъ со стороны разныхъ символовъ, долго ходившихъ въ древности по Востоку, особенно же символа св. Аонасія Александрійскаго, поборника православія. Посему всѣ эти разности были неважны и тѣмъ болѣе не содержали въ себѣ чего либо еретическаго¹⁾.

¹⁾ Приводимъ самый текстъ несторіанскаго символа вѣры, заимствованный архим. Софоніемъ изъ одной богослужебной сиро-халдейской книги, изъ неалтири, соответствующей нашей, называемой слѣдоважно, хотя она содержала въ себѣ большою частію нивы послѣдованія, тѣмъ паша: „Вѣруемъ во единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго. И во единого Господа Иисуса Христа, Сина Божія, едиnorodнаго, *первороднаго* *вселеннаго* *вселеннаго*, иже отъ Отца рожденъ прежде всѣхъ міровъ и несотворенъ, Бога истинна отъ Бога истинна, единосущна Отцу, Иже міра сотворенъ и созданъ вселенскій. Пашъ ради человекъ и нашего ради спасенія спешаго съ небесъ и воплотившася отъ Духа Святаго и плоть взявъ, *бышаго во утробѣ и родившагося* отъ Маріи Дѣвы, и страдаша и распятъ при Понтійстѣвѣ Пилатѣ и погребенъ, и воскресшаго въ третій день по писаніямъ; возшедшаго на небеса и сѣдѣща одесную Отца и пакъ гонимаго придети судити мертвыхъ и живыхъ. И во единого Духа Святаго, Духа истиннаго, иже отъ Отца исходитъ, Духа животворящаго. Во едину святую и апостольскую и соборную церковь. Исповѣдуемъ едино вѣщеніе во оставленіе грѣховъ, воскресеніе тѣлъ и жизнь по вѣку“.

Что касается толкованій и болѣе пространнаго изложе- нія этого вѣроученія, то ихъ, насколько могъ убѣдиться въ этомъ архим. Софонія путемъ нарочитыхъ бесѣдъ съ епи- скопомъ Маръ-Денха и урмійскимъ священникомъ Миха- иломъ, совсѣмъ не было у сиро-халдейскихъ несторіанъ.

Догматъ воплощенія Сына Божія исповѣдывался сиро- халдеями въ общихъ выраженіяхъ, т. е., что Іисусъ Хри- стосъ есть истинный Богъ и истинный человекъ. Что же касается того, когда и какъ соединились въ Немъ Божество и человекство, а также и того, сколько воли и дѣйствій въ лицѣ Богочеловѣка, то въ подобные богословскіе вопросы сиро-халдейскіе несторіане, по крайней мѣрѣ, въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, совсѣмъ не входили, доволь- ствуясь тѣмъ, что они ни въ чемъ не противорѣчили ни- кейскому символу вѣры. Архим. Софонія полагалъ, что и тѣ несогласія въ вѣрованіи, которыя такъ сильно волновали нѣкогда христіанскій Востокъ и послужили средоствѣніемъ между несторіанскимъ обществомъ и православно-вселенскою церковью, были забыты, или, по крайней мѣрѣ, оставлены къ тому времени несторіанами, среди которыхъ просвѣщеніе совершенно упало. Этимъ объяснилось, по его мнѣнію, и то, почему съ такою увѣренностію и, безъ сомнѣнія, по совѣ- сти, утверждали несторіанскіе епископы: Маръ Іозифъ (въ бесѣдѣ съ экзархомъ Грузіи Исидоромъ, впоследствии петер- бургскимъ митрополитомъ) и Маръ-Денха (въ бесѣдахъ съ архим. Софонією), что несторіане сиро-халдейскіе такъ же православны, какъ и русскіе, и что между тѣми и другими нѣтъ никакого различія.

Но это было справедливо только субъективно, т. е. относительно убѣжденій сиро-халдейцевъ. На самомъ дѣлѣ сиро-халдейцы и въ то время, о которомъ у насъ рѣчь идетъ, съ настойчивостію утверждали, что пресв. Дѣва Марія, родивъ Христа Іисуса, не рождала Бога Слова, рождающа- гося предвѣчно отъ Отца, и потому есть Христородица, а

не Богородица. Въ то же самое время сиро-халдейцы упо- требленіе икогъ и поклоненіе имъ считали противными вто- рой заповѣди, чествованіе ангеловъ и свитыхъ допускали, но призываніе ихъ на помощь и молитву имъ, какъ хода- таямъ нашимъ предъ Богомъ, признавали излишними, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, единъ есть ходатай Бога и чело- вѣковъ—Іисусъ Христосъ.

Таинство сиро-халдейскіе несторіане признавали и со- держали семь и тѣ же самыя, какія признаетъ и право- славно-вселенская церковь. Крещеніе у нихъ совершалось надъ младенцами, чрезъ троекратное погруженіе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. При крещеніи бывали и вос- приемники. Новокрещенный помазывался св. миромъ съ про- изнесеніемъ словъ: „печать дара Духа Святаго“.

Муро приготавливалось не изъ кунжутнаго масла, но изъ елейнаго. Муровареніе происходило не въ опредѣленные сроки, но по усмотрѣнію, какъ того требовала дѣйствительная нужда. Вообще оно совершалось рѣдко и всегда въ кафедральной патріаршей церкви. Освященіе муръ состояло въ томъ, что въ новосоставленное муро вливалось нѣсколько стараго, что сопровождалось извѣстнымъ молитвословіемъ.

Покаяніе предшествовало причащенію, но оно было не устное, какъ у насъ, а сердечное, такъ что кающійся не высказывалъ своихъ грѣховъ предъ священникомъ, а испо- вѣдывалъ ихъ въ тайнѣ души своей предъ Богомъ. Устная исповѣдь у сиро-халдейцевъ прежде существовала, но потому была отмѣнена, по слѣдующей причинѣ.

Бывали примѣры, что священникъ, недовольные за что- либо на прихожанъ, злоупотребляли вѣренными имъ тайна- ми, но большею частію сами мусульмане, зная, что священ- никамъ извѣстна вся сокровенная жизнь ихъ прихожанъ, въ случаѣ подозрѣній, падавшихъ на айсоровъ, истязали священ- никовъ и муками вынуждали ихъ открывать и выдавать тай- ны, открытыя имъ на исповѣди.

Евхаристія у сиро-халдейскихъ несторіанъ совершалась на квасномъ хлѣбѣ и винѣ, растворенномъ водою. Хлѣбъ всегда приготовлялся самими служащими и болѣе походилъ на просфору армянскую, или яковптскую, чѣмъ нашу, русскую. На лицевой ея сторонѣ, вмѣсто печати, было четыре крестика. Таковыхъ просфоръ употреблялось три: одна для вынутія Агнца, другая въ честь Владычицы Маріи, а третья за живыхъ и умершихъ.

Причащеніе св. таинъ подавалось подъ обонми видами и мірианами, которымъ, впрочемъ, тѣло Христово, обогрѣнное кровію, преподавалось съ диска рукою священника, а не ложцею изъ потира. Къ таинству причащенія допускались только здоровые, по надлежанцемъ приготовленіи, и въ храмѣ, а больные и умирающіе не напутствовались св. евхаристією. Поэтому, и св. дары не запасались у сиро-халдеевъ, какъ это дѣлается въ православной церкви.

Вмѣсто напутствованія св. тайнами, у сиро-халдеевъ совершалось надъ больными таинство елеосвященія.

Бракъ у нихъ благословлялся только въ седьмомъ колѣнѣ и допускался второй, третій, четвертый и болѣе. Совершеннолѣтіе опредѣлялось возрастомъ и развитіемъ тѣлеснаго организма брачующихся.

Таинство священства у сиро-халдейскихъ несторіанъ отличалось отъ нашего тѣмъ, что рукополагаемый могъ проходить всѣ степеніи священства въ одно богослуженіе.

Таинство елеосвященія было въ больномъ употребленіи у сиро-халдеевъ, по вышеуказанной причинѣ; веществомъ его служило то же, что и у насъ, а сущность состояла въ молитвословіи, чтеніи Слова Божія и помазаніи больного священнымъ елеемъ.

Постовъ сиро-халдейскіе несторіане имѣли болѣе, чѣмъ православная церковь, и содержали ихъ строже, не разрѣ-

шая ни въ одинъ изъ нихъ ни на рыбу, ни на икру¹⁾, а только на масло и то не во всѣ дни. Постъ предъ праздникомъ Рождества Христова начинался съ 1 декабря и продолжался, такимъ образомъ, 24 дня.

Айсоры имѣли слѣдующіе три особенные поста, изъ которыхъ каждый продолжался три дни, а именно: 1) въ честь и память св. Іоанна Златоустаго; онъ бывалъ въ понедѣльникъ, вторникъ и среду между праздниками Рождества Христова и Богоявленія; 2) въ память священномученика Харлампія, въ тѣ же дни на недѣль, послѣ праздника Богоявленія; и 3) въ память пророка Іоны, въ тѣ же дни, на недѣль мытаря и фарисея.

Въ среду и пятокъ сиро-халдеи постились круглый годъ и никогда не разрѣшали поста въ эти дни, кромѣ пасхальной недѣли.

Но они не содержали поста въ день Воздвиженія Животворящаго Креста и въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Кромѣ того, такъ какъ они вообще считали день не съ полуночи до полуночи, а съ вечера до вечера, то и постъ по средамъ и пяткамъ начинали съ вечера вторника и четвертка и оканчивали вечеромъ же въ среду и пятокъ.

Праздники господскіе у сиро-халдейскихъ несторіанъ были тѣ же самыя, что и въ православной церкви, и падали они у нихъ на одинъ и тѣ же дни и числа. Но изъ богородичныхъ праздновались только рождество Владычицы Маріи и Успеніе; праздника введенія во храмъ Богоматери не было, а праздникъ Благовѣщенія былъ, но назывался различно: „Ангель сошелъ въ Назаретъ“, или „радуйся, Благодатная“

¹⁾ По наблюденію архим. Софонія, это зависѣло не отъ какого-либо особеннаго аскетическаго настроенія несторіанъ, а отъ того, что 1) рыбы и икра у нихъ, особенно у несторіанъ турецкихъ, совсѣмъ не было, и 2) въ продолженіе цѣлаго года они имѣли у себя столько зелени и овощей, что рѣшительно могли обходиться безъ икры и рыбы.

и праздновался не торжественно и не строго, такъ что почти не выдѣлялся изъ ряда рабочихъ дней.

Святые, чествуемые сиро-халдейскими несторіанами, не назывались собственно святыми (каднина) и не различались между собою ни по образу подвижничества, ни по образу кончины. Такимъ образомъ въ святцахъ айсорскихъ не было ни мучениковъ, ни пренедобныхъ, ни постниковъ, ни святителей, но ко всемъ прилагалось одно и то же обращеніе: „Маръ“ (Маръ Сорину, Маръ Рамзай). Апостолы именовались Шлиха, пророки Нвіа, Божія Матерь—Марта Маріамъ (Владычица Маріа), только къ святымъ духовнымъ писателямъ, извѣстнымъ сиро-халдейской общинѣ или поученіями, или составленіемъ молитвъ, пѣснопѣній и литургій, прибавлялось къ инымъ слово: Малпана (учитель), а къ инымъ Тешкана (проповѣдникъ).

Богослуженіе, совершавшееся у сиро-халдейскихъ несторіанъ, раздѣлялось на постоянное и повременное.

Къ первому относились службы суточные, или всенедельныя, недѣльныя, усвоившіяся каждому дню недѣли, и годовыя.

Суточное богослуженіе состояло изъ вечерни, утрени и литургій. Повечерій и полунощницъ у нихъ не было. Часы были и состояли въ чтеніи псалмовъ, молитвъ и тропарей, какъ и у насъ; они пѣлись не отдѣльно, а вмѣстѣ съ другими службами, какъ и у насъ, именно: первый часъ—послѣ утрени, третій и шестой часы—предъ литургіею, девятый—предъ вечернею.

Такимъ образомъ, сиро-халдейцы собирались въ храмъ на богослуженіе три раза въ сутки: вечеръ, утро и полудне, а отдѣльныхъ славословій или службъ они совершали семь, подражая Давиду, *седмерицею днємъ възсылавшему хвалу Богу.*

Въ составъ службъ вечернихъ и утреннихъ входили псалмы, молитвы, пѣснопѣнія и ектеніи. У нихъ употреблялись молитвы и пѣснопѣнія, принадлежавшія слѣдующимъ

нихъ церковнымъ учителямъ и проповѣдникамъ: Маръ-Ефрему Малпанъ, Маръ-Нерсею Малпанъ и Маръ-Теодорусу Тешканъ.

Объ ектеніяхъ неизвѣстно, къъмъ онѣ составлены; но должно думать, что тѣми же лицами и еще Маръ-Діодорусомъ и Маръ-Несторіусомъ, какъ составителями литургій. Несторіанскія ектеніи (карузита—чтеніе въ слухъ), по вѣншему своему составу, очень похожи на наши. Онѣ состояли не изъ цѣльныхъ моленій, но изъ отдѣльныхъ прошеній, возносившихся священникомъ, или діакономъ и оканчивавшихся призываніемъ: „*моломися*“, при чемъ на каждое прошеніе поюще или народъ отвѣчали: „*Господи помилуй*“. Что же касается внутренняго содержанія, то съ этой стороны несторіанскія ектеніи немало замѣчательны. Въ сообразность самыхъ службъ, на которыхъ онѣ читались, ектеніи эти, по содержанію своему, раздѣлялись на всенедельныя, седмичныя, годовыя и повременныя.

Ко всенедельнымъ ектеніямъ принадлежали тѣ, которыя читались на литургіяхъ; содержаніе ихъ нѣсколько сходно съ содержаніемъ нашихъ ектеній—великой, сугубой и просительной.

Седмичныя ектеніи читались каждый день недѣли на утрени; ихъ—семь, по числу дней недѣли, и онѣ каждую седмицу повторяются. Ектеніи годовыя, или праздничныя, читались по одному разу въ годъ. Содержаніемъ ихъ служила сущность каждаго праздника, т. е. въ нихъ высказывалось діакономъ среди церкви почти все то, что у насъ поется на клиросѣ въ праздничныхъ стихирахъ и канонахъ. Къ годовымъ ектеніямъ относились ектеніи великопостныя. Ихъ нѣсколько: одні изъ нихъ возманились по воскреснымъ днямъ, другія—въ простые дни, и при томъ одні на утрени, а другія на вечернѣ впродолженіе всего поста, за исключеніемъ послѣдней недѣли, въ которую на каждый день

положены особыя ектеніи, выражающія сущность воспоминаемыхъ событій¹⁾.

Всѣ ектеніи имѣли одно и то же начало: „станемъ добръ, станемъ со умиленіемъ“ и т. д., и затѣмъ нѣсколько прошеній общихъ, которыя неизмѣнно возносились въ концѣ всякой ектеніи, именно: о патріархѣ, епархіальномъ епископѣ и всѣхъ епархіотахъ, о царѣ (имени нѣтъ), о прудержавшихъ властяхъ и о всемъ мірѣ; первое прошеніе всѣхъ ектеній въ праздники измѣнялось въ томъ отношеніи, что вмѣсто слова: „со умиленіемъ“ читалось: „въ радости“.

¹⁾ Вотъ переводъ ектеніи (чтенія въ службѣ), употреблявшейся сиро-халдейскими несторіанами въ великій пятокъ:

1) Станемъ добръ, станемъ со умиленіемъ и истинно будемъ молиться и вѣдать: Господи, помилуй насъ.

Народъ: Господи помилуй насъ.

2) Живой сошелъ къ мертвымъ и проповѣдывалъ на упованіи блаженство душамъ, содержащимся во адѣ: помолимся.

3) Язвою ребра Своего Онъ исцѣлилъ нашу лзвы (грѣхоты) и смертію Своею умертвилъ умерщвляющаго насъ: помолимся.

4) Когда Онъ распятъ былъ, небо омрачилось и вся тварь облелась въ плачъ и сѣтованіе: помолимся.

5) Когда Онъ распятъ былъ, силы небесныя (духи) ужаснулись и одно только неизлоденіе (собственно: знакъ, киваніе, выражающее нехотѣніе) Отца Его удержало ихъ отъ потребления распинавшихъ: помолимся.

6) (смертію Своею отверзъ Онъ гроба и воскресилъ мертвыхъ предъ очами Своихъ прагговъ и распинателей: помолимся.

7) Онъ окропилъ нашу кровь Своею кровію и очистилъ грѣхи наши, пришеши Свое тѣло на вершинѣ Голговы: помолимся.

8) О здравіи св. отцовъ нашихъ маръ (имя рожъ) пеленскаго патріарха, маръ (или) епископа (или) митрополита) нашего и о спасеніи всѣхъ чадъ нашихъ: помолимся.

9) О царѣ, прудержавшихъ властяхъ и всемъ мірѣ: помолимся.

10) Боже милосердный, но милосердію Своему Ты призирася на всѣхъ: призри и на насъ: помолимся.

11) Сильные ангелы на небѣ опрачались скорбію и земля возстала въ смерти Его; но и возрадовалась всѣ въ воскресеніи Его: помолимся.

12) Пастырю, предавшій душу Свою за овцы Свои и спасшій ихъ Своею кровію, спаси и насъ здѣсь сушихъ отъ лукаваго и помилуй насъ, Господи, помолимся.

Литургій у сиро-халдейскихъ несторіанъ было въ употребленіи три. Одна совершалась ежедневно и называлась дѣлихи—апостольскою. Сиро-халдейцы вѣровали, что литургія эта составлена Апостолами, когда они были всѣ вмѣстѣ въ Иерусалимѣ, и тамъ начала совершаться ими до испещствія ихъ на всемірную проповѣдь. Другая литургія—Григорія Двоеслова; она была составлена, по мнѣнію сиро-халдейцевъ, Маръ-Теодорусомъ (т. е. Теодоромъ Мопсуетскимъ) и Маръ-Діодорусомъ (т. е. Діодоромъ Тарсійскимъ). Третья литургія была составлена Маръ-Несторіусомъ и пѣлась 4 раза въ годъ: въ день Богоявленія, въ одинъ изъ дней поста послѣ Богоявленія, въ одинъ изъ дней поста пророка Іоны и въ великій четвертокъ.

Недѣльныхъ службъ, по словамъ урмійскаго священника Михаила, у сиро-халдейскихъ несторіанъ не было; но, по мнѣнію архим. Софоніи, онѣ должны были существовать, суди по недѣльнымъ ектеніямъ, только неизвѣстно, въ чемъ эти недѣльныя службы состояли.

Годовыя службы совершались во дни праздниковъ господскихъ, богородичныхъ и святыхъ (напр., Апостоловъ Петра и Павла) и отличались отъ службъ обыкновенныхъ, кромѣ ектеній, нѣкоторыми чтеніями изъ книгъ пророческихъ и пѣснопѣніями, относившимися къ воспоминаемому событію, или къ памяти святыхъ, на подобіе нашихъ тропарей и величій. То же самое должно сказать и о службахъ великопостныхъ, особенно въ великіе дни послѣдней седмицы, когда воспоминаются страданіе, смерть и погребеніе Спасителя.

Къ службамъ повременнымъ принадлежали, кромѣ совершеній таинствъ, разныя чинопослѣдованія, напр., чинъ водосвященія, погребенія, освященія храма, поставленія патріарха и др. Отличительную особенность всѣхъ ихъ составляло то, что, при совершеніи ихъ, употреблялись особыя ектеніи, особыя молитвословія и пѣснопѣнія.

Храмы у сиро-халдейскихъ несторіанъ были болѣею частію каменные (встрѣчались иногда земляные, но деревянныхъ не было), всегда обращенные на востокъ и раздѣлялись главнымъ образомъ на двѣ части: собственно храмъ и алтарь. Алтарь отдѣляется отъ храма не иконостасомъ, но преградой, въ которой три входа: двѣ боковыя двери и врата по срединѣ. Престолъ помѣщается обыкновенно противъ среднихъ вратъ, но не на срединѣ алтаря, а у восточной стѣны его, на которой поверхъ престола находится распятіе. Жертвенника въ несторіанскихъ храмахъ нѣтъ, ибо вся литургія совершается на престолѣ; но есть по одну сторону алтаря умывальница, а по другую тандуль (круглое углубленіе четверги на три въ землю) для печенія просфоръ. Престолъ состоитъ изъ четырехугольной каменной доски на каменной же тумбѣ и покрывается одеждою. Антиминсовъ съ нитонами нѣтъ, а вмѣсто нихъ служатъ четыре небольшихъ креста, дѣлаемыхъ выпукло и квадратомъ по срединѣ престольной доски и ближе къ тому краю, гдѣ стоитъ священнодѣйствующій. Эти кресты обозначаются и на одеждѣ на престольной особенною вышивкою; самая же одежда не отличается отъ нашей.

Утварь церковную сиро-халдейскаго несторіанскаго храма составляютъ: потиръ, дискосъ и лжица, крестъ, евангеліе, кадило и подсвѣчники. Потиръ и дискосъ металлическіе и болѣею частію оловянные, хотя встрѣчаются и серебряные, тотъ и другой съ крестами, но безъ всякихъ изображеній, рукоятій и пьедесталовъ, такъ что первый похожъ на большой стаканъ, а второй—на небольшую тарелку. При совершеніи литургіи, они ставились въ квадратъ между крестами (что на престолѣ) рядомъ и покрывались воздухами, сначала тотъ и другой особыми, а потомъ оба однимъ.

Ни звѣздицы, ни копія у сиро-халдейцевъ не употребляется, но лжица имѣется и иногда похожа на нашу, а болѣею частію имѣетъ видъ простой ложечки. На престольный

крестъ болѣею частію съ распятіемъ и употребляется какъ металлическій, такъ и деревянный. Евангеліе употребляется болѣею частію безъ оправы и небольшого формата, евангелійскія чтенія въ церковныхъ евангеліяхъ располагались не по евангелистамъ, а по днямъ года.

Облаченіе архіерейское состояло изъ бѣлаго подризника (болѣею частію льнянаго), епитрахили, пояса, омофора и фелони; поручей, палицы, митры и панации не употреблялось. Одинъ только патріархъ носилъ крестъ наперсный и въ служеніи и въ службѣ, но не на шпичкѣ, какъ у насъ, а на шелковомъ шуркѣ, или ленточкѣ. Омофоръ употребляется обыкновенно съ крестами, длиною около двухъ аршинъ съ половиною, но уже нашего и носится не такъ, какъ у насъ. На срединѣ, по длинѣ его, дѣлается прорѣзъ, или вырѣзъ овальный, на подобіе нашихъ епитрахилей, и черезъ этотъ прорѣзъ омофоръ надѣвается на голову, поверхъ епитрахили и пояса, и, такимъ образомъ, производитъ видъ двухъ епитрахилей, имѣющихъ одну іордаль, и висящихъ одна спереди, а другая позади. Фелонь представляетъ болѣе длинный, чѣмъ широкій кусокъ матеріи шелковой, или парчевой съ крестомъ по срединѣ. Этотъ четырехугольникъ накладывается, какъ широкій шарфъ, и лежитъ болѣею частію на плечахъ священнодѣйствующаго, иногда же приподнимается и поверхъ головы, покрывая ее, какъ іаковитское увясло. Посему несторіанская фелонь не прикрѣпляется на груди ни застѣлками, ни завязками. Подризникъ, епитрахиль и поясъ не отличались отъ нашихъ.

Это архіерейское облаченіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и священническимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что омофоръ священническій гораздо короче епископскаго и видѣнъ только спереди, а сзади изъ подъ фелони его совѣтъ было не видно. Набедренниковъ священники не имѣютъ. Діакопское облаченіе составляютъ стихарь и орарь, похожіе во всемъ на наши.

Что касается церковнаго управленія, то оно у сиро-халдейскихъ несторіанъ было не многосложно и едва ли имѣло особое систематическое устройство, примѣнительное къ общему положенію ихъ церковной общины.

Главнѣйшіе предметы церковнаго управленія названы нами выше. Кругъ ихъ былъ сравнительно очень ограниченъ. Иныхъ предметовъ управленія вовсе не было, какъ, напр. училищъ, типографій и всего, что было соединено съ ними; другіе были раздроблены по частямъ, какъ, напр. наблюденіе за цѣлостію кафедръ и непрерывностію наличныхъ епархій. Во всякой епархіи за кафедрою наблюдали родственники абунъ, чтобы она не переходила въ чужой родъ, а преемника себѣ избиралъ самъ абунъ. Патріарху оставалось послать только избранному кандидату титулъ аркима и потомъ рукоположить его. Остальныя заглавія части духовнаго управленія сиро-халдейскою церковною общиною сосредоточивались въ рукахъ Маръ-Шимона, какъ верховнаго іерарха ея.

Маръ-Шимонъ для управленія подчиненною ему общиною не имѣлъ при себѣ ни коллегій, ни подобіе синодовъ и конесторій, ни лицъ официальныхъ, каковы суть прото-спискеры, и грамматикосы (на Востокѣ), или благочинные и секретари (у насъ). При обычномъ теченіи дѣлъ, онъ управлялъ единолично, а келейными совѣтниками и помощниками его были ближайшіе родственники его, діаконы и священники, при немъ служившіе. Ихъ онъ употреблялъ и въ качествѣ секретарей, когда нужно было написать что либо, и въ качествѣ курьеровъ, когда требовалось отвезти къ какому нибудь абуну указъ, или предписаніе и т. п., что все у нихъ было извѣстно подъ однимъ названіемъ: „кѣтава“. Эти „кѣтава“ не имѣли никакихъ признаковъ формальности; на нихъ не было ни номеровъ нашихъ, ни скрѣпъ, ни подписей, ихъ не записывали ни въ какія книги; словомъ, при патріархѣ несторіанскомъ, такъ же, какъ и при всякомъ

абуну, не было ничего, отъзывающагося нашею канцелярскою и бюрократіей

Но если бы произошли событія особенной важности, то патріархъ могъ приглашать къ себѣ матрана Маръ-Хианшпу, какъ ближайшаго своего сотрудника по управленію всюю общиною, могъ также вызывать, по своему усмотрѣнію, и другихъ абунъ и составлять изъ нихъ какъ бы временный соборъ; но все это, вслѣдствіе стѣпеннаго положенія сиро-халдеевъ, едва ли когда бывало, по крайней мѣрѣ, во времена, ближайшія къ намъ. Замѣчательно, что даже и такое первостепенной важности событіе, какъ окончательное рѣшеніе вопроса о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русскою православной церкви, совершилось безъ предварительнаго обсужденія его на соборѣ несторіанскихъ абунъ епископовъ¹⁾.

Епархіальное управленіе у сиро-халдейцевъ было еще проще. Всякій несторіанскій епископъ былъ не богѣ (если только не менѣе), какъ нашъ благочинный; благодаря малой величинѣ епархіи, онъ зналъ всѣхъ своихъ священниковъ и діаконъ и по имени и по образу жизни. Особенно это должно разумѣть о тѣхъ абунъ, епархіи которыхъ ограничивались однимъ селеніемъ. Въ случаѣ какой либо жалобы на священника, абунъ тотчасъ же призывалъ его къ себѣ, дѣлалъ дознаніе и тутъ же окончательно рѣшалъ всякое дѣло на словахъ. Какъ не было награды для поощренія къ трудолюбію и соревнованію, такъ не было и наказаній, состоящихъ въ запрещеніи, низведеніи священника на причетническую должность и лишеніи сана.

Вся должностная дѣятельность абунъ вращалась около двухъ предметовъ: рукоположенія и совершенія, или, правильнѣе, разрѣшенія на совершеніе браковъ.

¹⁾ См. Церк. Вѣсти. 1893 г. № 15 стр. 531.

Дѣль ставленическихъ, какъ у насъ, не было. Всякій, ищущій священства, или діаконства, лично являлся къ своему абунѣ и словесно просилъ его о поставленіи. Абуна приказывалъ ему идти въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ читать вечерню и утреню и, если онъ оказывался умѣющимъ дѣлать это, то на слѣдующей же литургіи рукополагаяся въ иподіакона, діакона и священника. Грамоты ставленныя въ иныхъ епархіяхъ давались, а въ другихъ нѣтъ.

Браки въ шестомъ колѣнѣ, или неясныя, по запутанности родства, представлялись абунѣ приходскимъ священникомъ, или же родственниками брачующихся. Абуна, по выслушаніи и разсмотрѣніи всѣхъ связей и отношеній родства, или благословлялъ бракъ тутъ же, или отказывалъ. Разводы среди сиро-халдейцевъ бывали очень рѣдко. Абуна обыкновенно уговаривалъ и мирилъ поссорившихся между собою супруговъ, въ случаѣ же невозможности примиренія, представлялъ при своей запискѣ, или отсылалъ съ своимъ діакономъ разводящихся къ Маръ-Шимону, который и рѣшалъ это дѣло окончательно.

Что лежало въ основаніи подобнаго церковнаго управленія, существовавшаго у сиро-халдейскихъ несторіанъ, трудно было сказать, но мнѣнію архим. Софоніи, немало потрудившагося надъ рѣшеніемъ сего вопроса. Изъ словъ абуны Маръ-Денхи, въ бесѣдѣ его съ архим. Софоніею сказанныхъ, послѣдній заключалъ, что сиро-халдейскіе несторіане, повидимому, не отрицали „Постановленій Апостольскихъ“ и опредѣленій соборныхъ; но сколько соборовъ и какіе именно они принимали, была ли у нихъ какая либо кормчая, какъ у насъ, или номоканонъ, или что-либо въ этомъ родѣ, онъ не зналъ и говорилъ только, что у нихъ всякій Маръ-Шимонъ и всякій абунъ управлялъ и дѣйствовалъ такъ, какъ и предметники ихъ; слѣдов., руководился преданіемъ и практикою.

Это и понятно. Известно, что въ 496 г. на несторіанскомъ соборѣ, бывшемъ въ Едессѣ при несторіанскомъ пат-

ріархѣ Бабелѣ, несторіане, установивши болѣе или менѣе полное устройство своей общины, получили и извѣстное уложеніе для управленія дѣлами церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ уложеніемъ они руководились до несчастія великаго, постигнаго ихъ при Тамерланѣ. Съ этого времени, лишившись гражданской свободы, они, конечно, не могли удержать за собою и свободы въ управленіи церковномъ. Воля поработителей дѣлалась во многихъ случаяхъ закономъ и вопреки церковнымъ установленіямъ и обыкновеніямъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ продолженія рабства, непрерывно убивавшаго духъ и изнурившаго силы несторіанской общины, она мало-по-малу стала забывать свои каноническія правила и сообразоваться съ духомъ и обстоятельствами времени, а потомъ и опираться на предшествующіе примѣры, какъ на норму управленія, такъ что во времена повдвигшія закономъ въ управленіи паствою для Маръ-Шимона и абунъ стало служить не уложеніе церковное, а управленіе ближайшихъ предметниковъ ихъ.

Несторіанская община, съ самаго начала отпаденія своего отъ православно-вселенской церкви, всегда отличалась присутствіемъ въ ней богословской учености. Этой послѣдней она была обязана главнымъ образомъ твердостью своего положенія среди разныхъ и многихъ переворотовъ политическихъ, потрясавшихъ Востокъ. Аравійскіе завоеватели не могли уничтожить несторіанство, а багдадскіе калифы относились къ несторіанамъ даже съ большимъ довѣріемъ именно за ихъ образованность. Учености багдадскихъ несторіанъ и вселенская церковь обязана сохраненіемъ многихъ памятниковъ греческой письменности. Даже по завоеваніи Багдада татарами, сиро-халдейскіе несторіане, благодаря главнымъ образомъ своей учености, сохраняли нѣкоторое время свое положеніе, пока, наконецъ, Тамерланъ не нанесъ рѣшительнаго удара несторіанству. Этотъ ударъ положилъ конецъ, можно сказать, навсегда и самой образованности несторіан-

ской. Несчастный народецъ, спасшійся отъ истребленія въ небольшомъ остаткѣ, жившемъ въ горахъ Курдскихъ, возникъ послѣ того подъ прежнимъ названіемъ, но образованность, а тѣмъ болѣе прежняя богословская ученость уже не возродились въ немъ.

Иго порабощенія, подъ которое поднали сиро-халден, поселившіеся въ Персіи и Турціи, рѣшительно заглушало и подавляло въ нихъ всякое стремленіе къ любознательности, такъ какъ съ того времени всѣ ученыя занятія ихъ замѣнились одною думою и одною заботою о сохраненіи своей жизни. Съ того времени сиро-халдейскій народъ сталъ и стоитъ почти неподвижно, на одной и той же ступени умственнаго развитія; съ того времени въ немъ не было и, кажется, доселѣ нѣтъ ни при патриархѣ, ни при митрополитахъ и епископахъ, ни въ городахъ и селахъ ни одной школы духовной, или гражданской въ духѣ народномъ, ни одного училища духовнаго, съ удержаніемъ началъ своего вѣроповѣданія. Дай Богъ, чтобы теперь, съ присоединеніемъ сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви, подъ покровомъ и при содѣйствіи этой послѣдней, явились школы и возродилась образованность среди сиро-халдеевъ православныхъ! Обязанность возрожденія образованности среди сиро-халдеевъ въ духѣ православной вѣры лежитъ прежде всего на тѣхъ представителяхъ сиро-халдейской общины, которые съ такою энергіею и самоотверженіемъ трудились для святаго дѣла присоединенія своего народа къ православной церкви. И мы думаемъ, что это такъ будетъ...

Въ 1860-хъ годахъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, все, что только можно было назвать образованіемъ, заключалось въ одной простой грамотности, т. е. умѣнн читать и писать на современномъ родномъ языкѣ и въ пониманіи древняго, доселѣ сохраняющагося въ богослуженіи, языка. Но и это образованіе, сколько ни скудно оно было, не распространялось на все сиро-халдейское народонаселеніе, а ограничи-

валось почти однимъ только духовенствомъ и переходило отъ отца къ сыну посредствомъ домашняго обученія. Книгопечатанія у айсоровъ не было и церковно-богослужебныя книги, заключающія въ себѣ почти всю ихъ мудрость и все просвѣщеніе, сохранялись черезъ переписку съ большими трудностями.

Правда, въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX в. между айсорами урмійскими появилось было просвѣщеніе, но не родное, не изъ нѣдръ народа возникшее, по общему чувству потребности образованія, а чуждое, занесенное съ запада и несродное почвѣ восточной. Поэтому, оно не привилось на сиро-халдейской почвѣ и не принесло существенной пользы айсорскому народу. Большая часть его скоро примѣтила расклеванные сѣти и, не прельстившись ни бесплатностію школьнаго образованія, ни значительностію другихъ благотвореній, которыми хотѣли завлечь айсорскихъ дѣтей въ школы, отвергла и просвѣтителей (т. е. протестантскихъ миссіонеровъ) и самое просвѣщеніе. Съ заведеніемъ школъ въ Урміи, тѣми же миссіонерами была открыта въ самомъ городѣ и типографія для печатанія книгъ на всѣхъ языкахъ, извѣстныхъ восточнымъ христіанамъ. Изъ этой типографіи выпущено было множество книгъ всякаго рода, начиная съ букваря до высшей философіи, но не напечатано ни одной богослужебной книги, ни одного церковнаго поученія, тѣмъ болѣе ни одного творенія отцовъ сирійскихъ. Сиро-халдейская несторіанская община не рѣшилась, очевидно, вѣрнѣе единственное свое сокровище въ руки обтекающаго вселенную пришельцевъ и, хотя, по причинѣ возрастающаго оскуднѣнія и умаленія рукописныхъ экземпляровъ, не отвергла употребленія напечатанныхъ библій и евангелій на старо- и ново-сирійскомъ языкѣ, однако же пользовалась ими съ большою осторожностію, такъ что благонамѣреннѣйшіе изъ айсоровъ предпочитали огромный трудъ переписыванія имѣвшихся у нихъ манускриптовъ даровому приобрѣтенію книгъ печатныхъ.

Слѣдствія подобной необразованности сир-халдеевъ отражались на всемъ ихъ бытѣ и въ особенности на состояніи церковной дисциплины и природнаго языка ихъ.

Дисциплина въ несторіанской сир-халдейской церковной общинѣ, по наблюденьямъ и отзыву архим. Софоніи, почти не существовала. Патріархъ, слѣдуя установившемуся обычаю, рукополагалъ представляемыхъ ему кандидатовъ во епископа, несколько не выкая, способны ли они были къ надлежащему прохожденію того служенія, которому посвящали себя. И впоследствии, по рукоположеніи епископовъ, патріархъ не старался наблюдать за тѣмъ, какъ они пасли вѣренное имъ стадо Христово. Абуны, въ свою очередь, поставляя священниковъ и діаконовъ, также не считали необходимымъ ни паставлять ихъ въ пстинахъ вѣры, ни разъяснять имъ лежащія на нихъ обязанности, ни слѣдить за исполненіемъ ими этихъ послѣднихъ. Отсюда пропеходило то, что священники и діаконы болышею частію исполняли свои пастырскія обязанности небрежно и совершали даже самую литургію безъ должнаго приготовленія и страха Божія, вообще читали и пѣли въ храмѣ спѣшно и невнятно, пѣли иногда просто безобразно, заимствуя все тоны пѣнія и переливы ихъ отъ турокъ, а—что еще хуже—обыкновенно позволяли себѣ во время служенія говорить и смѣхъ, стояніе нечинное и моленіе разсѣянное. Немало было безпорядковъ и своеволия и въ другихъ отношеніяхъ, напр., при раздѣлѣ доходовъ. Священники почти все, что попадало имъ въ руки, считали своею неотъемлемою собственностію. Вообще упадокъ дисциплины и своеволие среди низшаго сир-халдейскаго духовенства были таковы, что, напр., діаконы безъ позволенія своего священника и священники безъ позволенія и благословенія своего абуны перѣдко оставляли свою церковь и паству, отлучались, куда и насколько хотѣли, и проживали иногда съ фальшивыми видами отъ мусульманскаго начальства въ разныхъ мѣстахъ то въ видѣ черно-

рабочихъ, то подъ образомъ сборщиковъ пожертвованій на постройку монастырей (которыхъ не существовало) и церквей. Само собою разумѣется, что подобное отсутствіе церковной дисциплины у сир-халдейскаго духовенства производило крайне неблагоприятное вліяніе и на паству.

Сир-халдейскій языкъ, не смотря на то, что существовалъ непрерывно въ живомъ употребленіи, почти не получилъ никакого развитія. Неопредѣленность формъ языка, обороты рѣчи безъ частицъ, показывающихъ взаимное отношеніе словъ и выражаемыхъ ими понятій, неизмѣняемость выраженій, употребляемыхъ съ глубокой древности,—все это, по мнѣнію архим. Софоніи, показывало видимый застой и даже отсутствіе всякой жизни въ языкѣ сир-халдейскомъ. Всякое письмо, напр., сир-халдейскаго духовнаго лица непрерывно начинается словами: *милость и миръ изъ устъ* такого-то къ такому-то, и почти всякое оканчивалось слѣдующими словами: *для мудраго и малаго довольно*.

Самая письменность сир-халдейская какъ бы низшла на ту ступень, на которой она стояла въ началѣ, когда только формировалась и устанавливалась. Въ несторіанскихъ книгахъ позднѣйшаго выхода не было ни заглавій, ни заглавныхъ буквъ, ни знаковъ препинанія, ни раздѣленія статей. Бравшій въ руки такую книгу долго не могъ узнать, что это за книга, а потомъ, когда начиналъ читать ее, крайне затруднился въ отысканіи смысла рѣчи то по отсутствію строчныхъ знаковъ, то по нераздѣльности статей. Сир-халдейская книга, какъ бы ни была велика, всегда состояла, отъ начала до конца, изъ одного отдѣленія. Только протестантскіе миссіонеры, начавъ печатать въ своей типографіи книги для сир-халдеевъ, ввелъ заглавія и надписи, красную строку, показывавшую начало отдѣленія, и знаки препинанія, которыхъ, какъ сказано, почти совсѣмъ не было у сир-халдеевъ, довольствовавшихся однимъ только двоеточіемъ.

Средства, какими содержалось сиро-халдейское духовенство, были почти тѣ же самыя, какими содержалось православное греческое духовенство, напр., въ Константинопольскомъ патріархатѣ.

Блжайшимъ образомъ, служившіе алтарю отъ алтаря и питались. Священники, діаконы и низшіе члены сиро-халдейскаго несторіанскаго клира пользовались кружечными доходами, получая отъ своихъ прихожанъ, какъ и у насъ, плату за исправленіе различныхъ требъ. Кромѣ кружечныхъ доходовъ, всѣ они владѣли пахотною землею и занимались воздѣлываніемъ садовъ и огородовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ отъ нашего духовенства, что у сиро-халдейцевъ духовныя лица сами никогда не занимались обработкою земли, а отдавали ее въ наемъ. Съ другой стороны, т. наз. церковныхъ земель не было у сиро-халдейскаго духовенства, которое наравнѣ со всѣми мірянами платило мѣстному правительству какъ поземельный сборъ, такъ и налогъ за все, чѣмъ владѣло и чѣмъ пользовалось.

Кромѣ сейчасъ указанныхъ средствъ содержанія, общихъ всему клиру, были и особенныя; такъ напр., нѣкоторые священники сиро-халдейскіе занимались овцеводствомъ, а діаконы и причетники разными мастерствами и чаще всего плотничествомъ. Абуны сиро-халдейскіе не пользовались никакими доходами, ни кружечными, предоставляя ихъ сполна причтамъ, или церковными, употребляя ихъ на поддержку храмовъ; не пользовались они также и емвагикиономъ, т. е. сборомъ денежнымъ съ священниковъ и діаконівъ за выдававшіяся ими ежегодно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ грамоты на право служенія впродолженіе года въ извѣстной церкви, какъ это дѣлалось въ константинопольскомъ патріархатѣ, потому что въ сиро-халдейской несторіанской общинѣ и при самомъ рукоположеніи священниковъ и діаконівъ не во всѣхъ епархіяхъ выдавались рукополагаемымъ виды на поставленіе, тѣмъ болѣе они нигдѣ не возобновлялись.

Но абуны сиро-халдейскіе пользовались т. н. решитою, т. е. сборомъ со всей епархіи денегъ и всякаго рода натурою. Деньги собирались въ два срока, отъ 20 до 50 к. въ годъ съ души работающей; натурою же—хлѣбъ, рисъ, масло постное и скоромное, вино, плоды, шелкъ, хлопокъ,—словомъ паства сиро-халдейская дѣлилась съ своими архинастырями всѣмъ, что имѣла сама. Кромѣ того, абуны имѣли въ своемъ распоряженіи огороды, сады и виноградники, отдѣлившіеся для нихъ состоятельными мірянами. Впрочемъ, все это было условно и неопредѣленно. Какъ плата, дававшаяся причтамъ за требосправленіе, такъ и решита, собиравшаяся абунами, даже въ одной и той же епархіи были весьма неодинаковы въ каждомъ году, потому что то и другое зависѣло отъ возможности и усердія дававшихъ, а тѣмъ болѣе онѣ были различны въ разныхъ епархіяхъ.

Что касается сиро-халдейскаго патріарха, то источниками содержанія его самого, а также и церкви, свиты и служителей, при немъ находившихся, служили: 1) обыкновенная *решита*, собиравшаяся патріархомъ деньгами и натурою съ своей епархіи; 2) добровольный сборъ, подобный тому, какой былъ извѣстенъ въ константинопольскомъ патріархатѣ подъ именемъ *фиотимо* и какимъ подчиненные епископы благодарили патріарха за рукоположеніе ихъ, и 3) по мнѣнію нѣкоторыхъ, сиро-халдейскій патріархъ получалъ ежегодное жалованье отъ турецкаго правительства, которое прекратило будто бы уплату сего жалованья съ открытіемъ крымской войны съ Россіею. Только въ мартѣ 1862 года распространился слухъ, дошедшій и до архим. Софоніи, будто тогочасный турецкій султанъ прислалъ Маръ-Шимону пешкешъ, состоявшій изъ 300 тумановъ (туманъ=около 10 рублей) деньгами и нѣкоторыхъ вещей. Говорили, что этотъ пешкешъ былъ именно жалованьемъ, которое султанъ возобновилъ Маръ-Шимону по тому поводу, что и самъ сиро-

халдейскій патріархъ около этого времени возобновилъ подать съ своего народа, жившаго въ турецкихъ предѣлахъ. Впрочемъ, архим. Софонія не имѣлъ возможности провѣрить этихъ слуховъ.

Что касается, наконецъ, сиро-халдейскихъ храмовъ, то они содержались всецѣло прихожанами или посредствомъ добровольныхъ денежныхъ пожертвованій, или же посредствомъ земельныхъ надѣловъ, отводившихся въ пользу и на нужды церквей.

Таковы были свѣдѣнія, собранныя, по порученію русскаго—церковнаго и гражданскаго—правительства, архим. Софоніемъ о сиро-халдейскихъ несторіанахъ, заявившихъ чрезъ своего представителя начальнику нашей второй духовной миссіи о своемъ желаніи принять православіе въ Іерусалимѣ. Цѣль, какая имѣлась въ виду при собираніи этихъ свѣдѣній, была, какъ мы знаемъ, двоякая: въ 1) узнать доподлинно современное состояніе сиро-халдейской несторіанской общины со стороны ея вѣроученія, богослуженія и устройства, и во 2) провѣрить степень и искренность расположенія несторіанъ къ принятію православія. То и другое было необходимо знать нашему правительству для рѣшенія вопроса о томъ, можно ли, дѣйствительно, принять сиро-халдейцевъ въ общеніе съ русскою православною церквю и если можно, то какъ именно это сдѣлать.

Свѣдѣнія, собранныя архим. Софоніемъ, повидимому, должны были склонять наше правительство въ пользу положительнаго рѣшенія сейчасъ поставленнаго вопроса.

Догматическихъ и обрядословныхъ разностей между православною церквю и сиро-халдейскою несторіанскою общиною было, по мнѣнію архим. Софонія, очень немного и всѣ онѣ были не существенно важны¹⁾. Впрочемъ, архим. Софо-

¹⁾ М. Филаретъ былъ несогласенъ съ такимъ сужденіемъ архим. Софонія и совершенно справедливо, на основаніи отчета самого же архим. Софонія. См. объ этомъ Соборніе мнѣнія и отзиковъ м. Филарета. Изд. подъ редакціею архим. Саввы. М. 1887 г. т. V, ч. I, стр. 336—337.

нія допускалъ предположеніе, что разностей этихъ въ дѣйствительности могло быть больше, чѣмъ сколько онъ успѣлъ установить; но все говорило за то, что и эти разности не должны быть важнѣе тѣхъ, какія сдѣлались ему извѣстными. „При тѣхъ средствахъ, кои были мнѣ предоставлены“,—говоритъ объ этомъ самъ архим. Софонія,—„я не могъ узнать больше. Даже и то, что узналъ и передалъ, не все одинаково достоверно: нное требовало бы повѣрки на мѣстѣ, или лучшихъ свидѣтелей. Вообще разности догматическія и обрядословныя таковы, что происходятъ или отъ причинъ случайныхъ, или отъ недоразумѣній. Слѣдовательно, съ устраненіемъ случайностей и при надлежащемъ разъясненіи существа дѣла, многое умирилось бы само собою и тотчасъ же, а прочее слѣдовало бы предоставить времени“.

Съ другой стороны, расположеніе всего сиро-халдейскаго несторіанскаго населенія къ принятію православія не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Несторіанскій патріархъ хотя и не выразилъ письменно своего согласія на принятіе православія, но, по увѣренію видѣвшихъ его, желалъ быть православнымъ, и только боязнь турецкаго правительства, зорко слѣдившаго за его движеніями, заставляла его до времени молчать объ этомъ. Наконецъ, и со стороны восточныхъ патріарховъ іерусалимскаго, антиохійскаго и константинопольскаго не предвидѣлось никакихъ затрудненій, а тѣмъ болѣе препятствій къ присоединенію сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русскою православною церкви; наоборотъ, всѣ они прямо выражали желаніе, чтобы русская церковь взяла въ свои руки это важное дѣло.

На основаніи всего этого и принимая во вниманіе, что дошедшій до персидскаго правительства слухъ о желаніи айсоровъ присоединиться къ русскою православною церкви вызвалъ уже со стороны правительства рядъ принудительныхъ мѣръ противъ айсоровъ, архим. Софонія совѣтовалъ, сколько возможно, поспѣшить съ принятіемъ сиро-халдейцевъ

въ православную церковь. Въ видахъ ускоренія дѣла, онъ совѣтовалъ принять айсоровъ не чрезъ муропомазаніе, что должно было занять очень много времени, а по одному только акту, который или самъ Святѣйшій Синодъ составилъ бы, или же предоставилъ бы сдѣлать это уполномоченному, и подъ которымъ бы подписались все представители несторіанской общины, желавшей принять православіе¹⁾.

Наше церковное правительство сначала энергично взялось было за это дѣло. Въ томъ же 1862 году Св. Синодъ спрашивалъ мнѣнія по дѣлу о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви у митрополита Филарета (Дроздова). Митрополитъ Филаретъ отнеся къ этому дѣлу съ обычною, свойственною ему, осторожною мудростію и глубокою проицательностію. Въ своемъ отзывѣ объ этомъ дѣлѣ онъ подвергалъ сомнѣнію искренность расположенія вѣхъ айсоровъ къ принятію православія, признавалъ невыясненнымъ вопросъ о вѣроученіи несторіанской сиро-халдейской общины, не соглашался съ мнѣніемъ, что несторіанъ можно принять въ православіе не чрезъ актъ муропомазанія и вообще совѣтовалъ отнестись къ этому дѣлу съ возможно большею осторожностію²⁾. Это было 1 октября 1862 г.

Въ слѣдующемъ 1863 г. снова поднимался и обсуждался вопросъ въ Св. Синодѣ о присоединеніи несторіанъ, при чемъ и теперь обращались за совѣтомъ къ мудрому московскому святителю, который по прежнему отнеся къ этому дѣлу весьма осторожно и, между прочимъ, совѣтовалъ „потребовать свѣдѣнія и мнѣнія“ отъ преосв. Кирилла, начальника духовной русской миссіи въ Іерусалимѣ³⁾. Не знаемъ, обращались ли, дѣйствительно, за отзывомъ о столь

¹⁾ См. тамъ же стр. 327—328.

²⁾ См. тамъ же стр. 333—338.

³⁾ См. тамъ же стр. 418—421.

важномъ дѣлѣ къ тому, чрезъ кого началось оно и кто, даже по отзыву митрополита Филарета, могъ „нѣсколько ближе другихъ видѣть дѣло“¹⁾. Думаемъ, что не обращались, такъ какъ въ то время уже былъ почти рѣшенъ вопросъ объ отозваніи преосв. Кирилла съ Востока.

Вскорѣ за тѣмъ наступили такія политическія событія, какъ, напр., покореніе Кавказа и война съ Турціей, которыя совершенно отвлекли вниманіе нашего правительства отъ вопроса о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ православной русской церкви.

Но лишь только закончилась послѣдняя русско-турецкая война, приблизившая границу нашего государства къ самому мѣстожителству сиро-халдейскихъ несторіанъ, какъ среди этихъ послѣднихъ съ новою силою пробудилось давнее желаніе и стремленіе принять православіе и стать подъ защиту русской церкви и русскаго государства. Снова начались переговоры, переписка и обсужденіе такого важнаго дѣла, какъ присоединеніе къ нашей церкви дѣлаго, хотя и маленькаго, народа. Св. Синодъ, отнесшійся и на сей разъ къ этому важному вопросу съ глубокимъ вниманіемъ и серьезностію, спрашивалъ мнѣнія многихъ преосвященныхъ архипастырей русской церкви по этому дѣлу. И не смотря на то, что сами сиро-халдейцы усиленно стремились къ соединенію съ православною церковію, обращались съ горячими и слезными моленіями о скорѣйшемъ принятіи ихъ въ православіе и подъ покровъ великой русской церкви и великаго русскаго государства, при чемъ одинъ изъ сиро-халдейскихъ епископовъ (Маръ-Гавріилъ) пріѣзжалъ лично въ Россію хлопотать объ этомъ, тѣмъ не менѣе подготовленіе всего необходимаго для окончательнаго рѣшенія столь важнаго вопроса заняло болѣе 10 лѣтъ²⁾. Присоединеніе сиро-халдейскихъ несторіанъ по

¹⁾ См. тамъ же стр. 421.

²⁾ См. Церь. Вѣст. 1898 г. № 12, стр. 412.

особо, нарочито составленному для сего, чину, „како приима-ти приходившихъ къ православнои церкви отъ несторіанскаго вѣроисповѣданія“, совершилось, какъ сказано, только 25 марта 1898 г., т. е. ровно чрезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ оно началось въ видѣ обращенія сиро-халдейскихъ несторіанъ съ просьбою объ этомъ къ Св. Синоду чрезъ преосв. Кирилла Наумова.

ХІІ.

Сношенія второй русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ съ Абиссинами.

Инструкція, которая была дана нашимъ правительствомъ второй русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, требовала, чтобы миссія наша, не ограничиваясь однимъ Іерусалимомъ, распространяла свое вліяніе и дѣйствія и на сосѣдніе патріархаты, т. е. антиохійскій и александрійскій ¹⁾.

Сношенія второй русской миссіи въ Іерусалимѣ съ антиохійскимъ патріархатомъ выразились, какъ мы уже знаемъ, въ живомъ и дѣятельномъ участіи ея въ воссоединеніи сирійскихъ уніатовъ (мельхитовъ) съ православною церковью, состоявшемся 26 ноября 1860 года ²⁾, и отчасти въ содѣйствіи сиро-халдейскимъ несторіанамъ (насколько эти послѣдніе могутъ быть разсматриваемы, какъ община, входившая въ область юрисдикціи антиохійскаго патріарха) въ ихъ стремленіи присоединиться къ русской православной церкви ³⁾.

Что касается, въ частности, александрійскаго патріархата, то наше правительство рекомендовало іерусалимской миссіи обратить здѣсь особенное вниманіе на контовъ, кото-

¹⁾ См. выше § 12 инструкціи, стр. 135

²⁾ См. выше, гл. X.

³⁾ См. выше, гл. XI.

рые были „намъ не враждебны“, и на синайскую обитель. Въ отношеніи этой послѣдней рекомендовалось, въ частности, миссіи примирить иноковъ ея съ alexandрійскимъ патріархомъ, который не позволялъ имъ устроить домовую церковь на ихъ подворьѣ въ Каирѣ, и вообще стараться возстановить упдающую обитель, которая, по выраженію составителей инструкціи для миссіи, „должна быть разсадникомъ христіанства“.

Но, къ сожалѣнію, намъ ничего неизвѣстно о сношеніяхъ нашей второй духовной миссіи въ Иерусалимѣ съ alexandрійскимъ патріархатомъ. На основаніи перенесеннаго преосв. Кирилла, можно съ несомнѣнностію утверждать только то, что начальникъ нашей іерусалимской миссіи собирался въ Египетъ, куда приглашалъ его самъ alexandрійскій патріархъ. „Осенью думаю“, — писалъ онъ 10 августа 1859 года преосв. Макарію (Булгакову), — „опять сдѣлать маленькій вояжъ по Египту, котораго еще не видалъ и куда уже зоветъ блаженнѣйшій alexandрійскій: вояжъ непродолжительный, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Можетъ быть, послѣ взгляну и на самостоятельную кипрскую іерархію, чтобы, такимъ образомъ, имѣть по возможности полное понятіе о восточной церкви“¹⁾... Черезъ два года послѣ того преосв. Кириллъ, видимо, не оставлялъ своей мысли о посѣщеніи Египта, Александріи и даже далекой Абиссиніи. 28 декабря 1861 года онъ писалъ своимъ петербургскимъ роднымъ, между прочимъ, слѣдующее: „одинъ край совѣтъ еще нетронуть. А какъ зовутъ туда, какъ ждуть тамъ (въ Александрію) мени и какъ чудесно расположились тамъ всѣ обстоятельства! Еслибы Господь благословилъ! Уповаю на Его милость, хотя чувствую, очень чувствую, что и врагъ не спитъ“²⁾. Незадолго предъ этимъ, 7 декабря 1861 года

¹⁾ См. Русск. Стар. т. LXIV (изд. 1889 г.), стр. 136. О томъ же самомъ онъ пишетъ и петербургскимъ роднымъ въ нежданномъ письмѣ отъ 24 іюля 1859 г.

²⁾ Изъ неопечатаннаго письма.

онъ писалъ къ преосв. Макарію: „я пропусъ на время (на полгода или ѳактъ) въ Абиссинію, куда мнѣ проложена уже дорога“¹⁾.

Изъ этихъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что въ Египетъ преосв. Кириллъ не только желалъ поѣхать, но даже и прямо просилъ объ этомъ свое начальство. Но послѣднее, по всей вѣроятности, не нашло возможнымъ или удобнымъ разрѣшить начальнику миссіи посѣщеніе Египта, въ которомъ преосв. Кириллъ и не былъ...

Что касается путешествія въ Абиссинію, о которомъ преосв. Кириллъ говоритъ въ письмѣ отъ 7 декабря 1861 года, то оно, по всей вѣроятности, находилось въ близкой связи съ тѣми сношеніями, въ какія вступилъ онъ въ Иерусалимѣ съ пребывавшими тамъ абиссинскими монахами. Къ рѣчи объ этихъ сношеніяхъ нашей второй іерусалимской миссіи и, въ частности, преосв. Кирилла съ Абиссинцами мы и переходимъ. А для того, чтобы наша рѣчь была болѣе понятною для нашихъ читателей, мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе въ глубь отдаленныхъ временъ.

Христіанство въ Абиссиніи появилось очень рано, быть можетъ, даже въ апостольскій вѣкъ²⁾. Къ IV в. нашей эры относится несомнѣнное распространеніе христіанства въ Абиссиніи. Первымъ абиссинскимъ епископомъ былъ св. Фрументій, поставленный св. Афанасіемъ великимъ, архіепископомъ alexandрійскимъ. Св. Фрументій крестилъ Абиссинцевъ въ христіанство, во главѣ съ двумя ихъ царями, и положилъ начало переводу Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на абиссинскій языкъ³⁾. Поэтому св. Фрументій справедливо признается апостоломъ Абиссиніи.

¹⁾ См. Русск. Стар. т. LXV изд. 1890 г., стр. 40.

²⁾ См. у архим. Арсенія. Лѣтопись церкви. собраній Спб. 1880 г., стр. 15.

³⁾ См. тамъ же, стр. 108—109; ср. Тр. К. Д. Ак. 1866 г. т. 1, стр. 813—815.

Великая заслуга св. Фрументія предъ абиссинскою церковью состояла, между прочимъ, въ томъ, что онъ остался вѣренъ православію, которое въ то время сильно пресѣдовалось еретиками-аріанами. Покровитель аріанъ, императоръ Констанцій письменно побуждалъ абиссинскаго царя выдать св. Фрументія александрійскому архіепископу, аріанину-Георгію. Но просьба императора Констанція не была исполнена, и Абиссинія осталась православною.

Не приняли также Абиссинны и несторіанскаго лжеученія, осужденнаго третьимъ вселенскимъ соборомъ. Въмѣстѣ съ александрійскимъ архіепископомъ, св. Кирилломъ, они проклинали ересь Несторія и донынѣ пресв. Дѣву Марію именуютъ Богородицею, а Кирилла почитаютъ свитымъ.

Не такъ благополучно миновала Абиссинію слѣдующая ересь христіанской церкви, хотя, впрочемъ, и эта ересь, какъ сейчасъ увидимъ, не повредила чистоты православія Абиссинъ.

Въ 451 г. четвертый вселенскій, халкидонскій соборъ осудилъ ересь Евтихія и утвердилъ догматъ о несліянномъ, неизмѣнномъ, неразлучномъ и нераздѣльномъ соединеніи въ лицѣ Господа Иисуса Христа божескаго и человѣческаго естества. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на этомъ соборѣ епископовъ не приняли этой формулы, не выразивъ ея вполне, и заподозрили православную церковь въ несторіанствѣ, отдѣлились отъ нея и начали выражать этотъ догматъ словами св. Афанасія великаго и св. Кирилла александрійскаго такъ: „исповѣдуемъ едино естество Слова воплощеннаго“, но вмѣстѣ съ тѣмъ они отвергли ересь Евтихія и проклинали ее. Впослѣдствіи эти, отдѣлившіеся отъ православной церкви по недоразумѣнію, а не по существу дѣла, египетскіе христіане получили названіе коптовъ. Они имѣли своего патріарха, отъ котораго получали епископовъ и, слѣдовательно, находились въ церковной зависимости и Абиссинны.

Такимъ образомъ, абиссинскіе христіане не были еретиками. „Напротивъ“,—говоритъ преосв. Порфирій, хорошо знавшій вѣроученіе абиссинскихъ христіанъ,—„въ богослуженіи и обрядахъ ихъ видно чистое православіе, какъ въ абиссинскихъ рѣкахъ видно свѣтлое небо“¹⁾.

О существованіи абиссинской церкви долго почти совсемъ не знали въ Европѣ, пока не дали знать о себѣ сами Абиссинны, пославъ своихъ представителей, въ числѣ 4 духовныхъ лицъ, на флорентійскій соборъ. На этомъ соборѣ представители абиссинской церкви были противъ уніатскихъ стремленій католиковъ и приняли всецѣло сторону Марка ефесскаго, защитника православія. Съ того времени и до XVI в. европейскіе христіанскіе народы снова забыли объ Абиссинцахъ, которые также ничѣмъ не напоминали о себѣ первымъ.

Въ XVI в. католическіе миссіонеры, воспользовавшись открывшимися тогда сношеніями между португальскимъ и абиссинскимъ правительствами, проникли въ Абиссинію. Но эти миссіонеры не имѣли успѣха и скоро были изгнаны изъ страны, такъ какъ позволили себѣ вмѣшаться въ государственныя дѣла.

Большій успѣхъ католическая пропаганда въ Абиссиніи имѣла въ слѣдующемъ XVII в., когда іезуиты успѣли построить здѣсь монастырь и церкви и даже открыть семинарію, въ которой обучалось 60 абиссинскихъ юношей. Но ожесточенные религіозные споры и войны, возбужденныя іезуитами между абиссинскими христіанами, имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что въ 1663 году іезуиты были изгнаны изъ Абиссиніи.

Въ теченіе всего XVIII в. попытки католической пропаганды въ Абиссиніи повторялись періодически, хотя и не имѣли сколько-нибудь существеннаго результата.

¹⁾ Подробности о дальнѣйшей исторіи абиссинской церкви см. у Петрова Л.: Восточная христіанскія общества. Сиб. 1869 г., стр. 63—64.

Еще меньшимъ успѣхомъ пользовались въ Абиссиніи протестантскіе миссіонеры, первое появленіе которыхъ здѣсь относится къ двадцатымъ годамъ XIX в. Первыми изъ протестантовъ явились сюда именно англичане, въ числѣ коихъ былъ и извѣстный уже намъ Самуиль Гобатъ, бывший впоследствии епископомъ въ Іерусалимѣ¹⁾.

Позже всѣхъ христіанскихъ церквей узнала Абиссинію и вступила съ нею въ сношенія наша русская православная Церковь. Инициатива этихъ сношеній принадлежала самимъ Абиссицамъ, а посредникомъ въ нихъ явился преосв. Кирилль Наумовъ, начальникъ второй русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ.

Съ давняго времени, которое въ точности не можетъ быть опредѣлено, существовалъ въ Іерусалимѣ абиссинскій монастырь, какъ существуетъ онъ и нынѣ. Въ этомъ монастырѣ ко времени прибытія въ Іерусалимъ нашей второй духовной миссіи, находилось около 40 абиссинскихъ монаховъ. Эти монахи, какъ и вообще весь монастырь, существовали и содержались большею частію на пожертвованія и пособія, которыя ими получались изъ ихъ отечества. Но когда въ половинѣ XIX в. въ Абиссиніи наступили внутренніе замѣшательства и открылись междоусобныя войны, то абиссинскіе монахи въ Іерусалимѣ были совершенно забыты своими соотечественниками и оставлены на произволъ судьбы. Тогда, побуждаемые крайнею нуждою, абиссинскіе монахи отдались подъ покровительство армянъ, которое около 185³/₄ года перемѣнили на покровительство англійскаго консульства въ Іерусалимѣ. На бѣду абиссинскаго монастыря, къ двумъ прежнимъ покровителямъ скоро присоединились еще новые въ лицѣ контовъ, которые, подъ видомъ покровительства, начали особенно усердно раззорять абиссинскую обитель въ Іерусалимѣ.

¹⁾ См. у Л. Петрова. Цит. соч. стр. 64—65.

Между прочимъ, армяне, получивъ въ свое распоряженіе (по отходѣ не во владѣніе, на которое у нихъ не было никакихъ правъ и актовъ) принадлежавшія Абиссицамъ мѣста въ храмѣ Гроба Господня и помѣщенія въ самомъ городѣ Іерусалимѣ, часть которыхъ перешла къ контамъ, обязались содержать абиссинскихъ монаховъ на свой счетъ. Они, дѣйствительно, и посылали имъ ежедневно пищу; но эта пища была такова, что, по словамъ преосв. Кирилла, не всякое животное, какъ бы на было оно голодно, стало бы употреблять ее. Иного же какого-либо участія, не исключая и добраго, ласковаго слова, абиссинскіе монахи не видѣли отъ армянъ, что и заставило ихъ искать себѣ покровительства, на случай какихъ либо притѣсненій, у англійскаго консульства. Последнее также почему-то равнодушно отнеслось къ судьбѣ бѣдныхъ абиссинскихъ монаховъ, которыхъ оно причислило къ покровительствуемымъ имъ, но существеннаго какого-либо участія въ положеніи абиссинскаго монастыря, во все время покровительства, оно не успѣло, или даже прямо не хотѣло принять.

Находясь въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ существованія, абиссинскіе монахи невольно могли обратить свое вниманіе на русскую духовную миссію, которая, какъ мы знаемъ, вызвала много ожиданій и надеждъ почти у всѣхъ христіанъ Востока, такъ или иначе пуждавшихся. Абиссинскіе монахи, дѣйствительно, хотя не сразу и робко, но рѣшились попытать себѣ счастья у русскихъ.

Послѣ Пасхи 1858 года они начали посѣщать церковь, въ которой русская миссія совершала богослуженіе. Начальникъ этой послѣдней, по своему обыкновенію, принималъ ихъ ласково и относился съ участіемъ безъ всякой предвзятой мысли. Посѣщенія учащались, подъ предлогомъ услажденія русскою службою и жажды духовныхъ наставленій и бесѣдъ. Преосв. Кирилль въ душѣ догадывался, что здѣсь кроются какія либо тайныя намѣренія, но не подавалъ ника-

кого вида и не поощрять надежд абиссинскаго игумена. Однажды этот послѣдній прислалъ преосв. Кириллу въ подарокъ посохъ, употребляемый абиссинскими епископами. Начальникъ нашей миссіи показалъ видъ, что онъ не понялъ намека и, пославъ имъ въ обмѣнъ серебряный напрестольный крестъ, держался въ состояніи ожиданія. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній игумень абиссинскій завелъ, наконецъ, однажды съ преосв. Кирилломъ бесѣду о своемъ жалкомъ положеніи, о крайней скудости содержанія абиссинскихъ монаховъ и т. п. Преосв. Кириллъ внимательно выслушалъ жалобы абиссинскаго игумена и отвѣчалъ вещественнымъ пособіемъ, давши ему нѣсколько денегъ на покупку пищи.

Такъ дѣло продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Въ первыхъ числахъ сентября 1858 года игумень абиссинскаго монастыря явился къ начальнику русской миссіи въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ монаховъ и, попросивъ позволенія поговорить о важномъ дѣлѣ, заявилъ, что уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ у нихъ явилось общее желаніе отдаться подъ покровительство русской духовной миссіи и что они уже обратились съ прошеніемъ къ своему государю, но принятіи мѣръ къ возвращенію принадлежащихъ имъ мѣстъ въ храмѣ и городѣ, ввѣрить ихъ со всѣми этими мѣстами покровительству и руководству русскаго епископа. При этомъ абиссинскій игумень отъ лица всего своего братства заявилъ, что всѣмъ имъ весьма правится наше богослуженіе и всѣмъ имъ желательно быть въ духовномъ общеніи съ русскою церковью и подъ духовнымъ начальствомъ и руководствомъ русскаго епископа. Въ заключеніе всего абиссинскій игумень отъ лица всѣхъ своихъ иноковъ просилъ преосв. Кирилла сказать имъ, могутъ ли они надѣяться на то, что ихъ желаніе и просьба не будутъ отвергнуты.

Начальникъ русской миссіи отвѣчалъ абиссинскимъ монахамъ, что, съ своей стороны, онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ ихъ любовь къ русскому православному богослуже-

нію, всегда готовъ принять въ нихъ самое живое личное участіе и оказать имъ всевозможную помощь въ ихъ нуждахъ и тѣмъ болѣе никогда не откажется дать имъ добрый нравственный совѣтъ и наставленіе. Относительно же покровительства онъ замѣтилъ, что, какъ и сами они весьма справедливо поступили, обратившись къ своему государю съ просьбою о разрѣшеніи имъ отдаться подъ покровительство русскихъ, такъ и онъ долженъ будетъ просить у своего правительства указаній, какъ ему поступить въ этомъ дѣлѣ, а пока можетъ обѣщать имъ одно только то, что будетъ ходатайствовать въ пользу абиссинскаго братства. Съ своей стороны, отъ себя лично преосв. Кириллъ посоветовалъ абиссинскимъ монахамъ молиться усердіемъ Богу, дабы Онъ устроилъ все, что можетъ быть истинно полезно для нихъ, по Своему благоволенію.

О всѣхъ этихъ переговорахъ и первоначальныхъ сношеніяхъ съ абиссинскими монахами преосв. Кириллъ донесъ 25 сентября 1858 года русскому послу въ Константинополь А. П. Бутеневу. Онъ просилъ дать ему совѣтъ касательно дальнѣйшихъ его отношеній къ дѣлу, начатому самими абиссинцами, которые заявили ему, что они ожидаютъ только отвѣта отъ своего правительства на ихъ просьбу для того, чтобы начать письменныя сношенія съ начальникомъ русской миссіи въ Іерусалимѣ¹⁾.

Съ своей стороны, преосв. Кириллъ относился вполне сочувственно къ стремленіямъ абиссинскихъ монаховъ и полагаалъ, что это дѣло, если бы Господь благословилъ его успѣхомъ, могло бы имѣть весьма много самыхъ добрыхъ послѣдствій.

Между тѣмъ русскій посолъ въ Константинополь донесъ о начавшихся сношеніяхъ нашей іерусалимской миссіи

¹⁾ См. Петербургскій арх. М. И. Д. за 1858 г. д. объ іерусалимской духовной миссіи.

съ абиссинскими монахами въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, которое, въ свою очередь, признало необходимымъ спросить мнѣніе у духовнаго начальства о столь важномъ дѣлѣ, какъ сношенія съ абиссинскими монахами въ Іерусалимѣ и принятіе ихъ подъ русское покровительство.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода, которому было передано для заключенія донесеніе преосв. Кирилла, отнесся не вполне сочувственно къ предположеніямъ послѣдняго, или, точнѣе, значительно ограничивалъ ихъ. Между прочимъ, 31 октября 1858 года гр. А. П. Толстой писалъ по этому дѣлу кн. Горчакову слѣдующее: „объ абиссинахъ, о которыхъ пишетъ въ своемъ отношеніи преосв. Кириллъ, извѣстно, что ихъ въ Іерусалимѣ не болѣе 50, что они монополены и подчинены константинопольскому патріарху, а въ политическомъ отношеніи неподвластны Портѣ и имѣютъ своего независимаго Государя въ Абиссиніи. Отличительныя черты абиссинскихъ монаховъ — кротость и нищета. Оказывать имъ благодѣянія никому не возбранено. Что же касается покровительства, о которомъ говоритъ преосв. Кириллъ, то, если онъ разумѣетъ политическое покровительство, оно относится къ обязанностямъ русскаго консула въ Іерусалимѣ; если же онъ разумѣетъ покровительство церковное, то все участіе наше въ Абиссинахъ должно состоять въ ревностномъ желаніи, чтобы они были присоединены къ православнои церкви.“

Для достиженія сей послѣдней цѣли есть только одинъ возможный путь — церковный. Если абиссинскіе монахи могутъ быть склонены къ принятію православія, что было бы весьма родостнымъ событіемъ, то преосв. Кириллъ безъ всякаго разрѣшенія можетъ и долженъ ходатайствовать предъ патріархами — іерусалимскимъ, александрійскимъ и вселенскимъ, всячески содѣйствуя тому, чтобы они приняли въ семъ дѣлѣ ревностное участіе и оказали Абиссинамъ всевозможное спосожденіе. Всякое же другое предположеніе оказывается несогласнымъ съ церковными канонами и неисполни-

мымъ на дѣлѣ; нельзя, въ частности, поощрять желаніе абиссинскихъ монаховъ быть подъ духовнымъ начальствомъ епископа мелигопольскаго, который, между прочимъ, принялъ отъ нихъ въ подарокъ епископскій посохъ“¹⁾).

Въ согласіи съ мнѣніемъ Оберъ-прокурора Св. Синода и министерство дало свои указанія русскому послу въ Константинополѣ относительно дальнѣйшаго направленія начатаго дѣла съ абиссинскими монахами. Оно, въ частности, признавало абиссинскій вопросъ довольно сложнымъ, особенно въ виду того, что абиссинскіе монахи были подчинены армянскому монастырю, который состоялъ подъ покровительствомъ англійскаго консула.

Поэтому, прежде приступленія къ дѣйствию, министерство желало разъяснить вопросъ о возможности принятія абиссинскихъ монаховъ подъ русское покровительство, для того, чтобы избѣжать, съ одной стороны, напраснаго столкновенія съ англійскимъ правительствомъ, весьма несочувственно относившимся ко всякому новому признаку чужестранной протекціи на Востокѣ, и, съ другой стороны, жалобъ высшаго греческаго духовенства на то, что русскіе, будто бы, покушаются на непосредственныя права ихъ въ св. землѣ.

Послѣднему обстоятельству русское правительство придавало особенно важное значеніе, такъ какъ не желало еще болѣе усиливать подозрительность высшаго греческаго духовенства, которое (подозрѣніе) и безъ того уже довольно обнаружилось. Опасалось оно, между прочимъ, и протеста со стороны іерусалимскаго патріарха, который, будучи напуганъ чрезвычайнымъ сочувствіемъ, вызваннымъ нашею миссіею на православномъ Востокѣ, могъ воспользоваться этимъ случаемъ и объявить данное нашимъ правительствомъ преосв. Кириллу разрѣшеніе принять абиссинскихъ монаховъ подъ

¹⁾ См. арх. Св. Синода по канцеляріи оберъ-прокур. 1858 г. отд. II д. № 388.

свое покровительство очевиднымъ посягательствомъ со стороны русскихъ на его высшую архиепископскую власть и права въ самомъ св. градѣ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, правительство наше рекомендовало начальнику іерусалимской духовной миссіи воздержаться отъ официального принятія абиссинскихъ монаховъ подъ свое покровительство и продолжать держаться прежняго образа отношеній къ нимъ, именно выражать къ нимъ свое участіе „въ радушномъ привѣтствіи, внимательномъ допущеніи присутствовать при нашемъ богослуженіи, нѣкоторомъ вспоможеніи въ ихъ нуждахъ и вообще улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія“. Такой свой совѣтъ начальнику миссіи наше правительство подкрѣпляло тѣмъ простымъ соображеніемъ, что „подобное участіе съ нашей стороны и равнодушіе со стороны представителей другихъ христіанскихъ исповѣданій должно было убѣдить бѣдныхъ абиссинскихъ монаховъ въ томъ, что одна только Россія сообязуется ихъ тяжелому положенію и объясняется съ ними языкомъ братства и дружелюбія“¹⁾.

Сообщая о всемъ этомъ преосв. Кириллу, нашъ посоль въ Константинополь посылалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ краткую записку, заключавшую въ себѣ „достоверныя свѣдѣнія“ о церкви абиссинской, сообщенныя ему большею частию престарѣлымъ бывшимъ патріархомъ Констанціемъ, долгое время проживавшимъ на Синайской горѣ.

Русскій посоль просилъ начальника іерусалимской миссіи проверить свѣдѣнія, заключающіяся въ сообщенной ему запискѣ, и затѣмъ доставить русскому правительству точнѣйшія свѣдѣнія объ абиссинской церкви вообще и, въ частности, объ абиссинскомъ братствѣ въ Іерусалимѣ, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ о томъ, слѣдуетъ ли продолжать начавшіяся сно-

¹⁾ См. тамъ же письмо кн. А. М. Горчакова къ д. т. с. Бутеневу отъ 14 октября 1858 года.

шенія нашей церкви съ Абиссинами. Кроме того, русскій посоль въ Константинополь, по совѣту вышеупомянутаго бывшаго патріарха Констанція, предлагалъ преосв. Кириллу внушить абиссинскимъ монахамъ въ Іерусалимѣ, что для ихъ церкви было бы весьма полезно выписать изъ Абиссиніи 3, или 4 юношей, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, для обученія ихъ греческому и арабскому языкамъ въ греческихъ и арабскихъ школахъ, существовавшихъ въ Палестинѣ. Советовавшій обратиться съ подобнымъ предложеніемъ къ Абиссинамъ бывший патріархъ Констанцій полагалъ, что по отношенію абиссинскихъ монаховъ къ сему совѣту можно было бы судить объ искренности ихъ сблизиться съ православною Церковью¹⁾.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ положительныхъ точныхъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ сношеній съ Абиссинами. Въ частности, мы не знаемъ, какъ отнесся преосв. Кириллъ къ данному ему отъ правительства порученію касательно собранія свѣдѣній объ абиссинской церкви и какъ отнеслись абиссинскіе монахи въ Іерусалимѣ къ тому „внушенію“, какое имъ несомнѣнно передалъ начальникъ русской миссіи, по предложенію русскаго посла въ Константинополь.

Считаемъ весьма вѣроятнымъ только то, что сношенія преосв. Кирилла съ Абиссинами продолжались и послѣ 1858 года. По крайней мѣрѣ, на это указываютъ, по нашему мнѣнію, слова самого преосв. Кирилла въ его письмѣ къ Макарію Булгакову отъ 7 декабря 1861 года: „прошусь на время (на полгода или такъ) въ Абиссинію, куда мнѣ проложена уже дорога“²⁾.

Но тѣмъ болѣе страннымъ и непонятнымъ намъ представляется слѣдующее обстоятельство. Въ то самое время,

¹⁾ См. тамъ же копію отношенія д. т. с. Бутенева къ преосв. Кириллу отъ 12 ноября 1858 г.

²⁾ См. Руск. Стар. т. LXV изд. 1890 г., стр. 190.

какъ начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ вступилъ въ сношенія съ абиссинскими монахами въ Іерусалимѣ и чрезъ нихъ готовъ былъ вступить въ сношенія съ абиссинскою церковью, находявшеюся, какъ сказано, въ зависимости отъ коптскаго патріарха, наше духовное правитель-ство даетъ порученіе другому лицу, именно извѣстному путеше-ственнику по Востоку архим. Порфирію (Успенскому), „возобновить сношенія съ коптскимъ духовенствомъ въ Египтѣ“¹⁾. Неудивительно, поэтому, если преосв. Кириллъ, самъ разсчитывавшій и даже имѣвшій обязательное порученіе (въ инструкціи) вступить въ сношенія съ коптскимъ духо-венствомъ въ Египтѣ и уже начавшій сношенія съ Абисси-ніею, могъ съ нѣкоторою осторожностію и даже несочув-ствіемъ относиться къ тѣмъ просьбамъ, съ какими обращался къ нему архим. Порфирій предъ отправленіемъ своимъ въ Египетъ²⁾.

Въ объясненіе этого, повидному, страннаго стеченія обстоятельствъ можно сдѣлать слѣдующія предположенія: 1) архим. Порфирію давало въ 1858 году порученіе возоб-новить сношенія съ коптскимъ духовенствомъ одно духов-ное правительство, безъ сношенія съ гражданскимъ правитель-ствомъ, которое по преимуществу дѣйствовало чрезъ преосв. Кирилла, и во 2) Св. Синодъ могъ поручить въ 1858 году архим. Порфирію возобновить сношенія съ коптскимъ духо-венствомъ въ Египтѣ раньше, чѣмъ сдѣлались извѣстными ему начавшіяся сношенія преосв. Кирилла съ Абиссинами.

¹⁾ См. Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія т. 1 Спб. 1898 г. стр. 385 и слѣд.

²⁾ См. тамъ же, стр. 411—412.

XIII.

Дѣятельность второй русской духовной миссіи въ Іеруса-лимѣ по наблюденію за русскими поклонниками и улучше-нію ихъ бытовъ въ св. землѣ.

Одну изъ важнѣйшихъ задачъ, возлагавшихся напимъ правительствомъ на вторую русскую миссію въ Іерусалимѣ, должны были составлять ея заботы объ улучшеніи быта рус-скихъ поклонниковъ въ св. землѣ, который до того времени, какъ сейчасъ увидимъ, оставлялъ желать весьма многого.

Должно замѣтить, что инструкція, врученная нашей вто-рой іерусалимской миссіи, говорила объ этомъ важномъ предметѣ, по обыкновенію, весьма кратко и выражалась весьма общѣ и потому неопредѣленно. По 6 § инструкціи, „наблюденіе нравственное за поклонниками должно (было) преимущественно лежать на начальникѣ миссіи, чтобы они не возбуждали соблазновъ своимъ поведеніемъ, а въ случаѣ ихъ непокорности слѣдовало относиться къ вице-консулу и генеральному консулу“¹⁾.

Думаемъ, что буквальное исполненіе сейчасъ изложен-наго требованія инструкціи должно было на практикѣ встрѣ-чать большія, иногда положительно непреодолимые затрудненія.

Прежде всего, улучшеніе нравственнаго состоянія рус-скихъ паломниковъ въ св. землѣ было неразрывно связано съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, такъ какъ упадокъ

¹⁾ См. выше, стр. 134.

правственности и проявление непривлекательных въ нравственномъ отношеніи проступковъ среди русскихъ паломниковъ въ значительной степени обуславливались недостатками ихъ матеріальнаго быта, напр., отсутствіемъ удобныхъ помѣщеній, больницъ, недостаткомъ денегъ и т. п.

Съ другой стороны, такъ какъ въ первое время пребыванія нашей второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ здѣсь совсѣмъ не было консула, вице-консулъ находился въ Яфѣ, а генеральный консулъ—въ Бейрутѣ, при чемъ оба они только по-временамъ пріѣзжали въ Іерусалимъ, то, следовательно, и выполнение второй половины обязанности начальника миссіи по наблюденію за поклонниками было крайне затруднительнымъ, иногда даже невозможнымъ.

Очевидно, что на практикѣ, въ случаяхъ требовавшихъ принятія экстренныхъ, неотложныхъ мѣръ, начальникъ миссіи долженъ былъ отступать отъ буквы инструкціи и дѣйствовать самостоятельно. Въ дѣйствительности такъ и бывало, особенно въ первое время пребыванія нашей миссіи въ Іерусалимѣ. Какъ видно изъ письма преосв. Кирилла къ митрополиту Петербургскому Григорію отъ 15 апрѣля 1858 года, начальникъ нашей миссіи долженъ былъ самъ принимать рѣшительныя чисто полицейскія мѣры при посредствѣ кавасовъ въ отношеніи къ русскимъ поклонникамъ, безъ сношенія съ вице-консуломъ и генеральнымъ консуломъ, и только такими мѣрами ему удалось спасти трехъ русскихъ поклонниковъ (въ томъ числѣ одного іеромонаха Аноима) отъ со-
вращенія въ латинство.

Вообще на первыхъ порахъ существованія второй нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, начальникъ ея пользовался на практикѣ широкими правами по наблюденію за русскими поклонниками. Видимо, что, кромѣ письменной инструкціи, ему были даны устные указанія на этотъ счетъ въ С.-Петербургѣ предъ отправленіемъ на Востокъ. Да иначе и

не могло быть. Когда учреждалась духовная миссія въ Іерусалимѣ послѣ Крымской войны, Россія не имѣла никакого представителя въ св. градѣ. Такимъ образомъ, начальникъ духовной миссіи, явившійся въ Іерусалимѣ въ началѣ 1858 года, оказывался здѣсь единственнымъ представителемъ русской церкви и русскаго правительства. Само собою разумѣется, что ему, какъ таковому, были предоставлены, по крайней мѣрѣ, на практикѣ широкія права по наблюденію за русскими поклонниками. Такъ и самъ преосв. Кириллъ смотрѣлъ на свои обязанности въ этомъ отношеніи, что ясно показалъ въ послѣдствіи своими усиліями отстаивать свои права по наблюденію и даже завѣдыванію поклонническимъ дѣломъ.

Но въ такомъ положеніи дѣло съ поклонническимъ вопросомъ оставалось недолго. Вскорѣ послѣ водворенія нашей миссіи въ Іерусалимѣ, здѣсь было учреждено консульство, чему не только не противодѣйствовало, но даже, напротивъ, сочувствовало и всячески содѣйствовало начальникъ второй нашей іерусалимской миссіи, ожидавшій въ консулѣ найти себѣ защитника и сотрудника въ общемъ дѣлѣ поднятія вліянія Россіи на православномъ Востокѣ, и никакъ, по-видимому, не ожидавшій, чтобы консулъ могъ явиться его соперникомъ въ заботахъ объ улучшеніи быта русскихъ поклонниковъ въ Палестинѣ. А между тѣмъ на дѣлѣ вышло именно такъ.

Съ другой стороны, еще раньше того, почти одновременно съ учрежденіемъ второй іерусалимской миссіи, у насъ въ Россіи явилось известное „русское общество пароходства и торговли“, которое обратило вниманіе и затѣмъ даже взяло въ свои руки, между прочимъ, дѣло объ улучшеніи быта нашихъ палестинскихъ паломниковъ. Оно командировало неоднократно въ Палестину Б. П. Мансурова для всесторонняго и основательнаго изученія этого вопроса на мѣстѣ. Въ цѣломъ рядѣ донесеній г. Мансурова, изъ коихъ нѣкоторыя были

напечатаны, была вполне выяснена вся неприглядность и ненормальность положения столь важнаго дѣла и весьма убѣдительно показана была „необходимость созданія въ святой землѣ собственныхъ русскихъ учреждений, гдѣ бы наши поклонники чувствовали себя, какъ дома, и которыя дали бы Россіи возможность стать въ Палестинѣ на твердую почву и занять въ ней матеріально независимое положеніе отъ іерусалимскаго патріархата“¹⁾.

Подъ вліяніемъ дѣятельности „общества пароходства и торговли“ и особенно донесеній г. Мансурова, въ русскомъ обществѣ пробудился живой интересъ къ вопросу о положеніи русскихъ паломниковъ въ св. землѣ и вообще о русскомъ вліяніи на Востокъ. Благодаря этому, скоро былъ учрежденъ особый такъ называемый „Палестинскій Комитетъ“, который не былъ подчиненъ никакому начальству и состоялъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, который первымъ изъ лицъ Русскаго царствующаго дома посѣтилъ св. землѣю въ 1859 году и вообще интересовался этимъ дѣломъ.

Палестинскій Комитетъ взялъ въ свои руки трудное дѣло улучшенія быта русскихъ поклонниковъ, за короткое время (1858—1864 г.) собралъ значительныя средства (свыше 1.000.000 руб.), на которыя былъ приобрѣтенъ обширный земельный участокъ у яфскихъ іерусалимскихъ воротъ и на немъ постепенно были устроены страннопріимныя дома для 800 богомольцевъ, госпиталь на 40 кроватей и др. зданія²⁾.

Такимъ образомъ, въ теченіе самаго непродолжительнаго времени въ Іерусалимѣ явились три учрежденія, которыя желали принять на себя заботы объ улучшеніи быта русскихъ

поклонниковъ. Представители этихъ трехъ учреждений не имѣли точныхъ и ясныхъ инструкцій, которыя бы строго опредѣляли образъ и границы ихъ дѣятельности. Поэтому, среди нихъ были неизбежны столкновенія, которыя были тѣмъ прискорбнѣе, чѣмъ важнѣе было дѣло, которому все выше-названныя учрежденія и ихъ представители, кажется, одинаково усердно желали послужить.

Преосв. Кирилль, основываясь на крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ инструкціи для миссіи и оставаясь въ теченіе нѣкотораго времени единственнымъ и полновластнымъ представителемъ Россіи въ св. землѣ и Іерусалимѣ, продолжалъ себя считать таковымъ же и послѣ того, какъ здѣсь явились консулы и представители „Палестинскаго Комитета“, особенно въ томъ, что касалось дѣла улучшенія быта русскихъ паломниковъ. Начались столкновенія, которыя повели сначала къ ограниченію правъ начальника миссіи, къ суженію ихъ до того, что онъ на практикѣ сдѣлался „нравственнымъ наблюдателемъ“ за русскими поклонниками, ихъ духовникомъ и совершителемъ богослуженія, а затѣмъ и къ удаленію преосв. Кирилла отъ должности начальника іерусалимской миссіи.

Вся дѣятельность начальника второй іерусалимской духовной миссіи по улучшенію быта русскихъ поклонниковъ въ св. землѣ выразилась въ томъ, что онъ во 1) представилъ нашему правительству свои наблюденія надъ положеніемъ русскихъ паломниковъ, которыя были приняты имъ во вниманіе, и во 2) принялъ нѣкоторыя немногія мѣры, содѣйствовавшія улучшенію обстановки, въ какой находились наши поклонники въ Іерусалимѣ. То и другое падаетъ на первые годы пребыванія преосв. Кирилла въ Іерусалимѣ, когда онъ былъ еще единственнымъ представителемъ Россіи въ Іерусалимѣ.

¹⁾ См. у В. Н. Хитрово Правосл. Палестин. Сборн. т. 1 вып. 1 Сиб. 1881 г., стр. 87.

²⁾ См. тамъ же.

Свои наблюденія ¹⁾ надъ положеніемъ и бытомъ русскихъ поклонниковъ въ Иерусалимѣ преосв. Кирилль изложилъ въ первомъ своемъ отчетѣ министерству, который онъ представилъ въ 1858 году. По этому отчету и мы намѣрены кратко познакомить читателей съ бытомъ нашихъ паломниковъ въ св. землѣ, каковъ онъ былъ въ половинѣ XIX в., а также и съ тѣми соображеніями и заключеніями, какія дѣлалъ преосв. Кирилль на основаніи своихъ наблюденій.

Миссія преосв. Кирилла нашла въ Иерусалимѣ очень значительное число русскихъ поклонниковъ (до 500 человекъ), которые съ великою радостію и встрѣтили миссію.

Постепенно присматриваясь къ поклонникамъ, входи въ ближайшія сношенія съ ними, преосв. Кирилль скоро безъ труда могъ замѣтить какъ положительныя, добрыя, такъ и отрицательныя, печальныя стороны въ положеніи и бытѣ нашихъ поклонниковъ въ Иерусалимѣ.

Утѣшительно было членамъ русской миссіи слышать отъ всѣхъ и даже отъ иностранцевъ добрыя отзывы о нравственныхъ качествахъ русскихъ паломниковъ, которые пользовались самою лучшею репутаціею среди всѣхъ другихъ поклонниковъ святыхъ мѣстъ. Русскіе паломники замѣтно выдѣлялись изъ среды всѣхъ другихъ своимъ непритворнымъ усердіемъ къ святымъ и особенными религіозными обычаями, какихъ они держались, каково, напр., почти общее правило не вкушать мясной пищи во все время пребыванія въ св. градѣ, а также говѣть и причащаться св. таинъ по нѣскольку разъ въ продолженіе великаго поста.

Утѣшительно было также членамъ нашей миссіи наблюдать русскихъ поклонниковъ во время богослуженія въ архангельскомъ монастырѣ и особенно на св. мѣстахъ, когда тамъ

¹⁾ Наблюденія эти, по нашей просьбѣ, были прочтены известнымъ нашимъ ученымъ путешественникомъ и знатокомъ православнаго Востока, проф. А. А. Дмитриевскимъ и признаны изъ въ значительной степени соотвѣтствующими дѣйствительности и представляющими интересъ.

служба совершалась русскими іеромонахами, или архіереямъ, видѣть при этомъ рѣдкія, неподдающіяся описанію, проявленія искренняго глубокаго религіознаго чувства. Съ другой стороны, не иначе, какъ съ удивленіемъ, можно было наблюдать ту терпѣливость и ту безропотность, съ какими наши поклонники, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ переносили „ужасныя“ неудобства помѣщенія и житія въ Иерусалимѣ.

„Вижу и убѣжденъ“,—говоритъ о себѣ преосв. Кирилль,—„что на этой почвѣ можно посѣять много добраго сѣмени вѣры и благочестія, съ отрадною надеждою благихъ плодовъ для самой житницы нашего отечества, куда многіе и теперь несутъ (молю Господа, чтобы современемъ всѣ приносили) не одни только четки и крестики, но и живѣйшую вѣру и пламенивѣйшую любовь ко Господу“.

Но, къ сожалѣнію, яркости свѣтлыхъ чертъ утѣшавшей и радовавшей членовъ миссіи положительной стороны быта нашихъ поклонниковъ соотвѣтствовала мрачность тѣневой стороны. „Бываютъ минуты“,—говоритъ преосв. Кирилль,—„когда страшно становится и трепеть пробѣгаетъ по всему существу моему. Между душами, полагающими здѣсь благое начало покаянія и вступающими въ тѣснѣйшій таинственный союзъ съ Господомъ, распятымъ за насъ и воскресшимъ, сколько здѣсь бываетъ и такихъ, которые теряютъ послѣднія крупинки вѣры, какія имѣли прежде, запасаются здѣсь пороками, какихъ не знали прежде! Печальнѣе и удивительнѣе всего то, что до подобнаго состоянія доходятъ чаще всего тѣ, которые долѣе другихъ оставались, или чаще другихъ бываютъ въ Иерусалимѣ. Такіе не только сами гибнутъ, но и другихъ увлекаютъ, пользуясь несчастными преимуществами своей опытности, и правомъ руководства другихъ въ незнакомомъ краѣ“.

По наблюденіямъ преосв. Кирилла, діаволь съ особенною силою дѣйствуетъ на Голгоѣ, мѣстѣ распятія Сына Божія, поразившаго здѣсь древняго змія, до самаго послѣдняго

времени, такъ что „пороки, вкрадывающіеся здѣсь въ свѣжія души, особеннымъ какимъ-то образомъ переплетаются съ дѣлами благочестія и укрываются за ними, пуская корни глубже и глубже, не по днямъ, а по часамъ, и при томъ незамѣтно для самого увлекающагося ими: кто теряетъ страхъ Божій здѣсь, теряетъ его весь“.

Нѣкоторые недостатки въ положеніи, бытѣ и поведеніи русскихъ поклонниковъ зависѣли отъ помѣщеній, въ какихъ они жили во время пребыванія въ св. градѣ. Помѣщенія эти были все вообще крайне неудобны, и неудобства эти особенно ощутительно давали себя чувствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда поклонниковъ собиралось очень много и патріархія вынуждена была помѣщать по 4 человека въ углу, гдѣ едва доставало мѣста для одного, какъ это и случилось въ 1858 году, во время прибытія миссіи въ Іерусалимъ, когда уже само турецкое правительство приняло участіе въ русскихъ паломникахъ и распорядилось уступить для нихъ цѣлыя казармы, въ которыхъ все-таки пришлось размѣрять мѣста по вершикамъ. Нѣкоторые помѣщенія въ монастыряхъ, предоставившіяся именно русскимъ поклонникамъ, какъ наиболее терпѣливымъ и нетребовательнымъ, были до того плохи и неудобны, что уже иностранные консулы, наканунѣ прибытія нашей миссіи въ Іерусалимъ, во время неожиданныхъ холодовъ и грязи, наши необходимымъ поставили патріархін на видъ, чтобы она позаботилась о несчастныхъ русскихъ поклонникахъ, которые начали сильно болѣть, живя въ собственномъ смыслѣ слова въ темныхъ и сырыхъ подвалахъ и лужахъ, и могли, наконецъ, распространить заразу въ городѣ. Самъ греческій докторъ¹⁾, приставленный отъ патріархіи къ русскимъ по-

¹⁾ Мазараки Харлампій, котораго 19 іюня 1858 года преосв. Кириллъ представлялъ къ награжденію орденомъ св. Анны 3 ст., какъ „благороднѣйшаго и лучшаго врача въ Іерусалимѣ, весьма усердно служившаго поклонникамъ нашимъ и содѣйствовавшаго прекращенію тифозной горячки, начавшей было распространяться между ними“. См. въ Сиб. архивѣ Мин. II, II, 1859 г. д. № 10. Отношеніе преосв. Кирилла на имя Коваленскаго Е. П. отъ 19 іюня 1858 г.

клонникамъ, былъ не въ состояніи сдерживать свое негодованіе на своихъ же грековъ и считалъ положительно невозможнымъ оказывать больнымъ необходимыя пособія при подобныхъ вѣдшихъ условіяхъ.

Особенно было прискорбно членамъ нашей миссіи видѣть, какъ не только больные наши поклонники страдали физически, но иногда и здоровые болѣли нравственно. Между нашими поклонниками былъ распространенъ порокъ пьянства. Этимъ порокомъ страдали не только люди „бывалые“ среди нихъ, которые всю жизнь свою проводили въ „наломанныхъ“ и любили вездѣ, между прочимъ, и въ св. градѣ заводить около себя пріятную компанію; но и между новичками „находившіеся“ такіе простодушные, которые вѣрили, будто „за благословеніемъ св. Петра“, т. е. послѣ употребленія маленькой рюмки раки, которою угощали нашихъ поклонниковъ, при первомъ посѣщеніи ими патріархіи, въ присутствіи намѣстника патріаршаго, преосв. Мелетія, митрополита Петрскаго, нельзя уже не пить водки, и на этомъ основаніи начинали пить, дѣлая съ теченіемъ времени значительные успѣхи, между тѣмъ, какъ въ Россіи не знали вкуса водки и въ Іерусалимѣ шли съ намѣреніемъ посвятить себя впоследствии подвигамъ постничества. Но справедливость требуетъ сказать“,—замѣчаетъ при этомъ преосв. Кириллъ въ оправданіе нашихъ паломниковъ,—„что многіе и весьма многіе изъ поклонниковъ, часто людей скромныхъ и благонамѣренныхъ, впадаютъ въ искушеніе выпить лишнюю рюмку водки именно по причинѣ помѣщенія своего въ сырыхъ и душныхъ подвалахъ, или же въ сквозныхъ корридорахъ и камерахъ, гдѣ не имѣютъ возможности просушить на себѣ бѣлье“.

Кромѣ неудобствъ помѣщенія, русскіе поклонники терпѣли немало и отъ тѣхъ лицъ, которые завѣдывали этими помѣщеніями и вообще имѣли какое либо отношеніе къ па-

нимъ паломникамъ. Объ этомъ у насъ была выше рѣчи¹⁾, когда мы говорили объ отношеніяхъ нашей миссіи къ патриарху въ первое время пребыванія миссіи въ Иерусалимѣ. Нашихъ поклонниковъ иногда совершенно обирали, увѣряя ихъ, что кто унесетъ съ собою изъ св. града хоть одну наричку, подвергнется вѣчному проклятію, отъ нихъ настойчиво требовали денегъ не только за помѣщеніе, но и еще особо „на молитвы“, ихъ часто помазывали елеемъ, иногда ночью, безъ всякаго предупрежденія, и за это также требовали денегъ.

Самое главное вниманіе нашей миссіи и особенно преосв. Кирилла, какъ начальника ея, въ первое время пребыванія ихъ въ Иерусалимѣ было направлено именно на улучшеніе помѣщеній, въ которыхъ находились русскіе паломники, и на усиленіе надзора за жизнью и поведеніемъ ихъ въ св. градѣ.

Преосв. Кириллъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, указывалъ намѣстникамъ патриарха на крайнія, очевидныя неудобства помѣщеній для русскихъ поклонниковъ и на необходимость ихъ улучшения. Патриархія, съ своей стороны, оправдывалась тѣмъ, что замѣченныя начальникомъ нашей миссіи неудобства обуславливались преимущественно временнымъ скопленіемъ большого количества русскихъ поклонниковъ въ 1858 году.

Тѣмъ не менѣе заявленія и указанія начальника русской миссіи оказывали свое дѣйствіе на грековъ. Патриархія выражала желаніе сдѣлать что-либо для улучшенія быта русскихъ поклонниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, видимо, не хотѣла выпустить ихъ изъ-подъ своей зависимости.

Прежде всего, патриархія желала приспособить зданія нѣкоторыхъ монастырей для помѣщенія поклонниковъ, расширить и улучшивъ ихъ. „Но этихъ помѣщеній, которыя те-

¹⁾ См. стр. 230—231.

перь предоставляются поклонникамъ“, — замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ преосв. Кириллъ, — „намъ никакимъ образомъ улучшить нельзя. Уродливыя зданія, построенныя въ восточномъ вкусѣ съ открытыми террасами, на которыхъ осенью и зимою стоятъ лужи, сообщающія сырость въ комнаты, и съ разбросанными въ страшномъ безпорядкѣ кельями, пропитанными и снизу и сверху и съ боковъ сыростію, крайне непомѣстительны и неудобны въ настоящемъ своемъ видѣ, и неисправимы на будущее время. На старыхъ ихъ основаніяхъ можно было бы пристроить весьма немного, и то въ общемъ здѣсь уродливомъ видѣ. А сломать все до основанія, чтобы построить что-либо новое, обошлось бы втрое дороже устройства новаго зданія, приспособленнаго къ дѣйствительнымъ потребностямъ нашимъ“.

Вообще по всему было видно, что патриархія іерусалимская не только охотно, но даже съ радостію пошла бы на встрѣчу желанію русскихъ обстроить греческіе монастыри для помѣщенія въ нихъ русскихъ поклонниковъ; но только она ни въ какомъ случаѣ не желала уступать этихъ монастырей русскимъ въ ихъ полное владѣніе. А между тѣмъ, по убѣжденію преосв. Кирилла, главнѣйшая задача и миссіи русской и всѣхъ вообще русскихъ дѣятелей въ Палестинѣ должна была состоять „въ освобожденіи миссіи и поклонниковъ нашихъ (можетъ быть поклонниковъ раньше, а потомъ уже и миссіи) изъ-подъ власти грековъ. „Патриарху“, — замѣчаетъ при этомъ преосв. Кириллъ, — „очень хочется прижать миссію, какъ можно крѣпче, къ своей груди, чтобы усыпить насъ въ своихъ отеческихъ объятіяхъ: отсюда — готовность не только отдать занимаемый теперь миссіею домъ подъ наши квартиры, но и пристроить домъ для помѣщенія консула“.

Вся дѣятельность преосв. Кирилла по улучшенію помѣщеній для русскихъ поклонниковъ въ Иерусалимѣ за то время, Преосв. Кириллъ Наумовъ.

пока это дѣло находилось въ рукахъ его, выразилась въ слѣдующемъ. Прежде всего, на средства, находившіяся въ распоряженіи его, какъ начальника миссіи, преосв. Кирилль нанималъ особые дома, въ которыхъ и помѣщались русскіе поклонники, не находившіе себѣ помѣщенія въ греческихъ монастыряхъ. Частные дома нанимались начальникомъ русской миссіи особенно на время пасхальной и страстной седмицъ, когда именно собиралось много русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ. Въ 1858 году имъ нанимался съ этою цѣлію одинъ домъ, „въ которомъ поклонники, болѣе требовательные, находили особое, болѣе чѣмъ въ греческихъ монастыряхъ, удобное помѣщеніе“. Въ 1859 году имъ были наняты еще два дома на двѣ Пасхи, куда имѣли помѣщаться преимущественно поклонницы, „которыя до того времени могли по монастырямъ въ комнатахъ безъ крыши и оконъ“.

Кромѣ того, преосв. Кирилль въ самое первое время своего пребыванія въ Іерусалимѣ позаботился объ устройствѣ особой больницы для русскихъ поклонниковъ, которая и была устроена на 10 кроватей. Начальникъ русской миссіи просилъ устроить госпиталь (временный) только на 6 кроватей, но намѣстники патріаршіе устроили его на 10 и, кромѣ того, выражали готовность принять все издержки на свой счетъ. Но эта послѣдняя услуга была, подъ благовиднымъ предлогомъ, отклонена, такъ какъ начальникъ русской миссіи поставилъ своею задачею—ничего не дѣлать безъ вѣдома и согласія грековъ и все дѣлать на свои средства, во избѣжаніе какихъ-либо притязаній отъ грековъ. Въ частности, временный госпиталь для русскихъ поклонниковъ былъ устроенъ на средства, предоставленныя въ распоряженіе русской миссіи Государыней Императрицей.

Этимъ и ограничились, по крайней мѣрѣ, по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, мѣропріятія нашей второй миссіи въ Іерусалимѣ, направленные къ улучшенію

быта русскихъ поклонниковъ. Все вышеуказанное нами мѣры преосв. Кирилла въ этомъ отношеніи падаютъ на первые годы пребыванія его въ Іерусалимѣ. Въ скоромъ времени начались прискорбныя столкновенія у него съ представителями другихъ вѣдомствъ русскаго правительства въ Іерусалимѣ, которыя сперва сильно парализовали его дѣятельность, а затѣмъ и повели къ отованію его изъ Іерусалима.

Къ рѣчи объ этомъ печальномъ періодѣ въ жизни преосв. Кирилла мы и переходимъ.

XIV.

Отозваніе преосв. Кирилла съ Востока, жизнь и кончина
его въ г. Казани:

До организаціи нашей второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ и ея прибытія на мѣсто назначенія Россія не имѣла никакого официального представительства въ св. градѣ. Начальникъ миссіи, по крайней мѣрѣ, въ первое время своего пребыванія на православномъ Востокѣ, былъ первымъ и единственнымъ представителемъ не только русской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и русскаго правительства въ св. градѣ и даже для трехъ православныхъ патріарховъ: іерусалимскаго, антиохійскаго и александрійскаго. Такое именно положеніе начальника нашей второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ было предусмотрено и тою инструкціею, каковая была дана ей нашимъ правительствомъ въ руководство. По смыслу этой послѣдней, миссія и, въ частности, ея начальникъ долженъ былъ поддерживать дружественныя сношенія съ греческимъ духовенствомъ въ Іерусалимѣ¹⁾, съ иновѣрными духовными властями²⁾, съ армянскимъ патріархомъ³⁾, съ арабскимъ духовенствомъ⁴⁾, съ сосѣдними патріархатами⁵⁾,

¹⁾ См. выше гл. VI § 1 истр.

²⁾ См. § 2 истр.

³⁾ См. § 3 истр.

⁴⁾ См. § 4 истр.

⁵⁾ См. § 12 истр.

имѣть нравственное наблюденіе за нашими поклонниками¹⁾, преимущественно (предъ генеральнымъ консуломъ) наблюдать за правильнымъ распредѣленіемъ пожертвованій, поступавшихъ изъ Россіи въ пользу Гроба Господня и другихъ святыхъ мѣстъ²⁾, заботиться объ усовершенствованіи школъ въ св. землѣ и вообще содѣйствовать распространенію просвѣщенія въ средѣ православнаго населенія іерусалимскаго и сосѣднихъ съ нимъ патріархатовъ³⁾, заботиться объ устройствѣ человеколюбивыхъ учрежденій⁴⁾ и т. п.

Такъ какъ ко времени учрежденія нашей второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ тамъ не было никакихъ представителей русскаго правительства, то, поѣтому, инструкція естественно молчитъ о какихъ бы то ни было отношеніяхъ начальника миссіи къ этимъ послѣднимъ. Въ инструкцію какъ бы случайно былъ помѣщенъ особый (7) параграфъ, который очень неясно и въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ опредѣляетъ отношенія между начальникомъ іерусалимской духовной миссіи и нашимъ генеральнымъ консуломъ. Но такъ какъ генеральный консулъ нашъ жилъ внѣ Іерусалима и прѣзжалъ сюда очень рѣдко, то и нельзя было ожидать какихъ-либо столкновеній между нимъ и начальникомъ іерусалимской духовной миссіи.

Совсѣмъ иной оборотъ приняло дѣло съ того времени, когда въ самомъ Іерусалимѣ появились представители нашего правительства, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были призваны служить тому же самому дѣлу, какому служила и духовная миссія. Здѣсь уже открывалось широкое поле для прискорбныхъ столкновеній между представителями равныхъ вѣдомствъ и учреждений Россіи, тѣмъ болѣе, что появленіе новыхъ рус-

¹⁾ См. § 6 истр.

²⁾ См. § 8 истр.

³⁾ См. §§ 9 и 10 истр.

⁴⁾ См. § 11 истр.

скихъ дѣятелей въ св. градѣ не сопровождалось точнымъ разграниченіемъ и опредѣленіемъ сферы ихъ дѣятельности.

Прежде всего, въ Иерусалимѣ, вскорѣ послѣ водворенія здѣсь нашей второй духовной миссіи, была учреждена агенція „общества пароходства и торговли“¹⁾. Такъ какъ это общество одною изъ своихъ цѣлей имѣло улучшеніе быта нашихъ поклонниковъ, отправлявшихся въ св. землю, то и агентъ его, имѣвшій жить въ Иерусалимѣ, долженъ былъ, очевидно, раздѣлить часть заботъ нашей миссіи касательно улучшенія быта нашихъ поклонниковъ, что первоначально всецѣло возлагалось на одну миссію. Здѣсь именно и могъ возникнуть источникъ недоразумѣній между начальникомъ миссіи и агентомъ общества, разумѣется, при другихъ условіяхъ. Этого больше всего опасался и преосв. Кирилль, начальникъ нашей второй духовной миссіи въ Иерусалимѣ, который, какъ мы позволяемъ себѣ думать, на основаніи послѣдующихъ его дѣйствій и сужденій по этому вопросу, возражалъ съ самаго начала противъ учрежденія въ св. градѣ агенціи русскаго общества пароходства и торговли.

Если только это дѣйствительно такъ было, то очень вѣроятно, что именно подъ влияніемъ возраженій начальника нашей миссіи рѣшено было агенцію общества соединить въ одномъ лицѣ съ консульствомъ, которое предположено было учредить въ Иерусалимѣ.

Что касается консульства русскаго въ Иерусалимѣ, то преосв. Кирилль и желалъ его учрежденія въ св. градѣ и содѣйствовалъ этому своими представленіями. Еще въ самахъ первыхъ письмахъ изъ св. града преосв. Кирилль указывалъ, какъ на явленіе совершенно ненормальное, на отсутствіе русскаго консула въ Иерусалимѣ въ то время, когда тамъ были консулы: англійскій, французскій, австрійскій и прусскій. Въ виду общей пользы и для возвышенія русскаго авторп-

¹⁾ См. у Хитрово В. Н. Правосл. Палест. Сборникъ, т. I, вып. I. Спб. 1881 г. стр. 86.

тета въ св. землѣ, преосв. Кирилль желалъ учрежденія особаго консульства въ Иерусалимѣ, хотя ему не безызвѣстно было, что учрежденія русскаго консульства въ Иерусалимѣ желали и другіе по совершенно инымъ соображеніямъ. Уже въ первомъ своемъ официальномъ отчетѣ о дѣйствіяхъ миссіи отъ 11 марта 1858 года въ числѣ мѣръ, которыя необходимо было принять для возвышенія русскаго вліянія въ св. землѣ, преосв. Кирилль на первомъ мѣстѣ поставилъ учрежденіе русскаго консульства въ Иерусалимѣ. „Необходимо намъ“, писалъ онъ здѣсь, „имѣть въ Иерусалимѣ консула, о чемъ, по своимъ побужденіямъ, хлопочеть и патриархъ іерусалимскій: онъ, можетъ быть, думаетъ, что, при столкновеніи двухъ официальныхъ лицъ въ Иерусалимѣ, ему удобно будетъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Я, съ своей стороны, надѣюсь, что дѣла наши, какъ въ отношеніи патриархіи, такъ и по отношенію къ поклонникамъ, пойдутъ наилучшимъ образомъ, когда найдутся у насъ средства къ нужному воздѣйствію и со стороны политической, и со стороны нравственной, не довольно удобно связывающихся въ одномъ лицѣ, особенно въ лицѣ духовнаго сана, обязанномъ прокладывать путь къ сближенію съ восточнымъ духовенствомъ и съ восточными христіанами“¹⁾.

Это желаніе преосв. Кирилла было предупреждено нашимъ правительствомъ посредствомъ учрежденія въ февралѣ 1858 г., по волѣ Государя Императора, въ Иерусалимѣ русскаго консульства, съ которымъ, какъ сказано выше, была соединена и агенція общества пароходства и торговли²⁾.

Въ этомъ соединеніи двоякаго представительства въ лицѣ консула преосв. Кирилль предвидѣлъ немало вреда для русскаго дѣла въ св. землѣ и огорченій для себя лично.

¹⁾ См. Арх. Св. Снн. по канц. оберъ-прокур. 1858 г. II отд. 2 ст. д № 389.

²⁾ См. тамъ же по канц. оберъ-прокур. 1857 г. отд. II, ст. 2, № 373. Ср. Епископа Порфирія. Книга бытія моего, ч. VII, стр. 155, Спб., 1901 г.

Особенно, кажется, онъ опасался преобладанія со стороны общества пароходства и торговли, которое прямо вторгалось въ сферу дѣятельности миссiи, такъ какъ стремилось взять всецѣло въ свои руки заботы по наблюденію за поклонниками и за производствомъ предположенныхъ въ Иерусалимѣ русскихъ построекъ. Объ этомъ своемъ опасеніи преосв. Кириллъ не преминулъ довести до свѣдѣнія Министерства. „Другой предметъ“, писалъ онъ 19 іюня 1858 года Е. П. Ковалевскому, „печалующій меня и, признаться, начинающій отнимать у меня бодрость, — это неясность моего положенія. Распоряженія министерства, свѣдѣнія изъ Константинопольскаго посольства, посредственныя чрезъ посольство, отъ г. д. с. с. Мансурова, безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній, безъ всякаго объясненія, касающихся моего назначенія и положенія перемѣнъ, ставятъ меня въ крайнее смущеніе. Читая и перечитывая инструкціи и соображая ихъ со вновь получаемыми свѣдѣніями, я, наконецъ, совершенно теряюсь, не зная, за что взяться, не понимая, для чего я существую здѣсь. Доселѣ я понимаю только двѣ вещи, которыя однакожь, сами по себѣ, тоже не очень ясны. Во-первыхъ, *вижу нѣкоторую перемѣну принципа, на которомъ утверждается существованіе моей миссiи.* Намъ предполагаютъ покрыть фирмою общества пароходства и торговли. Но или я совершенно оступѣлъ, или, въ самомъ дѣлѣ, есть нѣчто неясное въ новомъ принципѣ; только во всякомъ случаѣ я не вижу свѣту около себя, сколько ни напрягаю свой умственный взоръ. Намъ будто бы подозрѣваютъ въ религіозной пропагандѣ? Пусть такъ. Но меньше ли будетъ подозрѣній на счетъ самаго общества, которое имѣетъ на Востокѣ много враговъ? Меньше ли будетъ подозрѣній, когда русскій архіерей, существующій уже въ Иерусалимѣ, будетъ зачѣмъ-то прикрытъ торговымъ флагомъ, какъ будто ему необходимо маскироваться? Слава Богу, мое положеніе здѣсь устроилось весьма выгодно для Россіи. Среди различныхъ открытыхъ

и независимыхъ учрежденій религіозныхъ самостоятельная русская миссiя заняла почетное мѣсто и, храня свое достоинство, успѣла заслужить общее довѣріе и уваженіе. Я полагаю, что только въ этомъ видѣ она можетъ оставаться достойною представительницею Россійской церкви и — позвольте досказать мысль сполна — только подъ этимъ условіемъ она можетъ существовать, по крайней мѣрѣ, въ теперешнемъ ея составѣ, съ архіереемъ во главѣ. Скажу больше: пароходно-торговля учрежденія, весьма умѣстныя по побережью Средиземнаго моря, явившись въ поклонническомъ городѣ Иерусалимѣ, скорѣе удавятъ свѣтъ и возбудятъ наибольшія подозрѣнія: что это, скажутъ, Россіи все укрывается за поклонниками? для поклонниковъ устроила духовную миссiю; для поклонниковъ учредила торговое общество!... Съ одною изъ слѣдующихъ почтъ я буду адресовать въ министерство болѣе подробную записку объ этомъ предметѣ, сколько могу судить объ немъ по нѣкоторымъ обрывкамъ свѣдѣній и по догадкамъ. Теперь же считаю обязанностью поставить министерству въ извѣстность мое смущенное состояніе и покорнѣйше просить прояснить мнѣ сколько-нибудь мое положеніе. — Вторая вещь, болѣе для меня понятная, это — надежда общества воспользоваться моими услугами въ покупкѣ земли на деньги, вѣренныя мнѣ Ея Величествомъ на благотворенія. Съ прежней точки зрѣнія, я, правда, считалъ покупку земли первымъ и важнѣйшимъ благотвореніемъ и для поклонниковъ и для здѣшняго края; но я имѣлъ и свои планы. Теперь, не смѣя держаться плановъ своихъ, не зная чужихъ, я останавливаю дѣло, считая обязанностью довести о томъ до свѣдѣнія министерства въ томъ предположеніи, что до его свѣдѣнія доводимы были благовременно мои распоряженія Константинопольскимъ посольствомъ. Не смѣю рисковать вѣренными мнѣ Ея Величествомъ деньгами на дѣло, котораго не знаю. Съ слѣдующею почтою буду просить Высочайшихъ распоряженій, ямѣя долгъ представить Августѣйшей Благотворитель-

ницѣ Востока воилюція пужды здѣшнихъ христіанъ, у которыхъ то вовсе нѣтъ церкви, то есть неподѣланная, или разваливающаяся,—нѣтъ школы, нѣтъ и средствъ завести ихъ, хотя потребность есть. Что будетъ приказано, то будетъ и сдѣлано“¹⁾).

Результатомъ какъ этого, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ протестовъ начальника русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, направленныхъ противъ учрежденія агенціи общества пароходства и торговли въ св. градѣ, было, кажется, только то, что нашу духовную Иерусалимскую миссію покрыли флагомъ не общества пароходства и торговли, но русскаго консульства, которому было поручено и представительство торгово-пароходнаго общества.

Русскимъ консуломъ въ Иерусалимѣ преосв. Кирилль желалъ видѣть нашего вице-консула въ Яфѣ г. Марабути; но вмѣсто него былъ назначенъ г. Дорогобужиновъ. Впрочемъ, и этого послѣдняго начальникъ русской миссіи встрѣтилъ и принялъ со свойственнымъ ему радушіемъ²⁾. Тѣмъ не менѣе вскорѣ между ними начались серьезныя недоразумѣнія, источникомъ

¹⁾ См. С.-Петербургскій архивъ м. и. д. дѣла 1858 г. объ иерусалимской миссіи.

²⁾ Добрыхъ послѣдствій отъ водворенія консула въ Иерусалимѣ ожидало и министерство, которому, видимо, и на умъ не приходила борьба, нѣмкая отъ вѣряться въ Иерусалимѣ. „Мы нетерпѣливо ожидаемъ теперь“, писалъ кн. А. М. Горчаковъ Константинопольскому послу А. П. Бутеневу 14 октября 1858 г., „завѣстия о прибытіи и водвореніи консула Д. въ Иерусалимѣ, и я радуюсь заранее тому, что онъ, усердно содѣйствуя вообще нашему епископу, съ искреннею готовностію будетъ избавлять его съ другой стороны отъ всѣхъ мелкихъ подробностей и частныхъ текущихъ дѣлъ, собственно присвоенныхъ консульскому званію. Такимъ образомъ, нашъ почтенный и равностный архіерей, освобождаясь отъ мелочныхъ хлопотъ, а также отъ непосредственныхъ сношеній, по текущимъ дѣламъ, съ мѣстными властями и чужестранными консулами, тѣмъ болѣе выиграетъ времени, чтобы посвятить все вниманіе и всѣ попеченія свои къ усиленному и безпритворному исполненію важныхъ и многотрудныхъ обязанностей, возложенныхъ на него Высочайшою волею Государя Императора, духовнаго порученія“. См. С.-Петербургскій арх. мин. иностр. д. 1858 г. объ иерусалимской миссіи.

которыхъ, очевидно, служили не личныя качества борющихся, а самый принципъ, изъ-за котораго они боролись, и еще болѣе то неопредѣленное положеніе, въ какое они были поставлены. Къ тремъ учрежденіямъ, которыя доселѣ вѣдали русскимъ дѣломъ въ св. землѣ [Св. Синоду, министерству иностранныхъ дѣлъ и главному управленію общества пароходства и торговли на Черномъ морѣ], присоединилось еще новое въ видѣ Палестинскаго Комитета¹⁾. Такимъ образомъ, два официальные представителя Россіи въ Иерусалимѣ оказались въ зависимости отъ совершенно различныхъ учреждений: начальникъ духовной миссіи—отъ Св. Синода и министерства иностранныхъ дѣлъ, русскій консулъ—отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и (какъ агентъ) отъ общества пароходства и торговли, и, кромѣ того, оба отъ Палестинскаго Комитета. Понятно, что, при подобномъ положеніи, возможны были недоразумѣнія и столкновенія, которыя были тѣмъ серьезнѣе и опаснѣе, что, безъ сомнѣнія, раздувались лицами, враждебно настроенными къ Россіи, и не было ближайшаго начальника, который бы могъ сразу прекратить прискорбныя столкновенія.

Уже въ самое первое время пребыванія русскаго консула въ Иерусалимѣ, при всемъ своемъ оптимистическомъ настроеніи, преосв. Кирилль опасался столкновеній между нимъ и консуломъ и при томъ именно благодаря „двуличному“, какъ онъ самъ выражается, характеру дѣятельности русскаго консула въ Иерусалимѣ. „Съ г. Дорогобужиновымъ“, писалъ преосв. Кирилль нашему послу въ Константинополь А. П. Бутеневу 7 октября 1858 г., „мы сошлись и, судя по первымъ впечатлѣніямъ и по началу его дѣйствій, надѣюсь, будемъ дѣйствовать дружно. Не полагаю даже, чтобы двуличный характеръ его дѣятельности, какъ консула и какъ агента общества, повелъ къ какимъ-нибудь столкновеніямъ, хотя не могу

¹⁾ См. у Хитрова В. П. Цит. соч., стр. 87.

скрыть отъ себя возможности нѣкоторыхъ поводовъ къ недоразумѣніямъ. Не знаю, въ чемъ состоятъ обязанности его, какъ агента общества въ Иерусалимѣ; не могу ручаться, что въ этомъ отношеніи не возникнетъ никакихъ вопросовъ; предвижу даже зарожденіе этихъ вопросовъ, въ отношеніи къ которымъ, впрочемъ, держу себя весьма осторожно, не спѣша сужденіемъ: но во всякомъ случаѣ полагаюсь на свѣтлый умъ и на благородство души г. Дорогобужина, и надѣюсь, что все устроится у насъ какъ нельзя лучше. Я душевно уважаю г. консула, онъ обнаруживаетъ въ отношеніи ко мнѣ весьма много симпатіи; для начала и этого довольно; предзнаменованія и залого будущего добра благонадежны. И съ г. д. с. с. Мансуровымъ мы съ перваго раза вступили въ довѣрительныя и добрыя отношенія. Положительно можно сказать, по крайней мѣрѣ, что взаимныя наши личныя чувства весьма хороши. Но удержусь пока отъ окончательныхъ сужденій о нашихъ дѣловыхъ отношеніяхъ. Говоря вообще, дѣло идетъ хорошо, хотя до сихъ поръ мы касались только частныхъ. Съ благородной прямою и съ предупредительною любезностью онъ дѣлаетъ мнѣ всевозможныя уступки и принимаетъ въ уваженіе мои мнѣнія¹⁾.

Къ сожалѣнію, мирныя отношенія между начальникомъ Иерусалимской духовной миссіи и русскимъ консуломъ въ Иерусалимѣ существовали недолго. Въ первое время совместнаго пребыванія ихъ въ св. градѣ не представлялось особенныхъ поводовъ для какихъ-либо недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что преосв. Кирилль конецъ осени и начало зимы 1858 года провелъ внѣ Иерусалима, въ путешествіи по антиохійскому патриархату²⁾. Возвратившись изъ Сиріи, онъ сразу же замѣтилъ существенную перемену въ отношеніяхъ консула къ нему, настолько существенно важную, что нашелъ необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министерства.

¹⁾ См. С.-Петербург. арх. м. п. д. дѣла объ иерусалимской миссіи за 1858 г.

²⁾ См. выше гл. IX.

Сказавъ о положеніи русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ въ первое время пребыванія ея здѣсь, преосв. Кирилль продолжаетъ далѣе писать въ своемъ официальномъ отчетѣ отъ 10 февраля 1859 года слѣдующее: „иной нѣсколько видъ придало ходу дѣлу нашихъ водвореніе въ Иерусалимѣ консульства, временно управляемаго агентомъ общества пароходства и торговли.

Консульства нашего въ Иерусалимѣ ждали всѣ; я первый и болѣе всѣхъ, по причинамъ, которыхъ объяснить нѣтъ нужды. Полагаю, что г. управляющій консульствомъ довелъ въ свое время до свѣдѣнія начальства о приѣмѣ, который я сдѣлалъ ему въ Иерусалимѣ. Съ своей стороны, долженъ засвидѣтельствовать, что на первый разъ достаточно былъ вознагражденъ за мое усердіе знакомствомъ съ особою г. Д. Съ добрыми надеждами смотрѣлъ на него и весь Иерусалимъ.

Что касается до агентства общества пароходства и торговли въ Иерусалимѣ, заранѣе уже обѣщавшаго мнѣ множество затрудненій, съ нимъ я надѣялся примириться при посредствѣ г. д. с. с. М. Его превосходительство, дѣйствительно, употребилъ въ своихъ любезныхъ бесѣдахъ со мною всѣ мѣры къ моему успокоенію: отказался отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, согласился съ моимъ простымъ взглядомъ на дѣло наше на Востокъ, увѣрилъ, что въ агентствѣ общества я найду себѣ только помощь. Я хотѣлъ вѣрить ему; могъ вѣрить въ продолженіе полутора мѣсяца, которые проведены были мною вдали отъ Иерусалима.

По возвращеніи изъ Дамаска, я пораженъ былъ ходомъ дѣла нашихъ въ Иерусалимѣ.

Все, чего только когда-либо я могъ опасаться въ отношеніи къ дѣлу нашему на Востокъ отъ смѣшенія началъ, все это вышло наружу, именно наружу, что плачевнѣе всего. Не только поклонники наши, но и Греки и Турки бросились ко мнѣ, послѣ моего приѣзда, съ восторженными изъясненіями своей радости о моемъ возвращеніи, а вмѣстѣ съ гром-

кимъ ропотомъ на консула за то, что онъ дѣйствуетъ противъ меня. Я не вѣрилъ собственнымъ своимъ ушамъ, могу прибавить даже: своимъ глазамъ; не вѣрилъ никому, хотя искушеніе было велико, когда почти всѣ здѣшнія власти и представительства то секретными, то открытыми путями усиливались заявить мнѣ свое сочувствіе, подозрѣвая или зная что-то недоброе между нами, не вѣрилъ себѣ самому, когда г. Д. вздумалъ отказываться отъ участія въ устройствѣ поѣздки поклонниковъ на Иорданъ 6 января, потому только, что я послалъ сказать ему объ этой поѣздкѣ, а не поклонники обратились къ нему съ покорнѣйшею просьбою. Я терпѣливо выслушалъ жалобу на поклонниковъ, проповѣдь о значеніи флага, „покрывающаго въ Иерусалимѣ все Русское, начиная съ духовной миссіи“, приписалъ все это вспышкѣ, какой образчикъ видѣлъ и патріархъ Иерусалимскій, едва умирившій мною, и успокоилъ г. управляющаго консульствомъ. Но не надолго оставилъ меня въ покоѣ г. управляющій консульствомъ. Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что исторія съ служителемъ, который былъ взятъ изъ моего дома подъ арестъ противъ моей воли, окончившаяся официально перепискою между мною и г. Д. и моею покорнѣйшею просьбою, чтобы съ сей минуты г. секретарь управляющаго консульствомъ прапорщикъ К. не смѣлъ являться ко мнѣ по дѣламъ и, наконецъ, взаимнымъ нашимъ объясненіемъ, при которомъ г. управляющій консульствомъ поклялся мнѣ памятью своей матери—благородице смотрѣть на мой къ нему отношеніи,— что эта исторія прояснила мнѣ все. Оказалось, вопросъ былъ о самомъ принципѣ, о представительствѣ въ Иерусалимѣ, о значеніи консула въ связи съ архіереемъ, начальникомъ миссіи. Не знаю, въ какой степени убѣдился г. агентъ общества, управляющій консульствомъ, въ истинѣ высказаннаго ему мною положенія, что меня нельзя ставить на одну доску съ послѣднимъ изъ русскихъ поклонниковъ въ Иерусалимѣ,

что если флагъ „покрываетъ всѣхъ русскихъ, то меня только защищаетъ“; не знаю, какія инструкціи получить онъ отъ своего ближайшаго начальства на счетъ образа исполненія своей клятвы памятью матери; не знаю, до чего мы дойдемъ дальше; но теперь дѣла наши въ Иерусалимѣ идутъ весьма нехорошо. Крайне неосмотрительный образъ дѣйствій г. управляющаго консульствомъ болѣе и болѣе поддерживающій въ иерусалимскомъ обществѣ мысль, что мы съ нимъ идемъ не по одной дорогѣ; отношенія наши натянуты до того, что я боюсь выйти изъ дома, боюсь взяться за какое-нибудь дѣло даже о поклонникахъ, опасаясь вновь поднять какой-либо вопросъ, котораго мы не порѣшимъ, или подать поводъ къ подозрѣніямъ, которыми разъ былъ уже оскорбленъ совершенно незаслуженно.

Волею или неволею (послѣднему, хотѣлъ бы вѣрить больше) г. агентъ общества, управляющій консульствомъ, выдалъ тайну возникающаго между нами несогласія стороннимъ людямъ, поставилъ меня въ такое затрудненіе, что я за лучшее считаю безвыходно сидѣть дома, чтобы не имѣть неприятнаго труда выслушивать разные намеки и чтобы ограждать себя совершенно отъ всякой укоризны во внимательствѣ въ чужое дѣло—даже по подозрѣнію. *Я не вино г. Д. Главною виною всего—его двусмысленное положеніе.* Но это-то и даетъ мнѣ смѣлость обратить вниманіе начальства на ходъ нашихъ дѣлъ въ Иерусалимѣ.

Слѣдствія не прекратятся, доколѣ причина будетъ существовать, и это уже крайне худо для нашего дѣла на Востока. Какъ агентъ общества, г. Д. идетъ со мною уже не по одной дорогѣ, не подъ однимъ начальствомъ состоимъ мы, не одно дѣло дѣлаемъ, а если и одно, то совершенно съ различными видами, что еще хуже. Я имѣлъ успокоительныя увѣренія г. Мансурова на счетъ внимательства общества въ наше дѣло; дѣло теперь говоритъ яснѣе словъ и оправдываетъ мои давнишнія опасенія болѣе, чѣмъ увѣренія его превосхо-

дательства. Сліяніе званій въ одномъ лицѣ г. Д. не уничтожило въ немъ различія стремленій по службѣ въ двухъ вѣдомствахъ: начало дѣйствительнаго нашего раздѣленія здѣсь и раздѣленіе это не кончится ни съ перемѣною лицъ, ни съ теченіемъ времени. Могло бы оно обнаружиться не такъ рано и не такъ грустно; но это уже небольшое зло.

Усвоивъ себѣ многочисленныя цѣли, не весьма сопрікосновенныя съ дѣломъ торговли, общество пароходства и торговли дало своимъ агентамъ идею какого-то полу-явнаго, полу-тайнаго представительства на Востокъ и назначеніе—быть наблюдателями за ходомъ дѣлъ политическихъ и церковныхъ по всему Востоку. Агенты введены такимъ образомъ въ кругъ дѣятельности чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ и, получивъ достаточныя для большей представительности денежныя средства, естественно, претендуютъ на дѣятельность: столкновения тутъ необходимы, развѣ современнымъ всѣ консульскія мѣста перейдутъ въ руки агентовъ общества.

Для Іерусалима, гдѣ существуетъ самостоятельная духовная миссія, нѣтъ впереди и послѣдняго утѣшенія,—чтобы нашелся когда-либо архіерей изъ агентовъ общества. Между тѣмъ здѣсь-то, гдѣ, какъ замѣчалъ и г. М., узелъ всего вопроса, здѣсь-то съ болѣею силою и проявляется запутанность дѣла, положительно гибельная для всего нашего предпріятія на Востокъ. Агенція общества пароходства и торговли въ Іерусалимѣ, городѣ на приморскомъ, ни торговомъ, такъ аномальна, что сама не можетъ не чувствовать себя въ довольно неловкомъ положеніи—безъ товарищей, безъ дѣла. Единственное дѣло, которое она можетъ усвоить себѣ,—это—хлопоты по будущимъ постройкамъ русскимъ для миссіи и поклонниковъ: она и ухватилась за это дѣло, ревниво усиливаясь выгородить его себѣ въ исключительное достояніе.

Можетъ быть, она и въ правѣ,—не знаю; не знаю, много-ли выигрываетъ отъ этого и общество. Знаю только, что

эта исключительность въ пользу агентства невозможна. Временное дѣло, какова постройка, требуетъ временнаго учрежденія съ опредѣленною цѣлю—комиссіи для построенія, чиновника особыхъ порученій, и то въ связи съ миссіей, хотя для сохраненія благоприличія. Миссія также имѣетъ порученія по поклонническому дѣлу и главная опора ея существованія въ Іерусалимѣ, признанная Портою, заключается въ назначеніи быть попечительницею поклонниковъ. Отнять у ней это значеніе, даже сколько-нибудь ослабить его въ глазахъ здѣшняго населенія, значитъ выдать ее, разрушить все ея дѣло. Порта не будетъ смотрѣть на агенцію общества благосклоннѣе, чѣмъ на миссію, а миссію заподозрять вдвое.

Иновѣрцы и даже единовѣрцы сейчасъ же поймутъ, что у насъ есть какія-то отдаленныя, особыя цѣли и на каждый шагъ мой будутъ смотрѣть съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ. Такимъ образомъ, и миссія и агенція общества, при различныхъ стремленіяхъ, обѣ держатся за дѣло поклонничества, какъ за опору своего существованія, каждая гибнетъ, если упуститъ его, а вмѣстѣ дѣйствовать не могутъ, исходя изъ разныхъ точекъ и стремясь не къ одной цѣли. Что нужнѣе для правительства, я судить не смѣю¹⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ), вообще критически отнесшійся къ отчужденію престола, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ послѣдняго о ненормальности открытія особой агенціи пароходно-торговаго общества въ Іерусалимѣ. Въ отзивѣ митрополита Филарета читаемъ слѣдующее: „преосвященный Кириллъ пишетъ: „агенція общества пароходства и торговли въ Іерусалимѣ, городѣ на приморскомъ, ни торговомъ, такъ аномальна, что сама не можетъ не чувствовать себя въ довольно неловкомъ положеніи, безъ товарищей, безъ дѣла“. Нѣтъ ли здѣсь правды? Что дѣлаетъ, или хочетъ дѣлать пароходное общество? Не видно. Оно хочетъ строить церкви, помѣщенія и больницу для поклонниковъ. Но это не больше ли принадлежитъ духовной миссіи, нежели обществу пароходства и торговли? А между тѣмъ деньги, собираемыя на богоугодныя заведенія въ Іерусалимѣ, общество пароходства и торговли имѣетъ въ своихъ рукахъ, и заботится, какъ бы и впрямь въ большомъ количествѣ получать

Могу только засвидѣтельствовать, что для своего дѣла я не вижу со стороны агенціи помощи; напротивъ встрѣчаю только затрудненія и предвижу борьбу, которая немного принесетъ чести русскому имени и пользы русскому дѣлу на Востокѣ. Могу только благопокорнѣйше просить начальство оказать мнѣ одну милость: отдѣлать агентство отъ консульства, которое связываетъ меня съ агентствомъ, и поставить меня въ состояніе свободы отъ подозрѣнія и споровъ о представительствѣ и представительности, о правахъ и преимуществахъ. Мнѣ найдется довольно дѣла и кромѣ этихъ жалкихъ сценъ, а для нашего дѣла лучше будетъ, если мы не будемъ играть въ жмурки, лоя другъ друга, на радость врагамъ нашимъ, любопытству и злословію которыхъ и такъ уже много дано пищи. Министерство, конечно, не затруднится найти въ кругѣ своихъ чиновниковъ человека, знающаго и опытнаго въ дѣлахъ, который бы могъ быть дѣйствительнымъ помощникомъ и моей неопытности. Подъ однимъ руководствомъ, мы будемъ дѣйствовать единомысленнѣе, а это—на-

ихъ въ свои руки. Иностранныя правительства употребляютъ сотни рублей на агентство, чтобы обезпечить движеніе и приобрѣтеніе тысячи; что, если мы, истративъ на агентство тысячи, не прибрѣтемъ и сотенъ? Говорятъ: большее прибрѣтеніе есть политическое вліяніе. Выпьемъ въ сію мысль. Мы можемъ прибрѣсти или увеличить доброе къ намъ расположеніе арабскаго племени, православнаго, добраго, но угнетеннаго, бѣднаго, необразованнаго, посему мы можемъ имѣть на сіе племя нравственное вліяніе; но какое тутъ можетъ быть политическое вліяніе и какой можетъ принести плодъ? Не увеличить ли сіе только нашу обязанность защищать сіе племя въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, а это зависитъ отъ политическаго вліянія нашего не здѣсь, а въ Константинополѣ. Слово касается здѣсь предметовъ чуждыхъ и незнакомыхъ; но это потому, что разные предметы сибѣянъ, и нужно стараться представить ихъ въ порядокъ. Неважнѣйшій даетъ значимѣе вѣщу къ размышленію: какъ вѣрнѣе соработничать средства съ цѣлями, и виды религіозныя, политическія, коммерческія поставить въ порядокъ такъ, чтобы одни другимъ способствовали, а не препятствовали и не были помощаемы одни другими. См. Собравіе мѣній и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ, стр. 378—379.

сущная потребность для меня,—первое условіе успѣха моего дѣла¹⁾.

Въ приложенномъ къ отчету отъ 10 февраля 1859 года частномъ письмѣ на имя министра иностранныхъ дѣлъ, князя А. М. Горчакова, „виновника своего святаго дѣла на Востокѣ и ближайшаго своего покровителя и руководителя на нелегкомъ поприщѣ“, какъ выражается самъ преосв. Кирилль, этотъ послѣдній „съ безграничною довѣренностію и съ полнѣйшею откровенностію, какими онъ былъ постоянно одушевленъ“, разъясняя неправильныя отношенія, установившіяся между нимъ и агентомъ общества, который вмѣстѣ съ тѣмъ управлялъ и консульствомъ, и приводилъ еще нѣкоторыя недоразумѣнія, происшедшія между ними, кромѣ того, о какомъ онъ говоритъ въ отчетѣ.

„Отношенія мои съ г. временно управляющимъ консульствомъ“, писалъ преосв. Кирилль кн. А. М. Горчакову, „становились день ото дня хуже и хуже, докопъ, наконецъ, не развились глубокимъ оскорбленіемъ мнѣ со стороны г. Дорогобужинова и вынужденною у меня просьбою къ нему сдѣлать мнѣ одну милость—не оскорблять меня, по крайней мѣрѣ, прямо въ глаза, въ моемъ дѣлѣ, и для этого освободить меня отъ личныхъ посѣщеній безъ крайней надобности. Начавши съ того (тотчасъ послѣ возвращенія моего изъ Дамаска), что довольно было моего одного слова о желаніи поклонниковъ ѣхать на Иорданъ, чтобы г. Д. отказался отъ своего долга—устроить это путешествіе и прочелъ мнѣ длинную проповѣдь о невѣжествѣ поклонниковъ, не хотящихъ знать консула, и о значеніи флага, „который покрываетъ здѣсь все, начиная съ духовной миссіи, начавши съ этого, г. Д. пошелъ быстрыми шагами впередъ. Нѣсколько дней спустя онъ взялъ изъ моего дома слугу моего подъ арестъ въ консульствѣ—противъ моей воли. Правда, въ началѣ тутъ могло быть, хотя и стран-

¹⁾ См. арх. Св. Синод. по канц. оберъ-прок. 1858 г. отд. II, ст. 2, д. № 389.

ное недоразумѣніе, которое г. Д. объяснилъ разсѣянностію молодого человѣка, своего секретаря г. К. Но первое же мое объясненіе показало, что тутъ дѣло не въ недоразумѣніи, а въ желаніи втянуть меня въ официальный споръ и дать мнѣ поучительный урокъ смиренія. Въ отвѣтъ на мою просьбу, чрезъ моего іеромонаха, отпустить мнѣ моего человѣка, г. Д. прислалъ мнѣ отказъ и предложеніе, не угодно ли мнѣ письменно снести съ нимъ по этому дѣлу. Не мнѣ бы начинать бумажныя дѣлопроизводства, но я написалъ. Мнѣ отвѣтили отказомъ и *ложью*, будто мой человѣкъ сдѣлалъ еще какой-то проступокъ, чего вовсе не было. Я написалъ еще разъ, обратившись къ инструкціи, данной г. Д. Мнѣ отвѣтили толкованіемъ инструкціи и отказомъ, чего, полагаю, не сдѣлалъ бы съ архіереемъ ни одинъ генераль-губернаторъ. Частію послѣднее письмо, частію личныя объясненія г. Д. убѣдили меня въ томъ, что онъ боится моего преобладанія въ Іерусалимѣ. Я успокоилъ его на этотъ счетъ; онъ поклялся памятью своей матери цѣловать впередъ божье почтительное ко мнѣ довѣріе... Обхожу десятки мелочей, которыя заставляли меня сомнѣваться въ переѣмѣ нашихъ отношеній къ лучшему. Конецъ ихъ оправдалъ мои сомнѣнія: я дожидъ до того, что меня почтили подозрѣніемъ въ ложномъ показаніи 600 руб. сер., въ суммѣ, которую считалъ я за г. Д. Д. с. с. М., при отправленіи своемъ изъ Іерусалима, письменно просилъ меня о снабженіи г. Д. двумя тысячами рублей сер. Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ г. М., я самъ отнесъ деньги г. Д. По возвращеніи моемъ изъ Дамаска, г. Д. возвратилъ мнѣ всю эту сумму 31 декабря и получилъ мою росписку на самомъ письмѣ г. М. 6 марта вечеромъ г. Д. является ко мнѣ съ вопросомъ, кому я отдалъ 600 р. изъ двухъ тысячъ, изъ которыхъ онъ, Д., получилъ только 1400 р., а М., съ которымъ онъ списался, не получилъ ничего. Я не могъ, съ перваго раза, припомнить всѣхъ подробностей и обѣщалъ посмотреть въ своихъ бумагахъ ка-

кихъ-нибудь записей, хотя и не полагалъ найти что-либо. Г. Д. сдѣлалъ дѣломъ и, не имѣвъ возможности повторить мнѣ свои подозрѣнія еще разъ лично, почтилъ меня официальнымъ письмомъ, въ которомъ ясно выразилъ, что получилъ отъ меня только 1400 руб. с., и просилъ меня или выслать 600 р. с., или позволить вычесть изъ причитающихся мнѣ денегъ съ гр. Купелева. Я пораженъ былъ этою смѣлостію убѣжденія и торопливостію дѣйствій, съ какою, не дождавшись моего отвѣта, г. с. с. Д. послѣдилъ завѣрить меня официальною бумагою, что я напрасно взялъ отъ него 600 р. Не знаю, къ чему бы повело все это, если бы, довѣрри благородству людей, я не взялъ въ свое время росписки съ г. Д., получившаго отъ меня деньги. По счастью, мой письменный столъ сохранилъ собственноручную росписку г. Д. въ полученіи именно двухъ тысячъ рублей сер. Отправляя извѣстіе объ этой роспискѣ, я выразилъ все свое изумленіе и огорченіе. Г. Д. немедленно явился ко мнѣ съ увѣреніями, что онъ „пользуется довѣріемъ Великаго Князя“, что я придаю *всегда* значеніе пустякамъ и недоразумѣніямъ, что онъ, г. Д., никогда не выражалъ въ отношеніи ко мнѣ ничего, кромѣ уваженія... Я старался увѣрить его въ противномъ, что, кромѣ пренебреженія, оскорбленія и какого-то преслѣдованія—постояннаго, по принципу, по системѣ, я ничего не видѣлъ со времени возвращенія моего изъ Дамаска. Въ заключеніе у меня нашлась просьба объ одной только милости—избавить меня отъ личныхъ сношеній безъ крайней надобности. Г. Д. былъ столько милостивъ, что обѣщалъ мнѣ это, прибавивъ, что это совершенно совпадаетъ съ его желаніями. Такою-то помощію, такимъ уваженіемъ я пользуюсь отъ человѣка, съ которымъ связанъ моею службою, моимъ долгомъ! Съ ужасомъ смотрю на будущее, потому что, при такихъ отношеніяхъ, мы только мѣшаемъ другъ другу дѣлать что-нибудь. Затруднительность положенія моего, общее здѣсь участіе и довѣріе ко мнѣ равняется только общему

недовольству (у грековъ, у поклонниковъ, у евреевъ, даже у торговцевъ, съ которыми есть дѣла у г. временно управляющаго консульствомъ) и недоверію къ г. Д., и ставитъ мени въ необходимость никого не принимать и не видѣть, чтобы не подать поводъ къ малѣйшему подозрѣнію въ души г. Д... Я долгомъ совѣсти считаю сдѣлать эту чистосердечную исповѣдь предъ вашимъ сіятельствомъ, чтобы не оставить въ тѣни ни одной стороны дѣла, не довольно полно и всего высказаннаго въ моемъ официальномъ донесеніи. Молю васъ, сіятельнѣйшій князь, о помощи, или, по крайней мѣрѣ, о наставленіи¹⁾.

Это письмо преосв. Кирилла, равно какъ и отчетъ его были доложены Государю Императору, которому благоутодно было противъ тѣхъ мѣстъ письма, гдѣ преосв. Кириллъ говорилъ о своихъ недоразумѣніяхъ съ агентомъ торгова-пароходнаго общества, управлявшимъ консульствомъ, сдѣлать слѣдующую отмѣтку: *„буду ждать, что братъ мнѣ напишетъ“*.

Въ это время, между 25 апрѣля и 10 мая 1859 года св. землю и, въ частности, Иерусалимъ посѣтилъ великій князь Константинъ Николаевичъ съ цѣлію поклоненія святынямъ и осмотра на мѣстѣ предположенныхъ тогда русскихъ построекъ въ св. градѣ²⁾. Государь Императоръ поручилъ своему Августѣйшему брату внимательно рассмотреть возникшія между начальникомъ миссіи и консуломъ недоразумѣнія и прекратить ихъ посредствомъ точнаго разграниченія сферы

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Это посѣщеніе великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ св. земли подробно описано преосв. Кирилломъ въ его письмахъ къ митрополиту Маварію (Вулакову) и др. роднымъ. Судя по этимъ письмамъ, великій князь весьма благосклонно отнесся къ преосв. Кириллу (См. Рус. Стар. 1890 г. т. LXV, январь, стр. 133—134), что подтверждается и свидѣтельствами другихъ лицъ и наградой, которая была сдѣлана въ благодарность великому князю о преосв. Кириллѣ.

дѣятельности каждаго изъ нихъ. Великій князь, согласно съ преподанными ему Государемъ Императоромъ общими началами, изволилъ указать имъ слѣдующіе предѣлы и границы ихъ дѣятельности, заботливости, правъ и обязанностей. На обязанности начальника духовной миссіи, согласно этимъ разъясненіямъ, лежало „нравственное и духовное назиданіе всей русской паствы, церковное представительство, производство богослуженія, управленіе духовною миссіею, пастырское наблюденіе за русскими поклонниками и всѣми нравственными условіями ихъ жизни, участіе совѣтами и указами въ дѣлѣ призванія русскихъ богомольцевъ, передача консулу своихъ замѣчаній по сему предмету и содѣйствіе ему въ улучшеніи быта поклонниковъ; къ обязанностямъ же консула должно было относиться все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управленіе, приобрѣтеніе земель и домовъ, все хозяйственное завѣдываніе постройками, госпиталемъ, на основаніи инструкцій, которыя онъ имѣлъ получать отъ Палестинскаго Комитета, или же прямо отъ Великаго князя“.

Хотя въ своемъ докладѣ Палестинскому Комитету объ этомъ отъ 29 мая 1859 г. статсъ-секретарь Мансуровъ и выражалъ увѣренность, что „такое разграниченіе положило конецъ происшедшимъ недоразумѣніямъ и можно было надѣяться видѣть нужное единство во всѣхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ въ Палестинѣ по вѣренному Комитету богоутодному дѣлу“¹⁾, но на самомъ дѣлѣ недоразумѣнія и прискорбныя столкновенія между начальникомъ миссіи и русскимъ консуломъ далеко не прекратились. Должно замѣтить, что разграниченіе сферы дѣятельности начальника миссіи и консула, сдѣланное теперь, въ 1859 году, существенно ограничивало права и кругъ обязанностей перваго изъ нихъ. Неудивительно, если преосв. Кириллъ не желалъ помириться съ

¹⁾ См. арх. Св. Сил. 1857 г. д. № 4214.

скромнымъ положеніемъ, какое занялъ впоследствии начальникъ нашей миссіи въ Иерусалимѣ, и желалъ удержать за собою, по возможности, то почетное положеніе, съ какимъ онъ явился на Востокъ—если не единственнаго, то, по крайней мѣрѣ, главнаго представителя русской церкви и вообще Россіи въ св. градѣ. Въ этомъ и заключался главный источникъ всѣхъ послѣдующихъ прискорбныхъ столкновеній между начальникомъ миссіи и консуломъ, приведшихъ къ такой роковой развязкѣ все дѣло преосв. Кирилла. Въ оправданіе этого послѣдняго должно сказать только то, что даже и его ближайшіе преемники (напр., архим. Леонидъ Кавелингъ) не желали примириться¹⁾ съ тѣмъ скромнымъ положеніемъ начальника духовной миссіи, какое ему указано было Палестинскимъ Комитетомъ и которое совершенно не соответствовало первоначальному его положенію, созданному инструкціею 1857 года.

Посвященіе св. земли великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и соединенное съ нимъ наблюденіе надъ дѣятельностію преосв. Кирилла на Востокъ сопровождалось, по видимому, весьма благоприятнымъ отзывомъ великаго князя объ этомъ послѣднемъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого была Высочайшая награда преосв. Кириллу въ видѣ драгоценной панакіи, независимо отъ ордена св. Анны 1 ст., который онъ получилъ тогда же²⁾. Это обстоятельство, видимо, ободрило преосв. Кирилла и, какъ кажется, суди по письму его къ преосв. Макарію Булгакову отъ 10 августа 1859 года, было однимъ изъ побужденій къ тому, чтобы попытаться возстановить свое первоначальное положеніе въ св. градѣ. Впрочемъ, прискорбныя столкновенія представителей Россіи въ Иерусалимѣ обуславливались по прежнему крайне неопредѣленнымъ положеніемъ, въ какое они были поставлены высшимъ на-

¹⁾ См. Собраніе мѣстныхъ и отавныхъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокъ стр. 424—433, 465—467 и др.

²⁾ См. Рус. Стар. 1890 г., январь, стр. 136.

частьствомъ. Объ этомъ прямо говоритъ преосв. Кирилл въ письмѣ своемъ къ Е. П. Ковалевскому отъ 16 августа 1859 года. „Не смѣю на этотъ разъ“, пишетъ онъ здѣсь, „затруднить ваше превосходительство толками о нашихъ дѣлахъ. Но не могу удержаться отъ выраженія нетерпѣнія, съ какимъ жду какихъ-либо положительныхъ распоряженій въ отношеніи къ нашимъ дѣламъ. Теперь мы бродимъ пока, какъ слѣпые, да еще и въ потьмахъ. Г. М. надѣлалъ кучу распоряженій на словахъ и позапуталъ насъ порядочно. Передъ самымъ отъѣздомъ, ему благоугодно было сдѣлать распоряженіе, чтобы г. Д. взялъ отъ меня устроенный мною на деньги Государыни Императрицы госпиталь: на какомъ основаніи, неизвѣстно. Я хотѣлъ посмотреть, что будетъ дальше, какъ будутъ исполнять приказаніе его высочества—ничего не дѣлать безъ согласенія со мною: дѣло-жъ было довольно щекотливое, гласное, наглядное. Результатъ вотъ какой: г. Д. преспокойно вошелъ въ госпиталь, описалъ вещи, приказалъ служащимъ обращаться къ нему, и дѣлу—конецъ. Много толковалъ объ этомъ болтливый Иерусалимъ, недоумѣвая, что такое дѣлается у Русскихъ. Я молчалъ и ждалъ. Прошло два мѣсяца,—мнѣ хотѣло бы слово о госпиталѣ. Наконецъ, скромно и вѣжливо попросилъ я г. Д. прислать мнѣ копію съ описи вещей, найденныхъ имъ въ госпиталѣ, и возвратитъ адресованный на имя духовной миссіи изъ канцеляріи Ея Величества ящикъ съ инструментами хирургическими, которыми распорядиться по своему произволу я не могъ. Видимо смущенный явнымъ безпорядкомъ въ дѣлѣ отобранія госпиталя, г. Д. нашелъ нужнымъ, посылая ко мнѣ ящикъ, втиснуть въ него официальное письмо на имя кн. Оболенскаго, какъ члена Палестинскаго Комитета; а не официально отобравъ ключи отъ ящика у лекаря, счелъ благоразумнымъ удержать ихъ у себя. Душевно скорблю объ этой жалкой путаницѣ и съ нетерпѣніемъ жду какихъ-либо распоряженій, поотчетливѣе распоряженій г. М. Теперь даже

не знаю, куда и обращаться съ вопросами по дѣламъ: г. М. объявлялъ мнѣ, что я могу заявлять свои мнѣнія по поклонническому дѣлу только чрезъ его превосходительство и г. Д.; но М. не начальство мнѣ и голословныя его требованія не кажутся мнѣ закономъ. Д., въ свою очередь, указываетъ мнѣ Палестинскій Комитетъ, о которомъ ни я, ни самъ онъ не имѣемъ еще письменныхъ увѣдомленій. Что станешь дѣлать“ 1)?

Мы нарочито съ возможно болѣею обстоятельностью остановились на прискорбной исторіи зарожденія недоразумѣній между русскими дѣятелями въ Иерусалимѣ для того, чтобы была болѣе понятна дальнѣйшая печальная судьба начальника нашей второй духовной миссіи въ Иерусалимѣ. Изъ сказаннаго совершенно очевидно, что положеніе начальника нашей миссіи въ Иерусалимѣ съ того времени, какъ за дѣло улучшения быта нашихъ поклонниковъ въ св. землѣ и вообще за русскіе интересы здѣсь взялись—сначала общество пароходства и торговли, а затѣмъ особый Палестинскій Комитетъ, существенно и радикально измѣнилось. Изъ единственнаго и главнаго представителя русской церкви и даже русскаго правительства въ Иерусалимѣ и даже для всей Сиріи, Палестины и Египта онъ теперь долженъ былъ превратиться въ самаго скромнаго настоятеля малочисленной миссіи, главнаго и почти единственная обязанность котораго заключалась въ нравственномъ наблюдѣніи за нашими поклонниками и совершеніи богослуженія. Само собою разумѣется, что преосв. Кириллу трудно, даже невозможно было примириться съ такимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно совершенно не соответствовало его высокому сану—епископскому и уваживалось оно не столько желаніемъ высшаго правительства, сколько дѣятельностію его низшихъ органовъ, дѣйствовавшихъ на мѣстѣ. Нужно только удивляться, какъ при той

1) См. арх. С.-Петерб. вѣд. вѣд. дѣлъ 1859 г. № 10, ч. 14

ужасной нравственной обстановкѣ, какая установилась для нашей миссіи въ Иерусалимѣ въ 1859—1860 г.г., преосв. Кириллъ могъ съ такимъ умѣніемъ, тактомъ и ловкостію подготавливать и приводить къ благопріятному концу такія сложныя, важныя и отвѣтственныя дѣла, какъ, напр., воссоединеніе униатовъ сирійскихъ, сношенія съ сиро-халдеями, абиссинскими монахами и др. Неудивительно, съ другой стороны, и то, что, постоянная, то тайная, глухая, то явная, громкая борьба съ своими же дѣятелями, которые не помогали, а только препятствовали, тормозили и парализовали самыя благія начинанія его, непрерывная, систематическая борьба съ инославными христіанскими дѣятелями, напряженная дѣятельность, направленная къ установленію добрыхъ отношеній между русскою церковью и греками, равно какъ и между греками и арабами,—все это и многое другое неблагопріятно дѣйствовало на духъ и настроеніе преосв. Кирилла. Все это ярко отображается въ его письмахъ къ роднымъ, относящихся къ этому печальному періоду въ жизни преосв. Кирилла на Востокѣ.

„Тѣ госпожи“ (Козакова и Загряжская, поклонницы изъ Тамбова), писаль онъ преосв. Макарію 10 августа 1859 года, „повѣдаютъ вамъ о насъ многое. Много видятъ своими глазами; много слышатъ такого, о чемъ писать не всегда лѣтъ есть, хоть и не всегда лѣтъ есть. Желалъ бы, чтобы онѣ умѣли повѣдать вамъ все такъ, чтобы вамъ вполне ясно было, *какіе трудные приходится переживать мнѣ дни и какія дивныя чудеса милосердія Божія случается мнѣ надъ собою испытывать въ моемъ трудномъ служеніи, которое признаютъ нынѣ труднымъ и свыше.* Поэтому, желалъ бы этого, чтобы, войдя въ мое состояніе, вы вдохнули иной разъ ко Господу съ живѣйшимъ участіемъ и съ дѣйствительнѣйшею силою предъ Господомъ. Несчастье мое, что, оставаясь до сихъ поръ безъ секретаря, я не имѣю возможности ни у себя оставлять, ни вамъ сообщать чернич-

ковъ или копій. Я увѣренъ, что вамъ было бы весьма любопытно узнать, за что я ратую и за что *тамъ* поднимается противъ меня на дыбы все, что, повидимому, должно бы стоять за меня во многихъ-многихъ случаяхъ, и мнѣ было бы это весьма полезно... Однакожь, неужто и слѣдующій годъ будетъ такой же, какъ два прошедшихъ. Да вѣдь ужъ, кажись, и ѣхать дальше нельзя! Что волны Средиземнаго въ сравненіи съ волнами житейскаго моря, въ томъ клочкѣ, который отведенъ для моего купанья! Спустили-было меня съ высоты перваго вала мои друзья побезвѣйшіе, т. е. думали спустить, чуть не до дна ада. Задалъ таки мнѣ работы прошлый май. Нечего дѣлать! Терпи казакъ! Казакъ стойко выстоялъ на часахъ, дѣлая свое дѣло, какъ будто ничего не зналъ-не вѣдалъ: поплатился только послѣ первыми болями груди“¹⁾...

„О здѣшнихъ новостяхъ писать много нечего“, читаемъ въ другомъ письмѣ преосв. Кирилла къ тому же лицу. „Все по старому; святыи святится еще; скверныи сквернится еще. Успѣлъ я въ одномъ только, что, какъ когда-то Сербиновича, вывелъ друзей своихъ въ открытое поле. О, порядочная наука! Третьяго дня одинъ кавалеристъ, пріѣзжавшій сюда дня на четыре, послушавъ моихъ рассказовъ о томъ, что было вынесено и вывезено, сознался, что „можно посѣдѣть отъ одного рассказа“. Но я не теряю пока бодрости духа, которую еще хранить благодать Господня“²⁾.

Впрочемъ, иногда непрерывная и бесплодная борьба такъ утомляла преосв. Кирилла, что онъ готовъ былъ потерять терпѣніе и даже подумывалъ о томъ, чтобы совсѣмъ оставить должность начальника миссіи. „Странная судьба моя“, писалъ онъ своимъ петербургскимъ роднымъ 20 іюля 1859 года. „Все въ ней какіе-то скачки! Обаче буди воля

¹⁾ См. Рус. Стар. 1890 г., январь, стр. 135—136.

²⁾ См. Русск. Стар. LXVI, апрѣль, стр. 211.

Божія во всемъ!... Посмотрю, какъ дѣло наладится теперь... Если дѣла не поправятся, подамъ въ отставку“¹⁾...

Но въ то же время сознаніе всей важности и отвѣтственности за то дѣло, на которое разъ пошелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокая любовь къ самому дѣлу, которое такъ трудно было съ перваго начала направить и которое, такъ хорошо начатое, хотѣли отнять изъ рукъ другіе,—все это брало верхъ надъ временнымъ колебаніемъ и снова пробуждало энергію, ослабѣвавшую подъ гнетомъ жалкой борьбы. „Личность—въ сторону“, писалъ преосв. Кириллъ 24 ноября 1859 года изъ Яффы преосв. Макарію Булгакову. „Эгоизмъ еще прежде Александра Петровича (Толстаго)²⁾ напентывалъ

¹⁾ Изъ неопределеннаго письма.

²⁾ Гр. А. П. Толстой былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода 1856—1862 г., т. е. въ то время, когда преосв. Кириллъ былъ назначенъ на Востоку и дѣйствовалъ тамъ. Выше не разъ приходилось отмѣчать, что гр. А. П. Толстой не сочувствовалъ преосв. Кириллу. Известно, кромѣ того, и другіе отзывы гр. Толстаго о преосв. Кириллѣ, сдѣланные въ томъ же на основаніи личныхъ наблюденій во время путешествія графа на Востоку. Въ виду этого интересно будетъ привести отзывъ преосв. Кирилла о гр. А. П. Толстомъ, который (отзывъ) мы заимствуемъ изъ письма преосв. Кирилла къ его петербургскимъ роднымъ отъ 18 ноября 1862 года. „На сей разъ“, пишетъ онъ, „Вотъ послалъ въ намъ гр. Ал. Петр. Толстаго, моего стариннаго пріятеля—во всѣхъ смыслахъ этого слова. Мы сошлись съ нимъ в. хорошо. Я сдѣлалъ для него все, что могъ, чтобы отдать должный почетъ при встрѣчѣ и при первомъ свиданіи. И онъ, съ своей стороны, былъ крайне предупредителенъ, не допускалъ даже, чтобы я беспокоился посѣщать его, а самъ жаловалъ ко мнѣ, когда мнѣ желалось его видѣть. Въ воскресенье, 11 ч., мы служили для него номинальную обѣдню: патриархъ, его наиѣстникъ, я и еще два архіерей; на панихиду присоединилось еще два. Графу, который передъ обѣдней пожалованъ былъ патриархомъ въ кавалери св. гроба, очень трогательною, величественною показала эта греко-русская служба: она, и въ самомъ дѣлѣ, была великолѣпна. Послѣ обѣдни мы вмѣстѣ обѣдали у патриарха. Тяжеленько было мнѣ, послѣ обѣдни, которая началась въ 7 часу утра и продолжалась 3¼ часа, еще занимать всѣхъ въ продолженіе обѣда. Но пріятно было имѣть графа свидѣтелемъ того вниманія и предупредительности, съ какими относятся ко мнѣ здѣшняя іерархія. А еще лучше, что графъ, самъ гр. Ал. П.—тѣ, на замѣчаніе мое о мисіи, замѣтилъ, что „если бы и вездѣ

мигъ о покойномъ мѣстечкѣ. Но въ такомъ дѣлѣ... было бы низко хлопотать о томъ, мягко ли сидѣть. Не спору, можно бы найти нѣспособнѣй меня,—нашли ли бы потерпѣливѣй и, простите, поустойчивѣй: право, не самохвалство. Особенно теперь нельзя. Тутъ вышелъ на сцену вѣковой вопросъ, не только чужой, но и домашній. Ужели бросить на половинѣ и окончательно погубить рясу?... Нѣтъ, теперь я бы не счелъ за лучшее самую лучшую епархію. Надо довести дѣло до конца. Господь дивно строитъ Свое дѣло; будемъ дѣлать свое: претерпѣвый до конца спасенъ будетъ, особенно терпѣнціей не за себя" 1).

Послѣднія слова краснорѣчиво показываютъ, что колебаніе только минутами овладѣвало духомъ преосв. Кирилла, постояннымъ же настроеніемъ его была глубокая вѣра въ святость и правоту дѣла, которому онъ служилъ, твердая рѣшимость вести борьбу съ противниками этого дѣла.

Но борьба, къ сожалѣнію, была совершенно непосильная. Преосв. Кириллъ былъ одинокъ, а противники его были многочисленны; онъ не находилъ себѣ никакой поддержки даже у тѣхъ, за дѣло которыхъ онъ боролся, а противники его имѣли многихъ и сильныхъ покровителей, и часть отъ часу все болѣе и болѣе умножалась 2); наконецъ, преосв. Кириллъ долженъ былъ постоянно отписываться, сидя въ Иерусалимѣ; между тѣмъ какъ противники его часто бывали въ Петербургѣ, распространяли о немъ, образъ его жизни и дѣятельности всевозможные, болѣею частію пре-

утверждено было правиломъ для монаховъ—не есть мяса, для Иерусалима слѣдовало бы сдѣлать исключеніе, потому что здѣсь есть нечего". Такъ-то проходятъ времена и измѣняются понятія и фразы"!!

1) См. Рус. Стар. 1890 г. LXV, январь, стр. 138.

2) „Но пишутъ выдѣстѣ“, читаемъ, напр., въ письмѣ его къ преосв. Макарію отъ 24 ноября 1859 года, „что, вромѣ старыхъ, обновляющихся, конечно, въ злобѣ, я нажилъ новыхъ заедатяхъ враговъ"... Рус. Ст. 1890 г., LXV, янв., стр. 136.

увеличенные слухи и тѣмъ самымъ возстановляли противъ него власть и общественное мнѣніе.

Все это прекрасно сознавать и самъ преосв. Кириллъ. Одно время онъ сильно желалъ лично отправиться въ Петербургъ именно затѣмъ, чтобы тамъ подробно и обстоятельно доложить о положеніи православія, русской миссіи въ Иерусалимѣ, о планахъ и способахъ дальнѣйшей своей дѣятельности на Востокѣ. Сильное желаніе отправиться съ этою именно цѣлю въ С.-Петербургъ преосв. Кириллъ выражалъ въ нарочитомъ письмѣ министру иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчакову отъ 17 марта 1859 г. „Люди недоброжелательные“, писалъ онъ здѣсь, „между которыми нашлись даже и такіе, что думаютъ, говорятъ и пишутъ, будто я добился своего мѣста кривыми путями, пользуются случаями внушать людямъ легковѣрнымъ, хотя и вліятельнымъ, равныя сомнѣнія на счетъ моего образа дѣйствій на Востокѣ. Не бѣда бы, если бы говорили только, что я перессорился съ Греками: письмо патріарха, читаемое въ Святейшемъ Синодѣ, можетъ ихъ успокоить. Не бѣда бы, если бы толковали о моей враждѣ съ латинами: толки эти скоро опровергнутся случайно узнаннымъ мною фактомъ, что одинъ изъ латинъ, именно генераль общины Dames de Lion издастъ книгу, которую посвящаетъ моему имени. Въ томъ бѣда, что опасаются, наконецъ, что я уже и церковныя правила способенъ нарушить... Не знаю, что подумаетъ духовное начальство мое, когда дойдетъ до его свѣдѣнія та часть моего донесенія, которая касается моихъ непоколебимыхъ убѣжденій относительно положенія восточной церкви и дѣла, которое предстоить здѣсь русскому православію... Думаю и не могу отогнать отъ себя мысли, что было бы весьма полезно, если бы я самъ лично могъ отстоять свои убѣжденія въ непосредственныхъ бесѣдахъ съ людьми, у которыхъ нѣтъ опредѣленной точки зрѣнія. Мысль о путешествіи въ С.-Петербургъ оставила-было меня на нѣсколько времени; ее побѣдилъ-было страхъ оста-

вить Иерусалимъ въ томъ положеніи дѣлъ, въ какомъ я нашелъ его, по возвращеніи изъ Дамаска. Теперь миновалъ этотъ страхъ, благодаря убѣжденію, что, при теперешнихъ условіяхъ, мое присутствіе въ Иерусалимѣ не поможетъ нашему общему горю, и мысль о Петербургѣ снова начинаетъ возникать. Вижу нужду, хотя, можетъ быть, и обманываюсь; желаю, хотя не смѣю просить“¹⁾.

Однако же желаніе преосв. Кирилла на сей разъ не осуществилось. Ему отвѣтили, что теперь неудобно ѣхать, и что нѣсколько позже сами вызовутъ его. „Увы“, писалъ онъ преосв. Макарію 24 ноября 1859 года, „не состоялось и мое путешествіе, на которое я весьма много рассчитывалъ въ отношеніи къ свиданію съ вами, столь для меня вождемъ. Пишутъ, что черезъ три-четыре мѣсяца сами будутъ просить пріѣхать: покорнѣйше благодарю; тогда лучше уже черезъ годъ“²⁾. Однако же и черезъ годъ и вообще совсѣмъ не состоялось путешествіе преосв. Кирилла въ С.-Петербургъ.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. Въ Иерусалимѣ воздвигались такъ называемыя русскія постройки, именно помѣщеніе для миссіи и русскихъ поклонниковъ. Преосв. Кириллъ совершенно не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Къ 1863 году устройство русскихъ богоугодныхъ заведеній въ Иерусалимѣ должно было закончиться. Возникалъ новый вопросъ объ управленіи и завѣдываніи вновь устроенными помѣщеніями. Русскій архіерей, стоявшій во главѣ іерусалимской миссіи, сильно стѣснялъ тѣхъ, которые хотѣли бы завѣдываніе поклонническими зданіями совершенно отдѣлить отъ духовной миссіи. Прежде только подразумевавшаяся мысль о неумѣстности назначенія начальникомъ миссіи епископа теперь впервые открыто высказывается. Предсѣдатель Палестинскаго Комитета, вѣдавшего дѣломъ построенія русскихъ богоугод-

¹⁾ См. С.-Петерб. арх. М. И. Д. за 1859 г. объ іерусалимской миссіи.

²⁾ См. Рус. Стар. 1890 г. LXV, январь, стр. 135—136.

ныхъ заведеній въ Иерусалимѣ, в. к. Константинъ Николаевичъ въ рескриптѣ на имя оберъ-прокурора Св. Синода выразилъ прямо необходимость устранить тѣ затрудненія, которыя происходятъ собственно отъ слишкомъ высокаго іерархическаго сана начальника іерусалимской миссіи и вмѣстѣ желаніе; чтобы преосвященный Мелитопольскій получилъ другое назначеніе, а духовная миссіи поставлена была подъ начальство благочестиваго и способнаго архимандрита. „Главная качества, которыя будутъ требоваться отъ настоятеля русской странноприимной лавры въ Иерусалимѣ“, говорилось въ особой запискѣ—проектѣ будущаго устройства русскихъ богоугодныхъ заведеній въ Иерусалимѣ, „должны быть: строгое благочестіе, твердость характера, умѣнье обращаться съ русскимъ простымъ народомъ и опытность въ дѣлѣ монастырскаго хозяйства. Отъ такого духовнаго лица не нужно вовсе требовать *ни въспрренной учености, ни улитнья вынести условія общительности съ иностранцами, ни даже познанія греческаго и арабскаго языковъ*“¹⁾. Настоятель будетъ имѣть дѣло съ русскими поклонниками въ предѣлахъ русской обители“²⁾...

Такъ ясно и открыто была высказана мысль о необходимости отозванія преосв. Кирилла изъ Иерусалима въ началѣ 1863 года. Намъ лично кажется, что для преосв. Кирилла было бы лучше всего, если бы ему въ это время дали какое-либо другое назначеніе, взявъ его изъ Иерусалима.

Но этого не случилось и именно потому, что за преосв. Кирилла вступилось министерство иностранныхъ дѣлъ, которое въ свое время избрало его, было довольно его дѣятельностію и потому теперь рѣшительно высказалось противъ

¹⁾ Подчеркиваемъ эти слова, заключающія очевидный намекъ на преосв. Кирилла..

²⁾ См. Собраніе мѣстныхъ и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востока стр. 398. 401.

Преосв. Кириллъ Наумовъ.

отозванія его изъ Иерусалима въ особой запискѣ, представленной въ Св. Синодъ.

Въ виду особенной важности этой записки для характеристики дѣятельности преосв. Кирилла на православномъ Востокѣ и для оцѣнки послѣдующихъ событій въ его жизни, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь тѣ части записки, гдѣ идетъ рѣчь о преосв. Кириллѣ. „Министерство иностранныхъ дѣлъ“, читаемъ здѣсь, „основываясь на донесеніяхъ своихъ агентовъ и на политическихъ соображеніяхъ, не находятъ присутствіе епископа Мелитопольскаго въ Иерусалимѣ, во главѣ духовной миссіи, излишнимъ и тѣмъ менѣе вреднымъ. Преосвященный Кириллъ принялъ самое дѣятельное и успѣшное участіе въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ къ православію, равно какъ и въ другихъ не менѣе важныхъ духовно-политическихъ вопросахъ, и умѣлъ сохранить постоянно самыя дружественныя и благопріятныя отношенія къ патріархамъ и къ прочему высшему православному духовенству. Насколько начальникъ іерусалимской миссіи соответствуетъ своему посту чисто съ духовной точки зрѣнія и необходимо ли въ этомъ отношеніи замѣнить его другимъ лицомъ, можетъ рѣшить лишь высшее духовное начальство; но во всякомъ случаѣ министерство иностранныхъ дѣлъ полагаетъ, что отозваніе изъ Иерусалима епископа Кирилла и замѣщеніе его архимандритомъ представитъ много неудобствъ, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, что подобное распоряженіе будетъ имѣть видъ рѣзкаго, слишкомъ крутого оборота дѣла и затруднитъ сношенія духовной миссіи съ восточными православными іерархами... Итакъ, не находя съ политической точки зрѣнія отозваніе преосв. Кирилла и замѣщеніе его другимъ епископомъ или архимандритомъ необходимымъ, или полезнымъ, министерство иностранныхъ дѣлъ предоставляетъ окончательное разсмотрѣніе и разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ духовномъ отношеніи Св. Синоду“¹⁾.

¹⁾ См. арх. Св. Синода 1857 г., д. № 4214.

Преосв. Кириллъ не былъ отозванъ на этотъ разъ изъ Иерусалима и остался на своемъ мѣстѣ, впрочемъ, весьма не надолго. Смѣемъ думать, что послѣ того, какъ противникамъ его не удалось добиться его отозванія изъ Иерусалима въ виду его „слишкомъ высокаго іерархическаго положенія“, были приняты другія мѣры, оказавшіяся болѣе успѣшными для достиженія преднамѣренной цѣли, повлекшія однако же за собою слишкомъ трагическую развязку всей дѣятельности преосв. Кирилла на Востокѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года отъ Иерусалимскаго консула г. К. поступило въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ официальное донесеніе „объ образѣ жизни“ начальника духовной Иерусалимской миссіи, въ которомъ разсказывались, большею частію, на основаніи слуховъ факты изъ жизни и поведенія преосв. Кирилла слишкомъ мрачнаго свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ набрасывалась сильная тѣнь на добрыя отношенія, установившіяся между греческимъ духовенствомъ и преосв. Кирилломъ; выходило такъ, что „греческое духовенство“, будто бы, „дорожило такимъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, который своимъ поведеніемъ лишилъ себя всякаго права на самостоятельность, служить въ рукахъ ихъ безсловеснымъ и покорнымъ орудіемъ для всего, чего они только могутъ добиться чрезъ знакомства и связи его въ Россіи и Константинополь“. Донесеніе консула заканчивалось такими словами: „въ заключеніе считаю долгомъ присовокупить, что если императорское министерство благоволитъ принять настоящее мое донесеніе во вниманіе и сдѣлать распоряженіе объ отозваніи изъ Иерусалима епископа Кирилла, *то я считалъ бы болѣе полезнымъ для единства нашихъ дѣйствій и русскихъ интересовъ въ Палестинѣ новымъ начальникомъ духовной миссіи назначить не епископа, а архимандрита, известнаго не одними только умственными способно-*

стями, но и добрыми, честными поведением и строгою прилежною жизнью“, т. е. другими словами, преосв. Кирилла желали во что бы то ни стало убрать из Палестины, такъ какъ онъ мѣшалъ и стѣснялъ своимъ „слишкомъ высокимъ іерархическимъ саномъ“ и авторитетомъ¹⁾.

Донесеніе консула было доложено Государю Императору, которому было благоугодно сдѣлать на немъ такую отмѣтку: „крайне грустно, если все это правда. Но и слуховъ сихъ было бы достаточно, чтобы не оставить его на мѣстѣ“.

Тогда министерство иностранныхъ дѣлъ отнеслось къ св. Синоду, который опредѣленіемъ своимъ отъ 19/21 іюня постановилъ: „предоставить г. синодальному оберъ-прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на слѣдующія предположенія: 1) епископа Кирилла отъ занимаемой имъ должности начальника духовной нашей миссіи въ Іерусалимѣ уволить; 2) за неимѣніемъ въ настоящее время вакантной епархіальной кафедръ, назначить преосвященнаго Кирилла, до времени, въ распоряженіе архіепископа Казанскаго Аѳанасія, предоставить ему, преосвященному Кириллу, имѣть помѣщеніе въ находившемся въ завѣдываніи викарія Казанской епархіи Казанскомъ Спасо-Преображенскомъ второклассномъ монастырѣ, съ управленіемъ онымъ, и получать на содержаніе настоятельскій по означенному монастырю окладъ 164 р. 6 к. сер. и сверхъ сего, остающійся свободнымъ окладъ содержанія викарія Казанской епархіи, въ количествѣ 857 р. 70 к. сер., всего тысячу двадцать одинъ рубль семьдесятъ шесть коп. сер.; 3) затѣмъ избрать въ званіе начальника іерусалимской духовной миссіи лице въ санѣ архимандрита“²⁾.

¹⁾ См. арх. Св. Сна. по записк. оберъ-прок. 1863 г. отд. II, д. № 160.

²⁾ См. Собраніе мѣстныхъ и отъѣзжихъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокахъ, стр. 406—407.

Это синодальное опредѣленіе было Высочайше утверждено 22 іюня 1863 года, а 28 іюня сообщено преосв. Кириллу, которымъ оно было получено только въ августѣ мѣсяцѣ того же года.

Впрочемъ, слухъ объ отозваніи преосв. Кирилла изъ Іерусалима, при томъ именно какъ о карательной мѣрѣ въ отношеніи къ нему, достигъ Іерусалима гораздо раньше и, по собственному выраженію его въ письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода отъ 22 августа 1863 года, „торжественно разглашался по стогнамъ Іерусалима со стороны находившихся здѣсь агентовъ враждебной ему партіи“¹⁾.

Само собою разумѣется, что официально полученное распоряженіе объ отозваніи изъ Іерусалима произвело крайне удручающее впечатлѣніе на преосв. Кирилла. Подъ вліяніемъ толковъ и разговоровъ, которые распространялись предъ тѣмъ въ св. градѣ противниками преосв. Кирилла, этому послѣднему естественно было посмотреть на распоряженіе высшаго церковнаго правительства, какъ на мѣру наказанія. Такъ, дѣйствительно, онъ и посмотрѣлъ на указъ Св. Синода отъ 22 іюня 1863 года и потому 22 августа письменно обратился къ г. синодальному оберъ-прокурору за разъясненіями по поводу его отозванія изъ Іерусалима и командированія въ распоряженіе Казанскаго архіепископа. Смотря на такое распоряженіе правительства, какъ на свое осужденіе, преосв. Кириллъ просилъ, чтобы ему объявили, кто его обвинители и въ чемъ его обвиняютъ, чтобы ему было предоставлено право оправдаться во введённыхъ на него обвиненіяхъ и притомъ „черезъ посредство восточныхъ патріарховъ и іерарховъ, бывшихъ свидѣтелями его шестилѣтней службы на ихъ глазахъ и имѣвшихъ возможность устроить правильный судъ на строгомъ основаніи церковныхъ правилъ, требующихъ изслѣдованія дѣла двѣнадцатью архіереями“, чтобы ему было предо-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 407.

ставлено право остаться на Востокъ, „подъ кровомъ священ-ныхъ патріаршихъ престоловъ, пока онъ не будетъ оправданъ законнымъ судомъ и честь его, какъ епископа русскаго, будетъ ограждена“, и чтобы, наконецъ, въ случаѣ рѣшительнаго увольненія его отъ должности начальника миссін, ему была назначена достаточная пенсія, соответственно прежнимъ заслугамъ по службѣ въ Россіи и на Востокъ¹⁾.

Письмомъ отъ 26 сентября 1863 г. синодальный оберъ-прокуроръ А. П. Ахматовъ старался разъяснить преосв. Кириллу, что онъ неправильно понялъ состоявшееся о немъ рѣшеніе, какъ мѣру наказанія и осужденія въ отношеніи къ нему. „О судѣ и осужденіи вѣтъ рѣчи; слѣдовательно, излишне и оправданіе. Для замѣщенія вась, какъ начальника іерусалимской миссін, не было надобности прибѣгать къ суду; занятіе этого мѣста есть только временное порученіе, даваемое по взаимному согласію церковной и гражданской власти, и ею же прекращаемое, по признанію въ томъ надобности и пользы. Никакое другое возрѣніе непримѣнимо, и, при спокойномъ обсужденіи, вы, конечно, сами изволите въ томъ сознаться. Соглашатель въ этомъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Святѣйшій Синодъ, съ Высочайшаго одобренія, нашелъ нужнымъ измѣнить составъ іерусалимской миссін, имѣя впрядь во главѣ ея не епископа, а архимандрита; вызывая вась на служеніе отечественной церкви, онъ назначилъ вамъ, при достаточныхъ средствахъ содержанія, за неимѣніемъ вакантной епархіи, и почетное мѣстопробываніе въ одномъ изъ первыхъ городовъ Россіи, гдѣ для вашихъ ученыхъ занятій могутъ служить достаточнымъ пособіемъ академическія и университетскія средства... Гдѣ же тутъ кара и рядъ наказаній?.. Письмо оберъ-прокурора заканчивалось,

¹⁾ Письмо напечатано, хотя и съ некоторыми пропусками (см. подлинное въ арх. Св. Сн. по канцеляріи оберъ-прок. 1863 г., отд. II, д. № 160) противъ подлинника, тамъ же, стр. 407—409.

между прочимъ, такими словами: „рѣшеніе правительства и распоряженія Святѣйшаго Синода ни въ какомъ случаѣ измѣнены быть не могутъ“¹⁾.

Письмо это, полученное преосв. Кирилломъ въ ноябрѣ 1863 года, повидимому, нисколько не успокоило его. 17 ноября того же года онъ обратился къ А. П. Ахматову съ новымъ письмомъ, въ которомъ по-прежнему доказывалъ, что состоявшееся о немъ рѣшеніе есть тягчайшее наказаніе для него, наложенное безъ суда, и въ заключеніи котораго просилъ „обратить вниманіе на его бумагу отъ 22 августа и оказать ему милостивое содѣйствіе въ его просьбахъ, законности которыхъ никакой юристъ, никакая судебная инстанція, никакой посредствующій судъ не могли бы не признать“, т. е. другими словами, преосв. Кириллъ по-прежнему просилъ и искалъ формальнаго суда надъ собою²⁾.

Такъ создался фактъ, который самъ митрополитъ Филаретъ признаетъ „безпримѣрнымъ“³⁾ и „печальнымъ явленіемъ въ іерархіи“⁴⁾.

Спокойное разрѣшеніе вопроса затруднилось и осложнялось еще немало и тѣмъ, что въ такомъ или иномъ исходѣ его были заинтересованы разные вѣдомства и, чего трудно было ожидать, за преосв. Кирилла вступилась греческая іерархіи въ лицѣ Іерусалимскаго патріарха и его синода.

Прежде всего, самъ преосв. Кириллъ одновременно съ первымъ своимъ письмомъ на имя г. синодальнаго оберъ-

¹⁾ Напечатано тамъ же стр. 409—410. Прежде отпращенія по назначенію, письмо это А. П. Ахматовъ послалъ для просмотра митрополиту Филарету, который не нашелъ въ немъ „сомнѣній и признавъ отвѣтомъ твердымъ и благорасположеннымъ“. См. Собраніе мѣній и отвѣзовъ митрополита Филарета по учебнымъ и церк.-госуд. вопросамъ, т. V, ч. I, стр. 453—454.

²⁾ Напечатано въ Собраніи мѣній и отвѣзовъ митрополита Филарета по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ, стр. 410—415.

³⁾ См. тамъ же, стр. 415.

⁴⁾ См. Собр. мн. и отв. митрополита Филарета по учебн. и церковно-госуд. вопросамъ, т. V, ч. I, стр. 461.

прокурора отправилъ письмо и къ министру иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчакову. Въ этомъ письмѣ, указавъ на то, что самъ преосв. Кирилль въ свое время отказывался отъ назначенія въ Иерусалимъ, которому (назначенію) „напряженнѣйше“ противодействовалъ и митрополитъ Григорій, что назначеніе его устроилось главнымъ образомъ благодаря ему, князю, который былъ затѣмъ „постояннымъ ближайшимъ благосклоннымъ и милостивымъ свидѣтелемъ его носильныхъ трудовъ на Востокъ“, преосв. Кирилль просилъ князя о милостивой поддержкѣ предъ Св. Синодомъ, у котораго онъ просилъ пенсіи и разрѣшенія остаться, по крайней мѣрѣ, въ теченіе извѣстнаго времени на Востокъ. „Я взять былъ за границу изъ духовной академіи“, писалъ, между прочимъ, преосв. Кирилль, „въ самый разгаръ моей учено-литературной дѣятельности, которой отдавался съ жаромъ и которую цѣнили много. Шестъ лѣтъ политической дѣятельности на Востокъ дали нѣсколько новое направленіе моей мысли и моему перу, но дѣятельность, какъ ни затруднялась, не терялась. Теперь мнѣ указываютъ монастырь, *безъ дѣла*, съ ожиданіемъ указанія занятій по личному усмотрѣнію мѣстнаго архіепископа. Войдите, ваше сіятельство, человѣколюбиво въ мое положеніе... Я преосвященнаго Казанскаго лично знаю и глубоко уважаю его. Но если, вынуждаясь ѣхать въ Казанскій монастырь, я не умру на дорогѣ, то мое пребываніе въ Казани будетъ для него казнь и убійство; и онъ не въ состояніи будетъ равнодушно видѣть, *какъ на рукахъ у него гибнетъ человекъ*, котораго онъ не не зналъ и не не цѣнилъ. Трудно, конечно, было бы возвратитъ мнѣ мою училищно-служебную дѣятельность, отъ которой такъ внезапно взять я былъ шесть лѣтъ назадъ. Но я объ этомъ настоятельно и не прошу. Прошу въ отношеніи къ своему прошлому объ одномъ только: вмѣнить мнѣ мою 16-тилѣтнюю службу, весьма разнообразную, и назначить какую-либо пенсію... Я бы усиленнѣйше просилъ, чтобы позволено было

повскачь (тихаго) уголка, по крайней мѣрѣ, до весны, здѣсь, на Востокъ. Не скрою отъ человѣколюбиваго взора вашего сіятельства, что послѣднія вѣсти немало потрясли меня и разстроили мое здоровье, не потерявшее отъ неприятностей и отъ двухъ-годичныхъ почти страданій печени“¹⁾...

Великія страданія слышатся во всѣхъ этихъ словахъ и мольбахъ, которыми преосв. Кирилль искалъ пощады у своего начальства. Но если безъ боли и глубокаго сочувствія нельзя даже читать словъ, выливавшихся изъ наболѣвшей, истерзанной, униженной души, то тѣмъ болѣе, разумѣется, видъ страдающаго начальника русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ долженъ былъ вызывать сочувствіе къ нему у тѣхъ лицъ, которыя были непосредственными свидѣтелями и наблюдателями этихъ страданій. Греческая іерархія, начиная съ іерусалимскаго патріарха, все іерусалимское общество и даже сами иновѣрцы сочувствовали горю начальника нашей миссіи.

Еще въ августѣ 1863 года іерусалимскій патріархъ обращался къ одному изъ чиновниковъ нашего константинопольскаго посольства съ вопросами по поводу дошедшихъ до него слуховъ изъ Иерусалима о томъ, что, будто бы, начальникъ нашей духовной миссіи, преосв. Кирилль, получилъ, приказаніе отъ Св. Синода возвратиться въ Россію и ѣхать прямо въ Казань, а на его мѣсто назначается, будто бы, архим. Антоній. При этомъ патріархъ одобрительно отзывался о преосв. Кириллѣ, который, по его словамъ, хотя и имѣлъ слабость, но не производилъ соблазна, а, напротивъ, „подавалъ примѣръ истиннаго благочестія и строгаго исполненія своихъ обязанностей“²⁾.

¹⁾ См. тамъ же, стр. 459—460.

²⁾ См. письмо Поникова къ гр. Игнатьеву П. П. отъ 27 авг. 1863 г. въ арх. Св. Сн. по канц. оберъ прок. 1863 г., отд. II, д. № 160.

Вскорѣ послѣ того іерусалимскій патріархъ снова явился въ наше Константинопольское посольство, при чемъ выражалъ свое желаніе непосредственно отъ себя ходатайствовать предъ нашимъ Св. Синодомъ о „смягченіи едѣланныхъ распоряженій касательно преосв. Кирилла“, питая надежду, „что, быть можетъ, Св. Синоду благоугодно будетъ, во уваженіе къ личному предстательству и сѣдинамъ его блаженства, предоставить епископу Мелитопольскому епархію, или, по крайней мѣрѣ, мѣсто викарнаго архіерея“¹⁾.

Въ нашемъ посольствѣ совѣтовали іерусалимскому патріарху не вмѣшиваться въ дѣло, которое относится всецѣло къ юрисдикціи Св. Синода и къ области внутренняго управленія русской церкви. Патріархъ сначала согласился съ этимъ, но спустя нѣкоторое время, 12 сентября снова я уже письменно просилъ наше Константинопольское посольство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ если не объ оставленіи преосв. Кирилла въ Іерусалимѣ, то, по крайней мѣрѣ, объ облегченіи его тяжелой участи²⁾.

Но члены патріаршаго синода въ Іерусалимѣ поступили иначе. Они обратились непосредственно отъ себя къ нашему Св. Синоду и къ министру иностранныхъ дѣлъ, кн. А. М. Горчакову съ посланіями и въ нихъ просили не отзываться изъ Іерусалима начальника русской духовной миссіи, епископа Мелитопольскаго, котораго они при этомъ характеризуютъ, какъ „мужа, одареннаго обширнымъ умомъ, украшеннаго многими евангельскими добродѣтелями, чѣмъ онъ достойно заслужилъ всеобщую любовь, своимъ же добрымъ и благоразумнымъ со всѣми обращеніемъ, добродѣтельнымъ же и благочестивымъ поведеніемъ приобрѣлъ отечеству и церкви, которымъ принадлежатъ, великую честь и уваженіе“³⁾, какъ

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ Изъ посланія къ кн. Горчакову.

„мужа кроткаго, смиреннаго, благопристойнаго въ своихъ дѣйствіяхъ и вѣжливаго въ обращеніи, чѣмъ заслужилъ любовь и уваженіе не только у нихъ, но и у самого мѣстнаго начальства и вообще всего общества“, какъ „архіерея, подерживавшаго и понынѣ поддерживающаго достоинство русской церкви“¹⁾.

Даже почетные жители г. Іерусалима, во главѣ съ кадіемъ, просили русскаго министра иностранныхъ дѣлъ объ оставленіи въ св. градѣ преосв. Кирилла, съ которымъ они, по ихъ словамъ, „находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и въ которомъ никто никогда не видѣлъ другихъ чувствъ, кромѣ совершеннѣйшей благосклонности и благодушія, и ничего такого, чего бы нельзя было назвать поведеніемъ, недостойнымъ уваженія. Онъ соединялъ съ этими качествами дружественное расположеніе ко всѣмъ вообще, большимъ и малымъ, показывалъ во всѣхъ случаяхъ великую разсудительность и большое знаніе всѣхъ дѣлъ... находился съ нами всегда въ самыхъ пріязненныхъ и добрыхъ отношеніяхъ, и, кромѣ того, что одаренъ великими познаніями и одушевленъ благосклоннѣйшими чувствами ко всѣмъ, приобрѣлъ совершенное знакомство съ обстоятельствами и дѣлами края“²⁾.

Тяжелое и непріятное положеніе, въ какомъ оказался начальникъ русской духовной миссіи, вызывало сочувствіе къ нему даже въ противникахъ его по миссіонерской дѣятельности, въ представителяхъ инославныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ св. землѣ. Такъ, въ извѣстіяхъ изъ Іерусалима отъ 6 сентября 1863 года, въ № 257 французскаго клерикальнаго журнала „Le Monde“, были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія сочувственныя строки: „бѣдный русскій епископъ, водворенный въ Іерусалимѣ назадь тому 4 или 5

¹⁾ Изъ посланія къ Св. Синоду. Оба посланія датированы 15 августа 1863 г.

²⁾ См. тамъ же; датировано 21 джемагиль-ахиръ 1280.

дѣтъ съ такимъ торжествомъ и шумомъ, нынѣ исполняетъ тамъ весьма плачевную роль. Влиятельнѣйшіе соотечественники этого іерарха ведутъ противъ него глухую борьбу. Увѣряютъ, что его противники успѣли совершенно повредить ему въ С.-Петербургѣ, поговариваютъ даже объ окончательномъ отозваніи этого епископа. Для ослабленія дурного впечатлѣнія, какое произведетъ его отъѣздъ, преосв. Кириллъ намѣренъ въ скоромъ времени оставить Іерусалимъ подъ предлогомъ путешествія для поправленія своего здоровья и распространенія вѣры въ Бейрутѣ и Дамаскѣ, но въ сущности, чтобы тихомолкомъ возвратиться въ С.-Петербургу и защитить свое дѣло предъ Императрицею, которая покровительствуетъ ему... Со дня водворенія здѣсь русскаго епископа происходитъ болѣе или менѣе открытая, но постоянная борьба между нимъ и разными консулами его народа, смѣнявшимися въ Палестинѣ, и, не взирая на всю ловкость и изворотливость, на поддержку, оказываемую ему людьми высокопоставленными при Дворѣ, преосв. Кириллъ изнемогаетъ. Бѣдный епископъ, конечно, забылъ, что онъ не больше, какъ должностное лицо, подверженное смѣщенію, и что для удержанія созданнаго имъ себѣ положенія въ Іерусалимѣ должно умѣть быть гибкимъ. Говорятъ, что, будто бы, заступъ русскаго архитектора способствовалъ столько же, какъ и консульское перо, ниспроверженію православнаго іерарха¹⁾.

Въ то время какъ Іерусалимъ такъ волновался по поводу слуховъ объ отозваніи русскаго епископа, котораго, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ сейчасъ выписокъ, многіе уважали и даже любили, и у насъ, въ Россіи, особенно въ Петербургѣ были немало озабочены дѣломъ преосв. Кирилла. Отчасти на основаніи писемъ самого преосв. Кирилла къ г. синодальному оберъ-прокурору, въ которыхъ онъ, между прочимъ, просилъ, до окончанія суда надъ нимъ

¹⁾ См. тамъ же.

(о чемъ онъ самъ просилъ), разрѣшенія остаться ему на Востокѣ, а еще болѣе на основаніи слуховъ, распространившихся въ Россіи его противниками, въ Петербургѣ возникло мнѣніе, что преосв. Кириллъ совсѣмъ не желаетъ ѣхать въ Россію, отказывается повиноваться Св. Синоду. Подобное мнѣніе существовало одно время даже при Дворѣ.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Преосв. Кириллъ, дѣйствительно, рѣшилъ остаться въ Іерусалимѣ до весны 1864 года, но не по чему-нибудь иному, какъ только по тому, что, во-первыхъ, ожидавъ отвѣта изъ Св. Синода на свои просьбы и, во-вторыхъ, боялся отпра-виться въ далекое путешествіе зимою. Въ Святѣйшемъ же Синодѣ дѣло преосв. Кирилла замедлилось рѣшеніемъ вотъ почему. Письма его на имя г. синодальнаго оберъ-прокурора были переданы на разсмотрѣніе и для отзыва Московскому митрополиту Филарету. Послѣдній представилъ свой отзывъ только 9 декабря 1863 года. Въ своемъ отзывѣ онъ, признавъ всѣ просьбы и домогательства преосв. Кирилла незаконными и незаслуживающими удовлетворенія, а нѣкоторыя выраженія его предосудительными, совѣтовалъ принять въ отношеніи его пока „мѣру снисходительную и охранительную“. По мнѣнію митрополита Филарета, первенствующій членъ Св. Синода долженъ былъ конфиденціальнымъ отношеніемъ „изяснить преосв. Кириллу, что его поступки и отношенія могутъ, по церковнымъ правиламъ и законамъ, подвергнуть его немаловажной отвѣтственности, но что Св. Синодъ желаетъ его предохранить отъ сего, и потому убѣждаетъ его, чтобы онъ неукоснительно оказалъ послушаніе Св. Синоду и, если затрудняется перемѣнить климатъ, то, по крайней мѣрѣ, прибылъ въ Крымъ или въ Одессу, и донесъ о семъ Св. Синоду, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если имѣетъ какія просьбы, принесъ ихъ Св. Синоду въ установленной законами формѣ. Сіе дало бы Св. Синоду возможность такъ-вымъ просьбамъ дать законное движеніе и покрыть снисхожде-

нием то, что есть неправильнаго въ отношеніяхъ 22 августа и 17 ноября“¹⁾).

Еще прежде обсужденія всего этого дѣла въ Св. Синодѣ сдѣлана была попытка оказать воздѣйствіе на преосв. Кирилла чрезъ свѣтскую власть и побудить его скорѣе возвратиться изъ Іерусалима въ Россію. Въ этомъ именно смыслѣ происходила бесѣда между однимъ изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ и преосв. Кирилломъ 6—7 февраля 1864 года. Преосв. Кириллъ поручилъ тогда своему собесѣднику объяснить въ С.-Петербургѣ, что онъ „не могъ до 7 февраля и не можетъ выѣхать изъ Іерусалима, по содержанію самыхъ бумагъ, полученныхъ имъ изъ Св. Синода. Хотя указъ объ отозваніи въ Россію былъ полученъ имъ въ августѣ 1863 года, но необходимыя деньги на путевыя издержки доставлены были ему только въ послѣднихъ числахъ октября; на счетъ сдачи миссіи въ предписаніи Св. Синода было сказано, что онъ, преосв. Кириллъ, долженъ сдать миссію кому будетъ указано, а этого указанія онъ до 7 февраля не получалъ и, слѣдовательно, не считалъ себя въ правѣ оставить Іерусалимъ. Сверхъ того, онъ находитъ рѣшительное препятствіе къ оставленію своего поста въ Іерусалимѣ въ томъ, что онъ не получалъ еще до 7 февраля отвѣта на важныя письма, адресованныя имъ на имя г. оберъ-прокурора Св. Синода. При этомъ преосв. Кириллъ прибавилъ, что вообще онъ считалъ себя не въ правѣ выѣзжать изъ Іерусалима впредь до разрѣшенія возбужденныхъ имъ вопросовъ, но что ему никогда и не приходило въ голову вовсе не возвращаться въ Россію, какъ объ этомъ былъ распущенъ слухъ“²⁾).

¹⁾ См. Собраніе мѣстныхъ и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востоѣ, стр. 415—419.

²⁾ См. арх. Св. Синода по канцеляріи оберъ-прокурора 1863 г. отд. II, д. № 160.

Объ этомъ отвѣтъ преосв. Кирилла на вопросъ, почему онъ не возвращается въ Россію, было доведено до свѣдѣнія Государя Императора и сообщено г. синодальному оберъ-прокурору.

Тогда Св. Синодомъ были сдѣланы необходимыя распоряженія касательно сдачи преосв. Кирилломъ архива, имущества и всего вообще, относящагося до управления нашею духовною миссіею въ Іерусалимѣ. Распоряженія эти были переданы преосв. Кириллу нашимъ консуломъ въ Іерусалимѣ 7 марта 1864 года. Но и на этотъ разъ преосв. Кириллъ, какъ доносилъ объ этомъ консулъ Константинопольскому посольству 10 марта, объявилъ, что онъ „не можетъ выѣхать изъ Іерусалима, не сдѣлавъ Св. Синоду нѣсколько весьма короткихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ ему необходимо, что, немедленно по полученіи изъ С.-Петербурга нужныхъ ему отвѣтовъ, онъ болѣе не станетъ задерживать своего отъѣзда, но при этомъ отказался назначить, по крайней мѣрѣ, день, въ который онъ могъ бы сдать консулу архивъ миссіи“¹⁾).

Между тѣмъ Св. Синодъ въ засѣданіи 16 марта 1864 года, выслушавъ письма преосв. Кирилла и оберъ-прокурора, вмѣстѣ съ отзывомъ митрополита Филарета, постановили: „внушить епископу Кириллу Мелитопольскому, чтобы онъ немедленно слѣдовалъ къ мѣсту назначенія, съ созволенія Его Императорскаго Величества, указаннаго“²⁾).

По полученіи этого послѣдняго внушенія, преосв. Кириллъ оставилъ Іерусалимъ. Въ концѣ апрѣля 1864 года онъ былъ уже въ Константинополѣ. 25 апрѣля онъ, по собственнымъ его словамъ въ письмѣ къ петербургскимъ роднымъ, „отслужилъ съ великимъ удовольствіемъ для себя

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. Собр. мѣст. и отв. митрополита Филарета по дѣламъ прав. церкви на Востоѣ, стр. 419.

и къ великому удовольствію другихъ въ посольской церкви съ 4 архимандритами (изъ нихъ—три грека)¹⁾.

7 іюля, наканунѣ праздника въ честь Казанской иконы Божіей Матери, онъ былъ уже въ Казани. Преосв. архіепископъ Казанскій принялъ своего, давно ожидавшагося имъ, гости весьма ласково. „Спасибо и обществу Казанскому всѣхъ слоевъ“, писалъ преосв. Кирилль Макарію Булгакову 2 августа 1864 года, „и оно всячески старается приласкать и приголубить странника и пришельца. Сначала-то присматривались ко мнѣ, какъ къ диву какому заморскому, а теперь и любить немножко начинаютъ“²⁾.

Въ Казани преосв. Кирилль прожилъ около 1½ года. Прибывъ въ Казань не вполне здоровымъ, онъ во все время своей жизни здѣсь былъ постоянно боленъ, почему очень рѣдко служилъ; но при богослуженіи, не смотря на болѣзненное свое состояніе, бывалъ неопустительно. Отъ предложенія, сдѣланнаго ему архіеп. Аванасіемъ, быть викаріемъ Казанской епархіи, онъ рѣшительно отказался и до самой смерти не принималъ никакого участія въ дѣлахъ епархіи. Образъ жизни онъ велъ чисто постнической и питался однимъ только киселемъ. Скончался онъ 10 февраля 1866 года въ ч. 6 в. на 42 г. отъ рожденія. Легши послѣ обѣда, по обыкновенію, отдохнуть, онъ уже не вставалъ болѣе, а въ 8 ч. в. найденъ былъ уже похолодѣвшимъ, почему и предполагаютъ, что онъ умеръ около 6 ч. в. Погребеніе его было совершено въ 13 день по его кончинѣ, 23 февраля. Отиѣваніе его было совершено въ Казанскомъ кафедральномъ соборѣ, а землѣ предано тѣло его въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ жилъ и которымъ управлялъ, въ церкви св. муч. Кипріана и Іустиніи.

¹⁾ Изъ невѣданнаго письма.

²⁾ См. Рус. Стар. 1890 г., сентябрь, стр. 196.

Замѣченныя опечатки.

Стран. Строна.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
26 3 сн.	церковь	константинопольская патриархія.
27 7 сн.	имперіи	исторіи.
32 12 св. и 5 сн.	истекающаго	XIX
35 16 сн.		
53 5 сн.		
265 15 сн.		
34 3 сн.	пропедиаго	XVIII
41 8—7 сн.	въ исполненіи	къ исполненію
55 10 св.	} видѣли	видимъ.
56 4 св.		
63 4 сн.	свѣтскимъ	свѣтскихъ
64 4 сн.	тѣмъ	тѣми
86 6 св.	обратится	обратиться
88 прим. 4	богов.	догов.
89 12 св.	сирійскою палестинскою	сирійско-палестинскою
91 8 св.	Россіей	Турціей
— 8 сн.	ругательства	ручательства
92 8 сн.	авріонопольскаго	адринопольскаго
95 10 св.	представляли	предоставляли
96 14—15 и 5 сн.	поселенію	населенію
100 9 сн.	преобразователей	преобразователей
101 10 сн.	ему	ей
107 8 св.	говорили	говорилъ
134 2—3 св.	онъ не возбуждалъ	они не возбуждали
151 13 сн.	паствы	паствъ
242 3 сн.	которыми	которымъ
259 7 св.	совокупными усиліями	совокупнымъ усиліямъ

Стран. Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
260 15 сн.	іерусалискимъ	іерусалискомъ
269 3 св.	дѣло	дѣло ¹⁾
270 8 св.	1851	1858
276 11 св.	его	ея
282 10 св.	нашей	нашей
294 2 сн.	догмата	догматовъ
299 прим. 1 ст. 3 сн.	Сиріи	Сирію
303 7 сн.	Святаго	Святаго
308 14 сн.	при соединеніи	возсоединенія
311 10 св.	обратилъ	обративъ
313 15 сн.	утверждалъ	утверждалъ
336 1 сн.	состояло	состояла
383 въ заглав. 3 св.	бытовъ	быта.